

Дарюс Сталюнас

Польша или Русь?

Литва в составе Российской
империи

historia rossica

Новое литературное обозрение

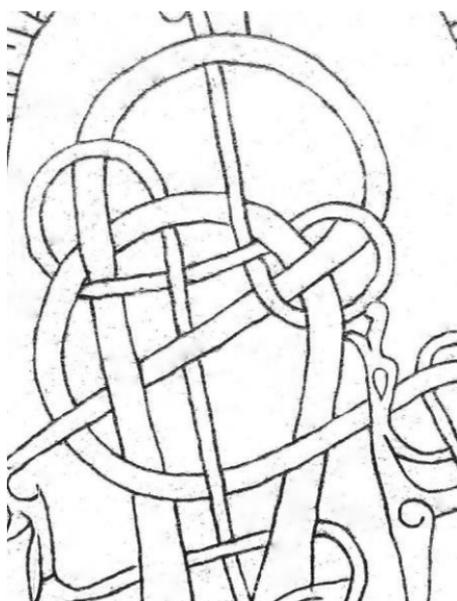
Издательство Упыря Лихого

2022

Наше издательство названо именем **Упыря Лихого** (Эпир Неробкий, Öpir Ofeigr), первого русского переписчика книг, имя которого мы знаем.

Соратник нормано-русских князей, священник, переписчик книг и рунорезец, Упырь Лихой своим примером напоминает нам о том, как важно без робости распространять знания и красоту среди варварства и тьмы.

орнамент на камне U-104 в Уппланде, созданном Упырем Лихим

Дарюс Сталюнас. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи

Издательство Упыря Лихого

2022

Настоящее издание повторяет одноименную книгу серии *Historia Rossica* (Новое литературное обозрение, 2022), отличаясь только версткой

История становления России как империи и доминирование в ней националистического дискурса наглядно отражается в той политике, которую страна проводила в отношении своих «окраин». Среди них — земли Великого княжества Литовского, названные в официальной номенклатуре XIX века Северо-Западным краем. Государственная идеология, создавшая образ этих территорий как исконно русских, загнала себя в «дискурсивный капкан»: этнокультурная реальность края была иной. Книга Дарюса Сталюнаса анализирует национальную политику в отношении каждой из наиболее многочисленных этнических групп этого региона — белорусов, литовцев, евреев и поляков. Его исследование показывает, что в Литве большинство мер, направленных на «обрусение», «исправление», «слияние» или «сближение» нерусского населения, оказались либо безрезультатными, либо привели к совсем не тем последствиям, на которые надеялись власти. Причины этих неудач были прежде всего связаны с господствующими идеологическими стереотипами, мешавшими увидеть сложную конфигурацию социальной действительности. Дарюс Сталюнас — ведущий научный сотрудник Института истории Литвы.

© Д. Сталюнас, 2022

© Т. Тимченко, перевод с литовского, 2022

Оглавление

Введение	3
Историография	14
Метод исследований и структура книги.....	53
<i>Раздел I. Земли Великого княжества Литовского на ментальных картах имперской элиты .....</i>	<i>64</i>
Глава 1. Переименование пространства.....	65
Глава 2. Формирование концепции Западной Руси	85
Глава 3. Этнографические аргументы	97
Глава 4. Территориально-административное деление как инструмент национальной политики	122
Глава 5. Символическое освоение пространства	149
<i>Раздел II. Разновидность «русификаций» после 1863 года .....</i>	<i>161</i>
Глава 6. Поиск концепции национальной политики в Северо-Западном крае в 1855-1863 годах	162
Глава 7. Многозначность понятия «обрусение».....	173
Глава 8. Когда сегрегация стала приоритетом: имперская власть и поляки	186
Глава 9. Ассимиляция или аккультурация? Имперская политика в отношении литовцев в 1860-х годах.....	217

Глава 10. Белорусы как часть триединой русской нации	282
Глава 11. Массовое обращение католиков в православие в 1860-х годах.....	325
Глава 12. «Еврейский вопрос» в Северо-Западном крае	370
<i>Раздел III. Старые и новые вызовы после революции 1905 года .....</i>	<i>426</i>
Глава 13. «Польский вопрос»	433
Глава 14. Программа «развития белорусских национальных чувств»	445
Глава 15. Что делать с литовцами?.....	457
Вместо выводов: «роковой круг», или почему России не везло в Литве?	473

Введение

Вспоминая свою работу на посту виленского губернатора в 1860-х годах, Иван Алексеевич Шестаков писал, что возможны лишь две точки зрения на земли Великого княжества Литовского, присоединенные к России в конце XVIII века: как на польские или как на российские. При этом литовцам он отводил маргинальную роль: «На Литву, политически, можно смотреть только двояко: как на часть России или как на часть Польши. Третий взгляд — автономический — противится истории, смыслу и цели вещей. Чисто литовское население едва заметно и сливается с соседними белорусским, польским и латышским»¹. В то время, в эпоху политики «обрусения», возможность отнесения земель Великого княжества Литовского или к Польше, или к России могла присутствовать в умах имперских чиновников, но ни в коем случае не могла быть озвучена в официальном или общественном российском дискурсе, поскольку эта территория уже была объявлена «исконно русскими землями», и задачей чиновников, а значит, и И.А.Шестакова было «возвращение» этого края на истинный путь его развития, защита проживающих здесь литовцев и белорусов (или, пользуясь терминологией чиновников, русских) от «полонизации», недопущение нового «польского мятежа» (именно так в то время было принято называть восстание 1863–1864 годов).

1 РНБ ОР. Ф. 856. № 5. Л. 418. В книге используются официальные названия городов, например Вильна до 1920 года, Вильно — 1920–1939, Вильнюс — после 1939 года, а также в том случае, когда говорится о литовском дискурсе.

Конкуренция различных имперских/национальных проектов (в случае приведенной выше цитаты И.А.Шестакова — Польши и России) отражалась в высказываниях чиновников и публицистов и в отношении других окраин Российской империи. В 1867 году влиятельный (возможно, и наиболее влиятельный) публицист середины XIX века — главный редактор журнала «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков ставил достаточно острый вопрос о будущем Остзейских губерний (с середины XIX века — Прибалтийские губернии): кому они будут принадлежать — России или Германии?² Земли Великого княжества Литовского, получившие в XIX веке в официальной номенклатуре название Северо-Западный край и вместе с Правобережной Украиной ставшие Западно-Русским краем, со стратегической точки зрения не были так важны для Санкт-Петербурга, как Прибалтийские губернии, Царство Польское (со второй половины XIX века — Привислинский край) и Великое княжество Финляндское, но можно говорить о том, что этот регион вместе с Малороссией был исключительно важен для правящей и интеллектуальной элиты империи в вопросе русского нациестроительства³. Поэтому

- 2 Brüggemann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. S. 18. Похожее выражения: Ibid. S. 234, 443. В российском дискурсе Литва была отнесена к Прибалтике только после 1918 года.
- 3 Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000; Hillis F. Children of Rus'. Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. Ithaca; London: Cornell UP,

национальная политика, проводившаяся имперскими властями на этой территории, прекрасно отражает не только рост влияния на правящую элиту идеологии национализма и гравитацию государства в направлении империи нового типа, которую историки называют и «национальной», и «национализирующей», и «непоследовательно национализирующей»⁴, но и проблемы, с которыми столкнулась Россия, пытаясь ответить на вызовы новой эпохи, и в первую очередь — на идеологию национализма⁵.

2013; Remy J. *Brothers or Enemies: The Ukrainian National Movement and Russia from the 1840s to the 1870s*. Toronto: Toronto University Press, 2016.

- 4 Nationalizing Empires / Ed. S.Berger, A.Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015; Brüggemann K. *Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert*; Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Ред. И.Герасимов. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 398; Kotenko A. *An Inconsistently Nationalizing State: The Romanov Empire and the Ukrainian National Movement // The Tsar, The Empire, and The Nation. Dilemmas of Nationalization in Russia's Western Borderlands, 1905–1915* / Ed. D.Staliūnas, Y.Aoshima. Budapest; New York: CEU Press, 2021. P. 17–31.
- 5 М.Рольф в исследовании, посвященном Царству Польскому, констатирует, что «вся сложность управления полиэтническими империями становится нам видна только в таких местных конфликтных сообществах» (Рольф М. *Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 27). Этот вывод

Северо-Западный край, возможно, в большей степени, чем любая другая окраина Российской империи, иллюстрирует тезис Михаила Дмитриевича Долбилова о «дискурсивном капкане»⁶, который был создан официальной идеологией, постулировавшей «исконную русскость» этой территории. Отправлявшиеся на службу в Северо-Западный край имперские чиновники сталкивались с этноконфессиональной реальностью, разительно отличавшейся от образа, циркулировавшего и в бюрократической переписке, и в общественном дискурсе (в исторических повествованиях, этнографических описаниях, статистике и публицистике)⁷. Наряду с относимым властями к русским плохо образованным, говорившим на разных белорусских диалектах крестьянством, которое, согласно официальной статистике, составляло большинство населения Северо-Западного края, в крае проживали другие группы, чуждые русским в этнокультурном отношении. Основную часть социальной элиты составляло говорившее на польском языке и

справедлив в отношении если не всех, то большинства окраин Российской империи.

6 Dolbilov M. Russification and the Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s // *Kritika*. 2004. № 5. P. 261.

7 Согласно официальной статистике того времени, из примерно 5,6 млн жителей Северо-Западного края немногим более 3 млн составляли русские (русские, белорусы, украинцы), около 0,5 млн — поляки, около 1,5 млн — литовцы (в это число входили и латыши, проживавшие в Витебской губернии), около 0,6 млн — евреи. См.: Staliūnas D. *Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. Amsterdam; New York, NY: Rodopi, 2007. P. 111.

исповедовавшее католицизм дворянство, которое имперские чиновники считали своим главным врагом. В городах и местечках значительную часть населения составляли в этническом, языковом, конфессиональном и хозяйственном смысле совершенно чуждые русским (и к тому же объявленные вредными) евреи. В западной части Северо-Западного края (Ковенская губерния и часть Виленской губернии, а также относящаяся к Царству Польскому Августовская (Сувалкская) губерния) компактно проживали исповедовавшие католицизм (а также евангелико-реформаторство) литовцы, для обозначения которых в российском дискурсе использовались два этнонима — литовцы и жемайтійцы («литва и жмудь»), притом что принадлежность этих субгрупп к одной и той же этнической общности (литовцы) у большинства чиновников сомнений не вызывала⁸. Крестьян, говоривших на литовских наречиях, часть чиновников рассматривала как возможную опору империи и достаточно часто как «потенциальных русских», обосновывая эту точку зрения теориями, согласно которым если литовцы и не славяне, то очень близкая славянам группа. Проблема состояла в том, что большинство литовцев испове-

8 Жемайтія (Самогития; лит. Žemaitija, от лит. žemas («низкий», «нижний»), в рассматриваемый период часто Жмудь (термин мог использоваться и как этноним)) — северо-западная часть Литвы. В XIX веке могла иметь как исторические коннотации (земли бывшего Жемойтского староства), так и этнолингвистические (территория, население которой говорит на жемайтійском диалекте).

довало католичество и это превращало их в «потенциальных поляков»⁹.

Наличие «дискурсивного капкана» иллюстрируют и некоторые решения властей. Если решение о невведении (вплоть до конца существования империи) в трех губерниях — Виленской, Ковенской, Гродненской — институтов местного самоуправления — земств, поскольку существовало опасение, что в земствах возьмут верх враждебно настроенные к России этнические группы, не было необычным — земства не были введены и в Прибалтийских губерниях, и в Царстве Польском, то ситуация отсутствия во всем Северо-Западном крае высшей школы с середины XIX века весьма красноречива. Университеты или высшие школы другого типа в середине XIX — начале XX века работали в Царстве Польском, Прибалтийских губерниях, Великом княжестве Финляндском и в Юго-Западном крае (Киевская, Волынская и Подольская губернии). Если мы посмотрим на географию высших школ в западных губерниях Российской империи, Северо-Западный край выглядит пустыней. Такая ситуация сложилась вопреки планам и местного общества, и имперских властей, пытавшихся учредить в этом регионе высшую школу. Хотя край был объявлен «исконно русскими землями», опасения, что университет, политехниче-

9 Терминология введена Джоном Уильямом Слокумом: Slocum J. W. *The Boundaries of National Identity: Religion, Language, and Nationality Politics in late Imperial Russia*, PhD, The University of Chicago. Chicago, IL, 1993. P. 105. Первым в отношении литовцев эту терминологию применил Теодор Р. Уикс: Weeks T.R. *Official Russia and Lithuanians, 1863–1905* // *Lithuanian Historical Studies*. 2001. Vol. 5. P. 68–84.

ская или сельскохозяйственная высшая школа попадет под влияние поляков или евреев, не позволяли осуществить ни один из проектов, которые были крайне необходимы как для уменьшения экономической отсталости края, повышения уровня образования, так и в более широком плане — для модернизации империи¹⁰.

Эта книга о том, как Российская империя реализовывала концепцию «национальной империи» в Северо-Западном крае, с какими проблемами пришлось столкнуться имперским властям и к каким результатам привела национальная политика, проводившаяся с середины XIX века до конца существования империи Романовых¹¹. Национальная империя — это империя, в которой и в результате символических практик, и в результате конкретных мер национальной политики рядом с недоминирующими национальными группами появляется доминирующая нация. Такое представление об империи может осмысляться как в старых — сословных категориях (в этом случае русский народ представляется «как подобие нового господствующего сословия — вроде дворянства в дореформенной России, надтерриториальной системообразующей

10 Staliūnas D. Visuomenė be universiteto? (Aukštosios mokyklos atkūrimo problema Lietuvoje: XIX a. vidurys — XX a. pradžia). Vilnius: LII, 2000.

11 Книга не претендует на отражение общей картины российской политики на исторических землях ВкЛ. Тем, кого интересует эта тема, можно рекомендовать сборник работ под редакцией М.Д.Долбилова и А.И.Миллера: Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

группы»¹²), так и как полития, имеющая черты национального государства, то есть такая, в которой есть титульная нация и национальные меньшинства. Тяготение в сторону «национальной империи», конечно, совсем не означает отсутствие конкурирующих представлений об империи, основанных на сотрудничестве с элитой окраин.

Проводившаяся в рассматриваемый нами период национальная политика, которая была призвана превратить представления о национальной империи в реальность, определялась как «обрусение»; это определение мы встречаем и в более поздней исторической литературе. В книге я предлагаю метод деконструкции стоявшей за этим понятием национальной политики, то есть метод ее описания современным научным языком. Я стремлюсь в самом общем смысле ответить на вопросы, какие цели преследовали власти в Северо-Западном крае в отношении наиболее многочисленных этнических групп (белорусов, литовцев, евреев и поляков) и какие средства применялись для достижения этих целей¹³. Я стараюсь ответить на вопросы о том, что значит «обрусение» в XIX веке, в чем сходства и различия имперской политики в отношении

12 Новая имперская история Северной Евразии, часть 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Под ред. Ильи Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 300.

13 Поскольку в центре исследования находится политика, проводившаяся имперскими властями, этнонимы используются в том значении, в каком их понимали чиновники и публицисты. То есть эти категории нельзя соотносить ни с современными понятиями национальной и культурной принадлежности, ни с доминировавшими в то время самоидентификациями членов рассматриваемых групп.

литовцев, поляков, белорусов и евреев; почему имперские власти так часто рассматривали проекты этнического территориализации именно этого региона; почему чиновники ставили перед собой задачу массового обращения в православие белорусов, но практически не стремились превратить в православных литовцев, почему к незначительному числу перешедших в «господствующую религию» поляков и евреев относились с подозрением; почему власти, преследуя достаточно разные цели, использовали практически идентичные (на первый взгляд) средства конфессиональной инженерии, например введение русского языка при отправлении религиозных обрядов «иностранных исповеданий»; почему в Северо-Западном крае кириллица была обязательна для белорусов, украинцев, литовцев и проживавших в Витебской губернии латышей, но ни в коем случае не для поляков этого края (хотя кириллица достаточно широко использовалась в этот период в Царстве Польском) и не для евреев (кириллизация идиша или иврита в то время даже не обсуждалась); почему в учрежденных после восстания 1863–1864 годов в Ковенской губернии народных школах учителя сначала общались с учениками только с помощью жестов, как герой романа Даниеля Дефо Робинзон Крузо с Пятницей; почему именно в этом регионе еще в 1860-х годах обсуждается политика сегрегации в отношении евреев, хотя в масштабах империи переход к такой политике осуществляется только в 1880-х годах; с какими вызовами столкнулась национальная политика в 1905 году и позже в условиях нового политического режима, когда часто декларировались те же цели и предлагались те же средства, которые были в арсенале адептов «русского дела» на полвека раньше. Эти вопросы, ответы на которые составляют лишь небольшую часть анализируемых в этой книге проблем, доста-

точно ярко демонстрируют разнообразие «обрусения» в Северо-Западном крае, и это разнообразие я и попытаюсь раскрыть.

Понятие «обрусение» и в бытовом, и в академическом контексте достаточно часто имеет этноцидные коннотации, и уже одно это превращает данное явление (правда, не столько в контексте истории понятий (*Begriffsgeschichte*), сколько в контексте обсуждения национальной политики) в важный объект национальной историографии. Историографию, посвященную политике России в Северо-Западном крае и несколько шире — на западных окраинах империи, условно можно разделить на две части¹⁴. Сначала я хотел бы остановиться на той части историографии, которая «репрезентирует» не доминировавшие в Российской империи национальные группы, и более подробно рассмотреть становление литовской исторической литературы, посвященной этой проблеме. Такой выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, насколько мне известно, литовская историография этой проблематики гораздо более многочисленна в сравнении, например, с польской или белорусской. Во-вторых, литовская национальная исто-

14 Более ранние публикации на эту тему см.: Сталюнас Д. Имперский режим в Литве в XIX веке (По литовским учебникам истории) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 365–390; Он же. Взгляд на политику Российской империи в литовской историографии // *Западные окраины Российской империи* / Науч. ред. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 533–552. С целью экономии места и в этой части, рассматривающей историографию, и в других частях книги приводится более краткий в сравнении с предыдущими публикациями список литературы.

риография, в отличие от белорусской, имеет более глубокие традиции, поскольку она имела возможность развиваться в межвоенный период. Даже в советское время каноны марксизма советского толка ощущались в Литве не так сильно, как в Белоруссии. В-третьих, литовская историография известна мне лучше всего.

Вторая часть обзора историографии будет посвящена западной и современной российской историографии. Такая комбинация объясняется характерными для обеих историографий тенденциями выбора методов исследования, формулирования выводов и достаточно хорошо наблюдаемого стремления дистанцироваться от национальных историографий, «представляющих» недоминирующие национальные группы Российской империи.

Историография

В литовской историографии первой половины XX века наряду с доминировавшей этноцентристской антипольской парадигмой, определенной литовско-польским конфликтом, переросшим в межгосударственную конфронтацию после 1918 года, когда II Польская республика присоединила к своей территории «сердце Литвы» — историческую столицу Вильнюс¹⁵, имелся еще один фактор, оказывавший влияние на изучение литовской истории XIX века и национальной политики Российской империи, — отсутствие очень важных исторических источников. Основные архивы, связанные с историей Литвы в составе Российской империи, оказались за пределами Литовской республики — в Вильно, Ленинграде и Москве. В условиях отсутствия источников детальные исследования отдельных эпизодов истории XIX века, особенно имперской политики, были практически невозможны. Лакуну архивных материалов заполнили другие исторические источники — прежде всего мемуары, в первую очередь связанные с сопротивлением насаждавшейся властями кириллице. Характер этих источников влиял и на историографию, где основное внимание оказалось сосредоточено на сопротивлении этнических литовцев «обрусению».

У литовских историков межвоенного периода не вызывало сомнений наличие столкновения литовцев с «русскими властями». При обзоре российской политики исследователи

15 О важности вильнюсского вопроса для литовского национализма см.: Mačiulis D., Staliūnas D. Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question, 1885–1940. Marburg: Herder-Institut, 2015.

обращали внимание на то, что она не оставалась постоянной. В исследованиях приводятся следующие факторы, корректировавшие национальную политику в отношении литовцев: взгляды российских императоров; вызовы со стороны нерусского населения («польские» восстания, сопротивление литовцев запрету печати в латинской графике), изменение международной ситуации, различные течения в российском обществе (движение славянофилов). Фиксация изменений российской национальной политики в зависимости от обстоятельств позволяет надеяться, что литовские историки обращали внимание и на изменение целей российской политики. И действительно, достаточно часто при рассмотрении российской политики в Северо-Западном крае исследователи отмечают такие изменения. Так, ксендз Антанас Алякна (Antanas Alekna), рассматривая российскую политику конца XVIII — первой половины XIX века (до восстания 1863–1864 годов), по сути упоминает только дискриминационные меры, не останавливаясь на целях, которые преследовали власти, а описывая период после восстания 1863–1864 годов, автор уже недвусмысленно говорит о политике «обрусения»¹⁶. Несмотря на то что термин «обрусение» не эксплицируется, понятно, что автор понимал этот термин как ассимиляцию (и абсолютно не вызывает сомнений, что именно так обрусение понималось читателями). Период после подавления восстания 1863–1864 годов пользовался наибольшим вниманием историков. В польской историографии того же периода главенствовали схожие тенденции, краткое определение им дал Анджей Новак (Andrzej Nowak) —

16 Alekna A. Lietuvos istorija. Kaunas, 1918. P. 115–121; Ruseckas P. Spaudos draudimo gadynė. Kaunas, 1929. P. 5–6.

«империя против поляков, поляки против империи»: историков прежде всего интересовали восстание, нелегальная деятельность поляков и репрессии российских властей¹⁷.

Тем не менее в межвоенной Литве существовала и другая тенденция оценки российской политики, существование которой отчасти можно объяснить принципом «враг моего врага — мой друг». Поскольку основными врагами Литвы в то время, как мы уже знаем, были поляки, а Российская империя, вне всякого сомнения, проводила антипольскую политику, Россию можно было рассматривать позитивно. И во II Литовской республике появляются публикации, в которых и российская национальная политика, и даже кириллизация литовских изданий оценивались положительно. В литовской историографии, как и в белорусской советской историографии того времени, делаются попытки реабилитировать Михаила Николаевича Муравьева¹⁸. Так, Паулюс Шляжас (Paulius Šležas) предлагал отказаться от навязанного поляками образа М.Н.Муравьева. По мнению историка, литовцы должны быть благодарны виленскому генерал-губернатору за антипольскую политику, улучшение экономической ситуации литовских крестьян и так далее. Без этих мер властей, согласно П.Шляжасу, не состоя-

- 17 Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание: Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (Обзор современной польской историографии) // Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 429.
- 18 Сельвестрова-Куль С.Е. Историография политики царизма в Белоруссии и национальное возрождение белорусов // Славяноведение. 1996. № 5. С. 8.

лось бы и «литовское возрождение». И эти заслуги М.Н.Муравьева гораздо более важны, чем те негативные последствия, которые повлекло за собой стремление властей утвердить в Литве русский элемент¹⁹. Правда, в более поздних публикациях П.Шляжас осторожнее оценивает политику М.Н.Муравьева и ее последствия для литовцев. Хотя П.Шляжас и позже не указывал на русификаторские цели М.Н.Муравьева, объясняя введение кириллицы стремлением отдалить литовцев от поляков и приблизить к русским²⁰, он признавал, что трудно решить, чего для литовцев было больше в национальной политике виленского генерал-губернатора — пользы или вреда²¹.

Ситуация в области литовского исторического нарратива радикально изменилась в 1940-х годах. Официальная концепция истории Литовской ССР теперь должна была быть не только марксистской, но и соответствующей принципам идеологии дружбы народов, сформулированной в Советском Союзе в середине 1930-х годов и утверждавшей, что русским и русской культуре в СССР принадлежит ведущая роль. Кроме того, официальная идеология, пропитанная примордиализмом,

- 19 Šležas P. Muravjovas ir mūsų tautinis atgimimas // Rytas. 1929. Nr. 239–241.
- 20 Šapoka A. Lietuvos istorija. Kaunas: Švietimo ministerijos knygų leidimo komisijos leidinys, 1936. P. 486–487.
- 21 Šležas P. Muravjovo veikimas Lietuvoj 1863–1865. Kaunas, 1933. P. 39–40. Похожая позиция: Klimas P. Muravjovo laikmetis Lietuvos žemės ir žemininkų istorijoje. Vilnius, 1920.

стала применяться и ко всему историческому процессу²². Другими словами, народам были присвоены определенные, не меняющиеся с течением времени роли, поэтому одни народы стали символами прогресса (русские), другие — реакции (немцы, американцы и пр.). Официальная историография начала требовать демонстрации проявления в ходе истории прогрессивной роли русского народа и русской культуры, описания того, как «повезло» соседним народам, в том числе и литовцам, которые смогли присоединиться «к великому русскому народу» в борьбе за прогресс. В соответствии с этой идеологией и конструировался исторический канон Литовской ССР: литовцы создали свое государство благодаря русскому народу, вместе с восточными славянами защищались от западных агрессоров, разделы Речи Посполитой сыграли прогрессивную роль и так далее. Большого количества усилий потребовали доказательства положительного влияния на литовцев разделов Речи Посполитой в конце XVIII века после «падения» польско-литовского государства: ускорилось экономическое развитие Литвы, передовая российская общественная мысль оказала положительное влияние на развитие литовской культуры²³, усилилась классовая борьба и, наконец, литовцы были защищены от грозившей им полонизации²⁴. Иногда приводились и

22 Более подробно см.: Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell UP, 2001. P. 432–461.

23 Paleckis J. *Mintys apie vyresnįjį brolių*. Vilnius, 1959. P. 19.

24 Žiugžda J. *Antanas Mackevičius — Lietuvos valstiečių vadovas kovoje prieš carizmą ir dvarininkus*. Vilnius: Mintis, 1951. P. 5–6; *Lietuvos TSR istorija*. D. I: Nuo seniausių laikų iki 1861 metų / Red.

конкретные факты, призванные доказать, что наибольшая угроза ассимиляции литовского народа исходила не от властей, а от литовской шляхты и «реакционного духовенства» (иными словами — поляков). С 1860-х годов в учебниках остается только одно обстоятельство, позволяющее усмотреть положительное влияние включения Литвы в состав Российской империи, — ускорение развития экономики²⁵.

Правда, в написанном еще в 1957 году учебнике истории Юозаса Юргиниса (Juozas Jurginis) не акцентируется защита литовцев от ассимиляции после включения Литвы в состав Российской империи²⁶. Практически с 1970-х годов авторы уходят от оценки этого факта и ограничиваются сухим описанием перемен, имевших место после вхождения Литвы в состав Российской империи. В части белорусской историографии и в новейших монографиях сохраняется тенденция усматривать положительные аспекты присоединения территорий Великого княжества Литовского к Российской империи: централизованная империя принесла политическую стабильность, положившую конец «феодальной анархии»; расширился рынок, что способствовало не только экономическому росту, но и

J. Žiugžda. Vilnius: Politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1953. P. 356–358.

- 25 Berlinskienė A., Gaigalaitė A., Jurginis J., Pilkauskas Z. Lietuvos TSR istorija VII–VIII klasei / Red. J. Žiugžda. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1962. P. 28.
- 26 Jurginis J. Lietuvos TSR istorija. Vadovėlis vidurinėms mokykloms. Kaunas: Vals-tybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1957.

национальной консолидации белорусов²⁷. В работах литовских историков советского периода, посвященных истории XIX века, наряду с особым вниманием к борьбе «трудящихся масс» и пролетариата (особенно — к распространению идей марксизма) в Литве XIX века (описывается в границах Литовской ССР) «присутствуют» только литовцы, что, конечно, соответствовало действовавшему в Советском Союзе принципу «распределения труда».

Власти, против которых боролось литовское национальное движение, конечно, описывались в классовых категориях: «Классовые враги народных масс — литовские феодалы и русский царь — объединились, несмотря на национальные различия»²⁸. Менялось и определение власти в сравнении с исторической литературой межвоенного периода. Теперь это не «русские власти», но «царская власть» или «царизм». При описании мотивации политики и действий властей, конечно, отмечалось, что политика после восстания приобрела больше признаков дискриминации, власти должны были принимать во внимание растущее революционное движение, сопротивление литовского народа запрету литовской печати в латинской

- 27 И эти, и оппонирующие тенденции рассматриваются в: Токть С. Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX — начале XX в. в современной белорусской историографии // Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 506, 524, 527.
- 28 Lietuvos TSR istorija nuo seniausių laikų iki 1857 metų / Vyr. red. J. Žiugžda. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958. P. 129–130.

графике. В 1950-х годах и отчасти в начале 1960-х годов в опубликованных исторических работах действия «царизма» определялись как «политика национального угнетения» (такая формулировка особенно характерна для 1960-х годов)²⁹ или подобным образом. Нетрудно объяснить, почему эта политика не называлась ассимиляционной или русификационной. Признав, что власти стремились русифицировать представителей других национальностей, было бы трудно обосновать тезис о положительном влиянии на литовскую национальную культуру присоединения Литвы к Российской империи. Существование связи между этими двумя утверждениями подтверждает и уже упоминавшийся нами учебник Ю.Юргиниса. Как уже отмечалось, в этом учебнике не упоминается о положительном влиянии на литовскую национальную культуру включения Литвы в состав Российской империи. И поэтому неудивительно, что в этой работе политика «царских властей» после восстания 1863–1864 годов определяется как стремление русифицировать литовцев³⁰. В более поздние годы историки уже не ставили под сомнение стремление властей «русифицировать край»³¹.

- 29 Lietuvos TSR istorija. 1963. T. 2. P. 201.
- 30 Jurginis J. Lietuvos TSR istorija. Vadovėlis vidurinėms mokykloms. Kaunas: Vals-tybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1957. P. 73.
- 31 Vėbra R. Pravoslavų dvasininkija ir nacionalinė spauda Lietuvoje XIX a. antrojoje pusėje // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. T. VIII. 1966. P. 76–95; Vėbra R. Lietuvos katalikų dvasininkija ir visuomeninis judėjimas (XIX a. antroji pusė). Vilnius: Mintis, 1968.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов при описании репрессий «царской власти» после восстания 1863–1864 годов отмечались, в сущности, только дискриминационные меры, направленные против литовцев и литовской культуры³². Это не должно вызывать удивления, поскольку восстание 1863–1864 годов трактовалось прежде всего как народное восстание против дворян и «царизма», а «польскому» восстанию отводилась второстепенная роль. Особое внимание уделялось запрету литовской печати в латинской графике. Но встречались и исключения. В 1965 году Витаутас Мяркис представил более полную картину дискриминационной политики, проводившейся Россией после восстания 1863–1864 годов, и стало понятно, что жертвами этой политики были не только литовцы³³. В опубликованной в 1988 году истории Литвы четко сказано, что «царская власть» проводила дискриминационную политику в отношении поляков и иноверцев³⁴, правда, и здесь основное внимание уделено описанию политики, направленной против литовцев и литовской культуры³⁵.

Относительная либерализация советского режима приблизительно с середины 1960-х годов позволила литовским

32 Žiugžda J. Lietuvos TSR istorija nuo seniausių laikų iki 1857 metų. Vilnius: Vals-tybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958. P. 192–195.

33 Merkys V. Lietuvių nacionalinio judėjimo XIX a. socialinės-ekonominės prie-žas-tys // Lietuvos TSR istorijos bruožai / Sud. J. Jurginis. Kaunas: Šviesa, 1965. P. 58–60.

34 Jučas M., Lukšaitė I., Merkys V. Lietuvos istorija nuo seniausių laikų iki 1917 metų. Vilnius: Mokslas, 1988. P. 137, 139.

35 Ibid. P. 143–144.

историкам более свободно выбирать темы исследований. В советское время за исключением проблематики, призванной служить упрочению идеологического базиса советской системы³⁶, с фактографической точки зрения, пожалуй, лучше всего были исследованы темы кириллизации литовской письменности (прежде всего обстоятельства введения и упразднения запрета на печать) и сопротивления литовского общества этой политике (издание литовских книг в Пруссии, их нелегальный ввоз и распространение и так далее)³⁷. Значимость этой темы в литовской историографии того времени связана со стремлением историков отказаться от навязываемой идеологемы «дружбы народов», то есть с определенным интеллектуальным сопротивлением советской системе. Политика царской России в отношении недоминирующих национальных групп могла порождать у читателя аналогии с реалиями советского време-

- 36 Помимо работ, посвященных кириллизации литовской письменности, к исследованиям, рассматривающим национальную политику Российской империи, относится солидная работа Мэйле Лукшене (Meilė Lukšienė), посвященная школам первой половины XIX века: Lukšienė M. Lietuvos švietimo istorijos bruožai XIX a. pirmojoje pusėje. Kaunas: Šviesa, 1970.
- 37 Tyla A. Prie lietuviškųjų spaudinių gotiškomis raidėmis uždraudimo istorijos // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų darbai: Bibliotekininkystės ir bibliografijos klausimai. T. 6. 1967. P. 171–174; Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla / Par. A. Tyla. Vilnius: LTSR MA Istorijos institutas, 1973; Vėbra R. Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 1976. T. XVI (2). P. 34–50; Merkys V. Nelegalioji lietuvių spauda kapitalizmo laikotarpiu (ligi 1904 m.). Politinės jos susikūrimo aplinkybės. Vilnius: Mokslas, 1978.

ни³⁸. При этом следует признать, что подобная тема не была самой опасной для советского режима — в отличие от многих других проблем литовской истории Новейшего времени ее можно было исследовать, публиковать работы³⁹.

Начавшийся после провозглашения независимости Литвы в 1990 году (фактически — в 1988 году) процесс освобождения от идеологических ограничений оставил след и в историографии. В течение последующих десятилетий литовские историки опубликовали намного больше работ, посвященных истории Литвы в составе Российской империи, чем за весь более ранний период существования литовской профессиональной историографии. Рост количества работ был вызван ростом интереса общества к истории, а также ростом числа профессиональных историков-исследователей. У ученых появилась возможность переиздать более ранние работы, освободив их от обязательных в советское время цитат классиков марксизма-ленинизма, и опубликовать исследования, которые советская

38 Особенно хорошо известна история, касающаяся опубликованных Антанасом Тилой (Antanas Tyla) в 1973 году исторических источников «Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla» («Дело об упразднении запрета на литовскую печать»): эту книгу можно было купить, только имея разрешение директора Института истории Академии наук Литовской ССР.

39 О белорусской историографии см.: Токть С. Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX — начале XX в. в современной белорусской историографии // Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д.Долбиллов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 504.

власть не пропускала в печать⁴⁰. Политические перемены позволили историкам и в Литве, и в других странах постсоветского пространства исследовать новые темы, находившиеся в советское время фактически под запретом, в частности историю различных конфессий, а также российскую конфессиональную политику. Однако с точки зрения развития историографии важны не новые темы сами по себе, но концептуальные изменения.

Прежде всего следует отметить, что сохранилась очень сильная, сформировавшаяся в межвоенный период и развившаяся в советское время этноцентрическая концепция истории, согласно которой власти Российской империи понимаются как носители идей современного национализма, преследовавшие, начиная непосредственно после имевших место в начале XVIII века разделов Речи Посполитой, на территории Литвы основную цель — ассимиляцию литовцев⁴¹. Похожие тенденции характерны и для белорусской историографии⁴².

40 Tyla A. *Garšvių knygnešių draugija*. Vilnius, 1991; Merkys V. *Draudžiamosios lietuviškos spaudos kelias 1864–1904*. Vilnius, 1994; Idem. *Knygnešių laikai 1864–1904*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1994; Vėbra R. *Lietuviškos spaudos draudimas 1864–1904 metais*. Vilnius: Pradai, 1996.

41 Vėbra R. *Lietuvių visuomenė XIX a. antrojoje pusėje. Socialinės struktūros bruožai*. Vilnius: Mokslas, 1990. P. 18; Merkys V. *Knygnešių laikai*. P. 9; Idem. *Motiejus Valančius: tarp katalikiško universalizmo ir tautiškumo*. Vilnius: Mintis, 1999. P. 49.

42 Szybieka Z. *Historia Białorusi. 1795–2000*. Lublin: Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 2002. S. 24.

При этом с 1988 года формируется и другая тенденция, представленная в посвященных XIX веку работах историков более молодого поколения — авторов издания «Lietuvių Atgimimo istorijos studijos» («Исследования истории литовского Возрождения»). Кредо этой группы исследователей сформулировали Эгидиус Аляксандровичюс (Egidijus Aleksandravičius) и Антанас Кулакаускас (Antanas Kulakauskas) в опубликованной в 1996 году книге «Carų valdžioje. Lietuva XIX amžiuje» («Под царской властью. Литва в XIX веке»)⁴³, указав, что предметом книги является «гражданская история Литвы». Переход от этноцентристской перспективы к гражданской, при котором объектом литовской истории становится не одна этническая группа, но все общество, конечно, наблюдается не только в исследованиях, посвященных истории XIX века, но и в работах, посвященных другим эпохам⁴⁴. Новая перспектива позволила по-иному увидеть и историю Литвы XIX века. Для литовских историков стало привычным определять границы Литвы в соответствии с принципом историзма, то есть исследовать Литву такой, какой ее понимали современники⁴⁵; изучать не

43 Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje. XIX amžiaus Lietuva. Vilnius: Baltos lankos, 1996. P. 217.

44 Более подробно см.: Staliūnas D. From Ethnocentric to Civic History: Changes in Contemporary Lithuanian Historical Studies // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised / Ed. K. Matsuzato. Hokkaido: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005. P. 311–331.

45 В современной белорусской историографии прослеживается тенденция описывать Белоруссию XIX века в этнографических категориях, то есть как территорию с преобладающим белорусским населением.

только историю литовцев, но и других проживавших в Литве этнических групп. Наконец, исследователи отказались и от упрощенной оценки российской политики.

В современной литовской историографии подчеркивается, что важнейшими целями российских властей на окраинах империи было обеспечение политической лояльности представителей нерусского населения, обеспечение стабильности империи, и не представляется возможным утверждать, что в течение всего рассматриваемого периода единственным устремлением была ассимиляция представителей других национальностей, и прежде всего — литовцев. Ясно указывается, что главным врагом имперские власти считали поляков и все польское⁴⁶, причем, например, при рассмотрении периода правления Николая I невозможно утверждать, что национальная политика была направлена против литовского языка, поскольку литовский язык не считался общественно значимым⁴⁷. При этом также подчеркивается, что систематически проводить «политику располячивания» во время правления Николая I власти также не могли, поскольку ощущалась нехватка средств и людей, и, наконец, не ставилась цель уничтожить господствующее сословие — дворянство⁴⁸. Политика «русификации», по утверждению этой группы литовских историков, имела место в течение достаточно непродолжительного

46 Этот тезис хорошо иллюстрирует исследование российской цензуры в Литве: Medišauskienė Z. Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, 1998.

47 Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje. P. 67–68.

48 Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje. P. 72.

периода после подавления восстания 1863–1864 годов⁴⁹. Национальная политика в этот период однозначно оценивается как ассимилятивная⁵⁰, иногда ее называют и «тотальной русификацией»⁵¹. Такие определения встречаются и в части белорусской историографии, для которой характерна тенденция экстраполировать действия имперских властей, направленные против белорусов, на всю национальную политику на западных окраинах Российской империи⁵². Большинство авторов, описывая политику российских властей после восстания 1863–1864 годов, отмечают различия между действиями властей в Северо-Западном крае, где дискриминационная политика была достаточно всеобъемлющей, и более мягкой политикой в Августовской (позже — Сувалкской) губернии, где также жили литовцы.

49 Ibid. P. 53, 82–83, 92.

50 Kulakauskas A. *Kova už valstiečių sielas. Caro valdžia, Lietuvos visuomenė ir pradinis švietimas XIX a. viduryje*. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2000. P. 6. Отмечу, что в этой работе элементы такой политики отмечаются уже после восстания 1830–1831 годов.

51 Kulakauskas A. *Rusifikacinės masinio pradinio švietimo sistemos kūrimo Kauno gubernijoje pradžia (XIX a. 7-asis dešimtmetis) // Praeities baruose*. Vilnius: Žara, 1999. P. 211.

52 Нарысы гісторыі Беларусі у 2-х частках. Ч. 1. С. 129, 333; Смалянчук А. Ф. *Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх літоўскіх землях 1864–1917 г.* Санкт-Пецярбург: Неўскі працяг, 2004. С. 114; *Гісторыя Беларусі. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.)*. Мінск: УП «Экаперспектыва», 2005. С. 243, 270.

Таким образом, можно говорить о том, что в литовской историографии, посвященной политике Российской империи, несмотря на существенные различия, присутствовало единое мнение о том, что (во всяком случае, после восстания 1863–1864 годов⁵³) власти стремились превратить литовцев в русских. Эту позицию при определении целей имперской политики по отношению к нерусскому населению разделяет и большинство белорусских исследователей. Похожие тенденции мы видим и в польской историографии, где в течение последних десятилетий наблюдается рост интереса к национальной политике России, в том числе и на исторических землях Великого княжества Литовского⁵⁴.

Генрик Глембоцкий (Henryk Głębocki) в своей новаторской книге, посвященной «польскому вопросу» в Российской империи середины XIX века, опираясь не столько на практику национальной политики, сколько на общественные дискуссии, не раз подчеркивает стремление имперских властей «русифицировать» поляков⁵⁵. При этом он показывает, что в среде

53 В российской историографии это, как и предыдущее восстание 1830–1831 годов, называется Польским.

54 Обзор этой историографии см.: Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание. С. 429–464.

55 Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków: Arcana, 2000. По мнению Г. Глембоцкого, предложения славянофилов, и прежде всего Александра Федоровича Гильфердинга, поддерживать развитие литовской, белорусской и украинской культур было лишь временной мерой борьбы с поляками, при этом основной целью оставалась русификация; Он же. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной

правлящей и интеллектуальной элиты Российской империи отношение к полякам меняется не после восстания 1863–1864 годов, но уже в 1861 году, когда становится понятно, что для русских неприемлемо стремление поляков объединить Западный край с Царством Польским в одну административную единицу. «Польский вопрос» и особенно восстание 1863–1864 годов, как считает историк, усилили русский национализм. Поскольку восстание воспринималось как «шляхетский мятеж», правящая элита империи попыталась использовать в Царстве Польском инструменты социального радикализма — Николай Алексеевич Милютин, руководитель Учредительного комитета в Царстве Польском (Komitet Urządzący Królestwa Polskiego), пытался разъединить дворянство и народ с помощью крестьянской реформы и других средств.

Витольд Родкевич (Witold Rodkiewicz) выделяет две модели российской национальной политики 1863–1905 годов: имперскую стратегию (*imperial strategy*), акцентировавшую основанную на лояльности к империи политическую интеграцию, сторонники которой не брезговали поддержкой более слабых национальных движений с целью создания противовеса более сильным и верили, что литовцы, белорусы-католики и католики-украинцы позже ассимилируются сами, критиковали агрессивную политику в отношении представителей других национальностей как отвращающую от всего русского; при этом сторонники бюрократического национализма (*bureaucratic nationalism*) описывали принадлежность к русской нации в этнических и конфессиональных категориях и стремились к

идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 135–166.

лингвистической и культурной ассимиляции представителей других национальностей. По мнению польского историка, в 1863–1904 годах доминировала вторая модель национальной политики⁵⁶. Монографию В.Родкевича, написанную на основе диссертации, защищенной в Гарвардском университете, пожалуй, следует отнести не к польскому нарративу, но к традиции западной историографии, изучающей национальные проблемы в Российской империи. К рассмотрению западной традиции я сейчас и перейду⁵⁷.

В западной историографии периода холодной войны национальная политика Российской империи XIX века, как и национальная политика Советского Союза, не была приоритетной темой. В исторической литературе господствовала руссоцентристская трактовка Российской империи⁵⁸. Игнори-

56 Rodkiewicz W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Liublin: Sciencic Society of Liublin, 1998. P. 13–16.

57 Наибольшее внимание здесь уделено историографии, опубликованной до 2007 года, то есть до издания книги «Making Russians». Новейшая литература приведена в следующей части введения, в которой описываются использованный метод исследования и структура книги.

58 Pearson R. *Privileges, Rights, and Russification // Civil Rights in Imerial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxord: Clarendon Press, 1989. P. 88; Raeff M. *Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. San Fransisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 127; Семенов А. М. *Англо-американские исследования по истории российской империи и СССР // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И. Герасимов и др. Казань:*

рование национальных проблем исторической наукой может быть объяснено и господствовавшей в то время в Западной Европе установкой, трактовавшей национализм как «отживший» исторический феномен. Изучение окраин империи было «резервировано» для «представителей» недоминировавших национальных групп — поляков, евреев, финнов, которые, согласно Эдварду Тайдену (Edward Thaden), продолжали традицию, заложенную в 1860-х годах публицистами Остзейских губерний и Польши, трактовавшими имперскую национальную политику как стремление русифицировать представителей других национальностей⁵⁹.

Эта прямолинейная трактовка была поставлена под сомнение в конце 1970-х — начале 1980-х годов⁶⁰. Неудивительно, что одними из первых в тезисе, согласно которому русификация означала безоглядную ассимиляцию, усомнились историки, изучавшие политику Российской империи в Великом княжестве Финляндском, во внутреннюю жизнь которого имперские власти, как известно, вмешивались минимально⁶¹.

Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 613–614.

- 59 Thaden E.C. Russification in Tsarist Russia // E. C. Thaden with the collaboration of M.F.Thaden. *Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe*. New York: Social Science monographs, Boulder, 1990. P. 211.
- 60 Starr F. *Tsarist Government: The Imperial Dimension* // *Soviet Nationality Policies and Practices* / Ed. J.R.Azrael. New York: Praeger Publishers, 1978. P. 3–38.
- 61 Pistohlkors G. von. «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. *Neue*

Наибольший вклад в «ревизионизм» внес Э.Тайден, выделивший три типа русификации: незапланированный (случаи, когда нерусские подданные по собственному желанию перенимали русскую культуру, язык, обычаи и пр.); административный (запланированная попытка ввести российские институты и законы, а также русский язык в государственных учреждениях и школах — такая политика, согласно автору, господствовала в Прибалтийских губерниях и в Финляндии); культурный (в этом случае власти стремились к тому, чтобы представители других национальностей перенимали русскую культуру, — такую политику пытался проводить Александр III)⁶².

Для того чтобы в историографии произошли более значительные изменения, потребовался развал Советского Союза и всего советского блока. С одной стороны, конец существования Советского Союза завершил историю России как «многонациональной империи»⁶³, с другой стороны, восстановление и создание новых национальных государств ярко продемонстрировали силу национализма.

В оценках национальной политики Российской империи в последние десятилетия просматривается тенденция отказа от понимания национальной политики России как системной ассимиляции представителей других национальностей. Рэй-

westliche Darstellungen // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. В. 33. S. 592–606.

62 Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. E.C.Thaden. Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 8–9.

63 Каппелер А. «Россия — многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 9.

монд Пирсон (Raymond Pearson) утверждал, что у России не было ни амбиций, ни ресурсов для ассимиляции нерусского населения, возможно, за исключением белорусов и украинцев⁶⁴. Достаточно часто отмечается, что имперские власти использовали и политический принцип «разделяй и властвуй» — поддерживали более слабый национализм в его борьбе с более сильным, то есть с тем, который считался более опасным для империи или для интегральности русской нации⁶⁵. Кимитака Матцузато (Kimitaka Matsuzato) считал такую политику в определенном смысле неизбежной. По мнению ученого, власти Российской империи на тех окраинах государства, где они сталкивались с абсолютно нелояльно настроенным народом (на западных окраинах — это поляки), проводили политику «этнического бонапартизма», то есть старались противопоставить своему самому сильному врагу на этой территории другие недоминирующие национальные группы. В такие места назначались только те генерал-губернаторы, которые были готовы проводить политику «разделяй и властвуй»⁶⁶.

64 Pearson R. Privileges, Rights, and Russification // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 89–90.

65 Kappeler A. Nationsbildung und Nationalbewegungen im Russländischen Reich // *Archiv für Sozialgeschichte*. 2000. B. 40. S. 71; Snyder T. *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven; London: Yale University Press, 2003. P. 49.

66 Матцузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // *Новая имперская история постсоветского пространства* / Сост. И. Герасимов и др. Казань: Центр изучения национализма и империи, 2004. С. 429.

Можно считать общей для западной и российской историографий тенденцию дифференцировать цели российской национальной политики с точки зрения времени, отдельных территорий и отдельных этнических групп. Наиболее ярко эта трактовка отражена в работах Андреаса Каппелера (Andreas Kappeler), который подчеркивает, что до конца существования империи власти стремились не к русификации, а к обеспечению политической стабильности⁶⁷. Согласно А.Каппелеру, до 1831 года в Российской империи доминировала политика, основанная на кооперации с социальной и политической элитой присоединенных земель, и от новых подданных требовалась прежде всего политическая лояльность. И только с 1831 года и еще в большей степени с 1860-х годов усиливается политика культурной интеграции (именно к этой политике автор предлагает применять термин «русификация»), однако и эта политика не применялась последовательно в отношении всех недоминировавших групп. А.Каппелер сформулировал положение о влиянии на «этническую иерархию» Российской империи трех факторов: фактора лояльности недоминирующих этнических групп, сословно-социального фактора и фактора культурной (религиозной, языковой и пр.) близости к великороссам. По мнению ученого, вплоть до конца существования империи наибольшую роль играли первые два фактора, при этом во второй половине XIX века их нередко дополнял, а

67 Kappeler A. Historische Voraussetzungen des Nationalitätenproblems im rus-sischen Vielvölkerreich // Geschichte und Gesellschaft. 1982. B. VIII, 2. S. 159–183; Idem. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München: C.H.Beck, 1992. S. 203–204, 225–228.

иногда и заменял культурный фактор. Этнические группы, находившиеся в наибольшей близости к центру этнической иерархии, подвергались минимальной дискриминации, но в то же время они (прежде всего украинцы и белорусы) испытывали и максимальное ассимиляционное давление⁶⁸.

С последним тезисом в западной и российской историографии согласно большинство исследователей. Но иногда встречаются и исключения. Так, в монографии российского историка Анны Альфредисовны Комзоловой, посвященной политике Российской империи в Северо-Западном крае и прежде всего анализу отношения к этой политике разных групп правящей и интеллектуальной элиты, утверждается, что власти, в первую очередь генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман, стремились применять меры, предусматривавшие «полную этническую ассимиляцию польского населения Северо-Западного края»⁶⁹.

68 Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А.И.Миллер, В.Ф.Репринцев, Б.Н.Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.

69 Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 172. В этой книге на основании фондов исключительно архивов центральных учреждений детально описаны некоторые меры национальной политики в Северо-Западном крае, но при этом следует отметить, что автор, не будучи знакома с местными архивами, далеко не полно смогла описать реализацию национальной политики.

Не относит русификацию к основным целям национальной политики России и Теодор Р.Уикс (Theodore R.Weeks)⁷⁰, делая исключение в этом случае для политики в отношении белорусов и украинцев. В статьях, посвященных политике России в отношении литовцев, он прежде всего обращает внимание на то, что говорят сами имперские чиновники о целях национальной политики. Особое внимание исследователь уделяет отчетам губернаторов. Он отмечает, что обычно чиновники как цель национальной политики указывали русификацию края, но не конкретной этнической группы. При этом Т.Р.Уикс считает, что ответить на вопрос, стремились ли власти к русификации литовцев, сложно⁷¹.

Достаточно популярным в исторической литературе стал тезис о том, что расширение империи проходило за счет русского народа, то есть мультиэтнический характер государства не позволил осуществить проект современного русского народа⁷². Реагируя на такие концепции, Алексей Ильич Мил-

70 Weeks T.R. *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914*. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 13, 17, 69.

71 Weeks T.R. *Russification and the Lithuanians, 1863–1905* // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 1. P. 96–114; Idem. *Official Russia and Lithuanians, 1863–1905* // *Lithuanian Historical Studies*. 2001. Vol. 5. P. 68–84.

72 Hosking G. *Empire and Nation-Building in Late Imperial Russia* // *Russian Nationalism. Past and Present* / Ed. G.Hosking and R.Service. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 19–34; Idem. *Rußland. Nation und Imperium, 1552–1917*. Berlin: Siedler, 2000; Rowley D.G. *Imperial Versus National Discourse: The Case of Russia* // *Nations and Nationalism*. 2000. Vol. 6 (1). P. 23–42.

лер утверждает, что дефиниция национализма Эрнеста Геллнера (Ernest Gellner), согласно которой национализм — это движение, стремящееся к конгруэнции политических и культурных границ, соответствует национализму недоминирующих этнических групп, но не соответствует тем случаям, когда у национализма имеется «своя» империя. А.И.Миллер утверждает, что российская правящая и интеллектуальная элиты различали понятия русской «национальной территории» и империи: империя никогда не понималась как те границы, в которых могло проходить осуществление проекта современной русской нации, то есть имперские власти никогда не стремились к конгруэнции Российской империи и русской культуры, иначе говоря, к ассимиляции представителей всех других национальностей. Однако в умах правящей и интеллектуальной элит существовало представление о части империи, которая с этнокультурной точки зрения была русской или должна была такой стать⁷³.

- 73 Miller A. Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire During the Nineteenth Century: Some Methodological Remarks // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. В. 49. Н. 2. С. 258; Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // *Российская империя в сравнительной перспективе* / Сост. М.Баталин, А.Миллер. М.: Новое издательство, 2004. С. 265–270; Miller A. Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm // *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. № 1. P. 23; *Nationalizing Empires* / Ed. S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015.

А.И.Миллер сформулировал и всю программу русификации «классифицировать и понять». Российский ученый предлагает обратить внимание на многозначность процесса русификации в Российской империи: объем понятия «русификация» зависел от того, как определялась принадлежность к русскому народу; понятие имело разное значение по отношению к разным этническим группам; в определенных случаях ясно прослеживался порог «отверженной ассимиляции», то есть границы готовности империи и русского общества принять обрусение (так, с большим подозрением относились к обрусевшим евреям); для процесса русификации были важны обе стороны — и имперские власти, и представители нерусской национальности, у которых часто могли быть свои стимулы изучать русский язык, перенимать русскую культуру и пр.⁷⁴

Несмотря на то что в западноевропейской и российской историографии обычно утверждается, что после подавления восстания 1863–1864 годов и особенно в период с 1880-х годов вплоть до революции 1905 года усиливалась дискриминационная политика в отношении представителей нерусских групп⁷⁵,

74 Миллер А.И. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 133–148; Он же. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 54–77.

75 Person R. Privileges, Rights, and Rusification, *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 94–97, 102; Thaden E. *Russification in Tsarist Russia* // Edward C. Thaden with the collaboration of M. Forster Thaden, *Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe*. New York: Social Science monographs, Boulder, 1990. P.

некоторые из упомянутых мной авторов, а также множество других склонны подчеркивать непоследовательность российской национальной политики. Ученые отмечают, что в империи отсутствовал институт координации национальной политики, применяемые властями меры чаще всего были не этапами заранее планировавшихся действий, но лишь ответом на «вызовы» со стороны представителей других национальностей (например, «польское» восстание и пр.), поэтому приходят к выводу об отсутствии в Российской империи последовательной национальной политики⁷⁶. Российский историк Леонид Ефремович Горизонтов подчеркнул эту непоследовательность и в названии книги — «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше»⁷⁷.

Более продуктивным в сравнении с тезисом о непоследовательности национальной политики представляется подход, стремящийся выделить конкурирующие представления об империи и/или соответствующие этим представлениям стратегии национальной политики, характерный для работ

211–220; Hosking G. *Rußland. Nation und Imperium, 1552–1917*. Berlin: Siedler, 2000. S. 408.

76 Person R. Privileges, Rights, and Rusification // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 89–90; Lieven D. *The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven; London: Yale UP, 2002. P. 275; Weeks T.R. *Managing Empire: Tsarist Nationalities Policy* // *The Cambridge History of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 27–44.

77 Горизонтов Л.Е. *Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше*. М.: Индрик, 1999.

В.Родкевича⁷⁸. Карстен Брюггеманн (Karsten Brüggemann) вслед за Марком Бассином (Mark Bassin) показал, как перцепция Прибалтийских губерний в российском дискурсе коррелировала с различными представлениями об империи — «европейской», «антиевропейской», «национальной»⁷⁹. Т.Р.Уикс выбрал двух деятелей для представления различных позиций по отношению к нерусскому населению: Василия Иосифовича Гурко, сына варшавского генерал-губернатора Иосифа Владимировича Гурко, и виленского генерал-губернатора Петра Дмитриевича Святополк-Мирского⁸⁰. М.Д.Долбилов видит в российской конфессиональной политике динамическую смену политики «дисциплинирования» (когда государство предоставляет «иностранцам» исповеданиям важные функции) и политики «дискредитации» (которая, часто будучи мотивирована различными фобиями, стремилась к умалению роли неправославных конфессий)⁸¹.

78 Kivelson V.A., Suny R.G. *Russia's Empires*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 250–252.

79 Brüggemann K. *Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018.

80 Weeks T.R. *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 47–54.

81 Долбилов М.Д. *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Параллельно существует и другая точка зрения, сторонники которой склонны не замечать различий российской национальной политики, конкретно — конфессионального подхода. Роберт Круз (Robert Crews) экстраполирует практики российской конфессиональной политики из Волго-Уральского региона в первой половине XIX века на всю империю, а также и на более поздний период и представляет Российскую империю как «конфессиональное государство», явно переоценивая благосклонность императоров к религиозной ортодоксии и игнорируя религиозную юдофобию⁸². При этом часть современных российских и белорусских историков считает своим долгом поиск оправдания действий имперских властей в отношении неправославных конфессий, что заставляет ученых прибегать к риторике чиновников XIX века и не замечать никакой дискриминации нерусского и неправославного населения⁸³.

«Ревизионистские» интерпретации постепенно утвердились и в работах историков, посвященных «еврейскому вопросу». В последнее время историки отказались от понимания российской политики в отношении евреев как последовательной дискриминации этой этноконфессиональной группы с

82 Crews R. Empire and Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108/1. P. 50–83.

83 Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — XX в. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007; Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010.

целью ее русификации. Исследователи утверждают, что и часть российских императоров, и некоторые представители российской правящей элиты достаточно положительно относились к евреям и усиление дискриминационной политики было вызвано не только позицией тех представителей политической элиты России, для которых были характерны сильные юдофобские взгляды (важно и то, что эта юдофобия определялась не только унаследованным религиозным антииудаизмом, но и экономическим и политическим расчетом), но и другими факторами: замкнутостью самой еврейской общины, распространенными в обществе антиеврейскими настроениями. В современной историографии большинство исследователей согласны с тем, что имперские власти не стремились к ассимиляции евреев и с 1880-х годов вообще перешли к политике сегрегации; несмотря на широкую распространенность антиеврейских фобий среди представителей правящей элиты, власти не стимулировали антиеврейских погромов и пр. В то же время отмечается, что даже те российские чиновники, которые были позитивно настроены по отношению к евреям, не смогли представить реальных проектов интеграции или ассимиляции этой этнокультурной группы, поскольку руководствовались в большей степени абстрактными, а не реальными представлениями о евреях⁸⁴.

Таким образом, одной из причин, ставших определяющими для изменений курса российской национальной полити-

84 С целью экономии места историография «еврейского вопроса» не приводится. Отметим, что речь идет о работах Дж. Д. Клира, Й.Петровского-Штерна, М.Станиславского, Б.Натанса, М.Аронсона и других.

ки, в западной и российской историографии считают «вызовы» со стороны представителей других национальностей, прежде всего «польские» восстания. Эти восстания, в особенности восстание 1863–1864 годов, убедили имперские власти в том, что проводившаяся ранее политика сотрудничества с элитой окраин себя не оправдала, поэтому последовал переход к русификации⁸⁵. Поскольку восстание затронуло не только Царство Польское, но и Северо-Западный край, новые эксперименты в области национальной политики интенсивно проводились на всей территории бывшего Польско-Литовского государства. И поэтому периоду, последовавшему за восстанием 1863–1864 годов, в этой книге будет уделено особое внимание.

Усиливавшиеся с ростом влияния идеологии национализма в среде правящей элиты представления о «национальной» или «национализирующей» империи в исторической литературе были названы еще одной причиной смены курса национальной политики⁸⁶. И здесь особая роль вновь отводится

85 Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. Munich: C. H. Beck, 1992. S. 203, 227; Hosking G. *Empire and Nation-Building in Late Imperial Russia // Russian Nationalism. Past and Present / Ed. G.Hosking and R.Service*. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 28–29; Рольф М. *Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 25, 166, 512.

86 В историографии принято отличать пропагандировавшуюся властями идеологию от русского общественного национализма. Исследователи отмечают, что идеология русского общественного национализма, точнее ее различные варианты, на протяжении XIX века все больше влияла на власти, однако пра-

восстанию 1863–1864 годов, приведшему к росту русского национализма⁸⁷. Этот аспект интересно рассматривает Ольга Евгеньевна Майорова, обоснованно утверждая, что правящая династия не была склонна признавать народ субъектом истории, поскольку подобное признание потенциально могло означать вызов легитимности династии. Единственными эпи-

вщая элита до самого конца существования империи отдавала предпочтение имперской идеологии. К современному национализму власти относились с осторожностью еще и потому, что он потенциально требовал смены суверена — сувереном должен был быть уже не император, но народ. Как точно заметил Роналд Г. Суни (Ronald G. Suny), «по официальному сценарию народ любил царя, но не санкционировал и не легитимизировал его право монархической власти»: Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «Национальное» самосознание и теория империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 56. Также о дифференциации этих идеологий см.: Kappeler A. Bemerkungen zur Nationsbildung der Russen // *Die Russen. Ihr Nationalbewußsein in Geschichte und Gegenwart* / Hrsg. A. Kappeler. Köln: Markus, 1990. S. 19–35; Миллер А. И. «Украинский вопрос». С. 11; Weeks T. R. Official and Popular Nationalisms: Imperial Russia 1863–1914 // *Nationalismen in Europa. West- und Osteuropa im Vergleich* / Hrsg. U. v. Hirschhausen, J. Leonard. Göttingen: Wallstein Verlag, 2001. P. 411–432; Renner A. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the «Invention» of National Politics // *Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. № 4. P. 663.

87 Miller A. Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire During the Nineteenth Century: Some Methodological Remarks // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. B. 49. H. 2. S. 260; Renner A. *Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855–1875*. Köln; Wien: Böhlau, 2000. S. 185–273.

зодами, когда власти могли решиться на определенный компромисс, то есть признать народ самостоятельным субъектом истории, представляли собой критические ситуации, когда возникала угроза целостности государства, например войны. Именно так понималась ситуация в 1863–1864 годах. Воспользовавшись идиомой войны, русские интеллектуалы, прежде всего М.Н.Катков и Иван Сергеевич Аксаков, в публичном дискурсе превратили русских в политически доминирующий в империи народ. Невозможность выражения в политическом пространстве и влияние военного тропа, как считает О.Е.Майорова, и определили агрессивный характер русского национализма⁸⁸.

Восстание 1863–1864 годов в российском публичном дискурсе изображалось как наступление врага извне. Внешние факторы и изменение международной ситуации также названы в историографии причинами, оказывавшими влияние на национальную политику царской России. Очень обобщенно эти причины можно разделить на две части. Прежде всего на Россию оказывали влияние протекавшие в Европе процессы, в первую очередь в Италии и Германии: распространение национального принципа в Европе стало вызовом для правящей элиты России, склонной поддерживать целостность империи с помощью династического патриотизма⁸⁹. В других случаях

88 Maiorova O. War and Peace. The Trop of War in Russian Nationalist Discourse during the Polish Uprising of 1863 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 3. P. 501–534.

89 Renner A. *Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855–1875*. Köln; Wien: Böhlau, 2000. S. 102–117; Maiorova O. War and Peace. The Trop of War in Russian Nationalist

имперские власти прибегали к тем или иным мерам национальной политики в зависимости от международных интересов или в качестве реакции на национальную политику других государств. Так, меры, применявшиеся в отношении украинцев, корректировались с оглядкой на политику Габсбургов в Восточной Галиции, объединение Германии меняло отношение к остзейским немцам и так далее⁹⁰. Эти контексты, как мы увидим ниже, важны и при исследовании национальной политики в Северо-Западном крае. Лингвистическая политика в отношении украинцев затронула и белорусов, считавшихся частью триединой русской нации. Точно так же постоянно менявшееся отношение правящей и интеллектуальной элиты империи к остзейским немцам можно проследить и на исторических землях Великого княжества Литовского, где остзейские немцы составляли пусть количественно незначительную, но достаточно репрезентативную группу, особенно в Ковенской губернии, кроме того, имперские власти решали вопрос, можно ли использовать остзейских немцев для уменьшения польского влияния.

Еще одним фактором, оказывавшим влияние на национальную политику, была модернизация, то есть, прежде всего, стремление унифицировать империю с целью удобства управ-

Discourse during the Polish Uprising of 1863 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 3. P. 501.

- 90 Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: C.H.Beck, 1992. S. 228; Mille A. *Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm* // *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. № 1. P. 18–19.

ления государством⁹¹. Одним из таких эпизодов ускорения модернизации в Российской империи были реформы, проводившиеся во время правления Александра II, известные как Великие реформы. М.Д.Долбилов связал цели Великих реформ с политикой русификации на западных окраинах империи. Некоторые меры национальной политики в Северо-Западном крае он объясняет не только как средства ассимиляции, но и как стремление имевших реформаторские установки чиновников унифицировать социальную ситуацию в Северо-Западном крае и во внутренних районах России, отдалить крестьян от враждебно настроенного дворянства и таким образом «приблизить» народ к реформируемому государству⁹².

В исторической литературе существует единое мнение по поводу того, что нерусский национализм до Первой мировой войны не был опасен для целостности империи⁹³. Однако этот вывод необязательно означает, что имперские власти успешно справились со всеми вызовами национализма. Штефан Бергер (Stefan Berger) и А.И.Миллер в книге «Национализирующие империи» (Nationalizing Empires) концентрируют внимание на проходивших в недрах империй процессах национальной консолидации, которые, по мнению историков, были достаточно успешными. Авторы также подчеркивают, что укреплявшийся национализм в империях имел целью «в большей

91 Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: C. H. Beck, 1992. S. 226.

92 Dolbilov M. *Imperijos biurokratija ir lietuvių kalbos lotyniškais rašmenimis drau--dimas 1864–1882 m.* // *Raidžių draudimo metai / Sud. D. Staliūnas*. Vilnius: LII leidykla, 2004. P. 111–137.

93 Lieven D. *The Russian Empire and Its Rivals*. P. 284.

степени сохранять и расширять империи, а не их распад или трансформацию в национальные государства» (preservation and extension of empires rather than at the dissolution of empires or the transformations of entire empires into nation-states)⁹⁴. А.И.Миллер показывает, как монархия пользуется национализмом в качестве источника легитимации и какие отношения устанавливаются между имперскими властями и общественным русским национализмом⁹⁵. Эта тема была объектом исследований и других ученых. Т.Р.Уикс считает, что «после 1905 года официальный и общественный национализмы сближаются как никогда прежде» (after 1905 official nationalism and popular nationalism became closer than ever), несмотря на то что между этими двумя типами национализма существует «постоянное напряжение» (a constant tension)⁹⁶.

Но даже если мы согласимся с положением о том, что в центре империи шел процесс сближения имперских властей и русского общественного национализма, все равно остается открытым вопрос о том, как действовала эта национализация империи и могла ли она в долгосрочной перспективе повлиять

- 94 Berger S., Miller A. Introduction: Building Nations in and with Empires — A Reassessment // *Nationalizing Empires* / Ed. S. Berger and A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015. P. 3.
- 95 Miller A. The Romanov Empire and the Russian Nation // *Nationalizing Empires* / Ed. S. Berger and A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015. P. 309–368.
- 96 Weeks T.R. Official and Popular Nationalisms: Imperial Russia 1863–1914 // *Nationalism in Europe: West- und Osteuropa im Vergleich* / Ed. U.v.Hirschhausen and J.Leonard. Gottingen: Wallstein Verlag, 2001. P. 412, 432.

на интеграцию нерусского населения. А.И.Миллер и М.Д.Долбилов отмечают, что в 1907 году имперские власти, изменив порядок проведения выборов в Думу и уменьшив представительство нерусских народов, фактически отказались от интеграции нерусских народов в политическую систему империи⁹⁷. В подготовленном журналом *Ab Imperio* учебнике утверждается, что имперская национальная политика, несмотря на стремление сохранить целостность государства, по своей сути была антиимперской в том смысле, что она не наметила места в политическом теле империи для представителей нетитульных наций⁹⁸. К достаточно категоричному выводу приходит и Файс Хиллис (Faith Hillis), исследовавшая различные коллективные идентификации и проявления национализма в Правобережной Украине: «Российские цари, бюрократы и интеллектуалы доказали свою неспособность найти консенсус по поводу того, как империя должна ответить на национальные вызовы. Они не могли руководствоваться этнонациональными мотивами, управляя империей, как и не могли опираться на гражданский национализм, не подрывая тем самым устои авторитарной системы. Российские лидеры не смогли найти идеи и учреждения, способные объединить подданных

97 Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 367.

98 Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Ред. И.Герасимов. Казань: *Ab Imperio*, 2017. С. 286.

царя в национализирующемся мире, что привело к ослаблению внутренней стабильности империи»⁹⁹.

Итак, те историографии, которые «представляют» недоминировавшие этнические группы, склонны видеть в действиях российских властей больше последовательности и русификации, как минимум после восстания 1863–1864 годов, в то время как западная и российская историографии подчеркивают непоследовательность имперской национальной политики, а радикальные средства гомогенизации при этом обычно отмечаются только в отношении белорусов и украинцев. Историки, относящиеся к первой группе, чаще всего анализируют конкретные меры национальной политики, поскольку, по их мнению, и так известно, к чему стремились российские власти, и меньше внимания уделяют вопросам о том, как чиновники различного ранга формулировали цели этой политики и какой терминологией они при этом пользовались; историки же, относящиеся ко второй группе, напротив, прежде всего анализируют публичный и непубличный дискурсы, представления об империи¹⁰⁰.

Принимая во внимание поле исследований, в настоящей книге предлагается подход, позволяющий интегрировать

99 Hillis F. *Children of Rus'. Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation*. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 2013. P. 7.

100 Конечно, это лишь общие тенденции, сюда не смогут войти работы некоторых исследователей, например М.Д.Долбилова, который уделяет много внимания не только общественному и официальному дискурсам, но и практике конфессиональной политики.

наиболее сильные стороны обеих условно разделенных историографических традиций.

Метод исследований и структура книги

Если мы хотим выяснить, стремились ли чиновники Российской империи к этноциду, нам необходимо прежде всего понять не только господствующие представления об империи, рецепции окраин и высказывания о целях национальной политики, но и то, на основе каких критериев в то время в российском дискурсе устанавливалась национальная принадлежность. Поэтому надо исследовать три взаимосвязанные проблемы. В первую очередь необходимо выяснить, как чиновники различных рангов и влиятельные публицисты формулировали цели национальной политики, обращая при этом особое внимание на то, какой терминологией они пользовались (обрусение, ассимиляция, слияние, сближение и пр.) и какие значения связывались с этой терминологией. Далее следует установить, как в то время в российском дискурсе понималась национальная принадлежность, то есть кого считали поляком, русским, евреем, литовцем и так далее, и как, с точки зрения чиновников и влиятельных российских публицистов, можно было изменить национальную принадлежность, или, другими словами, что должен был сделать не относящийся к русской нации подданный империи, чтобы имперские власти начали считать его русским (декларировать лояльность императору или империи, изменить внешний вид, выучить русский язык и пользоваться им в домашнем кругу, перейти в православие и так далее). Установив, как в то время понималась национальная принадлежность, то есть какие сегменты национального идентитета считались наиболее важными, необходимо проследить, пытались ли власти изменить или упразднить маркеры, свидетельствующие об инаковости той или другой национальной группы. Попытки изме-

нить или элиминировать маркеры, свидетельствующие об отличиях недоминирующей этнической группы, могут сигнализировать о достаточно разных стратегиях национальной политики, которые, как в «долгом XIX столетии», так и в исторической литературе, часто определяются одним и тем же термином — «русификация».

Для того чтобы раскрыть разнообразные смыслы понятия «русификация», я воспользуюсь предложенной американским историком Бенджамином Натансом (Benjamin Nathans) дистинкцией между ассимиляцией, аккультурацией и интеграцией: «Ассимиляцию следует понимать как процесс, который завершается с исчезновением элемента узнавания определенной группы общества. Напротив, аккультурация означает приспособление к форме окружающего общества, которая меняет, но не упраздняет признаков различия, особенно в сфере культуры и идентичности. Интеграция дополняет аккультурацию (хотя они необязательно проходят одновременно) в социальной сфере — интеграция может быть институционной (например, в сфере образования), географической (по месту жительства) или экономической (в профессиональной деятельности)»¹⁰¹. То есть аккультурация может, но не в обязательном порядке, быть предварительной стадией ассимиляции. Понятие интеграции я расширю, и меры, с помощью которых имперские власти стремились превратить представителей других национальностей в лояльных подданных, также буду считать интеграцией. В практике национальной политики

101 Nathans B. *Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002. P. 11.

встречаются действия, которые могут быть определены как сегрегационная политика. Сегрегацией я буду называть политику властей, ограничивающую возможности какой-либо недоминирующей национальной группы выбирать место жительства или характер деятельности (посещать общие школы, занимать должности на государственной службе и пр.).

Ассимиляционные, аккультурационные, интеграционные или сегрегационные элементы политики коррелируют с представлениями об империи и с вытекающими из них стратегиями национальной политики. В этой книге я буду пользоваться дистинкцией между стратегиями имперской и националистической национальной политики, которые в данном случае понимаются как определенные идеальные типы. Имперская стратегия — это такая политика, когда приоритетом является политическая лояльность всех подданных империи и власти не применяют насильственных мер для достижения аккультурации и тем более ассимиляции, хотя последние могут быть желательны; националистическая стратегия предполагает представление о том, что путь к политической лояльности лежит через культурную гомогенизацию, поэтому на том пространстве империи, которое понимается как русская «национальная территория», предпринимаются попытки обеспечить лояльность нерусского населения путем применения ассимилятивной и аккультурационной политики, а в тех случаях, когда применить такую политику невозможно или применить ее не удастся, государство прибегает к мерам

сегрегационной политики, при этом преимущества предоставляются тем, кого считают русскими¹⁰².

При такой стратегии исследования одинаково важными являются анализ и официального, и общественного дискурса (что и как говорится о целях национальной политики, как понимается национальная принадлежность) и рассмотрение конкретных, чаще — дискриминационных, действий властей. После того как станет понятно, какой маркер доминирует при определении национальной принадлежности, нужно проследить, стремились ли власти элиминировать или модифицировать этот маркер. Например, если при исследовании национальной политики Российской империи окажется, что доминирующей являлась конфессиональная парадигма, следует

102 Похожим образом различные стратегии имперской политики описаны В. Родкевичем, исследовавшим политику России в 1863–1905 годах, но между подходом В. Родкевича и подходом, примененным в этой книге, имеются существенные различия: В. Родкевич понимает эти стратегии как реально существовавшие, а не как идеальные типы; кроме того, он наделяет эти стратегии определенными свойствами, которые, с моей точки зрения, трудно обосновать: например, он пишет, что бюрократический национализм стремился превратить империю в русское национальное государство, при этом интеграцию В. Родкевич понимает как «полную лингвистическую и культурную русификацию нерусского населения» (a full linguistic and cultural russification of non-Russians) и считает, что представители имперской стратегии национальность [nationhood] понимали как политическую лояльность и эта стратегия предполагала поддержку устремлений литовцев, белорусов, украинцев как противовес против поляков.

ответить на вопрос, предпринимали ли власти попытки обратить исповедовавших «иностранные исповедания» в православие, то есть ассимилировать, или использовались иные формы конфессиональной инженерии, то есть привлекались средства аккультурации. Преимущество такого подхода в том, что он, с одной стороны, позволяет рассматривать действия властей в более длительной перспективе, увидеть долгосрочные тенденции даже в том случае, если тот или другой влиятельный чиновник не очень четко осознавал, каких целей национальной политики позволяет достичь применение тех или иных мер.

Книга состоит из трех разделов. В первом рассматривается перцепция исторических земель Великого княжества Литовского в общественном и (более подробно) в официальном русском дискурсах, то есть выясняется, каким образом это пространство на российской ментальной карте начало восприниматься как русская «национальная территория»¹⁰³. Я попытаюсь выяснить, можно ли согласиться с утверждением, что, в отличие от этнических белорусских земель, территория проживания литовцев на российской ментальной карте не тракто-

103 О научной литературе, посвященной проблематике ментальных карт, см.: Schenk F. B. *Mental Maps: The Cognitive Mapping of the Continent as an Object of Research of European History* // *European History Online (EHO)*. Mainz: Leibniz Institute of European History (IEG), 2013-07-08. <http://www.ieg-ego.eu/schenkf-2013-en>. URN: urn:nbn:de:0159-2013070216 (просмотрено 6 июля 2021).

валась как русская «национальная территория»¹⁰⁴. В этом разделе я буду анализировать смену названий края, инструментализацию исторических, этнографических и национальных статистических данных, проводившихся с целью доказать исконную русскость этого региона, связи реализованных и оставшихся на бумаге территориально-административных реформ с перцепцией субрегионов этого края в российском дискурсе, а также символическое освоение пространства. Понимание того, как и Северо-Западный край, и его отдельные субрегионы с белорусским и литовским большинством концептуализировались на российской ментальной карте, то есть того, какая территория и насколько последовательно считалась русской «национальной территорией», поможет определить, какие смыслы вкладывались в понятие «обрусение».

Разнообразие этих смыслов рассматривается во втором и третьем разделах. Анализ открывает обзор периода, последовавшего за подавлением восстания 1863–1864 годов. Как уже отмечалось, именно этот «мятеж» в историографии считается переломным моментом национальной политики не только в том регионе, где шло восстание, но и в империи в целом. В данном случае будет применен ситуативный подход¹⁰⁵, кото-

104 Miller A. *The Romanov Empire and Nationalism. Essays in the methodology of historical research.* Budapest; New York: CEU Press, 2008. P. 163, 170.

105 Miller A. *Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm* // *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History.* 2004. № 1. P. 5–26; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 28–32.

рый, с моей точки зрения, является дополненным вариантом регионального подхода и явно контрастирует с характерной для национальных историографий концентрацией исключительно на одном национальном вопросе¹⁰⁶. Я буду анализировать политику имперских властей, руководствуясь ментальной картой имперских чиновников и влиятельных публицистов, то есть на территории всего Северо-Западного края, поскольку представители властей не только в Вильне, но и в Санкт-Петербурге моделировали национальную политику именно в рамках этого региона. Шесть губерний Северо-Западного края¹⁰⁷ в самый разгар «обрусения» были подчинены одному и тому же центру силы местных властей — виленскому генерал-губернатору, и до самого конца существования империи этот регион входил в состав Виленского учебного округа.

Однако многие метаморфозы национальной политики невозможно объяснить, руководствуясь лишь узко понимаемым региональным подходом, поскольку «польский вопрос» в Северо-Западном крае был тесно связан с имперской политикой в Царстве Польском, литовцы проживали не только на находившейся в подчинении виленского генерал-губернатора территории, но и в Царстве Польском, поэтому имперские

106 Критику региональной политики можно найти не только в работах А. И. Миллера. См., например: Brüggemann K. Licht und Luft des Imperiums, Legi-ti-mations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. S. 22–23.

107 Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская.

чиновники в Вильне и Варшаве иногда советовались по вопросам политики в отношении литовцев; «еврейский вопрос», несмотря на инициативы местных адептов «русского дела», мог решаться только в столице империи с учетом ситуации во всей черте оседлости, и так далее. Другими словами, я пытаюсь принять во внимание взгляды и влияние всех действующих лиц, которые так или иначе участвовали в концептуализации и осуществлении национальной политики в Северо-Западном крае, в том числе и косвенно. Во втором разделе я пытаюсь выяснить, каким образом с помощью аналитических категорий — ассимиляции, аккультурации, интеграции, сегрегации — можно описать национальные политические практики, применявшиеся имперскими властями в отношении поляков, евреев, белорусов и литовцев.

В третьем разделе анализ продолжается: рассматривается ситуация начала XX века в условиях изменившегося политического режима в несколько более узком регионе — в «урезанном» Виленском генерал-губернаторстве, то есть в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях, хотя большинство рассматриваемых тенденций национальной политики были теми же и в остальной части Северо-Западного края. В данном случае не анализируется «еврейский вопрос», который в конце существования империи, очевидно, стал прерогативой центральных властей. Если во второй половине XIX века явно доминировала парадигма националистической национальной политики, то в начале XX века можно наблюдать конкуренцию этой парадигмы с имперской. В третьем разделе книги ставится вопрос о том, имели ли власти в конце существования Российской империи четкое направление национальной политики в Северо-Западном крае, которое с точки зрения самих властей могло быть результативным, то есть как минимум

способным обеспечить лояльность недоминирующих этнических групп. Я утверждаю, что такой стратегии у имперских чиновников не было и они фактически смирились с нелояльностью по отношению к Российской империи недоминирующих национальных групп этого региона (во всяком случае, элит этих групп).

Основным предметом исследования этой книги является проводившаяся Российской империей национальная политика, поэтому главные герои книги — чиновники различных рангов: и представители центральной власти, и местные должностные лица, которые (особенно в 1860-х годах) не только проводили национальную политику, но нередко были и инициаторами различных мер, нацеленных на лингвистическую или конфессиональную инженерию. Вторая половина XIX — начало XX века — эпоха, когда государственные служащие различных рангов были вынуждены реагировать на публичный дискурс, поэтому значимыми персонажами книги стали и влиятельные публицисты. В силу этих причин в предлагаемом вниманию читателей исследовании я в основном опираюсь на официальные, часто неопубликованные, документы, конфиденциальную межведомственную и частную переписку различных чиновников, представителей властей и влиятельных общественных деятелей. Существенно дополняют важную для исследования источниковедческую базу опубликованные в XIX веке интерпретации истории Великого княжества Литовского, этнографические и другие описания этого региона, публицистика.

Даты в книге приводятся по юлианскому календарю, действовавшему в Российской империи. Этот календарь отстает от григорианского календаря, который использовался в Царстве Польском, на 12 дней в XIX веке и на 13 дней — в XX веке. В тех

случаях, когда документы оформлены в Царстве Польском и адресованы центральным учреждениям, дата указана в соответствии с обоими календарями.

***

Несмотря на то что я много раз участвовал в российских научных конференциях, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Воронеже, и опубликовал около десяти статей на русском языке, у меня впервые появилась возможность представить в виде книги русскоязычным читателям результаты исследований, проводившихся в течение нескольких десятилетий.

Как обобщение результатов многолетней работы книга не является ни новым исследованием, ни точным переводом одной монографии — она опирается на материалы трех опубликованных ранее работ: монографии «Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863» (Amsterdam; New York: Rodopi, 2007) и статей «Poland or Russia? Lithuania on the Russian Mental Map» (Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century / Ed. D. Staliūnas. Boston: Academic Studies Press, 2016. P. 23–95), «Challenges to Imperial Authorities' Nationality Policy in the Northwest Region, 1905–1915» (The Tsar, the Empire, and the Nation. Dilemmas of Nationalization in Russia's Western Borderlands, 1905–1915 / Ed. D. Staliūnas and Y. Aoshima. Budapest; New York: CEU Press, 2021. P. 33–66).

После публикации положенной в основу книги монографии появилось немало важных исследований, посвященных политике России на западных окраинах империи, — прежде всего работы М.Д.Долбилова, Мальте Рольфа (Malte Rolf) и

К.Брюггеманна (Karsten Brüggemann)¹⁰⁸. Книги Рольфа и Долбилова вышли в издаваемой «Новым литературным обозрением» серии *Historia Rossica*. Для меня большая честь опубликовать свою книгу именно в этой серии, так высоко ценимой в академическом мире.

Я хочу поблагодарить за перевод книги на русский язык Татьяну Александровну Тимченко и выразить отдельную благодарность команде «Нового литературного обозрения», работавшей над книгой на заключительной стадии ее подготовки к печати. Также выражаю благодарность коллегам из раздела Истории XIX века Института истории Литвы, особенно Зите Медишаускене (Zita Medišauskienė), Ольге Мастянице (Olga Mastianica) и Вильме Жалтаускайте (Vilma Žaltauskaitė), а также Григорию Поташенко (Grigorjus Potašenko) за помощь при подготовке этой книги.

Перевод книги стал возможен благодаря гранту фонда поддержки научных исследований «Научный совет Литвы» (*Lietuvos mokslo taryba*; договор № S-LIP-21-23). Все исследования, опубликованные в этой книге, были подготовлены в Институте истории Литвы.

108 Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера; Brüggemann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018; Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020 (впервые книга издана на немецком языке: Rolf M. Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915), Oldenburg: De Gruyter, 2015).

Раздел I. Земли Великого княжества Литовского на ментальных картах имперской элиты

В этой главе речь пойдет о том, с помощью каких дискурсивных практик создавалась концепция, согласно которой Литва являлась не только владениями Российской империи, но и русской «национальной территорией». И прежде всего посмотрим, как имперские власти меняли название региона, и проясним важные, критические моменты имперского символического конструирования пространства на этой территории¹⁰⁹. Далее необходимо будет выяснить, какие научные (или псевдонаучные), идеологические и политические инструменты использовали имперские чиновники и интеллектуальная элита российского государства в процессе символического освоения именно этого региона. Затем будет рассмотрено, какое влияние оказала ментальная карта на перекраивание административных границ, то есть каким образом был осуществлен переход от дискурсивной практики к политической. И наконец, внимание будет уделено некоторым важным шагам, которые имперские власти предприняли по изменению культурного ландшафта.

109 Ранее написанные на эту тему работы: Medišauskienė Z. Laikas-Erdvė-žmogus // Lietuvos istorija. T. 8. D. 1: Devynioliktas amžius: visuomenė ir valdžia. Vilnius: Baltos lankos, 2011. P. 45–55. Наряду с неопубликованной перепиской чиновников основными источниками нашего исследования стали и опубликованные работы: Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет, с 1652 по 1892 год / Сост. С.Ф.Рубинштейн. Вильна, 1894; Полное собрание законов Российской империи (с 1772 года).

Глава 1. Переименование пространства

Земли бывшего Великого княжества Литовского вошли в состав Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой (в 1772, 1793, 1795 годах) и стали российскими губерниями. В конце XVIII века эту территорию, а также Правобережную Украину, входившую до разделов в состав Королевства Польского, называли «губернии от Польши присоединенные». Название не несло каких-либо дополнительных коннотаций, просто констатировало свершившийся факт. Использовались и другие похожие названия, например «новоприобретенные от Польши области». Иногда эти земли просто называли «польскими губерниями», однако, скорее всего, в этом случае имелся в виду не культурный, этнический, лингвистический или какой-либо иной похожий [польский] характер этих территорий, но именно упомянутый выше исторический факт — бывшая принадлежность этих земель Речи Посполитой, которая в то время в российском дискурсе называлась Польшей. Такое наименование этих территорий не было абсолютно точным, поскольку в созданную после раздела 1772 года Псковскую губернию вошла часть территории, принадлежавшая России еще до первого раздела Польши. Но такие мелочи в названии губерний не отображались.

В историографии нет единого мнения по вопросу о том, на каком конкретно этапе разделов российские власти аргументировали свои действия присоединением «своей» территории. Э.Аляксандравичюс и А.Кулакаускас утверждают, что такой «демагогией» российские власти пользовались только

«после двух первых разделов Речи Посполитой»¹¹⁰; М.Д.Долбилов и А.И.Миллер пишут о возникновении этой аргументации после всех трех разделов, правда, подчеркивают, что смысл, вложенный в легенду медали «Отторженная возвратих», должен пониматься как династическая, а не националистическая логика, то есть Екатерина II провозглашала возврат тех земель, которые когда-то принадлежали России, причем тот факт, что большинство жителей этой территории были славянами, то есть этнически близкими великороссам, еще не играл важной роли¹¹¹; другие авторы пишут, что подобная аргументация исторических прав, а также указания на этническую близость жителей присоединенных земель встре-

110 Aleksandravičius E., Kulakauskas A. *Carų valdžioje. XIX amžiaus Lietuva*. Vilnius: Baltos lankos, 1996. P. 56–57.

111 Долбилов М.Д., Миллер А.И. *Западные окраины Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 77.

чаются после второго и третьего разделов¹¹². В последнем исследовании Александр Борисович Каменский утверждает, что концепция собирания русских земель начинает формироваться в последней четверти XV века с целью обоснования прав Москвы на часть Великого княжества Литовского на основе как вотчинного права, так и того, что на этих землях живет православное население. Позже эту концепцию то забывали, то снова актуализировали (как это случилось в середине XVII и в начале XVIII века), кроме того, менялись идейные предпосылки: в XVIII веке уже не монарх претендует на территорию на основании вотчинного права — держателем этих прав становится государство. С 1720-х годов о собирании земель вновь забывают и актуализируют концепцию лишь в 1792 году, то есть накануне второго раздела. В 1793 году концепция исконных русских земель становится и частью публич-

- 112 Gajdučík V. N., Barelkowski M. Die Gouvernements Vicebsk und Mahilëŭ nach den Teilungen Polen-Litauens (1772–1830/31) // Die Teilungen Polen-Litauens. Inklusions- und Exklusionsmechanismen — Traditionsbildung — Vergleichsebenen / Hrsg. H.-J. Bömelburg, A. Gestrich, H. Schnabekl-Schüle. Osnabrück: Fibre, 2013. S. 261. Йоханнес Реми пишет, что российские власти обосновывали разделы в том числе и этническими аргументами, хотя в то время эти аргументы не были первостепенными: Реми Й. Польский вопрос и западные пределы русской народности в российской правительственной политике от разделов Польши до 1863 г. // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР / Ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту: Эстонский национальный музей, 2011. С. 61–70, особенно с. 61–63.

ного дискурса¹¹³. То есть спорными являются следующие вопросы: а) использовала ли элита российской власти не только исторические и конфессиональные, но и этнические аргументы; б) после каких конкретно разделов власти Российской империи «вспоминали» о своих правах на присоединенные земли?

Уже после первого раздела в официальном дискурсе упоминались исторические права России на присоединенные земли, то есть утверждалось, что это древнее наследство России¹¹⁴. В этом случае о принадлежности присоединенных территорий России должно было свидетельствовать и название этих территорий — Белоруссия, недвусмысленно указывавшее, что этот регион — Белоруссия/Белая Русь — является частью России¹¹⁵. Употребление термина «Белая Русь» в более раннее время рассмотрено белорусским историком Алесем Белым, который отмечает, что в русских документах термин распространяется в XVII веке и с этого периода имеет четкие идеологические коннотации, которыми Москва пользовалась для обоснования своих прав на эту территорию. Часто этот термин

- 113 Каменский А.Б. «Отторженная возвратих». Разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по россиеведению / Гл. ред. И.И.Глебова. М.: РАН. ИНИОН. Центр россиеведения, 2016. С. 220–261.
- 114 Lenkijos-Lietuvos valstybės padalijimų dokumentai. 1 dalis: Sankt Peterburgo konvencijos / Sud. R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius: Versus Aureus, 2008. P. 129–130, 179. Правда, похоже, что в то время эти идеи не были перенесены в публичный дискурс.
- 115 Топографическая примечания на знатнейшие места путешествия Ея ИВ в Белорусския наместничества 1780. [Санкт-Петербург, 1780]. С. 44–45.

имел в большей степени культурно-религиозные, но не географические коннотации; кроме того, он мог обозначать разные регионы: сначала Белой Русью называли современную территорию Украины, позже тот регион, который мы теперь называем Восточной Белоруссией, также Белой Русью называли и всю этнографическую Белоруссию¹¹⁶.

В контексте второго раздела наряду с аргументами о необходимости остановить анархию в Речи Посполитой, желании оградить себя от проникающих из Франции революционных идей и схожей риторикой в официальных документах можно обнаружить и этнические/конфессиональные аргументы. Так, в указе Екатерины II генералу Михаилу Никитичу Кречетникову от 8 декабря 1792 года утверждается, что присоединяются территории, «издревле России принадлежавшие, грады русскими князьями созданные и народы общего с россиянами происхождения и Нам единоверные <...>»¹¹⁷. С другой стороны, мышление политической элиты России в то время еще не было националистическим и этничность еще не была важной политической категорией.

В документах, связанных с третьим разделом, подчеркивается распространившаяся в Речи Посполитой анархия, и здесь нет прямых отсылок к историческим или этноконфессиональным аргументам, однако уже в некоторых официальных

116 Бель А. Хроніка Беларускай Русі. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск: Энцыклапедыкс, 2000. Р. 162–165; Он же. Белая Русь, Вялікая княства Літоўкае // Энцыклапедыя. Т. 1. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2005. С. 306–308.

117 Сборник Императорскаго Русскаго Географическаго общества. 1885. Т. 47. С. 473.

документах 1799 и 1800 годов вся территория, отошедшая после разделов к Российской империи, называется «возвращенной» от Польши¹¹⁸ либо используются подобные выражения, что однозначно говорит о том, что вся эта территория уже принадлежала России раньше¹¹⁹. При этом следует отметить, что в то время концепция исторических прав России на все земли бывшего Великого княжества Литовского использовалась редко. Таким образом, имперские власти после первого и второго разделов систематически использовали этноконфессиональный критерий, равно как и аргумент об исторических правах, при этом последний иногда встречается и после третьего раздела.

В начале 1810-х годов в официальных документах появляется новое название присоединенной территории — «западные губернии». В то время это название еще не несло дополнительных историко-идеологических коннотаций — оно просто указывало на географическую локализацию этой территории в западной части Российской империи. Кроме того, западными губерниями часто называли и другие территории, не только

- 118 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXV: 1798–1799. СПб., 1830. С. 542; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXVI: 1800–1801. СПб., 1830. С. 131.
- 119 В опубликованном в 1808 году статистическом описании Российской империи также отмечается, что земли ВкЛ и Правобережная Украина — это «древнее российское достояние»: Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, с предварительными понятиями о Статистике и о Европе вообще в Статистическом виде. СПб., 1808. С. 94–95.

бывшие земли Речи Посполитой. И лишь позже это название закрепилось за включенными в состав империи бывшими землями Великого княжества Литовского и за Правобережной Украиной. В официальном российском дискурсе новое название («западные губернии») несколько десятилетий сосуществовало со старым («губернии, присоединенные от Польши»).

Позднее более старое название было уточнено: губернии стали не «присоединенными», но «возвращенными». Новая версия названия губерний не только констатировала имевший место в конце XVIII века факт, но и обосновывала его историческим правом. Интересно, что это название появляется до восстания 1830–1831 годов¹²⁰, с которым обычно связывают радикальное изменение имперской политики¹²¹, что позволяет выдвинуть осторожную гипотезу о том, что еще до восстания среди правящей элиты зреют идеи о необходимости изменить национальную политику на этой окраине¹²².

Несколько лет в бюрократической переписке встречаются оба названия (и «присоединенные от Польши», и «возвращенные от Польши губернии»), однако после подавления восстания остается только второе. Еще почти десятилетие новое название, декларировавшее «возвращение» этих территорий, использовалось вместе с названием «западные губернии»,

120 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание второе. Т. V: 1830. Отд. второе. СПб., 1831. С. 89.

121 Ganzenmüller J. Russische Staatsgewalt und polnischer Adel. Elitenintegration und Staatsausbau im Westen des Zarenreiches (1772–1850). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2013.

122 См. раздел, посвященный историческим концепциям.

пока, наконец, в начале 1840-х годов почти полностью не вышло из употребления¹²³.

Под влиянием появившейся в 1830-х годах исторической концепции, которая будет обсуждена ниже в этой главе, появилось понятие «Западный край»¹²⁴, который включал в себя сначала восемь, а позже (с 1843 года) девять губерний бывших земель Великого княжества Литовского и губернии Правобережной Украины. Название «Западный край» находим в переписке середины 1830-х годов об учебнике истории этого края. Правда, тогда это название еще не устоялось¹²⁵. Иногда все присоединенные земли Великого княжества Литовского и Правобережную Украину называли «Юго-Западными губерниями» или «Юго-Западной Россией». И только позже, после 1863 года, употребление названий становится общепринятым, то есть оно («Западный край») применялось к девяти губерниям:

- 123 Иногда это название встречается и в 1860-х годах: РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3. Л. 18–19. Об этом документе более подробно см.: Staliūnas D. Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western borderlands in the mid-19th Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. Н. 3. S. 358–373.
- 124 Это название часто использовал один из создателей этой исторической концепции Николай Герасимович Устрялов: Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое Княжество Литовское? СПб., 1839.
- 125 Один из крупнейших российских специалистов первой половины XIX века в области статистики, географии и смежных областей Константин Иванович Арсеньев в 1845 году включил в понятие Западный край и Смоленскую губернию. РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской¹²⁶. В состав этого региона — Западного края — входили два субрегиона — Северо-Западный край; включающий шесть губерний, сформированных из бывших земель Великого княжества Литовского¹²⁷, и Юго-Западный край (три губернии Правобережной Украины). Эти названия, в сущности, не изменились до самого конца существования империи, несмотря на то что, как мы увидим далее, в конце XIX — начале XX века объем значения

126 В 1862–1864 годах издавался поддерживаемый частью имперских чиновников известный своей антипольской направленностью журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России». Название этого журнала заставляет говорить о том, что понятие «Западный край» охватывало только шесть, а не девять губерний. В 1855 году в официальных документах министр внутренних дел писал о назначении Владимира Ивановича Назимова губернатором Западных губерний, хотя в то время виленскому генерал-губернатору, которым и был назначен В.И.Назимов, подчинялось только четыре губернии (Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская): РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1307. Л. 17. Это еще раз подтверждает, что название все еще не было устоявшимся.

127 Название «Северо-западные губернии» встречается уже в указе о территориально-административных изменениях от 18 декабря 1842 года: Полное собрание законов Российской империи. Т. 17 (1842). Ч. 2. СПб., 1843. С. 229; Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. Caro valdžia, Lietuvos visuomenė ir pradinis švietimas XIX a. viduryje. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2000. P. 28. Однако этот термин мог пониматься как элементарная географическая локализация.

названия Северо-Западный край иногда сужался до трех «литовских» губерний.

Сначала властям империи не мешало и название Литва. Присоединенные к России губернии после первого раздела называли белорусскими, после третьего — литовскими. Непродолжительное время (1797–1802) территории, оказавшиеся под властью Романовых, были поделены на две губернии — Белорусскую и Литовскую¹²⁸. Позже они были разделены на более мелкие территориально-административные единицы, но Литва пока присутствовала в названии губерний: Литовско-Виленская губерния и Литовско-Гродненская губерния (объединены в Виленское генерал-губернаторство) и Белорусско-Витебская и Белорусско-Могилевская (также объединенные в одно Белорусское генерал-губернаторство). То есть прослеживается преемственность традиций прошлых столетий — Москва отмечает дуализм земель Великого княжества Литовского и при этом признает его нерусское ядро.

В 1840 году указом царя было запрещено упоминать в названии губерний Литву и Белоруссию. Очевидно, этот шаг Николая I был связан с имевшим место в 1830-х годах началом развития по отношению к западным окраинам империи политики, нацеленной на символическое освоение территорий. В этот же период Самогитское епископство стало Тельшевским епископством (в 1847 году после подписания России и Святым престолом конкордата появляется двойное название епископ-

128 После второго раздела была сформирована и Минская губерния.

ства — Самогитское (Тельшевское)¹²⁹). Однако царский указ не равен запрету на упоминание названия Литва. Название Литва продолжает употребляться в российском дискурсе. Так, название Русская Литва не раз употребляется этнографической экспедицией, проходившей на этнических литовских землях во второй половине XIX века, и это название обозначает входившие в состав Российской империи этнические литовские земли¹³⁰. Упоминание России в этом названии означает, что есть и другая Литва (населенная литовцами территория), входящая в состав другого государства (Пруссии). В начале XX века ковенское православное братство издавало газету «Литовская Русь»¹³¹, способствуя росту популярности этого термина, значение которого по сути было тем же — этнические литовские земли, входившие в состав России¹³². Также Литва сохра-

129 Prašmantaitė A. 1863 metų sukilimas ir Katalikų Bažnyčia Lietuvoje. Vilnius: LII leidykla, 2014. P. 12.

130 АРГО. Ф. 1–1862. Оп. 1. Д. 26. Л. 286; этот термин также часто используется в текстах участника экспедиции Юлия Кузнецова.

131 Этот термин использовался и раньше. Например, в 1860-х годах его использует помощник виленского генерал-губернатора Александр Львович Потапов. Создается впечатление, что в то время термин «Литовская Русь» используется А. Л. Потаповым как синоним других терминов — Литва или Северо-Западный край, при этом в том же документе говорится и о Литве и Белоруссии, в значении Северо-Западного края. См.: LVIA. F. 378. Ap. 219. V. 80. D. 1. L. 11–13.

132 По мнению редакции, название Литва может быть использовано не только потому, что существовало Литовское государство, но и потому, что на этой территории значительную часть населения составляют «литовцы и жмудины». «Литовская Русь» —

нилась и в названиях некоторых учреждений: так, до конца существования империи действовало учрежденное в 1839 году Виленское и Литовское православное епископство. Правда, в этом случае отсутствовала какая бы то ни было опасность использования названия Литва в антиимперских целях. Представляется очевидным, что подобное изменение названий учреждений произошло с целью искоренения в публичном пространстве знаков нерусской (то есть литовской) государственности.

Одновременно из названий губерний исчезло и название Белоруссия. Как уже отмечалось, название Белоруссия служило прежде всего инструментом, позволявшим имперским властям обосновать русский характер части земель Великого княжества Литовского. Имеющаяся информация позволяет выдвинуть единственное предположение: упоминание Белоруссии было удалено из названий губерний с целью соблюдения последовательности решений (удаление части «Литва» из названия губерний повлекло за собой применение того же принципа и в случае белорусских губерний, несмотря на то что название Белоруссия не должно было вызывать у имперских властей отрицательных коннотаций). В то время как упоминание о Литве удалялось из названий учреждений, могущих напоминать о существовании Речи Посполитой, белорусская состав-

большая часть Ковенской губернии, почти вся Сувалкская губерния и некоторые уезды Виленской и Гродненской губерний: Ковна, 31 декабря 1910 г. // Литовская Русь. 1911. № 1. С. 2. Ковенские губернские власти приказали учреждениям самоуправления городов и волостей в обязательном порядке оформить подписку на эту газету. См.: KRVA. F. 50. Ap. 1. B. 24334.

ляющая сохраняется в названии учебного округа (Белорусский учебный округ)¹³³. Министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров, принимая во внимание указ императора о названии губерний, предлагал переименовать и учебный округ — заменить «Белорусский» на «Виленский», но Николай I приказал отложить это решение¹³⁴.

Позже, до самого конца существования империи, имперские чиновники обычно называли литовскими территории, присоединенные к России после третьего раздела Речи Посполитой, то есть Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии. Правда, начиная с середины XIX века в российском официальном дискурсе все больший вес приобретают этнические категории, и тогда литовскими иногда называют только Виленскую и Ковенскую губернии¹³⁵. Созданная в результате второго раздела Минская губерния иногда не примыкает ни к белорусской, ни к литовской группе, иногда ее включают в состав литовских губерний¹³⁶, но со второй половины XIX века эта губерния все чаще осознается как белорусская.

Белорусские губернии (сначала две — Витебская и Могилевская, позже три — к группе добавляется Минская губерния) в некоторых случаях имели особый статус среди бывших земель Речи Посполитой. Уже упоминалось, что Российская империя заявляла о наличии исторических прав на присоеди-

133 В 1850 году вместо Белорусского учебного округа учрежден Виленский учебный округ.

134 РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 483.

135 Там же. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–7.

136 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. IX. Ч. 2: Виленская губерния. СПб., 1848. С. 24.

ненные во время первого раздела территории; но вместе с тем здесь были важны и определенные политические расчеты. Еще в 1763 году военный министр Александр Иванович Чернышев предлагал присоединить к России земли Речи Посполитой, расположенные к востоку от Днепра и Даугавы. Интересно, что А.И.Чернышев выступал против более широкой российской экспансии, поскольку она потребовала бы переселения части населения из центра империи на новые территории; также на новые территории должны были бы быть передислоцированы войска, а налоги, собранные в центральной части империи, должны были пойти на нужды окраин, что привело бы к оскудению центра. В то же время небольшое расширение территории, по мнению министра, могло быть полезным, особенно если учитывать наличие на западе России «натуральных границ». Как мы знаем, в 1772 году Российская империя расширила свою территорию как раз до этих «натуральных границ»¹³⁷.

В конце XVIII — первой половине XIX века белорусские губернии чаще всего попадали в группу польских губерний («от Польши присоединенных»), однако так было не всегда, и тогда эта группа губерний упоминалась отдельно как белорусские губернии, то есть приобретала статус русских или почти русских, как малорусские губернии. Не только использование названий говорит о том, что эти губернии не рассматривались

137 Раздел все же не следует считать равным предложению А.И.Чернышева, поскольку в этом случае трофеями пришлось делиться с другими государствами: LeDonne J. P. *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831*. Oxford et al.: Oxford University Press, 2004. P. 31–32; Gajdučik V. N., Barelkowski M. *Die Gouvernements Vicebsk und Mahilëŭ*. S. 248.

на российской ментальной карте как интегральная часть бывшей территории Великого княжества Литовского, — император Александр I в 1811 году рассматривал план воссоздания находящейся под императорской властью Польши в границах бывших земель Речи Посполитой, за исключением Белоруссии¹³⁸; в 1817 году было создано специальное военное подразделение, которое планировалось позднее включить в состав войска Королевства Польского, где служили жители Виленской, Гродненской, Минской, Подольской и Волынской губерний, но в эту часть не призывали жителей белорусских губерний¹³⁹; состав учебных округов до середины XIX века постоянно менялся, но в течение достаточно продолжительного времени белорусские и литовские губернии относились к различным учебным округам¹⁴⁰; действие Литовского Статута в белорусских губерниях было упразднено раньше (в 1831 году), чем в литовских губерниях (в 1840 году)¹⁴¹. Кроме того, и в известном письме Николая Михайловича Карамзина Александру I

- 138 Предполагалось, что граница будет идти по Даугаве, Березине и Днепру: Лукашевич А.М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810–1812 гг.), <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Lukashevich/index.html> (просмотрено 14 мая 2021); Gajdučik V. N., Barelkowski M. Die Gouvernements Vicebsk und Mahilëŭ. S. 273.
- 139 Gajdučik V.N., Barelkowski M. Die Gouvernements Vicebsk und Mahilëŭ. S. 278.
- 140 Lukšienė M. Lietuvos švietimo istorijos bruožai XIX a. pirmojoje pusėje. P. 37, 200.
- 141 Долбилов М. Д., Миллер А.И. Западные окраины. С. 104.

четко выделяется Белоруссия (наряду с Украиной), на которую Россия имеет особые права: «<...> Белорусия, Волыния, Подолия, вместе с Галициею, были некогда коренным достоянием России»¹⁴². В конце XIX — начале XX века белорусские губернии иногда не попадали под понятие «Северо-Западный край», что могло быть связано и с тем обстоятельством, что они больше не входили в юрисдикцию виленского генерал-губернатора.

Наряду со сменой географических названий отдельные имперские чиновники заботились и об исправлении «ополяченных» топонимов. Достаточно последовательные попытки чиновников в деле «возвращения» исконных названий просматриваются со второй половины XIX века. В 1868 году с инициативой замены польских топонимов русскими выступил виленский губернатор И.А.Шестаков, однако в конце века местные чиновники констатировали, что замена географических названий 1868 года была не вполне удачной «быть может, по той причине, что замена названий сделана была, во многих случаях, произвольно, а не на основании положительных исторических данных, каковыми представляются, относящиеся к помянутым местностям официальные акты и документы бывшего Литовского государства, писанные на русском языке»¹⁴³.

В 1893 году ведомство народного просвещения было озабочено тем, что в «народных школах» Виленской губернии пользуются картой, изданной фирмой Ильина, на которой

142 Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина.
http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_mnenie_russkogo_grajdanina.html (просмотрено 1 мая 2021).

143 РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 396. Л. 5–6.

«искони православно-русские исторические села и деревни прописаны с польскими окончаниями <...>»¹⁴⁴. Фирма Ильина была готова исправить ошибки, поэтому чиновники Северо-Западного края бросились составлять списки «неправильных» названий. Должностные лица Гродненской губернии вообще не нашли полонизированных русских топонимов. Несколько случаев полонизации удалось найти в Ковенской губернии. Ковенский губернатор констатировал, что русские географические названия могут иметь место только в части Новоалександровского (Зарасайского) уезда, где живут белорусы, в то время как в оставшейся части губернии, «как то установлено исторической наукой», истари живут литовцы, которые близки славянам, но все же не составляют с ними одной этнографической группы, поэтому аутентичные названия здесь «несомненно происходят из языка литовского» и эти названия могут быть восстановлены на основе народного говора и исторических документов¹⁴⁵. Из нескольких рассмотренных ковенским губернатором случаев было особо выделено название центра губернии. Губернатор распорядился позаботиться о том, чтобы всем было выслано указание в обязательном порядке называть город Ковна вопреки распространенному названию Ковно, поскольку в старину литовцы называли этот город Кауна; кроме того, это название города встречается и в изданных

144 РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 396. Л. 1.

145 LVIA. F. 378. BS. 1894 m. B. 382. L. 6. В 1880-х годах восстановлением исконных литовских названий был озабочен и обрусевший латыш Иван Спрогис: Спрогис И. Исторический словарь древней Жомойтской земли, XVI столетия. Вильна, 1888. С. V.

Виленской археографической комиссией сборниках исторических документов.

Информацию о Виленской губернии было поручено подготовить именно Виленской археографической комиссии. Комиссия пришла к выводу, что в девяти из десяти случаев образование русской формы возможно только путем изменения польского окончания на русское, поскольку в старину этих населенных пунктов не существовало и названия они получили только в конце XVIII — начале XIX века; кроме того, некоторые польские названия надо не исправлять, а просто переводить на русский язык; и лишь в 10 процентах случаев имеется возможность опираться на исторические источники. При этом чиновники утверждали, что такие изменения приживутся только в том случае, если будет издан отдельный высочайший указ¹⁴⁶.

Эта проблема для имперских чиновников не потеряла актуальности и в начале XX века. В 1903 году в Санкт-Петербурге были озабочены тем, что все еще встречаются случаи употребления официальными учреждениями, например Министерством путей сообщения, польского варианта названия столицы Северо-Западного края, исконно русского города: Вильно, а не Вильна¹⁴⁷. При этом в начале XX века польский вариант Вильно в официальных и полуофициальных документах, написанных на русском языке, используется гораздо реже, чем в первой половине XIX века, когда вариант Вильно доминировал. Так, в документации учебного округа Вильна начинает доми-

146 РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 396; LVIA. F. 378. BS. 1894 m. B. 382.

147 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1094. Л. 17. Министр дал указание использовать только русское название города.

нирывать в 1860–1870-х годах¹⁴⁸. На изданных в Российской империи картах до 1870-х годов обычно писалось Вильно¹⁴⁹, и только позже начинает преобладать вариант Вильна¹⁵⁰.

И даже перед началом Первой мировой войны имперские власти среди важнейших мер противостояния польскому влиянию особое место отводят борьбе с польскими топонимами и названиями улиц, вывесками и другими случаями употребления польского языка в публичном пространстве¹⁵¹. С началом Первой мировой войны в контексте антигерманской кампании в Санкт-Петербурге возникает идея замены немецких назва-

- 148 В данном случае мы опираемся на материалы, собранные Ольгой Мастяницей.
- 149 Например: Оболенский А. Атлас Российской империи, приспособленный к географическим учебникам в гимназиях и уездных училищах. СПб., 1849; Риттих А.Ф. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям: составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведующего устройством православных церквей в западных губерниях. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1864; Подробный атлас Российской империи с планами главных городов. 70 карт. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1876.
- 150 Например, на карте А.Ф.Риттиха 1874 года: Этнографическая карта Европейской России. Составил по поручению Императорского Русского Географического Общества действительный член оного А.Ф.Риттих под наблюдением специальной комиссии из Вице-председателя ИРГО П. П. Семенова и членов: А.И.Артемьева, Е.Г.Вейденбаума, М.И.Венюкова, А.А.Куника, П.И.Лерзе, Л.Н.Майкова, В.Н.Майкова и Н.В.Христиани. СПб.: Картографическое заведение А.А Ильина, 1875.
- 151 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 35; Там же. Д. 167. Л. 51.

ний русскими, однако виленский, гродненский и сувалкский губернаторы не находят названий, нуждающихся в замене¹⁵².

Таким образом, в 1830-х годах происходит перелом, во время которого правящая элита империи меняет географические названия на бывших землях Речи Посполитой, в том числе и в Великом княжестве Литовском. Именно тогда имперские власти инициировали и создание исторической концепции, призванной доказать права России на эти земли.

152 Там же. Ф. 1288. Оп. 5. 1914 год. Д. 83.

Глава 2. Формирование концепции Западной Руси

Из четырех выделяемых историком Александром Ильичом Филюшкиным российских дискурсов Великого княжества Литовского — агрессивности, исторической обреченности, необходимости завоевания, «правильной Руси» (то есть трактовки его как государства, выбравшего более правильный путь развития в сравнении с Московской Русью)¹⁵³ — только последний не встречается в российском дискурсе XIX века. Все остальные, хотя и с разной степенью интенсивности, проявляются и в работах русских историков XIX века, и в официальных документах; кроме того, достаточно часто встречается и сочетание этих дискурсов.

Дискурс обреченности трактовал Великое княжество Литовское как историческое недоразумение, слабое государство. Как мы уже упоминали, в опубликованных в контексте второго раздела Польши документах, оправдывающих аннексию, указывается, что Российская империя была вынуждена присоединить принадлежавшие ей когда-то земли по причине распространившихся в этих землях анархии и просочившихся из Франции безбожных идей, отсутствия покоя и порядка¹⁵⁴. Эта

153 Филюшкин А.И. «Другая Русь» в русской историографии // Lietuvos Didžioji Kunigaikštijos tradicija ir paveldo «dalybos» / Sud. A.Bumblauskas, Š.Liekis, G.Potašenko. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008. P. 93–113.

154 Хронологический указатель. С. 151, 152. Схожая аргументация появляется и после III раздела. Такая риторика характерна и для международных договоров, на основании которых проводился раздел Речи Посполитой: Lenkijos-Lietuvos valstybės

концепция достаточно часто встречается и в российской историографии второй половины XIX века:

«Несмотря, однако, на видимое внешнее могущество, на обширную и многолюдную территорию, вошедшую в его состав, на энергию господствовавшего племени и на старую культуру племени подчиненного, великое княжество Литовское также быстро ослабевает и разрушается, как быстро возникло. Внутреннее бессилие поражает этот, по-видимому, могучий политический организм; едва он успел сложиться, он ищет уже посторонней точки опоры, подчиняется влиянию соседнего государства... Литовское княжество замирает, укладываясь в бытовые и общественные формы, выработанные на совершенно чуждых ему началах...»¹⁵⁵

Дискурс об агрессивности подчеркивал притеснения, которые в Великом княжестве Литовском испытывало русское население. В действительности этот дискурс был в большей степени антипольским, нежели антилитовским, поскольку все несчастья связывались с поляками (ополячившимся дворянством) или с польским влиянием. Истоки таких интерпретаций мы находим в документах, появившихся в контексте второго раздела¹⁵⁶. Особенно интенсивно эта интерпретация развивалась после восстания 1863–1864 годов, когда имперским чиновникам было необходимо оправдать агрессивную дискриминационную политику, направленную против «лиц польского

padaijimų dokumentai. 1 dalis: Sankt Peterburgo konvencijos / Sud. R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius: Versus Aureus, 2008. P. 16, 36, 129, 130, 147, 154, 179, 229, 240, 241, 259.

155 Цитируется по: Филюшкин А.И. «Другая Русь». P. 101.

156 Хронологический указатель. С. 152.

происхождения». Именно в таком контексте виленский генерал-губернатор М.Н.Муравьев и инициировал конкурс на написание нового учебника истории Западного края. В этом учебнике основное внимание должно было быть сосредоточено «на судьбе русской народности в Северо-Западном крае, на усилиях ее отстоять от притязаний Польско-Католической пропаганды свою Православную веру, свой язык и коренные русские народные обычаи, — на неуклонной борьбе с польским шляхетством, навязывающим здешнему народу чуждые ему нравы, — на замечательных в летописях здешнего края личностях в среде православного населения, которые всеми силами противостояли гнету и насильственным действиям Польско-Католической пропаганды, и наконец должны были пасть как мученики за Веру и Русское слово под одолевшею их силою и влиянием пришедшей польской партии, захватившей в свои руки все артерии жизни и умственного развития здешнего народа»¹⁵⁷.

Этот, как пишет А.И.Филюшкин, *translatio servilium* характерен и для известных авторитетов русской академической археографии конца XIX — начала XX века, посвященной истории Великого княжества Литовского, Матвеем Кузмичу Любавскому, Митрофану Викторовичу Довнар-Запольскому и другим¹⁵⁸. Третий нарратив обосновывает исторические права России на территорию Великого княжества Литовского. Поскольку он является наиболее важным для рассматриваемой нами темы, мы детально проследим его возникновение в 1830-х годах.

157 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1672. L. 1–2.

158 Филюшкин А.И. «Другая Русь». Р. 98–99.

До 1830-х годов писавшие о Великом княжестве Литовском российские историки Михаил Михайлович Щербатов и Н.М.Карамзин рассматривали его как соседнее государство, которое долгое время удерживало в своем составе захваченные русские земли¹⁵⁹. Восстание 1830–1831 годов, которое в российском дискурсе того времени называли в том числе и революцией, заставило правящую и интеллектуальную элиту искать новые формы легитимации разделов Речи Посполитой.

В 1831 году Осип Иванович Сенковский, родившийся в Литве и работавший цензором в Санкт-Петербурге, сначала в газете *Tygodnik Peterburgski*¹⁶⁰ и позже в отдельной книге¹⁶¹, опубликованной на нескольких языках (а позже перепечатан-

159 Błachowska K. *Wiele Historii Jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku.* Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2009. S. 52–71.

160 *Dzieje Społeczne // Tygodnik Peterburski.* 1831. Nr. 24. S. 170–172; Nr. 25. S. 177–178.

161 [Сенковский О.И.] *Несколько замечаний на последнюю польскую революцию.* СПб., 1831. Автор этой публикации не указан, однако именно О.И.Сенковский значится как автор в каталоге Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, кроме того, изложенная в публикации концепция содержится в более поздних текстах О.И.Сенковского (например, в цитируемом тексте, написанном в 1835 году, в рецензии на книгу Н.Г.Устрялова о месте ВкЛ в истории России и об изданном в Вильне в 1843 году сборнике документов: Библиотека для чтения. 1839. Т. 33. С. 1–30; Библиотека для чтения. 1843. Т. 60. С. 29–39). Интересно и то, что именно О.И.Сенковский был цензором газеты *Tygodnik Peterburgski*.

ной и в издававшейся в Вильне газете *Kuryer Litewski*¹⁶²), начал рекламировать концепцию, согласно которой Великое княжество Литовское также объявлялось русским государством¹⁶³: в XIV веке существовали «мир Европейский и мир Славяно-Русский, или, лучше сказать, Руссо-Монгольский», и разделявшая эти два мира граница проходила по Неману и Бугу. Самой сильной частью славяно-русского мира того времени была Литва, которая «состояла почти из одних областей Славяно-Русских». В этом государстве были те же, что и в других славяно-русских землях, обычаи, правила политики, тот же язык, религия. В состав этого государства входила и этническая Литва (земли которой «едва составляют семь или восемь Округов нынешней Виленской губернии»), однако, как позже писал Сенковский, литовцы в этом государстве напоминали лишь «каплю воды в море», столица была основана на славяно-русских землях и, возможно, даже династия происходила от Рюриковичей¹⁶⁴. Литва как наиболее сильное русское государство имела все возможности утвердиться в славяно-русском

162 *Wiadomości Krajowe // Kuryer Litewski*. 1831. Nr. 60, 64, 65; Kulakauskas A. *Kova už valstiečių sielas*. P. 28.

163 О.И.Сенковский утверждал, что эти идеи он впервые озвучил публично во время лекции, которую читал на французском языке в Санкт-Петербургском университете в 1826 году: Библиотека для чтения. 1839. Т. 33. С. 27; Библиотека для чтения. 1843. Т. 60. С. 25.

164 [Сенковский О.И.] Несколько замечаний. С. 60–61; Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса). Т. 6. СПб., 1859. С. 46–48 (текст подготовлен в 1835 году). Столицы этого государства — Вильна, Троки, Гродно — были «на Русской земле»: Библиотека для чтения. 1843. Т. 60. С. 27.

мире, однако допустила роковую ошибку, объединившись с Польшей¹⁶⁵.

В то время концепция в российском дискурсе не прижилась. Причиной могло стать прежде всего то обстоятельство, что часть правящей российской элиты, в том числе министр народного просвещения С.С.Уваров, не доверяла «поляку» О.И.Сенковскому¹⁶⁶. Тем не менее вскоре эта идея в Российской империи стала официальной и обязательной, и инициативу взял в свои руки тот же Уваров.

Приняв решение о написании нового учебника истории, Уваров сначала доверил эту задачу своему личному другу Михаилу Петровичу Погодину, но рукопись Погодина по многим причинам оказалась более технического, чем идеологического, характера и министру не подошла¹⁶⁷. Тогда было решено объявить конкурс на написание учебника. Уваров решил

- 165 Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса). Т. 6. СПб., 1859. С. 53.
- 166 Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. М.: Захаров, 2005.
http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/nikitenko_dnevnik_1.htm (просмотрено 11 октября 2015); Ambroziak D. «Každy baron ma swoj fantazj». Jzef Skowski: Polak z pochodzenia, Rosjanin z wyboru. Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. S. 11, 45.
- 167 Saunders D. Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Cen-tury Russia // Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. № 1. P. 44–62; Staliunas D. Imperial Nationality Policy and the Russian version of the History of the Grand Duchy of Lithuania in the Mid-nineteenth Century // Central Europe. 2010. Vol. 8. Nr. 2. P. 146–157.

сразу объяснить, каким должен быть новый учебник. Прежде всего история должна быть «прагматичной», кроме того, она должна соответствовать принципу «православие, самодержавие, народность». Эта триада была необходима министру как ответ на новый принцип народности, популярный в то время в Западной Европе. Православие и самодержавие для С.С.Уварова — институты, отражающие самобытное развитие России, а народность — это идея, воплощенная в истории именно в упоминаемых в триаде институтах — в православии и народности¹⁶⁸. Эту концепцию мы видим и в условиях объявленного конкурса. Уваров хотел, чтобы в новой версии истории России не только была показана важность православия для русского народа, гармоничные отношения православия с мирской властью, но и последовательно представлена роль самодержавия и народности в прошлом. Вместе с тем должна была быть показана и историческая общность русских земель: споры и борьба удельных князей во время междоусобицы — лишь «семейный спор князей одного дома»; «мысль о единстве государственном не исчезла и впоследствии по завоевании правого берега Днепра литовцами, ни в восточной, ни в западной России»; «только случайное обстоятельство мешало соединению обеих частей» в XVI и XVII веках; Польша, не имевшая иного выхода и «примкнувшая к Западной России», должна была неизбежно войти в состав Российской империи. Следовательно, российская история должна охватывать прошлое обеих русских зе-

168 Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 337–374.

мель. Конечно, «Восточная Россия» шла по правильному пути: «Когда в восточной России все принимает лучший, благоустроенный вид, в особенности под Державою дома Романовых, в западной и Польше все падает, разрушается среди ужасов безначалия и фанатизма»¹⁶⁹.

Победителем конкурса стал Николай Герасимович Устрялов, и в 1836 году первый том его истории с согласия императора как временное пособие начинает использоваться в средних школах¹⁷⁰. В написанной Устряловым истории Великое княжество Литовское по своему государственному устройству, конфессиональному и этническому составу предстает таким же русским государством, как и Московское княжество, с той разницей, что в создании Великого княжества Литовского принимал участие и немногочисленный литовский народ¹⁷¹ и территориальное соперничество Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского всего лишь «семейный спор» о том, какая династия победит. Литовские князья переняли русскую культуру, принадлежали к Восточной христианской (православной) церкви и для русских были своими¹⁷². Поэтому неудивительно, что все время существовала

169 РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 172. Л. 32–36.

170 Там же. Л. 85–87, 90–91.

171 Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С. 42; Он же. Русская история. Издание второе, исправленное. Ч. 1. СПб., 1839. С. 15; Он же. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое Княжество Литовское. СПб., 1839. С. 34.

172 Устрялов Н.Г. О системе. С. 64–68; Он же. Исследование вопроса. С. 17; Он же. Русская история. С. 279–280.

идея объединения двух русских государств¹⁷³, и осуществление этой идеи задерживала только «случайность», то есть уния с Польшей, которая была нужна последней гораздо больше, чем Литве¹⁷⁴. Не забыл Устрялов и о втором условии конкурса и поэтому постоянно подчеркивал, что преемственность в русской истории обеспечивали православие и самодержавие¹⁷⁵. То есть мы видим, что в работах Устрялова прослеживаются не только идеи, но и риторика Уварова¹⁷⁶.

В своих публикациях Н.Г.Устрялов определяет этническую русскую территорию — это Россия, которая сформировалась под правлением династии Рюриковичей. На Западе граница России — Карпаты, Брест, Гродно, Динабург (Даугавпилс)¹⁷⁷, при этом литовцев историк локализует в границах современных ему Виленской и Ковенской губерний. Литовцы составляют всего лишь 1/12 жителей Великого княжества Литовского, остальная часть — русские¹⁷⁸. То есть Устрялов знал

173 Устрялов Н.Г. Исследование вопроса. С. 14, 20.

174 Устрялов Н.Г. О системе. С. 43, 74.

175 Устрялов Н.Г. Русская история. С. 19–20.

176 В воспоминаниях Н.Г.Устрялов писал, что именно он подготовил условия конкурса: Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880, август. С. 626. Если это было именно так, то историк не перенимал риторика министра народного просвещения, но просто писал своими словами.

177 Устрялов Н.Г. Исследование вопроса. С. 13–14.

178 Устрялов Н.Г. Русская история. С. 193. Описание не было точным. Устрялов указал, что литовцы проживают в Виленской губернии, а жемайтийцы — в Тельшевском, Шавельском и Россиенском уездах Ковенской губернии, и забыл указать, что в

о существовании этнического литовского ареала, однако Великое княжество Литовское называется Литовской Русью (или Западной Русью).

Такие названия Великого княжества Литовского — Литовская Русь, Западная Россия, Литовско-русское государство — были характерны и для последующих менее идеологизированных работ историков, например для публикаций М.К.Любавского¹⁷⁹. В его работах мы видим попытки идентификации не этнических ареалов, но «политико-географических» регионов. Любавский к Собственной Литве относил Виленское, Троцкое, Городенское и Новогрудское княжества¹⁸⁰. Это ядро государства, доминировавшее в Великом княжестве Литовском, однако элита этого ядра — «военнослужильный класс» литовского происхождения, «обрусевший благодаря своему племенному и культурному сближению с русской народностью»¹⁸¹.

Сначала имперские власти не пытались навязывать исторические интерпретации С.С.Уварова — Н.Г.Устрялова польскоязычной исторической литературе¹⁸², и иногда публиковались инициированные имперскими властями исторические работы, которые совершенно не опирались на работы

оставшейся части Ковенской губернии тоже проживают литовцы.

179 Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.

180 Там же. С. 1–12.

181 Там же. С. 7.

182 *Medišauskienė Z. Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje.* Kaunas: VDU, 1998. P. 177–183.

Н.Г.Устрялова¹⁸³, однако со временем его концепция закрепи-
лась в российском дискурсе и стала канонической¹⁸⁴. М.Д.Дол-
билов отмечает различия между исторической интерпретацией
Устрялова и исторической интерпретацией профессора
Санкт-Петербургской православной духовной академии Миха-
ила Осиповича Кояловича: первый фокусирует внимание на
князьях и династических связях, в то время как второму более
интересен народ, важный для современного ему понятия эт-
носа. М.О.Коялович описывает народ с помощью социальных и
географических критериев, но не этнографических¹⁸⁵.

Кроме того, иногда — например, во время реорганизации
по указанию М.Н.Муравьева Виленского музея древностей —

183 При комитете статистики Виленской губернии была создана комиссия, которая отбирала документы из архива Главного трибунала Великого княжества Литовского. В этой комиссии работал историк Теодор Нарбут, написанная им история Литвы и была основным источником этого сборника документов (см. ниже). В начале книги опубликован текст о литовской истории, тесных связях литовцев и русских, большом влиянии православия в Великом княжестве Литовском до Кревской унии, однако на работы Н.Г.Устрялова автор не опирался. Собрание Древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Ч. 1. Вильно, 1843.

184 Иной позиции придерживался один из самых известных русских историков XIX века Сергей Михайлович Соловьев, для которого Великое княжество Литовское было чужим, не русским, государством: Włachowska K. Wiele Historii Jednego państwa. S. 189–210.

185 Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. С. 204–209.

возникали дискуссии, какой из периодов истории Великого княжества Литовского можно считать русским и когда усиливается польское влияние — в 1385 году (Кревская уния) или в 1569 году (Люблинская уния)¹⁸⁶, однако основная идея о русском характере Великого княжества Литовского в российском дискурсе не ставилась под сомнение. Этот тезис должны были подтверждать и этническая статистика, и этногеографические исследования.

186 Staliūnas D. Imperial Nationality Policy. P. 154–155.

Глава 3. Этнографические аргументы

Уже упоминалось, что в конце XVIII века в риторике имперских властей появляются исторические и этнические аргументы, призванные обосновать легитимность присоединения к империи новых земель. Однако в то время такая аргументация еще не является преобладающей. Этнический аргумент в пользу политической легитимности будет использован позднее. Интерес к этническому составу присоединенных земель, как и к этническому составу других частей империи, был вызван не только политической конъюнктурой, особенно в первой половине XIX века¹⁸⁷. До середины века государственные учреждения практически не интересовались этническим составом жителей. В предоставленной в 1837–1840 годах чиновниками низших рангов комитету статистики

187 Сбор информации об этническом составе жителей уже был предметом исследований. Целью работы В.Мяркиса было установление степени достоверности этих данных (Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. Vilnius: Versus Aureus, 2006. P. 31–126), других исследователей в большей степени интересовала смена критериев (Sirutavičius V. Tautiškumo kriterijai multietninių visuomenių statistikoje. XIX a. vidurio Lietuvos pavyzdys // Lietuvos istorijos metraštis. 1998 metai. Vilnius, 1999. P. 74–85; Staliūnas D. National Census in the Service of the Russian Empire. The Western Borderlands in the Mid-Nineteenth Century. 1830–1870 // Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia. Seventeenth to Nineteenth Centuries / Ed. M.Branch. Helsinki: Finnish Literature Society. P. 435–448). В.Пятронис детально проанализировал этнографические карты: Petronis V. Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914. Stockholm, 2007.

Виленской губернии информации об отдельных населенных пунктах указывалось, что «жители по племенам и вере разны: большею частью христиане и евреи»¹⁸⁸. Но и в тех случаях, когда в комитет статистики попадала более точная информация об этническом составе населения, критерии ее сбора и обработки сильно отличались от критериев, используемых наукой того времени: литовцами в таких документах считались католики, униаты и «новые православные» (то есть бывшие униаты), а поляками — только те, кто родился в Царстве Польском¹⁸⁹.

Статистические и географические описания империи также дают неполные и часто очень неточные данные об этническом составе жителей. Так, в составленном Карлом Федоровичем Германом статистическом описании Российской империи все жители бывшего Великого княжества Литовского и Правобережной Украины называются поляками¹⁹⁰, поскольку экспертам в области статистики национальности важны лишь тогда, «когда они могут иметь значительное влияние на благосостояние государства»¹⁹¹. Автор множества книг и учебников по географии Евдоким Филипович Зябловский в общих чертах описывает населенную литовцами территорию: «Литва нахо-

188 LVIA. F. 388. Ap. 1. B. 24. L. 2, 11; ten pat. B. 38. L. 25, 31.

189 LVIA. F. 388. Ap. 1. B. 17. L. 6, 37; B. 38. L. 27, 46, 48–49, 51, 54, 57–58, 59, 64; ten pat. B. 48. L. 44–45.

190 Герман К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. Ч. I: О народонаселении. СПб., 1819. С. 65–71.

191 Там же. С. 62.

дится в Виленской, Гродненской, Минской губерниях и во всех местах бывшего Герцогства Литовского»¹⁹².

Первым ученым, предпринявшим значимую для имперского дискурса научную попытку не только выяснить, кто такие литовцы и где они живут, но и нанести населенную литовцами территорию на карту, может считаться Павел Йозеф Шафарик (Pavel Josef Šafařík), работавший в империи Габсбургов, но поддерживавший связи со многими российскими учеными¹⁹³. Важно то, что работы Шафарика, посвященные славянской этнографии, сразу после публикации переводились на русский язык. Они стали отправной точкой многих публикаций (в том числе и карт), посвященных славянам и литовцам.

- 192 Зябловский Е.Ф. Краткое землеописание Российского государства в нынешнем его состоянии для пользы учащихся. СПб., 1807. С. 47. В книгах, изданных позже, называются и другие губернии, но это не устраняет путаницы. Правда, в издании 1842 года литовцы (и латыши) исчезают: Зябловский Е.Ф. Российская статистика. Ч. I. Издание второе. СПб., 1842. В отличие от более поздней традиции Е.Ф.Зябловский называет и литовцев, и латышей латышами; правда, в издании 1815 года о литовском и латышском языках автор пишет как о литовском языке: Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии и с общим обозрением Европы в статистическом виде. СПб., 1815. С. 148.
- 193 Сведения о западных окраинах Российской империи он получал от литовского общественного деятеля Дионизаса Пошки (Dionizas Poška), а также от одного из крупнейших специалистов в области этнографии того времени Петра Ивановича Кёппена.

Важнейшим критерием этнической принадлежности П.Й.Шафарик считал язык и к литовцам относил все те группы, которые мы сегодня называем балтами (в эту группу попадают и латыши). Литовцев он считал более близкими славянам, чем какая бы то ни было другая этническая группа. В своем известном труде *Slovanský národopis* (1842) П.Й.Шафарик обозначил территории проживания литовцев и латышей¹⁹⁴. Литовцев он локализовал практически по всей территории Виленской губернии (белорусское доминирование он видел только в трех восточных и юго-восточных уездах (Братславском, Завилейском и Ошмянском), в северной части Гродненской губернии, то есть в Лидском и Гродненском уездах, в северной части Августовской губернии (Мариямпольском, Кальварийском и Сейнском уездах до Сейн и Сувалок) и в значительной части Восточной Пруссии)¹⁹⁵.

В Российской империи территория проживания литовцев впервые была нанесена на карту в 1848 году в «Этнографическом атласе Европейской России»¹⁹⁶, изданном поддерживавшим связи с П.Й.Шафариком Петром Ивановичем Кёппеном, и

194 Изображение Литвы см.: Petronis V. *Constructing Lithuania*. P. 179.

195 Шафарик П.Й. *Славянское народописание*. М., 1843. С. 105–106; Шафарик П.Й. *Славянские древности*. Т. I. Кн. II. М., 1847. С. 276–281. О влиянии установленной Шафариком территории проживания литовцев в Восточной Пруссии на более поздний немецкоязычный дискурс см.: Safronovas V. *The Creation of National Spaces in a Pluricultural Region. The Case of Prussian Lithuania*. Boston: Academic Studies Press, 2016. P. 80–81.

196 См. фрагмент атласа с изображением территории расселения литовцев: Petronis V. *Constructing Lithuania*. P. 189.

следующим изданием стала «Этнографическая карта Европейской России»¹⁹⁷ (1851). Несмотря на то что подходы П.И.Шафарика и П.И.Кёппена схожи (П.И.Кёппен также основным идентификатором этнической группы считал язык и относил к литовцам и латышей), многолетние исследования П.И.Кёппена привели к совершенно иным результатам; кроме того, со временем претерпела изменения интерпретация П.И.Кёппена, изложенная в первой публикации о литовцах (1827).

В 1827 году П.И.Кёппен считал, что «племя литовское», славянское по происхождению¹⁹⁸ и лишь позже смешавшееся с другими племенами, состоит из трех частей одного таксономического уровня: латышей, прусских литовцев и литовцев (и «жмуди»), проживающих в Российской империи¹⁹⁹. Через несколько десятилетий он отказался от идеи «самостоятельности» прусских литовцев и стал вычленять в «литовском племени» (*Der litauische Volksstamm*) две группы — литовцев и латышей, особо выделяя в первой группе Schemaiter («жмудь», жемайтицы), к которым относил и литовцев, живших в Царстве Польском²⁰⁰.

197 http://dacoromania.net/sites/default/files/maps/Koepfen-Ethnic_map.jpg (просмотрено 2 июня 2021).

198 Литовцев считал славянами и М.В.Ломоносов: Slezkin Yu. *Naturalists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations*. 1994. № 47. P. 189.

199 Кёппен П.И. О происхождении, языке и литературе Литовских народов. СПб., 1827. С. 3.

200 Köppen P. *Der litauische Volksstamm. Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX. Jahrhunderts // Bulletin de la classe*

Значительно отличалась в интерпретации П.И.Кёппена и площадь территории проживания литовцев. Поскольку П.Й.Шафарик, как мы уже говорили, получил информацию в том числе и от П.И.Кёппена, неудивительно, что описанная П.И.Кёппеном в 1827 году территория проживания литовцев в принципе совпадает с той, которую приводит в своем труде П.И.Шафарик²⁰¹. Однако через несколько десятилетий П.И.Кёппен как территорию проживания литовцев указывает гораздо меньший ареал²⁰²: если сначала восточная граница с севера на юг идет почти так же, как в работе П.Й.Шафарика, то за Свенцянами площадь проживания литовцев уже значительно меньше — к славянскому ареалу отнесены Вильна и Ошмяны²⁰³.

historico-philologique de L' Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. 1851. Т. VIII. № 18–19. Р. 274.

- 201 [Кёппен П.И.] О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб., 1827. С. 94–96. Следует отметить, что упомянуты и некоторые территории других губерний, где имелись населенные пункты, жители которых говорили по-литовски.
- 202 Разграничение литовцев и латышей было достаточно стабильным и проходило по административной границе, разделяющей Виленскую (позже — Ковенскую) и Курляндскую губернии (линия, разграничивавшая литовцев и латышей, была гораздо уже линии, разделявшей литовцев (и латышей) и славян, что также указывало на родство литовцев и латышей). Поскольку этнографическая карта охватывала только Российскую империю, прусские литовцы в данном случае локализованы не были.
- 203 http://dacoromania.net/sites/default/files/maps/Koeppen-Ethnic_map.jpg.

П.И.Кёппен корректировал свое представление о литовцах, поскольку в течение нескольких десятилетий ему удалось получить информацию не только у интеллигенции Северо-Западного края, но и в различных государственных учреждениях, а также в Российской академии наук. Ученого прежде всего интересовало научное знание, и прямых политических мотивов уменьшения ареала проживания литовцев у него, скорее всего, не было. И все же сбор этнографических сведений даже в академическом дискурсе не следует рассматривать как абсолютно не связанный с политической сферой. П.И.Кёппен был одним из основателей Русского географического общества (основано в 1845 году, с 1849 года — Императорское Русское географическое общество; далее — ИРГО). Это общество не следует рассматривать как чисто научное учреждение, назначение которого совершенно отлично от определенных государственных учреждений. Как уже не раз упоминалось в исторической литературе, внутреннюю борьбу ИРГО выиграла не немецкая, а русская фракция, которая стремилась направить деятельность общества на проведение исследований, необходимых для решения практических задач, стоявших перед империей. В центре внимания русской фракции, связанной прежде всего с Николаем Ивановичем Надеждиным, сначала были восточные славяне (в терминах того времени — русские), позже в фокус попали и другие подданные империи. Важно то, что подход, использовавшийся для исследования русского народа, позже был перенесен и на исследования других этнических групп. В работе ИРГО преобладала дескриптивная практика: подчеркивалась уникальность конкретной этнической

группы, этнические группы редко сравнивались между собой, ученые избегали обобщений оценочного характера²⁰⁴. Таким образом, в формирующейся в середине XIX века практике российских этнографических исследований было запрограммировано достаточно толерантное отношение к разным этническим группам.

Именно в издании ИРГО в 1861 году была опубликована статья М.О.Лебединина, в которой четко прослеживалась идеологическая позиция автора²⁰⁵. Описывая прошлое Литвы, Лебединин полностью следовал схеме Н.Г.Устрялова, трактовавшего Великое княжество Литовское как Западную Русь, которую абсолютно правомочно в XVIII веке вернула Екатерина II, кроме того, в тексте подчеркивалось, что только славяне и литовцы являются коренными жителями этой территории, все остальные (прежде всего — поляки) — пришлые, и боль-

- 204 Knight N. *Science, Empire, and Nationality. Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855* // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Eds. Burbank and D.Ransel. Bloomington, IN: Indiana UP, 1998. P. 108–141; Idem. *Seeking the Self in the Other. Ethnographic Studies of non-Russians in the Russian Geographical Society, 1845–1860* // *Defining Self. Essays on emergent identities in Russia. Seventeenth to Nineteenth Centuries* / Ed. M. Branch. Helsinki: Finnish Society, 2009. P. 117–138.
- 205 Лебединин М.О. О племенном составе народонаселения Западного края российской империи // *Записки Императорского русского географического общества. 1861. Кн. 3. С. 131–160.* М.О.Лебединин, как и многие исследователи, работавшие позже, пользовался данными анкеты, составленной П.И.Кёппеном для приходских священников различных конфессий в 1856–1857 годах: *Medišauskienė Z. Laikas-Erdvė-žmogus*. P. 103.

шинство жителей края составляют русские. И все же, несмотря на такую интерпретацию истории края, в статье приводятся неожиданные данные этнической статистики. Лебедкин пишет о гораздо большем по сравнению с данными, опубликованными в том же 1851 году П.И.Кёппеном, числе литовцев²⁰⁶. Согласно М.О.Лебедкину, Виленская губерния, за исключением Вилейского и Дисненского уездов, является ареалом доминирования литовцев, поскольку их здесь насчитывается гораздо больше, чем восточных славян (почти 419 тысяч литовцев и менее 162 тысяч славян)²⁰⁷. Следует отметить, что использование М.О.Лебедкиным обычных для этнографии и статистики того времени критериев, то есть прежде всего языка, равно как и использование наиболее часто употреблявшегося в политической практике того времени маркера — религии, должно было дать гораздо более скромное число литовцев.

Спор об определяющих этническую принадлежность критериях разгорелся через десятилетие. В то время правящей и интеллектуальной элите империи информация об этническом составе населения была необходима как по практическим соображениям (например, при планировании введения преподавания на родном языке в начальных школах следовало знать, на каком языке говорят местные жители), так и по соображениям идеологического порядка (аргументы в споре с поляками о том, кому должен принадлежать Западный край).

206 Как и другие исследователи, М.О.Лебедкин относил латышей и литовцев к одной этнической группе.

207 М.О.Лебедкин и в Гродненской губернии обнаружил более 46 тысяч литовцев (значительная часть которых были православными).

Инструментализация этнической статистики в политических целях ясно прослеживается как в большинстве официальных и полуофициальных публикаций 1860-х годов, так и в опубликованных офицерами Генерального штаба описаниях губерний. Павел Осипович Бобровский, собирая сведения о Гродненской губернии, писал, что результаты работы должны будут опровергнуть измышления поляков об этом крае²⁰⁸. Часть авторов подчеркивает, что, согласно имеющимся у них статистическим данным, этот край русский, а не польский. Правда, если в одном случае наиболее весомым аргументом была конфессиональная принадлежность жителей (православные в Минской губернии составляют большинство)²⁰⁹, то в другом случае упор делался на происхождение и язык (Гродненская губерния)²¹⁰.

Более труден для интерпретации случай русского и французского атласов, подготовленных к печати Родериком Федоровичем Эркертом (Roderich von Erckert). Витаутас Пятронис (Vytautas Petronis) отмечает, что во французской версии территории проживания входящих, согласно главенствующей в то время в российском дискурсе идее, вместе с великороссами в состав триединой русской народности белорусов и украинцев занимают большую территорию, чем в русской версии атласа. При этом в русской версии в сравнении с французской бóльшую территорию занимают поляки. Таким образом, атлас,

208 LVIA. F. 605. Ap. 8. B. 249. L. 63.

209 Зеленский И.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 3: Минская губерния. СПб., 1864. С. 418.

210 Там же. Т. 2: Гродненская губерния. СПб., 1863. С. 619–620.

предназначенный для Западной Европы, должен был опровергнуть польскую пропаганду, утверждавшую, что эта территория является польской; русская же версия атласа демонстрировала, какую большую опасность представляют собой поляки, и таким образом подталкивала к применению радикальных антипольских мер²¹¹. Желание во французской версии атласа показать максимально большую площадь населенного «русскими» ареала достаточно понятно²¹². Однако в случае русского атласа такая логика выглядит довольно странно. Дело в том, что большинство ревнителей «русского дела» считало, что и российскому обществу недостает знаний о Западном крае, оно не до конца понимает, что этот край с этнической точки зрения является русским. То есть такая же пропаганда, что и в отношении Западной Европы, была необходима и внутри империи. Помимо прочего, подтверждает такое мнение и сравнение атласов. Так, в русской версии территория доминирования русского населения в Белостокском уезде занимает значитель-

211 Petronis V. Constructing Lithuania. P. 203.

212 Эркерт Р.Ф. Взгляд на Историю и этнографию Западных губерний России. СПб., 1864. С. 1. Возможно, Р.Ф.Эркерт действительно верил в правильность выбранной им методики, поскольку открыто признавал, что показываемое им число поляков слишком большое. См.: Там же. С. 11; Эркерт Р.Ф. Этнографический атлас Западно-Русских губерний и соседних областей. СПб., 1863. Такое признание не было бы возможным, если бы Р.Ф.Эркерт руководствовался только идеологическими соображениями. С другой стороны, как это было принято в российском дискурсе того времени, он трактовал Великое княжество Литовское как русское государство. Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографию. С. 12–53.

но бóльшую площадь, чем во французском атласе; а на литовской территории Свенцянского, Виленского и Лидского уездов в русском атласе появляется множество «русских» островов, отсутствующих во французской версии²¹³.

При этом интерпретация другого атласа, вышедшего в то же время, не вызывает таких сложностей. «Атлас народонаселения Западно-Русского края по вероисповеданиям» (подготовка атласа была начата Помпеем Николаевичем Батюшковым, но бóльшая часть работы выполнена офицером Генерального штаба Александром Федоровичем Риттихом) является еще более ярким примером манипуляции этнической статистикой²¹⁴. М.Д.Долбилов, сравнивая два издания этого атласа

213 См. сравнение двух атласов: Petronis V. Constructing Lithuania. P. 201. Трудно согласиться с гипотезой В.Петрониса, согласно которой увеличенная (в сравнении с работами других исследователей) площадь проживания литовцев «служила Эркерту для усиления антипольского аргумента» (p. 208). Площадь расселения литовцев могла быть увеличена только за счет восточных славян, а это никак не могло быть выгодно российской пропаганде. К вопросу об изображении Р.Ф.Эркертом литовского ареала я еще вернусь.

214 Этот атлас вызвал положительную реакцию русских публицистов: Заметка, по поводу издания Атласа народонаселения Западно-Русского края по вероисповеданиям // Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал. Декабрь. Год второй. Т. II. Киев, 1864. Отд. IV. С. 287–301; Атлас Риттиха (Библиографическая заметка) // Там же. Март. Год второй. Т. III. Киев, 1864. Отд. IV. С. 314–317; Еще библиографическая заметка об атласе Западной России, по вероисповеданиям // Там же. Май. Год второй. Т. IV. Киев, 1864. Отд. IV. С. 272–276.

(1863 и 1864 годов), отмечает, что число славян-католиков увеличилось ровно на столько, на сколько уменьшилось число литовцев-католиков, то есть на 268 176. Очевидно, что никакое новое исследование не проводилось, просто несколько тысяч католиков были перенесены в другую графу²¹⁵.

Русская этническая составляющая Западного края в то время превратилась в популярный инструмент политической риторики, к которому имперские чиновники прибегали при необходимости обоснования применения антипольских мер. Так, в знаменитом указе от 10 декабря 1865 года, запрещавшем «лицам польского происхождения» приобретать землю, этот шаг обосновывается в том числе и пропорциями этнических групп: относительно малое число поляков мешает нормально развиваться составляющим большинство малороссам, белорусам и литовцам. Виленский генерал-губернатор М.Н.Муравьев также объяснял применение радикальных мер национальной политики доминированием в крае «русского» населения (согласно данным генерал-губернатора, «русские» в крае составляли 5/6 населения)²¹⁶. Практически не вызывает сомнения, что такие результаты виленский генерал-губернатор получил, отнеся пять из подчиненных ему в то время губерний Северо-Западного края к ареалу доминирования русского населения. Оставшаяся 1/6 — это не что иное, как Ковенская губерния, большинство жителей которой говорили по-литовски. Осуществляя национальную политику, имперские чиновники иногда вовсе не замечали литовцев, живших в других губерни-

215 Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. С. 191–192.

216 Четыре политические записки графа М.Н. Муравьева Виленско-го // Русский архив. 1885. № 6. С. 186.

ях Северо-Западного края. Такой подход мы видим, например, в сфере начального образования после подавления восстания 1863–1864 годов. Но эксперты в области статистики и этнографии, конечно, должны были приводить более точные данные.

Как и раньше, в состав «литовского народа» включались и латыши²¹⁷, и все же более серьезные ученые — такие, как известный славянофил А.Ф.Гильфердинг, — подчеркивали, что «Литва и латыши образуют два родственных, но отдельных народа»²¹⁸. А.Ф.Гильфердинг также писал о близости литовского и славянских языков и о том, что «было время, когда славянское племя составляло с литовским одно целое в Европе»²¹⁹.

Несмотря на то что и А.Ф.Гильфердинг, и работавшие ранее специалисты в области этнографии и статистики (П.Й.Шафарик, П.И.Кёппен) основными критериями этнической принадлежности считали язык, в этнографических описаниях и при составлении карт в 1860-х годах этот критерий не был важнейшим. Р.Ф.Эркерт заявлял, что руководствуется вероисповеданием как наиболее явным различием между поляками и русскими Западного края, хотя при этом литовцев и русских он различает не только на основе религии, ни и на

217 Афанасьев Д.Ф. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 1: Ковенская губерния. СПб., 1861. С. 1–2.

218 Гильфердинг А.Ф. Несколько замечаний о литовском и жмудском племени // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / Сост. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 108.

219 Там же. С. 109.

основе языка²²⁰. Критерии, которыми пользовались составители «Атласа», остаются неясными²²¹. При этом офицер Генерального штаба А.К.Корева, который был ответственным за описание Виленской губернии, вслед за историком Т.Нарбутом²²², славян и литовцев различает, опираясь не только на язык, но и на топографические различия, обычаи, исторические названия и, отчасти, на вероисповедание²²³. То есть в этом случае наиболее важным было этническое происхождение, которое устанавливалось на основе различных факторов. Подготовленная А.К.Коревой этнографическая карта была опубликована в конце написанной им книги и в основном соответствовала очерченной Т.Нарбутом линии, разграничивавшей литовцев и восточных славян²²⁴. Таким образом, в славянской части Виленской губернии оказались восточная часть Свенцянского уезда, юго-восточная часть Ошмянского уезда, часть Лидского уезда и весь Вилейский уезд, а оставшаяся часть (Трокский и Виленский уезды, части Свенцянского,

220 Эркерт Р.Ф. Этнографический атлас; Он же. Взгляд на Историю и этнографию. С. 2, 6–10.

221 Petronis V. Constructing Lithuania. P. 198–199.

222 А.Г.Киркор тоже употребил концепцию Т.Нарбута: Киркор А.Г. Статистический взгляд на Виленскую губернию // Исторически-статистические очерки Виленской губернии. Вильна, 1853. С. 13.

223 Корева А.К. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния. СПб., 1861. С. V, 286–288, 321.

224 Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. P. 56–57.

Ошмянского и Лидского уездов) были отнесены к литовской территории²²⁵. В целом схожая, правда сильно упрощенная, то есть утратившая какие бы то ни было изгибы, граница между литовцами и славянами была очерчена и в «Атласе»²²⁶. Очень похожую литовскую территорию мы видим и в атласе Р.Ф.Эркерта, особенно в ее северо-восточной части. Разница лишь в том, что в атласе Эркерта гораздо больше нюансов — здесь на территориях этнических групп размещаются многочисленные островки проживания других этносов.

Таким образом, не без влияния на русский дискурс экспертных знаний местной нерусской интеллигенции литовцам была отведена большая площадь проживания, чем она могла быть отведена на основе приобретавшего все большую популярность в этнографии и статистике языкового критерия. Именно этим критерием должны были руководствоваться отправленные в Литву во второй половине XIX века эксперты ИРГО латыши Юлий Кузнецов (Kalējs)²²⁷ и, позже, Эдуард Александрович Вольтер (Eduards Volters; Eduardas Volteris)²²⁸.

Понять, почему выбор ИРГО пал на латышей, нетрудно. Требовались люди с соответствующим образованием, владеющие литовским языком или способные быстро его выучить.

225 Корева А.К. Материалы для географии и статистики России. С. 287.

226 <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/6115-karta-narodonaseleniya-zapadno-russkogo-kрая-po-ispovedaniyam-1864-g#page/1/mode/inspect/zoom/9> (просмотрено 13 мая 2021). См. также: Petronis V. Constructing Lithuania. P. 199.

227 Petronis V. Constructing Lithuania. P. 153–159.

228 Ibid. P. 159–163.

Поляки, которых элита империи после 1863 года считала *in corpore* ненадежными, для выполнения такой задачи не подходили. Поскольку в соответствии с понятием национальной принадлежности того времени основным атрибутом поляков обычно считалось католическое вероисповедание, то и литовцев часто считали если не настоящими поляками, то как минимум «потенциальными» поляками. Поэтому литовцы (как католики) в качестве экспертов не годились. Латыши же, которых вместе с литовцами достаточно часто считали одной этнической группой или двумя близкородственными этносами²²⁹, в большинстве своем были протестантами, что позволяло исключить их из числа «ненадежных». Решение ИРГО доверить проведение исследования именно Ю.Кузнецову могло быть связано и с тем, что некоторые члены общества могли располагать информацией о взглядах Ю.Кузнецова. Очевидно, именно его перу принадлежит статья о Прибалтийских губерниях²³⁰, опубликованная в середине 1860-х годов в журнале «Отечественные записки». В статье четко обозначена анти-немецкая позиция автора: критикуется проводимая немцами политика германизации, рассматриваются точки зрения на происходящие в обществе перемены эстонцев и, еще в боль-

229 АРГО. Ф. 1–1862. Оп. 1. Д. 26. Л. 285.

230 В основе этого предположения — письмо Ю.Кузнецова Андрею Александровичу Краевскому, в котором автор упоминает о своей публикации о Прибалтийском крае, напечатанной в 12-й книге «Отечественные Записки»: ОР РНБ. Ф. 391. Д. 464. Лист не пагинирован.

шей степени, латышей²³¹. Такая интерпретация могла убедить членов ИРГО в том, что автор достаточно компетентен и может выполнить этнографическое исследование и представить политически правильные выводы. Отметим, что вторая половина 1860-х годов — период начала усиления в среде правящей и интеллектуальной элиты антинемецких настроений, в это время врагами России наряду с поляками все чаще считают и прибалтийских немцев.

ИРГО не удалось снарядить в Западный край экспедицию, подготовка которой была начата с 1862 года, и по этой причине Общество отправило в Литву самостоятельных исследователей²³². На подготовительной стадии стало ясно, что экспедиция ориентирована на удовлетворение нужд национальной политики. Несмотря на то что часть информации, которую планировалось собрать, могла быть интересна и с научной точки зрения²³³, на заседаниях ИРГО чаще выдвигались поли-

231 Экономический и нравственный быт балтийских крестьян // Отечественные записки. 1867. Т. CLXXII. С. 262–294; Там же. 1867. Т. 171. Отд. 1. С. 777–807.

232 Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества, 1845–1895. Ч. 1. СПб., 1896. С. 375–379; Petronis V. Constructing Lithuania. P. 128–130.

233 Так, А.Ф.Гильфердинг, выполняя задание этнографической экспедиции, писал: «В одном месте могло бы быть записано древнее предание, песнь или сказка или занесен в дневник какой-нибудь характеристический рассказ, в другом месте собраны сведения об обычаях и повериях народа, об образе его жизни и бытовых особенностях; иные деревни представили бы любопытные данные относительно языка, другие — относи-

тические цели, которые можно сгруппировать в два блока. Прежде всего, экспедиция должна была собрать информацию, необходимую для идеологической аргументации: установить, какая этническая группа («племя») составляет большинство населения конкретного уезда, то есть какая именно группа должна считаться господствующей на этой территории. При этом напоминалось о так называемой триединой концепции русской нации (то есть о том, что «племя русское» составляют великороссы, малороссы и белорусы, именно так — с двойным «с»)²³⁴. Таким образом должно было быть установлено, какую местность считать «русскою, польскою, литовскою, еврейскою или татарскою и которая из сих народностей в каждой местности должна по справедливости почитаться господствующею», что позволит опровергнуть «ложные понятия Европы о Польше»²³⁵ (то есть представление о том, что Западный край является Польшей). Вместе с тем экспедиция должна была предоставить материалы, полезные для применения национальной политики на практике: установить ареалы проживания этнических групп, «определить причины господства одной народности над другою и упадки последней, равно указать средства

тельно народной одежды, третьи — относительно общественного устройства народного и т. дал. Словом, все предметы, касающиеся собственно этнографии <...>»: АРГО. Ф. 1–1862. Оп. 1. Д. 26. Л. 65–66.

- 234 На карте все эти три этнографические группы должны были обозначаться тремя оттенками зеленого цвета, таким образом подчеркивалось их родство.
- 235 АРГО. Ф. 1–1862. Оп. 1. Д. 26. Л. 29–30.

к улучшению положения той или другой»²³⁶, на основании собранных данных установить, на каком языке должно вестись обучение в школах, достичь такого положения, когда число верующих и священников, а также молельных домов в разных конфессиональных группах станет равным²³⁷. 23 октября 1862 года на заседании ИРГО свои соображения высказала комиссия по подготовке экспедиции, констатируя, что собранные данные укажут «на обстоятельства, стесняющие развитие нравственного и экономического благосостояния племени, преобладающего численностью в западном крае (белорусов, литвинов, малоруссов), а вследствие сего облегчит правительству приискание способов к возвышению сего благосостояния»²³⁸. То есть в ходе проходивших в ИРГО дебатов о задачах этнографической экспедиции земли Великого княжества Литовского концептуализировались в соответствии с обычным для российского дискурса того времени представлением Западной Россия, то есть пространство, на котором должна доминировать триединая русская нация.

Некоторые данные, которые Ю.Кузнецов собрал в конце 1860-х — 1870-х годах, теоретически могли быть использованы властями империи при проведении национальной политики, поскольку одной из целей Ю.Кузнецова было установление

236 АРГО. Ф. 1–1862. Оп. 1. Д. 26. Л. 27.

237 Там же. Л. 29–30.

238 Журнал заседания Совета Императорского Русского Географического общества 23 октября 1862 года // Записки Императорского Русского Географического общества. 1863. Кн. 1. 1863. С. 27.

ареалов проживания этнических групп²³⁹. Установленная Ю.Кузнецовым территория проживания литовцев была гораздо меньше той, которую мы видим на этнографических картах 1860-х годов. Важно и то, что она очень похожа на территорию, отведенную литовцам на подготовленной в 1875 году А.Ф.Риттихом «Этнографической карте Европейской России»²⁴⁰. Сильнее всего от данных карт 1860-х годов отличался Виленский регион. В принципе одна и та же линия, отделявшая населенные литовцами территории от территорий, населенных славянами, сначала шла с севера в южном направлении, но ниже Свенцяи линия делала дугу на запад, оставляя такие населенные пункты, как Троки, Семелишки, Дукштас, Судярве (и, значит, Вильна) в славянском ареале; при этом в Царстве Польском драматических изменений в сравнении, например, с атласом Р.Ф.Эркerta не было²⁴¹. Ю.Кузнецов

239 Подготовленная Ю.Кузнецовым карта в архивах не сохранилась, но ее в общих чертах реконструировал В.Пятронис: Petronis V. Constructing Lithuania. P. 155.

240 http://www.etomesto.ru/map-atlas_ethnography/ (просмотрено 26 февраля 2015). А.Ф.Риттих использовал карту, подготовленную Ю.Кузнецовым: Merkys V. Tau-tiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. Vilnius: Versus Aureus, 2006. P. 77.

241 Схематично такая ситуация представлена и в более поздних работах А.Ф.Риттиха: Риттих А.Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. Варшава, 1885. С. 24. Как отмечает В.Пятронис, в тот же год А.Ф.Риттих помог издать публиковавшуюся и ранее этнографическую карту Михаила Федоровича Мирковича, на которой ареал проживания литовцев был значительно большим — в принципе он

также ставил задачу изучить влияние на литовцев других народов²⁴², масштаб распространения второго языка²⁴³, кроме того, его риторика отчасти соответствовала превалирующему официальному дискурсу об этом крае: восстание 1863–1864 годов он называл мятежом, прогнозировал господство русского, а не польского влияния в этнической Литве, поскольку влияние России ощущалось в Литве с давних времен и присоединение ее к России в конце XVIII века лишь завершило этот долгий процесс. Кроме того, Ю.Кузнецов положительно оценивал «обрусение» Литвы²⁴⁴. Однако это «обрусение» он понимал иначе, чем большинство адептов «русского дела» в Северо-Западном крае, — он считал, что необходимо стремиться к признанию русского языка как второго, но никоим образом не пытаться полностью вытеснить литовский язык²⁴⁵. Кроме того, понятие истории Великого княжества Литовского, которое мы встречаем в текстах Ю.Кузнецова, значительно ближе к нарративу, характерному для польскоязычной историографии первой половины XIX века, возвышавшему способности и толерантность великих князей литовских²⁴⁶, а не к концепции Н.Г.Устрялова. Ю.Кузнецов также придерживался мнения, что

напоминал тот, который очертил П.Й.Шафарик: Petronis V. Constructing Lithuania. P. 212, 215.

242 АРГО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

243 Извлечение из письма члена экспедиции в Северо-Западный край Ю.Н.Кузнецова // Известия ИРГО. 1872. Т. VIII. СПб., 1873. С. 169; АРГО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 23. Л. 8–9.

244 АРГО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.

245 АРГО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 26. Л. 19–20.

246 Там же. Л. 3.

в прошлом территория проживания литовцев простиралась гораздо дальше как на восток, так и на юг²⁴⁷ и, например, восточная часть Новоалександровского уезда, в которой в то время доминировало русское население, раньше была литовской²⁴⁸. Наконец, Ю.Кузнецов выступал против запрета властями печати в традиционной литовской графике²⁴⁹.

Эту меру властей критиковал и Э.А.Вольтер, несколько позже также исследовавший литовцев по поручению ИРГО²⁵⁰. Собранные Э.А.Вольтером данные непросто было использовать не только для идеологического дискурса, но и в политической практике, поскольку исследователя в первую очередь интересовали литовская мифология и диалектология. Именно благодаря Э.А.Вольтеру в рамках действовавшей по инициативе ИРГО Литовско-латышской комиссии в 1894 году было отмечено десятилетие нелегальной литовской газеты *Varpas* («Колокол») и решено газету выписывать²⁵¹. Таким образом, в учреждении, которое некоторые защитники «русского дела» в

247 Известия Императорского Русского Географического Общества. 1871 (1872). Т. 7. Отд. 1. С. 314.

248 Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества 1845–1895. Ч. 1. СПб., 1896. С. 391.

249 Merkys V. *Knygnešių laikai: 1864–1904*. P. 377; Petronis V. *Constructing Lithuania*. P. 157; АРГО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 7; Д. 24.

250 Merkys V. *Knygnešių laikai*. P. 92, 107, 125, 144, 376, 377.

251 Протокол 2-го заседания Литовско-латышской комиссии (12 декабря 1894 года) // Живая старина. 1895. Вып. 1. С. 126. В действительности газета начала выходить только в 1889 году.

начале 1860-х годов пытались втянуть в идеологически ангажированный сбор статистического и этнографического материала, призванного доказать русский характер Северо-Западного края, в конце века открыто критиковали имперскую политику в отношении литовцев.

По мнению В.Петрониса, «ИРГО сыграло неоднозначную роль: демонстрируя внимание к литовской культуре, оно создавало дистанцию между литовцами и поляками; в то же время, изучая местную культуру, оно служило националистам, подчеркивая различия между жителями этого края, жителями соседних территорий и русскими»²⁵². Для подтверждения этого тезиса следовало бы доказать, что литовская интеллигенция, прежде всего конкретные ее представители, с которыми общались исследователи ИРГО, до встречи с Ю.Кузнецовым и Э.А.Вольтером не интересовались литовской этнографией либо концептуализировали ее иначе, чем исследователи ИРГО. Похоже, что этот тезис (во всяком случае, сегодня) не представляется возможным обосновать с помощью конкретного эмпирического материала. Хорошо известно, что литовская интеллигенция начала собирать этнографический материал задолго до приезда в Литву Ю.Кузнецова и Э.А.Вольтера. И есть много оснований говорить об обратном влиянии — о влиянии литовской интеллигенции на имперских этнографов. Э.А.Вольтер в 1880-х годах изменил свою точку зрения на использование кириллицы в литовской печати: сначала он выступал за применение модифицированной кириллицы, однако позже стал агитировать за упразднение запрета на использование латинской графики. Таким образом, влияние

252 Petronis V. Constructing Lithuania. P. 164.

литовской интеллигенции на имперского этнографа может быть доказано гораздо легче, чем обратное влияние.

С середины XIX века, особенно после 1863 года, правящая и интеллектуальная элита все чаще пытается обосновать принадлежность этих территорий России с помощью этнических критериев, при этом деятельность Ю.Кузнецова и Э.А.Вольтера говорит о том, что стремление правящей и интеллектуальной имперской элиты доказывать «русскость» этих территорий в 1870-х годах стало гораздо менее интенсивным. Что, однако, не означает изменения официальной точки зрения на территорию Великого княжества Литовского как на «издавна русскую», и в следующей главе я рассмотрю, как этнографические критерии использовались при установлении административно-территориальных единиц.

Глава 4. Территориально-административное деление как инструмент национальной политики

На реформы административно-территориального деления в Российской империи влияли различные факторы. Одним важным фактором было стремление к более эффективному управлению (и выравнивание с этой целью губернии по размеру или по количеству жителей, или «округление» территорий губерний и основания центра губернии в середине территории). Однако в этом случае нас интересуют только те реализованные или нереализованные проекты территориально-административного деления, которые были связаны с российской ментальной картой, в особенности с представлениями о русской «национальной территории».

В 1830-х годах власти Российской империи, стремясь уравнивать размеры губерний, «округлить» губернии и поместить губернский город как можно ближе к географическому центру губернии, начали обсуждать возможности административно-территориальной реформы²⁵³. Планировавшиеся изменения в западной части империи, как отмечал один из организаторов реформы — министр внутренних дел Дмитрий Николаевич Блудов, преследовали и другие цели, которые, правда, формулировались достаточно обтекаемо: в проекте реформы

253 Более подробно об этих реформах см.: Gorizontov L. In Search of Internal Balance: Debate on Changes in the Territorial Administrative Division of the Russian Empire in the 1830s and 1840s // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / Ed. K.Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 179–198.

говорилось о необходимости «слить» и «сблизить» губернии с центральной частью России²⁵⁴.

В предложениях министра внутренних дел можно отметить определенную градацию территорий: настоящие русские губернии (такие, как Псковская и Смоленская) — и было бы очень полезно присоединить к ним часть бывших земель Речи Посполитой и таким образом сильнее привязать эти земли к центру империи; далее шла уже освоившая русскую систему управления Белоруссия, к которой было бы хорошо присоединить часть литовских территорий (часть Виленской и Минской губерний — к Витебской губернии)²⁵⁵. То есть наиболее чужой виделась Литва, более близкой — Белоруссия²⁵⁶. Такая оценка отдельных территорий Великого княжества Литовского на русской ментальной карте будет встречаться и позже.

Один из проектов, вынесенный на рассмотрение специально созданного для подготовки реформы комитета, предусматривал значительное увеличение территории Виленской губернии (к ней должны были быть присоединены два новых уезда — Гродненский и Лидский). Губерния, и так большая с точки зрения территории и численности населения, должна была вырасти еще больше. Проблема, с точки зрения властей, была связана не только с размерами губернии, но и с тем обстоятельством, что Вильна — это центр Литвы²⁵⁷. Почему возникали проблемы управления, в проекте объяснено не

254 РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 59. Л. 133, 138.

255 Там же. Л. 134, 138.

256 Gorizontov L. In Search of Internal Balance. P. 183–184.

257 РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 71. Л. 65.

было, но можно предположить, что речь шла о Вильне как бывшей столице государства, в котором, как считали власти, было сильно польское влияние.

В такой ситуации и родилась идея создания новой губернии из северо-западных уездов Виленской губернии²⁵⁸. Северо-западные уезды, по мнению членов специального комитета, выделялись среди других своим бытом, говором, исторически сформировавшимися обычаями, и эти обычаи жители почитали больше, чем законы²⁵⁹. Основой формируемой губернии должна была стать Самогития (Жемайтия)²⁶⁰. Здесь возникает вопрос: о какой Жемайтии идет речь — о существовавшем до конца XVIII века Самогитском княжестве или об ареале распространения жемайтийского диалекта, занимавшего меньшую по сравнению с княжеством территорию?

258 Более подробно см.: Сталюнас Д. Проблема административно-территориальных границ в «национальной политике» имперской власти: Ковенская губерния в середине XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 147–166.

259 РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 71. Л. 18–22. В новую губернию должны были войти Россиенский, Тельшевский, Шавельский, Упитский, Вилкомирский, Новоалександровский уезды. Центром губернии должны были стать Россиены.

260 В предложениях Д.Н.Блудова просматривается и другая возможность: присоединение самогитских уездов к Курляндской губернии (Там же. Д. 59. Л. 142), что также подтверждает факт выделения российскими чиновниками Самогитии как самобытного региона.

Имперские чиновники и раньше фиксировали ту или иную отличительную черту Самогитии по сравнению с остальной частью бывших земель Великого княжества Литовского. После подавления восстания 1830–1831 годов по инициативе виленского генерал-губернатора рассматривались предложения об уделении Самогитии особого внимания. Рассматривался, но был отклонен вариант, предполагавший создание Самогитской области по аналогии с Белостокской областью. Был реализован требовавший меньших средств временный план: Самогитские уезды — Шавельский, Тельшевский, Россиенский и Упитский²⁶¹ — были отданы под надзор временно назначенного уездного начальника²⁶².

С формальной точки зрения и обсуждение необходимости особого управления в Самогитии, и указания на исторически сформировавшиеся обычаи при учреждении Ковенской губернии говорят о том, что чиновники имели в виду Самогитское княжество. Намеченное на начальном этапе назначение губернским городом Россиен также говорит о том, что исторические реалии принимались во внимание. Именно в Россиенах до 1760-х годов находился единственный судебный центр Самогитии, здесь проходили заседания гродского и земского судов. Предупреждение министра финансов о том, что следует избегать ситуаций, которые могут напоминать об упразднен-

261 Несмотря на то что в рапорте генерал-губернатора о Самогитии упоминаются три привычных самогитских уезда — Тельшевский, Россиенский и Шавельский.

262 РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 137; LVIA. F. 378. BS. 1831 m. B. 610.

ных княжествах²⁶³, скорее всего, было реакцией на предусмотренное проектом создание Шавельской или Самогитской губернии. Были и другие ситуации, в связи с которыми в официальной переписке появлялись запреты упоминать Самогитию и существовавшие ранее княжества²⁶⁴. Необходимость особого управления после восстания 1830–1831 годов была продиктована не только большей активностью повстанцев на этой территории, но и «уважением различия в наречии и в самом быту жителей Самогитии»²⁶⁵. То есть в то время и Самогитское княжество, и ареал распространения самогитского диалекта понимались как одна и та же территория²⁶⁶.

Иногда возникала еще большая путаница, поскольку часто всех этнических литовцев называли «жмудью». В академическом дискурсе подобных недоразумений, как правило, не возникало²⁶⁷, однако в бюрократическом мире не обходилось и

263 РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 59. Л. 45–46.

264 Vilniaus generalgubernatoriaus grafo Edvardo Baranovo nuomonė apie Motiejų Valančių // *Žemaičių praeitis*. 1990. T. 1. P. 128.

265 РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 137. Л. 9.

266 По мысли Л.Е.Горизонтова, имперские чиновники, предлагая разделить Виленскую губернию на две части, стремились отделить литовцев от восточных славян: Gorizontov L. In *Search of Internal Balance*. P. 184, 195, 196. Действительно, в последующие десятилетия в бюрократической переписке иногда все этнические литовцы назывались «жмудью» (жмудинами), однако в рассматриваемой здесь бюрократической переписке 1838–1843 годов литовцы и жемайтийцы четко различаются.

267 Petronis V. *Constructing Lithuania*. P. 150, 157; Kalnius P. *Žemaičiai*. XX a. — XXI a. pradžia. Vilnius: Mintis, 2012. P. 45–47.

без курьезов. Так, во время «Учебного дела» в 1852–1854 годах из Санкт-Петербурга пришло указание разделить в школах поляков и «местных жмудских уроженцев»²⁶⁸. Не вызывает сомнений, что «жмудские уроженцы» в данном случае — этнические литовцы. Такая ситуация часто встречается в бюрократической переписке, но на местах указания властей были поняты дословно и началась регистрация поляков и «жмудзин» только в самогитских уездах²⁶⁹.

Возвращаясь к перипетиям создания Ковенской губернии, следует отметить, что в любом случае Самогития, каким бы образом она ни понималась, была слишком маленькой для губернии, и, скорее всего, поэтому ее расширили за счет других литовских территорий. Сначала за пределами создаваемой губернии оказалась Ковна, поскольку она была расположена не в Самогитии, а в Литве²⁷⁰. И все же подготовленный в Санкт-Петербурге проект был откорректирован, поскольку ни Кейданы, ни Россиены не соответствовали требованиям, предъявля-

268 LVIA. F. 378. PS. 1852 m. B. 52; РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1224; Lukšienė M. Lietuvos švietimo istorijos bruožai. P. 222–225; Aleksandravičius E. Tautinio identiteto link: 1852–1854 m. «mokinių byla» // Kultūros barai. 1990. Nr. 7–8. P. 96–99; Zasztowt L. Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach Litewskich i Ruskich dawniej Rzecz-zy-pos-politej. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN, 1997. S. 247–249.

269 LVIA. F. 378. PS. 1852 m. B. 52.

270 РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 71. Л. 67.

емым к губернскому центру, и губернским городом стала Ковна (и таким образом вошла в состав новой губернии)²⁷¹.

Как мы видим, российские власти, стремясь к большей эффективности местного управления, изменили административные границы губерний. Сама реформа (для нас в этом случае важно создание Ковенской губернии) отчасти была проведена с учетом исторических и этнокультурных критериев²⁷². Нужно отметить, что позже некоторые имперские чиновники именно разнообразие жителей, то есть этнокультурные различия, называли одной из причин раздела Виленской губернии²⁷³. Имеющийся фактографический материал свидетельствует, что определяющими для выбора центра губернии стали практические соображения, то есть был выбран самый

271 Уже первая идея административного деления земель Великого княжества Литовского накануне третьего раздела Речи Посполитой предусматривала наряду с Вильной и Гродно и третье образование с центром в Ковне или в Кейданах: Хронологический указатель. С. 159. Позже, согласно конкордату 1847 года, границы Самогитского епископства были приспособлены к границам губернии. Как известно, Самогитское епископство включало территории Ковенской и Курляндской губерний. О границах епископства подробно писал В. Мяркис: Merkys V. Motiejus Valančius. P. 162, 200–201.

272 Интересно, что в первых проектах границы уездов приспособлялись к рекам: РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 59. Л. 143.

273 Там же. Оп. 1. Д. 149. Л. 9; Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848; Афанасьев Д.Ф. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 1: Ковенская губерния. СПб., 1861. С. 22–23.

большой город, имеющий удобные коммуникации. Но не следует полностью исключать и определенные этнополитические соображения, на которых могло основываться это решение. В то время власти пытались уменьшить влияние Вильны в регионе. В середине 1940-х годов говорили о том, что роль Вильны уже достаточно уменьшена, чему способствовало не только закрытие Виленского университета и перенос Римско-католической духовной академии в Санкт-Петербург, но и отделение северной части Виленской губернии при создании Ковенской губернии²⁷⁴. Одновременно отмечалось, что Ковна может стать важнейшим городом на западной окраине империи²⁷⁵. Следовательно, именно в более позднее время создание нового губернского центра в Ковне трактовалось частью имперских чиновников как противовес Вильне.

В 1863 году с целью более эффективной борьбы с повстанцами к Виленскому генерал-губернаторству (Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская губернии) были присоединены и две белорусские губернии — Витебская и Могилевская. Именно с этого времени эти шесть губерний составляли и Виленский учебный округ²⁷⁶. По той же причине в составе Виленского генерал-губернаторства временно оказались и четыре уезда Августовской губернии²⁷⁷. Такое расширение территориальной власти виленского генерал-губернатора было инспирировано определенными практическими соображениями (более

274 РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 149. Л. 13.

275 Там же. Л. 9.

276 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1279.

277 РГВАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25919.

эффективное противостояние мятежникам), но в то же время этот шаг говорил о том, что Северо-Западный край пусть и с определенной точки зрения — по причине враждебности части населения имперским властям — осознается как отдельный регион на российской ментальной карте. Однако в умах политической и интеллектуальной элиты в то время не менее сильной была и другая тенденция конструирования пространства, предполагавшая раздробление этого региона.

В 1861 году на бывшей территории Речи Посполитой начались манифестации, и в 1863–1864 годах вспыхнуло восстание. Эти события заставили имперские власти искать новые меры антипольской политики. В числе интенсивно обсуждавшихся в 1860-х годах идей было и изменение территориально-административного деления Западного края²⁷⁸. Одной из целей этих проектов было распределение поляков по разным административно-территориальным единицам²⁷⁹. Правда, среди высокопоставленных чиновников были и те, кто сомневался, что эти административные меры способны каким-либо образом сократить польское влияние в регионе²⁸⁰.

В проектах, обсуждавшихся в это время в коридорах власти, можно отметить несколько направлений конструирования пространства, при этом они нередко встречаются в рамках одного проекта. Попадались предложения присоединить к

278 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 2427; PS. 1863 m. B. 490; РГИА. Ф. 908. Оп. 1. В. 185; Ф. 1282. Оп. 2. Д. 339; LVIA. F. 378. Ap. 219. B. 80. D. 1.

279 РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 339. Л. 1–2.

280 Там же. Л. 36.

белорусским губерниям тот или иной уезд великорусских губерний и таким образом усилить русский элемент, но эта логика не была главенствующей.

Большинство идей имели общую черту — стремление к редуцированию ареала польского доминирования. Так, в начале 1864 года М.Н.Муравьев предложил присоединить некоторые уезды Могилевской и Витебской губерний к великорусским губерниям и создать новую Динабургскую губернию, в состав которой должны были войти несколько латгальских уездов Витебской губернии и несколько уездов других губерний: Новоалександровский (Ковенская губерния) и Диснянский (Виленская губерния); часть уездов Минской губернии было предложено присоединить к Витебской и Могилевской губерниям, а Режицкий и часть Мозырьского уезда — к Черниговской и Киевской губерниям²⁸¹. Авторы некоторых из обсуждавшихся в то время проектов предлагали также уменьшить территорию так называемых литовских губерний, которые иногда именовались «польско-литовскими губерниями»²⁸², — часть уездов должны были быть присоединены к белорусским губерниям. Сокращение территории и Западного края, и литовских губерний как мера усиления русского влияния в действительности не была новой идеей. Такие предложения звучали еще в 1830-х годах.

В данном случае имперские чиновники руководствовались логикой, согласно которой развитие того или иного реги-

281 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 2427. L. 1–3.

282 Ibid. L. 29. В то же время Витебская и Могилевская губернии в том же документе названы «древнерусскими».

она в значительной степени зависело от того, какой центр, то есть какой город, является доминирующим в регионе, — если русский, значит, и вся территория будет на верном пути, если польский — усиливается опасность того, что регион останется в орбите враждебной культуры. В то же время в представлении правящей и интеллектуальной элиты существовали и конкретные образы городов. Вильна у российских чиновников и поддерживавших имперский режим интеллектуалов ассоциировалась с центом польского влияния. Поэтому целью властей было добиться того, чтобы как можно большая территория попала под влияние Москвы или другого внутреннего центра России и вышла из-под влияния таких городов, как Вильна. В российском дискурсе существовало достаточно четкое представление о том, что чем дальше на восток расположен город, тем сильнее в нем русское влияние и тем слабее польское. Следовательно, целью было «подвинуть» границы уездов и губерний таким образом, чтобы как можно большее число уездов и губерний оказалось в сфере влияния городов, расположенных на востоке²⁸³. Как писал М.Н.Муравьев, таким образом возможно «оттянуть оные от местных административных центров, в которых преобладает еще господство польской партии»²⁸⁴. Более широко эту логику развил И.С.Аксаков. Он считал, например, что присоединение части Минской губернии к Могилевской можно обосновать тем, что «Могилев, сравнительно с Минском, представляет более русской общественной стихии», при этом Минская губерния должна получить

283 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 226. Л. 1–2.

284 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 2427. L. 2.

компенсацию за счет Виленской губернии, то есть к Минской губернии должны быть присоединены Вилейский и Ошмянский уезды, поскольку «Минск, находясь в центре Белоруссии, обильный историческими белорусскими преданиями, с большею пользою мог бы послужить административным средоточием для некоторых белорусских уездов Виленской губернии, нежели Вильно». Вильна же, согласно И.С.Аксакову, стала «средоточием и символом в Литве польской силы, Польской цивилизации, это нечто в роде литовского Петербурга»²⁸⁵, и Минская губерния «поставлена в необходимость тянуться к самому главному центру полонизма на Литве, к Вильну», поскольку там расположена резиденция генерал-губернатора²⁸⁶.

На схожей логике, то есть на желании, чтобы в части Западного края доминировали как можно далее на востоке расположенные центры, была основана и возникшая в начале 1870-х годов идея основания университета, когда кандидатами в университетские города стали Полоцк и Витебск²⁸⁷. По мнению министра народного просвещения Дмитрия Андреевича Толстого, Полоцк более удачный выбор по сравнению с Витеб-

285 Достаточно часто в российском дискурсе того времени Санкт-Петербург представляется как воплощение космополитизма, в то время как Москва — образец всего истинно русского.

286 Об изменении границ Западного края // Сочинения И. С. Аксакова. Т. 3: Польский вопрос и Западно-русское дело. 1860–1886, статьи из Дня, Москвы, Москвича и Руси. М., 1886. С. 260–271.

287 Staliūnas D. Visuomenė be universiteto? P. 98–99.

ском, поскольку Полоцк русский город, расположенный в русской губернии и тесно связанный с внутренними губерниями²⁸⁸.

Эта логика легла и в основу одного из высказанных в 1865 году предложений помощника виленского генерал-губернатора (позже, в 1868–1874 годах, ставшего генерал-губернатором) А.Л.Потапова — изменить границы Виленской губернии и основать новый центр не в Витебске, а в Полоцке. Наряду с аргументами технического характера (наличие в Полоцке железнодорожной линии, местонахождение Полоцка в географическом центре моделируемой губернии и пр.) приводились и соображения идеологического свойства: Полоцк в большей степени, в сравнении с Витебском, олицетворяет русскость, поскольку в городе пятнадцать православных церквей и монастырей, кроме того, таким образом будет восстановлено «название чисто русского Полоцкого княжества»²⁸⁹.

К уменьшению территории Западного края должно было привести и присоединение всей Ковенской губернии или трех самогитских уездов к Прибалтийскому генерал-губернаторству²⁹⁰. «Перенос» всей губернии в Прибалтийское генерал-губернаторство чиновники обосновывали не только географическими аргументами²⁹¹ и экономическими связями, но и

288 РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 1073. Л. 1–3.

289 LVIA. F. 378. Ap. 219. B. 80. D. 1. L. 15.

290 Идею присоединения самогитских уездов к Курляндской губернии рассмотрю позже.

291 Предполагалось, что Ковенская губерния, особенно после удаления из нее Новоалександровского уезда, будет иметь гораздо

стремлением оградить литовцев от влияния «польского элемента»²⁹².

Уменьшить зону польского влияния Вильны можно было не только путем изъятия нескольких уездов из состава Северо-Западного края, но и возвращением границ генерал-губернаторств к положению, существовавшему до восстания. Такое предложение А.Л.Потапов высказывал еще в 1865 году, и в 1869–1870 годах именно оно было реализовано. Обоснованием решения стали аргументы, звучавшие в начале 1860-х годов. Практически основным мотивом было сокращение влияния Вильны: «Соединение 6-ти губерний под одним центральным управлением в Вильне создает общность интересов между населением оных, приводит в частные сношения полуполяков могилевских с настоящими поляками виленскими и ковенскими и заставляет их смотреть на Вильну, из которой исходят на них и милости и наказания, как на настоящую столицу всего края. Вильна как центр управления, в противность здравых политических начал, дает возможность окраинам привлекать к себе и ассимилировать себе области внутренние, каковы Могилевская и Витебская»²⁹³. И прямое подчинение этих губерний Министерству внутренних дел будет полезно, поскольку центром притяжения станет уже не Вильна, а Санкт-Петербург, и таким образом сократится количество губерний, составляю-

более протяженную административную границу, чем все остальные части Виленского генерал-губернаторства.

292 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 2427. L. 28.

293 Ibid. BS. 1869 m. B. 66. L. 12–13; тот же документ: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 356. Л. 6.

щих в империи отдельную территорию²⁹⁴. При этом границы Виленского учебного округа изменены не были, поскольку имперским чиновникам казалось, что центр ведомства образования не имеет такой символической интегральной силы, какую имеет центр генерал-губернаторства²⁹⁵.

Таким образом, мы видим, что на бывшую территорию Великого княжества Литовского в 1860-х годах имперские чиновники смотрели практически так же, как и в 1838–1843 годах: три белорусские губернии виделись почти русскими, а оставшиеся три губернии Северо-Западного края — польско-литовскими; правда, среди последних особо выделяли Виленскую губернию с наиболее мощным центром польского влияния — Вильной.

Еще одно направление изменения территориально-административного деления имело черты территориализации этничности, то есть стремление к совпадению административных границ с этническими²⁹⁶. В середине XIX века рассматри-

294 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 356. Л. 25–26.

295 РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 356. Л. 158–163.

296 Западный край не был единственным пограничным регионом, по отношению к которому обсуждались подобные проекты. В бюрократической переписке достаточно часто возникает идея реформирования трех Прибалтийских губерний в две — латышскую и эстонскую (Brüggemann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. S. 236, 264, 266–267), но представляется, что в отношении этнических литовских и белорусских земель эти идеи рассматривались гораздо чаще.

вались две такие идеи. Первая предусматривала разграничение литовцев и белорусов, вторая — литовцев и жемайтийцев.

Автором первой идеи был виленский генерал-губернатор Владимир Иванович Назимов, считавший, что территориально-административные реформы не способны уменьшить польское влияние и имеют смысл «разве только для отделения двух народностей — жмудско-литовской и русской»²⁹⁷. Генерал-губернатор, «руководствуясь этнографической картою», конкретизировал это предложение, точно указав, где на территории Виленской губернии должна проходить эта граница. Предложенная В.И.Назимовым граница между литовцами и белорусами была похожа на границу ареалов расселения этих двух групп в этнографических работах того времени, и Вильна оставалась на литовской территории²⁹⁸. То есть, с одной стороны, похоже, что В.И.Назимов относился к этому предложению серьезно, поскольку достаточно точно начертил границу, разделяющую две этнические группы. Кроме того, почти в то же время в Виленском учебном округе рассматривались проекты замены в средних школах, расположенных на территории проживания литовцев, польского языка как предмета преподавания на литовский язык с целью усиления литовских позиций и ослабления польских²⁹⁹. Эта идея попечителя Виленского учебного округа Александра Прохоровича Ширинского-Шихматова, соответствовавшая принципу национальной политики «разделяй и властвуй», логически была созвучна

297 LVIA. F. 378. PS. 1863 m. B. 490. L. 1.

298 Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje. P. 45.

299 LVIA. F. 567. Ap. 21. B. 15. L. 22.

предложению В.И.Назимова территориально-административным путем оградить литовцев и белорусов от польского влияния, несмотря на сомнения генерал-губернатора в том, что такие меры способны уменьшить польское влияние в крае³⁰⁰. С другой стороны, можно предположить, что и сам виленский генерал-губернатор не был уверен в целесообразности применения таких мер. Сомнения В.И.Назимова выдает не только звучащее в приведенной цитате неуверенное «разве только», но и то обстоятельство, что предложение не было детализировано, поскольку генерал-губернатор так и не объяснил, что должно было последовать за отделением литовцев от белорусов — вместо одной Виленской губернии появятся две новые губернии или образованные этнические части будут присоединены к литовской Ковенской и белорусской Минской губерниям.

Предложил на рассмотрение проект и помощник виленского генерал-губернатора А.Л.Потапов. В его проекте помимо всего прочего содержалось предложение руководствоваться «этнографическими соображениями»³⁰¹: было предложено отделить литовцев от жемайтийцев. А.Л.Потапов считал, что для того, чтобы в будущем нейтрализовать самый опасный антигосударственный регион — Ковенскую губернию, где доминировали литовцы-католики, губернию следовало разделить: литовские уезды (Вилкомирский, Поневежский, Ковенский и Новоалександровский) присоединить к Виленской губернии, а три самогитских уезда (Шавельский, Тельшевский

300 Ibid. F. 378. PS. 1863 m. B. 490. L. 10.

301 Ibid. Ap. 219. B. 80. D. 1. L. 15.

и Рациенский) передать Курляндской губернии³⁰². Таким образом, литовцы должны были оказаться в сфере влияния Вильны как русского центра³⁰³, а жемайтийцы — в сфере влияния прибалтийских немцев, которые в то время обычно рассматривались как лояльная империи группа³⁰⁴.

Еще одним ареалом, в планах территориально-административного деления которого просматривались признаки территориализации этничности, были уезды Августовской губернии, где доминировало литовское население. Как уже отмечалось, по военным соображениям осенью 1863 года к Виленскому генерал-губернаторству были присоединены сначала Марьямпольский, Кальварийский, Августовский и Сейнский, а затем и Ломжский уезды³⁰⁵. Несмотря на декларации временности такого переподчинения, виленский генерал-губернатор М.Н.Муравьев был склонен оставить все эти уезды в Виленском генерал-губернаторстве, поскольку на этих территориях проживали литовцы и, значит, эти земли должны были быть отнесены к Литве, а не к Польше³⁰⁶. Важность этнических критериев в данном случае иллюстрирует указание

302 Как мы уже писали, эта идея упоминалась и во время реформ 1830–1840-х годов.

303 Точка зрения А.Л.Потапова на Вильну как на [потенциальный] русский центр была, скорее всего, исключением.

304 ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2. Д. 758 а. Л. 52–54.

305 Переписка об этих переделах находится в следующих делах: РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25919; LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 1549.

306 РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 769. Л. 156.

М.Н.Муравьева подготовить этнографический обзор Августовской губернии³⁰⁷.

Очевидно, в схожем направлении размышлял и не идентифицированный нами автор подготовленного после 1867 года проекта, предполагавшего изменения территориально-административного деления Северо-Западного края. Автор был хорошо знаком с идеями, высказывавшимися и реализованными ранее разными звеньями властей, поэтому и он сам, скорее всего, принадлежал к чиновничеству. Не углубляясь во все тонкости проекта, остановлюсь на предложениях, которые были связаны с Виленской и со смежными губерниями: автор проекта предлагал передать относящиеся к Виленской губернии Вилейский и Ошмянский уезды Минской губернии, Дисненский уезд — Витебской губернии, Лидский — Гродненской. Взамен к Виленской губернии присоединить несколько «округленный» Новоалександровский уезд и всю Сувалкскую губернию³⁰⁸. Так, помимо Ковенской губернии, могла быть сформирована новая губерния с преобладанием литовского населения, поскольку в Виленской губернии были оставлены только те уезды (Виленский, Трокский и Свенцянский), в которых, согласно данным национальной статистики и этнографии того времени, доминировало литовское население. Правда, в этом

307 LVIA. F. 378. BS. 1900 m. B. 246. L. 18. В официальной печати также появились статьи, авторы которых, указывая на этнический состав Августовской губернии, высказывали сомнения в правомерности ее принадлежности Царству Польскому. См.: Виленский вестник. 1865. № 12.

308 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 226. Л. 4.

случае, скорее всего, основными были не этнические критерии, а логика простоты администрирования. «Перенос» Новоалександровского уезда, скорее всего, был связан со стремлением «округлить» Ковенскую губернию, а южная часть Сувалкской губернии, то есть этнические польские земли, включались в состав Виленской губернии вместе с литовской частью Сувалкской губернии, чтобы не делить Сувалкскую губернию.

Таким образом, проекты 1860-х годов, предусматривавшие совмещение этнических и административных границ, становятся привычным инструментом конструирования имперского пространства. При этом впервые подобные тенденции появляются в проектах 1840-х годов. Часть этих проектов, как, например, проект В.И.Назимова, не были свободны от элементов политики «разделяй и властвуй», однако в остальных случаях такие тенденции отсутствовали: А.Л.Потапов ясно высказал мысль о том, что литовцы слишком слабы, чтобы противостоять полякам, а для политики М.Н.Муравьева, проводимой после восстания 1863–1864 годов, такие меры не были характерны.

В российском дискурсе последних десятилетий существования империи все еще встречается представление о Северо-Западном крае как о достаточно монолитном регионе, охватывающем шесть губерний. Именно так весь этот край представлялся в конце XIX — начале XX века, когда имперские чиновники обсуждали антипольские меры: все еще существовал Виленский учебный округ, и иногда на столы бюрократов попадали предложения, предусматривавшие присоединение трех

белорусских губерний к Виленскому генерал-губернаторству, то есть возврат к практике времен М.Н.Муравьева³⁰⁹, однако на российской ментальной карте того времени все более ясно выявлялась тенденция, предполагавшая раскол этого региона на более мелкие ареалы.

Как и в предыдущие десятилетия, имперские чиновники выделяли две части Северо-Западного края: Литву и Белоруссию, правда, эти регионы иногда описывались иначе, чем раньше. Так, во время обсуждения в начале XX века планов учреждения высшей школы Северо-Западного края попечитель Виленского учебного округа Василий Александрович Попов высказывался против появления такого учебного заведения в Вильне, расположенной в литовском ареале, к которому чиновник ведомства просвещения относил Виленскую, Ковенскую, Сувалкскую губернии и западную часть Гродненской. К белорусскому ареалу были отнесены Витебская, Минская, Могилевская губернии и восточная часть Гродненской, а также некоторые великорусские губернии. Принимая во внимание структуру этого края, аргументировал попечитель, «Белорусский университет» следует учредить в какой-либо «почти чисто русской губернии», например в Минске, а не в «значительно инородной для них Вильне»³¹⁰. В данном случае регионы выделялись путем комбинирования этнического критерия (включение в «литовский район» Сувалкской губернии) с

309 ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 467. Л. 23.

310 LVIA. F. 378. BS. 1908 m. B. 340. L. 21–25, 26–28, 29–33. Цитаты: L. 21–22.

конфессиональным (в «литовском районе» большинство населения составляют католики).

Другим примечательным признаком российской ментальной карты конца XIX — начала XX века было более сильное по сравнению с прошлым периодом проявление идей территориализации этничности. Пожалуй, самым ярким примером этого явления оказалось упразднение в начале XX века Виленского генерал-губернаторства. На это решение оказали влияние и процессы, общие для всей империи: росло убеждение, что генерал-губернаторства как институт утратили эффективность и поэтому подлежат упразднению³¹¹. В том случае, если речь шла конкретно о Западном крае, отмечалось, что генерал-губернаторство уже выполнило свою задачу и регион полностью интегрирован в империю³¹², хотя, скорее всего, до конца этому не верил ни один чиновник. Более убедительным был другой аргумент, согласно которому генерал-губернаторство в определенной степени придает конкретному региону статус отдельного края³¹³. Возможно, именно по этой причине Совет

311 Соколов К.Н. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Октябрь. С. 45–56, 76; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470; РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 36. Л. 9–32.

312 ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 17, 40; Ф. 102. 2 делопроизводство. 1909 г. Д. 14. Ч. 2. Л. 5.

313 РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1910 г. Д. 36. Л. 31; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 16; Соколов К.Н. Очерк истории. С. 72. Достаточно странно, но кажется, что Министерство внутренних дел избежало этого аргумента, когда в 1910-х годах вынашивались планы упразднения Виленского генерал-губернаторства.

министров Российской империи на заседании 29 октября 1911 года подчеркнул, что в указе об упразднении Виленского генерал-губернаторства не должны упоминаться названия «Западный край» и «Северо-Западный край» и все губернии — Виленская, Ковенская и Гродненская — должны быть названы отдельно³¹⁴.

Здесь следует отметить, что правящая элита империи сильно переоценивала эти институты, предполагая, что они могут оказывать влияние на ментальные карты недоминирующих групп (поляков, литовцев, белорусов, евреев). Для последних включение одних или других территорий в состав генерал-губернаторств не был актуальным, и неудивительно, что новостям об упразднении генерал-губернаторства в начале 1910-х годов в печати на местных языках было уделено минимальное внимание. Однако понимания желания уничтожить региональное своеобразие Северо-Западного края, которое дало ему существование генерал-губернаторства, вряд ли достаточно для того, чтобы хорошо представлять себе ход мыслей имперских чиновников. Ведь если чиновники руководствовались такой логикой, то в первую очередь следовало упразднить Киевское генерал-губернаторство, вне всякого сомнения, гораздо лучше интегрированный в империю регион в сравнении с Северо-Западным краем. Но решение об упразднении Киевского генерал-губернаторства было принято только во время Первой мировой войны. Можно вспомнить, что именно в Киеве, несмотря на возможное польское влияние, работал перемещенный из Вильны университет. Конечно, упразднение

314 ГА РФ. Ф. 102. 2 делопроизводство. 1911 г. Д. 37. Л. 20.

генерал-губернаторства сначала в Вильне и позже — в Киеве могло быть случайным, однако влияние на такую последовательность могло иметь и место обоих регионов на российской ментальной карте. Министерство внутренних дел, обосновывая необходимость упразднения Виленского генерал-губернаторства, приводит следующий мотив: «Дальнейшее объединение под генерал-губернаторской властью Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, отличающихся между собою по племенному составу и религии, является ныне даже нежелательным. В то время как Гродненская губерния почти сплошь русская и православная, Ковенская — с преобладающим населением литовским и католическим, а Виленская по преимуществу заселена белорусами католиками»³¹⁵. В данном случае имперские чиновники практически присвоили отдельным губерниям «национальный статус». Конечно, это не равнозначно политизации этничности. Здесь такие характеристики губерний выбраны с целью обосновать неоднородность региона и не связаны с попытками конструирования территориально-административных единиц по этническому или конфессиональному принципу. При этом примеров такого мышления в конце XIX — начале XX века было достаточно много.

Территориализация этничности казалась части правящей элиты империи подходящим инструментом для решения национальных проблем. Один из наиболее ярких примеров такого мышления — выделение из Царства Польского части его территории и создание Холмской губернии, подчиненной непосредственно имперскому центру. В историографии была

315 ГА РФ. Ф. 102. 2 делопроизводство. 1911 г. Д. 37. Л. 4.

выдвинута версия, согласно которой премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин в то время планировал присоединить «польские» Бельский и Белостокский уезды (Гродненская губерния) к Царству Польскому с целью последовательной реализации идеи консолидации национальных территорий, но опасался противостояния русских националистов, и эта идея так и осталась на бумаге³¹⁶.

При решении имперскими чиновниками судьбы населенных неполяками регионов Царства Польского встал вопрос и Сувалкской губернии. В 1898 году виленский генерал-губернатор Виталий Николаевич Троцкий возродил идею присоединения Сувалкской губернии к Виленскому генерал-губернаторству. Помимо ряда других мотивов (военных аргументов, аргумента «округления» Царства Польского, желания унижить поляков) приводился и этнический: большинство жителей этой губернии — литовцы. В.Н.Троцкого ни в коем случае невозможно заподозрить в намерении проводить политику «разделяй и властвуй», то есть в желании усилить литовскую национальную консолидацию и таким образом ослабить польское влияние в регионе. Он, скорее всего, (ошибочно) полагал, что такие территориально-административные реформы могут способствовать уменьшению литовского «сепаратизма».

Подобной логикой руководствовались чиновники и при обсуждении других проектов административно-территориального перераспределения на западных окраинах империи.

316 Бахтурина А.Ю. П.А. Столыпин и управление окраинами Российской империи // Российская история. 2012. № 2. С. 108–120.

Например, в документах того времени мы находим идею расширить Ковенскую губернию, «присоединяя к ней немногие местности Виленской губернии и некоторые уезды Сувальской, заселенной литовцами»³¹⁷.

Очевидно, объединение всех этнических литовских территорий в границах одной административной единицы в условиях либерализации империи, особенно в случае предоставления какой-либо формы самоуправления, лишь усилило бы литовский национализм. Это очень хорошо понимали некоторые высокопоставленные имперские чиновники. Варшавский генерал-губернатор Александр Константинович Иммертинский предупреждал, что помимо различных сложностей реализации подобная конгруэнция этнических и административных границ может иметь нежелательные последствия для российских государственных интересов: «Посему, создавая искусственно особые этнографические единицы и сгруппировывая административные центры по национальностям, правительство подчеркивало бы этим лишь государственное существование отдельных национальностей и шло бы в разрыв с Высочайшими предначертаниями, коими охраняются государственные интересы России»³¹⁸.

317 ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 467. Л. 17.

318 РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1898 год. Д. 55. Л. 8. Правящей элите империи могло быть удобно оставить этнически непольскую территорию в границах Царства Польского, чтобы в том случае, если поляки начнут требовать национальной автономии, «напомнить» им о непольских территориях, входящих в состав Царства Польского, и таким образом отклонить право на такую автономию.

Часть и реализованных, и оставшихся на бумаге территориально-административных преобразований были призваны уменьшить роль в Северо-Западном крае Вильны, которая представлялась очагом польской культуры. В Вильне, как известно, после 1832 года так и не был открыт университет, поскольку существовали опасения, что в университете будет преобладать польская партия. Роль Вильны как регионального центра должно было ослабить и долго обсуждавшееся, но так и не реализованное упразднение Виленского римско-католического епископства, часть которого предполагалось присоединить к Самогитскому (Тельшевскому) и часть к Луцко-Житомирскому епископствам³¹⁹. Это еще раз указывает на представления о Вильне как о польском городе. При этом в официальном дискурсе существовало абсолютно иное представление о ней.

319 Там же. Ф. 821. Оп. 138. Д. 47.

Глава 5. Символическое освоение пространства

Ни на одном другом примере невозможно так хорошо проследить усилия власти символически присвоить Северо-Западный край, как на примере Вильны, особенно после подавления восстания 1863–1864 годов. На протяжении второй половины XIX — начала XX века Вильна сохраняла статус столицы Северо-Западного края. Этот город, как писал младший брат М.Н.Муравьева Андрей Николаевич Муравьев, был «сердцем Литвы»³²⁰.

Вильна в российском дискурсе, несомненно, трактовалась как исконно русский город: происхождение названия — русское³²¹, значительную часть населения города с самого момента основания составляли русские³²²; кроме того, православие утвердилось здесь до католичества³²³. Прошлое Вильны в русском дискурсе вписывалось все в тот же исторический нарратив (Уварова — Устрялова). Во второй половине XIX —

320 [Муравьев А.Н.] Русская Вильна. Приложение к путешествию по св. местам Русским. Вильна, 1865. С. 3.

321 Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка. С планом города Вильны, 9-ю рисунками и картой Виленской губернии. Вильна, 1883. С. 2; Белорусс. Библиографическая заметка по поводу III тома Живописной России (Литва и Белоруссия — соч. Киркора) (оттиск из литовских епархиальных ведомостей). Вильна: Типография губернского правления, 1884. С. 25.

322 Вильна и окрестности. С. 49; Виноградов А.А. Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям. Изд. 2. Вильна, 1907. С. 5.

323 Крючковский Ю. Старая Вильна до конца XVII столетия. Вильна, 1893. С. 5.

начале XX века путеводителями по Вильне и другой литературой подобного характера прививалась идея об имевшем место в начале литовской истории цивилизационном русском влиянии и о близости языческой Литвы и Руси, составлявших «одно нераздельное целое»³²⁴. Для А.Н.Муравьева Вильна, несомненно, была одной из религиозных русских святынь³²⁵. Уже во времена Гедимина (великий князь литовский с 1316 до 1341 года) в Вильне, как утверждалось, были сильны позиции православия, и они еще более упрочились во время правления Ольгерда (1345–1377), но после заключения Кревской унии и в особенности позже, после заключения Люблинской унии, в Вильне начинают преследовать православных, которые смогли почувствовать себя в безопасности только после присоединения этой территории к Российской империи³²⁶.

Руководствуясь этим историческим нарративом, имперские власти стремились «вернуть» Вильне ее аутентичный, то есть русский и православный, вид. В путеводителях по Вильне на первый план выдвигались православные церкви, и таким образом создавалось впечатление, что в городе доминируют

324 Указатель города Вильны, составлен по распоряжению г. главного начальника края. Вильна, 1864. С. 119–120.

325 [Муравьев А. Н.] Русская Вильна.

326 См., например: Вильна и окрестности; Lavrinec P. Rusiškasis Vilniaus tekstas // Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir dau-gia-kul-tūrinis miesto paveldas / Sud. A.Bumblauskas, Š.Liekis, G.Potašenko. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. P. 257–277.

русские³²⁷. На достижения тех же целей были направлены и конкретные меры, призванные изменить культурный ландшафт города: переименование улиц³²⁸, восстановление и строительство новых церквей, установка различных памятников (в конце XIX — начале XX века в городе были поставлены памятники М.Н.Муравьеву, Александру Сергеевичу Пушкину, Екатерине II)³²⁹. Наиболее ярко стремление к символическому захвату пространства проявилось во время установки памятника М.Н.Муравьеву.

Как утверждает официальная история установки памятника, идея почтить таким образом М.Н.Муравьева появилась в конце 1880-х годов³³⁰; в 1891 году после получения благословения императора была учреждена состоящая в основном из чиновников комиссия по возведению памятника, и на территории всей империи была инициирована кампания по сбору средств³³¹. Возведение памятника началось в 1897 году, и в

327 Вильна и окрестности; Лавринец П. Русские путеводители по Вильнюсу XIX — начала XX вв.: Принципы композиции и отображения объектов // Путеводитель как семиотический объект. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2009. С. 219–239.

328 Указатель города Вильны, составлен по распоряжению г. главного начальника края. Вильна, 1864. С. 5–7.

329 Antanavičiūtė R. Menas ir politika Vilniaus viešosiose erdvėse. Vilnius: Lapas, 2019. P. 71–105.

330 Как создавался в г. Вильне памятник Графу М.Н.Муравьеву. Вильна, 1898. С. 5, 8.

331 Более подробно об истории установления памятника см.: Weeks Th.R. Monuments and Memory: Immortalizing Count M.N.Muraviev in Vilna, 1898 // *Natio-nalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 1999. Vol. 27/4. P. 551–564; Вино-

следующем году он был торжественно открыт на площади перед генерал-губернаторским дворцом, которая была переименована: Дворцовая площадь стала площадью М.Н.Муравьева³³².

В соответствии с официальным церемониалом открытия памятника наряду с представителями местных и центральных властей, родственниками М.Н.Муравьева, военными частями, православным духовенством, учащими в церемонии участвовали и «депутации от г. Вильны, от мещан, крестьян и учреждений»³³³; кроме того, часто в поздравительных телеграммах, которые были отправлены в Вильну по случаю открытия памятника, упоминались высокие заслуги М.Н.Муравьева перед всей Российской империей, во время первой церемонии некоторые ораторы подчеркивали, что памятник не должен пониматься как «укор польскому народу, предмет разлада», поскольку М.Н.Муравьев никогда не боролся с поляками, но «действовал против изменников, поднявших оружие на своего государя»³³⁴. Историк Т.Р.Уикс утверждал, что риторика официальных лиц и авторов поздравительных телеграмм «не была открыто антипольской»³³⁵. Эти обстоятельства могут привести на мысль о том, что открытие этого памятника власти стремились инструментализировать с целью восхваления традиционного имперского патриотизма. Комиссия по воздвижению

градов А.А. Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям. Изд. 2. Вильна, 1907. С. 194–195.

332 РГИА. Ф. 1293. Оп. 128. Д. 11. Л. 42–43.

333 LVIA. F. 380. Ap. 55. V. 692. L. 41.

334 Как создавался в г. Вильне памятник Графу М.Н.Муравьеву. С. 46.

335 Weeks Th.R. Monuments and Memory. P. 558.

памятника, говоря о М.Н.Муравьеве, называла его «Борцом за Веру, Царя и Отечество», что сильно напоминало триаду С.С.Уварова, описывающую русский имперский патриотизм словами «православие, самодержавие, народность»³³⁶. При этом риторика периода начала кампании по сбору средств и первых этапов возведения памятника, а также доминировавшая риторика официальных и других поддерживавших эту идею лиц на церемонии открытия памятника была иной по сравнению с риторикой, характерной для российского официального дискурса первой половины XIX века.

Отчасти Т.Р.Уикс прав, утверждая, что в установке памятника М.Н.Муравьеву нет «открытой антипольской» пропаганды. Митрополит Киевский Платон (Николай Иванович Городецкий) еще в 1891 году по случаю получения высочайшего согласия на сбор средств на памятник М.Н.Муравьеву подготовил проповедь, адресованную прежде всего полякам и содержащую напоминание о том, что претензии поляков «на древний русский край» неправомерны, и предложение смириться с тем, что русские — «законные наследники древних владельцев их»³³⁷. И все же обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев, принимая во внимание «настоящие политические обстоятельства далеко не спокойные», не поддержал распространение этой проповеди, говоря, что «было бы разумно воздержаться от напоминания событий несчастного

336 LVIA. F. 380. Ap. 55. B. 692. L. 7.

337 РГИА. Ф. 797. Оп. 61. 2 отделение. 2 стол. Д. 249. Л. 3–12. Цитата: Л. 9.

восстания и озлобленных отношений поляков к русской вере, власти и народности»³³⁸.

Тем не менее и без открытой антипольской риторики этот памятник имел явные антипольские коннотации. Дело в том, что фигура М.Н.Муравьева и в русском, и в польском историческом нарративах несла однозначные символические смыслы, связанные с подавлением восстания 1863–1864 годов. Разница была только в том, что в русском дискурсе его деятельность оценивалась как восстановление справедливости и представляла собой высочайшие заслуги перед империей и русским народом, а в польском — как brutальное подавление борьбы за свободу. Виленский губернатор, комментируя открытие памятника, отмечал, что «польское общество не отрешилось еще от враждебных чувств к деятельности графа Муравьева»³³⁹. Некоторые авторы поздравительных телеграмм как самую большую заслугу генерал-губернатора называли борьбу с поляками³⁴⁰, и на открытие памятника планировалось пригласить чиновников, вместе с М.Н.Муравьевым «принимавших близкое и деятельное участие в его трудах по усмирению последнего польского мятежа»³⁴¹. То есть основной месседж, который посылали авторы памятника и поддерживавшие эту идею члены российского общества, состоял в том, что это исконно русская территория и М.Н.Муравьев внес большой вклад в восстановление исторической справедливости. С точки

338 Там же. Л. 14.

339 LVIA. F. 378. BS. 1898 m. B. 47. L. 2.

340 Ibid. F. 439. Ap. 1. B. 92. L. 18; Как создался. С. 37 (Телеграмма профессора Варшавского университета).

341 LVIA. F. 380. Ap. 55. B. 692. L. 2.

зрения польского общества, что очень хорошо понимали и имперские власти, идея была антипольской, поскольку отрицала права Польши на эти земли.

Как отмечал Ричард Уортман (Richard Wortman), репрезентация Российской империи как национальной (русской) монархии, начало которой было положено во время правления Александра III (1881–1894), не утратила силы и при Николае II (1894–1917)³⁴². Концептуализация Российской империи как русского государства прослеживается и в истории с памятником М.Н.Муравьеву. Радикальным выражением этой интерпретации можно считать отправленное по случаю открытия памятника поздравление некоего Г.Кульжинского, заканчивавшееся словами «Россия прежде всего для русских, ура!»³⁴³. Наиболее часто в российском дискурсе того времени установка памятника М.Н.Муравьеву интерпретировалась как дело «настоящих русских». Именно такую риторику мы видим и в телеграмме, присланной по этому случаю Николаем II³⁴⁴. Не раз и не два территория Северо-Западного края в текстах русского дискурса, посвященных возведению и открытию памятника,

342 Wortman R. The Tsar and the Empire. Representation of the Monarchy and Symbolic Integration in Imperial Russia // Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century / Ed. J.Leonhard, U. von Hirschhausen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. P. 266–286.

343 Как создавался в г. Вильне памятник Графу М.Н.Муравьеву. С. 37–38.

344 LVIA. F. 439. Ap. 1. B. 93. L. 46. Похожая терминология: LVIA. F. 439. Ap. 1. B. 91. L. 7–8; B. 93. L. 2.

называлась Западной Русью, Северо-Западной Русью, Литовской Русью и просто Русью³⁴⁵.

***

Имперские власти и находящиеся в их подчинении эксперты в области истории, статистики и этнографии на протяжении XIX века постоянно искали новые аргументы обоснования прав России на территории Великого княжества Литовского. Символическим переломным моментом можно считать появление накануне восстания 1830–1831 годов определения «губернии, возвращенные от Польши». Еще более эту тенденцию усилило использование названия «Западный край». По инициативе С.С.Уварова с 1830-х годов начинается систематическое предъявление исторических прав на Великое княжество Литовское как на русское государство. Исторические права, а также этнический аргумент позволили концептуализировать эти земли как русскую «национальную территорию». Этнический состав жителей края (русских) как аргумент систематически используется с 1860-х годов. Именно тогда начинают постоянно повторяться попытки имперских чиновников «восстановить» правильные (русские) географические названия. Еще позже — на рубеже XIX и XX веков — более интенсивными темпами идет и русификация культурного ландшафта. В тех случаях, когда в официальном и публичном российских дискурсах обобщенно говорится о территории Великого княжества Литовского и Правобережной Украины — вся эта территория понимается как русская «национальная территория»,

345 LVIA. F. 439. Ap. 1. B. 91. L. 7–8; B. 92. L. 21; B. 93. L. 26–27.

несмотря на то что более информированные, особенно работавшие на этой территории акторы, понимали, что Северо-Западный край неоднороден.

Существование отдельного географического названия Белоруссия, которым со временем начинают обозначать присоединенные после первого и второго разделов территории, имевшее место в различные периоды территориально-административное подчинение не Вильне, но другим административным центрам, некоторые из рассматривавшихся властями планов воссоздания Польши с вовлечением и земель Великого княжества Литовского, но не Белоруссии, практика национальной политики и тексты таких влиятельных историков, как Н.М.Карамзин, позволяют предположить, что правящая и интеллектуальная элита империи видела особенности Белоруссии, выделявшие ее как отдельный регион среди бывших территорий Великого княжества Литовского. Правда, эта Белоруссия еще не была стопроцентно настоящей русской «национальной территорией», в этом смысле уступая так называемому Юго-Западному краю (Правобережной Украине), где власти без каких бы то ни было опасений могли учреждать русский университет. Различные рассматривавшиеся с 1830-х годов проекты реформ территориально-административного деления также указывают на исключительное место Белоруссии на российской ментальной карте: проектами часто предусматривалась передача части территории белорусских губерний великорусским внутренним губерниям России и части территории «литовско-польских» губерний белорусским. Эти постоянно повторявшиеся идеи ясно показывали, что «белорусские» губернии считались русскими в большей степени, чем «литовские», но все же еще не совсем такими, как внутренние губернии России.

В российском дискурсе упоминалось и пространство проживания литовцев. Этнический литовский ареал и даже настоящая Литва (включавшая не только этнические литовские земли (без Самогитии), но и присоединенные к Литве в XIII веке территории) описывались в исторических трудах. На публикуемых в XIX веке этнографических картах изображалась территория проживания литовцев. Часто обозначенный на картах ареал проживания литовцев (карты А.К.Коревы, Р.Ф.Эркerta, П.Н.Батюшкова — А.Ф.Риттиха) был больше установленного этнографической наукой на основании принятых лингвистических критериев (работы П.И.Кёппена и более поздние работы А.Ф.Риттиха), поскольку в первом случае имперские эксперты пользовались методикой интеллигентов Северо-Западного края (Т.Нарбута), где определяющим критерием этнической принадлежности считалось происхождение. Такой, можно сказать, выигрышный для литовцев подход был связан и с тем, что литовцы в российском дискурсе того времени не трактовались как политическая проблема (во всяком случае, не такая серьезная, как «польский вопрос»), кроме того, российские ученые обычно полагали литовцев (и латышей) если не славянами, то ближайшей к славянам этнической группой. Имперские чиновники также признали аутентичность литовских топонимов Ковенской губернии. В некоторых территориально-административных проектах в качестве меры, направленной против польского доминирования на западных окраинах империи, не раз предлагалась территориализация этничности, например путем слияния территорий с доминировавшим литовским населением в одну губернию. Причем эти идеи не предусматривали политизирования этнической принадлежности, то есть признания этих новых административных единиц «принадлежащими» литовцам с вытекающими

отсюда последствиями (предоставлением в той или иной степени самоуправления). Кроме того, эти идеи не были реализованы. То есть на административной карте Литва как территориальная единица не существовала³⁴⁶. Имперские власти и русские националисты не отводили литовцам места и в культурной плоскости, конструируемой в соответствии с историческим нарративом Уварова–Устрялова. Здесь важнейшим элементом стали православные церкви и памятники героям, укреплявшим позиции России в этом регионе (М.Н.Муравьеву и Екатерине II). Обобщая вышесказанное, еще предстоит ответить на сложный вопрос: как в российском дискурсе XIX века воспринималась территория с преобладающим литовским населением — как русская «национальная территория» или только как часть империи?

Название Литва больше не звучало в официальных географических названиях, и специалисты в области этнографии подчеркивали этническую близость литовцев славянам. Кроме того, исторические (и отчасти другие) тексты экстраполировали название Русь, которое описывало исторически сложившуюся, гомогенную с этнической и конфессиональной точки зрения территорию восточных славян, на все земли Великого княжества Литовского, в том числе и на этническую литовскую территорию. Таким образом формировалось мнение, что и литовская территория является частью русского этнического ареала. Наконец, некоторые влиятельные местные чиновники утверждали, что первыми жителями Ковенской губернии были русские, а литовцы пришли на эту территорию только в XI

346 Как известно, территориализация этничности была внедрена уже в советское время.

веке. То есть в определенных контекстах этнические литовские земли трактуются если не как русская «национальная территория», то по меньшей мере как потенциально способная такой стать. В пользу такой аргументации говорит и национальная политика, проводившаяся властями Российской империи после восстания 1863–1864 годов, которая будет обсуждаться в следующей главе книги. С точки зрения русского национализма политика строгой культурной гомогенизации должна была проводиться на русской «национальной территории», а не в оставшейся части империи.

С другой стороны, населенная литовцами территория четко фиксировалась на этнографических картах; литовский фактор принимался во внимание при планировании территориально-административных реформ; кроме того, в середине XIX века и отчасти в конце существования империи важнейшим элементом национальной принадлежности в российском дискурсе была конфессия (только православный — и старовер — может быть русским), поэтому до тех пор, пока литовцы оставались католиками, ареал их расселения не мог трактоваться как русская «национальная территория». Правда, следует добавить, что в конце XIX — начале XX века «принадлежащая» литовцам территория в российском дискурсе не включала Вильны, о чем свидетельствуют карта А. Ф. Риттиха 1875 года, исторические тексты, авторы которых утверждали, что город был основан на славянской территории, и стратегия по изменению культурного ландшафта города. Таким образом, утверждение, что литовская этническая территория на русской ментальной карте не относилась к русской «национальной территории», подтверждается бóльшим количеством аргументов, чем обратное утверждение.

Раздел II. Разновидность «русификаций» после 1863 года

Решения о том или другом направлении национальной политики в Северо-Западном крае после подавления восстания 1863–1864 годов принимались правящей элитой империи на основании многих соображений, и, несомненно, очень важную роль при этом играл опыт, приобретенный во время «оттепели». Либерализация политического режима привела к росту требований со стороны социальных элит Северо-Западного края, что подталкивало все большее число бюрократов к мысли о необходимости применения других подходов к решению «польского вопроса». Поэтому 1855–1863 годы — период интенсивного поиска новых рецептов национальной политики, обсуждение которых и открывает этот раздел.

Глава 6. Поиск концепции национальной политики в Северо-Западном крае в 1855-1863 годах

После подавления восстания 1830–1831 годов российские власти на западных окраинах империи применили целую серию мер, направленных на уменьшение политической, культурной и экономической автономии Царства Польского и снижение уровня польского влияния в Северо-Западном крае³⁴⁷. Таким образом, все более последовательно проводился отказ от политики, основанной на сотрудничестве с элитами окраин³⁴⁸, доминировавшей в Российской империи раньше.

После вступления в 1855 году на престол Александра II и поражения России в Крымской войне началась «эпоха оттепели». Была либерализована общественная жизнь не только во внутренней России, но и на окраинах империи, что позволило дворянству Царства Польского и Северо-Западного края выступать с различными инициативами и требовать от властей все больших уступок в области культуры, образования и эко-

347 Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 100–176; Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 84–124.

348 Об этой стратегии см.: Kappeler A. Historische Voraussetzungen des Nationalitätenproblems im russischen Vielvölkerreich // Geschichte und Gesellschaft. 1982. B. VIII/2. S. 159–183; Idem. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München: C.H.Beck, 1992. S. 203–204, 225–228; Lieven D. The Russian Empire and Its Rivals. P. 274–275.

номики³⁴⁹. Начавшиеся в 1861 году в Царстве Польском патриотические манифестации распространились и в Северо-Западном крае. Эти события уже в начале 1860-х годов породили у достаточно большой части политической и интеллектуальной элиты империи уверенность в невозможности компромисса в отношениях с поляками³⁵⁰.

Виленский генерал-губернатор В.И.Назимов, как и некоторые другие чиновники, считал, что поляки и евреи составляют два чужеродных элемента в Северо-Западном крае³⁵¹. Поляки, по его мнению, стремились обучать народ на польском языке, чтобы таким образом привлечь его на свою сторону, и целью при этом является отделение края от России³⁵². Это стремление шляхты вырвать у России Литву свидетель-

349 Staliūnas D. Litewscy biali i władze carskie przed powstaniem styczniowym: między konfrontacją a kompromisem // Przegląd historyczny. 1998. Vol. 39. Z. 3. S. 38–401; Szpoper D. Pomędzy caratem a snem o Rzeczypospolitej. Myśl polityczna i działalność konserwatystów polskich w guberniach zachodnich Cesarstwa Rosyjskiego w latach 1855–1862. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2003.

350 Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866).

351 РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 339. Л. 34.

352 Там же. Ф. 733. Оп. 140. Д. 17. Л. 49, 52; документ опубликован: Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. I: Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. / Сост. А.И.Миловидов. Вильна, 1913. С. 107–112.

ствовало о том, что компромисс между русскими и поляками не может быть достигнут прежде всего из-за спора, кому принадлежит Западный край³⁵³.

В.И.Назимов не только применял репрессивные меры против участвовавших в антиправительственной деятельности лиц, но и выступил с предложениями, которые должны были помочь восстановить общественный порядок и не допустить никаких мятежей в будущем. Этому были призваны служить уменьшение польского влияния в крае (переселение нелояльных подданных в Царство Польское³⁵⁴, упразднение в школах Белоруссии и Малороссии польского языка как предмета³⁵⁵) и рост русского влияния (учреждение русского университета после завершения волнений³⁵⁶, изменение состава чиновников в соответствии с принципом пропорционального участия всех национальных групп, и, пока не имелось достаточного количества местных русских, следовало приглашать необходимых лиц из внутренней России³⁵⁷, организация колонизации края русским дворянством³⁵⁸) и так далее.

Наряду с обсуждением мер, призванных изменить состав социальной элиты и ее культурное влияние, в начале 1860-х

353 РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 11. Л. 35.

354 Там же. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 339. Л. 41.

355 Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

356 Там же. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 334. Л. 11–12; Ф. 733. Оп. 140. Д. 17. Л. 49.

357 ГА РФ. Ф. 109. 1861 г. Д. 303. Ч. 1. Л. 236–237; РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 339. Л. 40–41.

358 РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 334. Л. 125–126.

годов началось обсуждение и других мер национальной политики. Некоторые предлагавшиеся меры можно определить как политику «разделяй и властвуй». Этот политический принцип понимается как действия, с помощью которых сознательно предпринимаются попытки усиления позиций одних групп (в данном случае — национальных (этнических) сообществ) для уменьшения влияния других групп, более опасных для империи. Стремление ассимилировать национальные группы при этом отсутствует. Если имперские власти декларировали желание защитить белорусов и украинцев от поляков и при этом считали обе эти этнические группы составной частью русской нации, то такая политика является ассимиляционной или, по крайней мере, ей присущи черты ассимиляции, в отличие от действий, основанных на принципе «разделяй и властвуй», невзирая на используемую бюрократами риторику. Политика, применяя которую власти стремились создать для недоминирующих этнических групп примерно одинаковые условия пользования родным языком, учреждения различных организаций и пр., также не понимается как политика, которую можно определить как применение методов «разделяй и властвуй».

После воцарения Александра II начались Великие реформы, целью которых была модернизация Российской империи. Среди элементов реформ была и отмена крепостного права, которая, согласно М.Д.Долбилову, дала толчок формированию российского националистического дискурса³⁵⁹. Одновременно

359 Dolbilov M. The Emancipation Reform of 1861 in Russia and the Nationalism of Imperial Bureaucracy // Construction and Decon-

в бюрократических кругах началась дискуссия о реформе образования, в том числе и начального. Часть правящей элиты в этот период рассматривала крестьян как политический фактор, который может стать противовесом полякам. Как писал В.И.Назимов, Северо-Западный край — спорная территория, и его вопрос может решить только народ³⁶⁰. Наиболее часто в российском дискурсе того времени народ Северо-Западного края концептуализировался как составная часть русского народа, которую необходимо защищать от полонизации, просвещать, и тогда Северо-Западный край станет органичной частью Российской империи.

Правда, национальное самосознание крестьян или, как называли их чиновники, русских оценивалось различно. Чиновники Виленского учебного округа не видели больших проблем в мобилизации национального потенциала крестьян³⁶¹. Но В.И.Назимов был более осторожен. Количественный перевес православных русских, особенно по сравнению с поляками, как считал генерал-губернатор, может создать ложное впечатление. Хотя генерал-губернатор и замечал, что, несмотря на все попытки ополячивания, «русский элемент» сохранил свое национальное отличие от поляков (в том числе его сохра-

struction of National Histories in Slavic Eurasia. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. P. 205–235; Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 139–140.

360 РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.

361 LVIA. F. 567. Ap. 1. B. 111. L. 55.

нили и те, кто перешел в католичество) и что в будущем народ сможет сам противостоять несправедливым претензиям дворянства³⁶², эта социальная группа, по мнению виленского генерал-губернатора, в Литве еще не стала самостоятельной силой. В.И.Назимов определяет народ, который он сравнивает с ребенком, как апатичный или спящий летаргическим сном, и достаточно последовательно считает его не определившимся с точки зрения национальной принадлежности, а значит, способным присоединиться и к правительству, и к полякам³⁶³.

При этом этнокультурные отличия литовцев от русских не вызывали сомнений у виленских чиновников, поэтому, стремясь защитить литовцев от польского влияния, они предлагали учредить школы с преподаванием на литовском языке и издавать на литовском языке журнал³⁶⁴. В августе 1862 года В.И.Назимов предложил властям обнародовать манифест, в котором должно быть указано: «Уважая права народов и признавая государственным преступлением всякое чинимое в ущерб народностям насилие, хотя бы оно было нравственное, в видах предоставления каждой народности средств свободно и беспрепятственно развиваться в свойственных ей формах,

362 РГИА. Ф. 733. Оп. 140. Д. 17. Л. 54.

363 Там же. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 334. Л. 122; Миловидов А.И. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Т. 1: переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 г. по май 1863 г. Вильна, 1913. С. 83–84; РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 11. Л. 34; Ф. 733. Оп. 62. Д. 1483. Л. 51.

364 РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 334. Л. 11–14.

характере и пределах повелевается: в областях и местностях, где господствует русское население — учреждать русские училища, где преобладает литовское или жмудское население — предоставить обучение по-литовски и жмудски, где же окажется большинство польского населения, обучать по-польски, и проч. <...>³⁶⁵. Однако такие предложения еще не могут считаться политикой «разделяй и властвуй» в строгом смысле, поскольку виленский генерал-губернатор, по сути, предлагал одинаково относиться ко всем недоминирующим национальным группам: здесь нет каких-либо намеков на поддержку литовцев и дискриминацию поляков. При этом несколько позже — в апреле 1863 года — в Санкт-Петербурге получили предложения попечителя Виленского учебного округа Александра Прохоровича Ширинского-Шихматова, в которых уже можно отметить элементы политики «разделяй и властвуй». А.П.Ширинский-Шихматов предлагал удалить польский язык как язык преподавания из гимназий и в местах проживания этнических литовцев в гимназиях, прогимназиях и уездных школах преподавать литовский язык как предмет и таким образом усилить совершенно невраждебно настроенных по отношению к правительству литовцев³⁶⁶. В этом предложении уже ясно просматривается желание поддержать литовцев в пику полякам.

Однако и такая антипольская политика, не ставившая под сомнение модель триединства русского народа и включавшая достаточно большое количество популистских элементов,

365 Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.

366 LVIA. F. 567. Ap. 21. B. 15. L. 22.

была неприемлема для части российской политической элиты (например, для министра внутренних дел Петра Александровича Валуева, начальников III отделения Василия Андреевича Долгорукова и Петра Андреевича Шувалова), защищавшей традиционные механизмы интеграции, основанные прежде всего на сотрудничестве с элитой окраин. Поэтому неудивительно, что предложенный В.И.Назимовым манифест П.А.Валуев назвал «Манифест à la Garibaldi в честь народностей»³⁶⁷.

Достижению цели политики «разделяй и властвуй» должна была служить не только корректировка крестьянской реформы в Литве и Белоруссии³⁶⁸, но и определенные меры культурного характера. В письме, написанном в феврале 1862 года и адресованном Александру II, В.И.Назимов предлагал учредить так называемые народные школы, в которых языком преподавания должен был быть русский или литовский, и издавать на этих языках журнал для народа³⁶⁹.

Идея о том, что в борьбе с поляками имперские власти нуждаются в союзниках уже сегодня и еще больше будут

367 Дневник П.А.Валуева, министра Внутренних дел: В 2 т. Т. 1: 1861–1864 гг. М.: Академия наук СССР, 1961. С. 190.

368 Как известно, указ от 1 марта 1863 года провозглашал, что в Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерниях, а также в латышской части Витебской губернии с 1 мая того же года прекращаются обязательные земельные отношения между дворянами и крестьянами. Кроме того, крестьяне получили привилегию — сумма выкупа была снижена на 20%. Позже в том же году этот указ был применен и к Юго-Западному краю и к оставшейся части Северо-Западного края.

369 РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 334. Л. 11–14.

нуждаться в будущем, пробивала себе путь в сознание части Санкт-петербургских чиновников и влиятельных публицистов. В столице империи начали циркулировать и идеи о необходимости использования методов политики «разделяй и властвуй». Возможно, идеи, приходившие из Вильны, и те, что обсуждались в Санкт-Петербурге, были взаимосвязаны³⁷⁰. В начале 1862 года императору была подана программа национальной политики в Северо-Западном крае, подготовленная просвещенными бюрократами и влиятельными славянофилами и содержащая гораздо более радикальные предложения в сравнении с предложениями В.И.Назимова.

В программе правительству предлагалось взять в союзники малороссов, белорусов и литовцев и таким образом уменьшить польское влияние в Северо-Западном крае. Программа содержала следующие конкретные предложения: учредить как можно больше начальных школ, в которых ввести литовский, белорусский и украинский языки, издавать на этих языках как можно больше учебников и книг религиозного содержания, преподавать эти языки в средних и высших школах; поощрять священнослужителей (конфессия не указана) максимально широко использовать в богослужении местные языки; публиковать постановления правительства на литовском языке, а в случае необходимости и на белорусском и украинском; публиковать статьи на местных языках в издаваемых в губерниях

370 Более подробно об этих инициативах см.: Staliūnas D. Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western borderlands in the mid-19th Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. Н. 3. S. 358–373.

официальных газетах, добавить к выходящей в Вильне официальной газете (речь шла о газете «Виленский вестник») листок по-литовски³⁷¹. Осуществление такой программы действительно можно было бы квалифицировать как поддержку развития литовской, а также белорусской и украинской национальных культур. Однако, несмотря на то что эта программа получила сдержанное одобрение императора, она была отвергнута виленским и киевским генерал-губернаторами, и, что еще более важно, — менее чем через год на западных окраинах началось восстание.

Но и после начала «мятежа» все та же группа просвещенных бюрократов и славянофилов еще раз попробовала донести свое видение политики в Западном крае, правда уже в значительно откорректированном виде. Теперь они просили разрешения на учреждение Западно-Русского общества, которое должно было стать координационным центром национальной политики. В этот раз подчеркивалось, что общество будет заботиться о развитии «чувства русской народности», поэтому и использование местных языков предусматривалось только в начальной школе и лишь затем, чтобы дети поняли необходимость изучения великорусского языка. При этом признавалось, что литовцы не являются русскими и «только пробуждение и развитие литовской народности может вырвать из рук польской шляхты и польских ксендзов край между Неманом и Двиной и привязать его к России прочными узами внутреннего единства». Но предлагаемая поддержка литовцев гораздо более скромна по сравнению с программой 1862 года. В этот

371 РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–41.

раз речь идет об издании учебников на местных языках, но только «насколько окажется нужным»; также общество предполагало позаботиться об издании православных религиозных книг на литовском языке, чтобы православные литовцы не попали под влияние католического духовенства³⁷².

По повелению императора эти предложения должны были поступить на рассмотрение Западного комитета, учрежденного в Санкт-Петербурге в 1862 году, но комитет эти вопросы не рассматривал. Прибывшему в мае 1863 года в Вильну новому генерал-губернатору М.Н.Муравьеву советы были ни к чему, ни к чему ему были и общества: русификацией края должен был руководить и все контролировать сам генерал-губернатор. Один из адептов «русского дела» очень точно описал, как М.Н.Муравьев представлял себе свои функции: «Начальник края должен быть здесь и генерал-губернатор, и митрополит, и попечитель, и глава литературы и всем, чем хотите»³⁷³. М.Н.Муравьев своими действиями действительно подтвердил это представление.

Проводившаяся М.Н.Муравьевым и его сподвижниками националистическая национальная политика в исторической литературе наиболее часто называется «обрусением», хотя в то время ей давались и другие определения: «слияние», «сближение» и даже «ассимиляция»³⁷⁴, поэтому прежде всего попытаюсь выяснить, какие смыслы стоят за этими словами.

372 РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–40, 87–100, 111–115.

373 РО РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 500. Л. 9.

374 Н-овъ. [?] О русской школе и об отношении к ней здешних инородцев // Виленский вестник. 1868. № 99.

Глава 7. Многозначность понятия «обрусение»

При анализе национальной политики Российской империи, проводившейся в Северо-Западном крае после восстания 1863–1864 годов, и сопутствовавшей ей риторике недостаточно рассматривать лишь официальный дискурс, то есть пытаться выяснить, как власти империи формулировали цели имперской политики в конфиденциальных (иногда с грифом «совершенно секретно») или в обнародованных документах. Не менее важен и общественный дискурс, особенно та периодическая печать, которая тогда уже оказывала достаточно серьезное влияние на правящую элиту.

Одним из самых влиятельных публицистов того времени был М.Н.Катков, редактор газеты «Московские ведомости»³⁷⁵. В бюрократических кругах было достаточно широко распространено убеждение, что эта газета отражает установки правительства. Назначенный в 1868 году виленским губернатором И. А. Шестаков утверждал, что его приятели предлагали ему

375 Согласно Андреасу Реннеру (Andreas Renner), прежде всего благодаря М.Н.Каткову Россия в публичном дискурсе все больше воспринималась не как династическая империя, но как современное национальное государство: Renner A. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the «Invention» of National Politics // Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. № 4. P. 681. Наиболее важные работы, посвященные рассмотрению идеологии М.Н.Каткова: Głębocki H. Co zrobić s Polską. Kwestia polska w koncepcjach konserwatywnego nacjonalizmu Michaila Katkowa // Przegląd Wschodni. 1998. Z. 4. S. 853–889; Idem. Kresy Imperium. Szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec peryferii (XVIII–XXI wiek). Kraków: Arcana, 2006. S. 245–305.

перед отъездом в Северо-Западный край встретиться с М.Н.Катковым и получить у него инструкции³⁷⁶. Секретарь М.Н.Муравьева Александр Николаевич Мосолов писал: «Читать „Московские Ведомости“ сделалось у нас такою же необходимостью, как исполнять свои служебные обязанности»³⁷⁷. Так же внимательно статьи в «Московских ведомостях» читали и чиновники центральных государственных учреждений³⁷⁸. Поэтому неудивительно, что чиновники Северо-Западного края иногда даже от имени генерал-губернатора М.Н.Муравьева отправляли М.Н.Каткову конфиденциальную информацию в надежде на то, что его газета повлияет на принимаемые центральной властью решения³⁷⁹. Влиятельной

376 РО РНБ. Ф. 856. Ед. хр. 5. Л. 259.

377 Мосолов А.Н. Виленские очерки, 1863–1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 105. То, что это утверждение не было пустыми словами, подтверждает и судьба идеи учреждения в Вильне университета. Об этом сюжете см.: Сталюнас Д. Національна політика Російської імперії в Північно-Західному краї та питання про вищий навчальний заклад після польського повстання 1863–1864 років // Схід-Захід. Історико-культурологічний збірник. Вип. 7. Спеціальне видання «Університети та нації в Російській імперії». Харків, 2005. С. 218–219.

378 ОР РГБ. Ф. 120. К. 2. Ед. хр. 10. Л. 11.

379 Там же. К. 6. Ед. хр. 24. Л. 1. К.П.Кауфман сам написал письмо М.Н.Каткову, в котором объяснил свою позицию по вопросу введения русского языка в католическое богослужение и излагал проблемы учреждения высших школ в Северо-Западном крае: Там же. К. 21. Ед. хр. 1. Л. 100–104. Чиновники Северо-Западного края остро реагировали на критику М.Н.Каткова. Например, инспектор Виленского учебного округа

была и газета «День» славянофильской направленности, которую редактировал И.С.Аксаков³⁸⁰. Рупором властей Северо-Западного края была газета «Виленский вестник». В конце 1860-х годов по указанию попечителя Виленского учебного округа Ивана Петровича Корнилова некоторые отчеты подчиненных ему должностных лиц публиковались в «Виленском вестнике» как статьи³⁸¹.

В то время в российском дискурсе «обрусение» понималось прежде всего как активная политика властей в отношении нерусского населения. Иначе говоря, «обрусение» должно было идти по установленным властями правилам, а объекту обрусения — нерусскому населению — отводилась в большей степени пассивная роль³⁸². Так, виленский генерал-губернатор К.П.Кауфман был уверен, что с помощью административных мер он сможет достаточно легко ввести русский язык в дополнительное католическое богослужение или обратиться в православие тысячи белорусов-католиков.

Н.Н.Новиков, прочитав в «Московских ведомостях» материалы, содержавшие критику в адрес Виленского учебного округа, сел писать длинный ответ, в котором признал, что М.Н.Катков отражает позицию значительной части российского общества: РО РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 500. Л. 1.

380 И.С.Аксакову различную информацию, например, отправлял Петр Алексеевич Бессонов, занимавший в 1860-х годах различные должности в Северо-Западном крае. См.: Долбилов М. Русский край, чужая вера. С. 554.

381 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 386. L. 4.

382 Иногда представителей других национальностей так и называли — «подлежащие обрусению субъекты»: Вильна, 15-го декабря // Виленский вестник. 1866. № 265.

Нередко в российской печати признавалось, что усилий только власти в деле «обрусения» инородцев недостаточно, и необходимо, чтобы к этой деятельности присоединилось русское общество³⁸³. Большую поддержку властям, по мнению имперских бюрократов, мог оказать университет, но, как уже было замечено, по причине опасений, что в университете возьмут верх поляки, власти учреждать университет не решались.

Основными проводниками политики русификации должны были стать чиновники, прибывавшие из внутренних губерний. Хотя наиболее ярые адепты «русского дела» — такие, как инспектор Виленского учебного округа Николай Николаевич Новиков, — считали, что и чиновники, прибывающие в Северо-Западный край из внутренних губерний, не являются достаточно национально зрелыми. Но работа в этом крае, особенно столкновения с враждебно настроенными инородцами, должна была стать для вновь прибывших своеобразной школой, помогающей лучше понять суть принадлежности к русской нации и помочь им стать настоящими русскими, способными успешно проводить политику «обрусения»³⁸⁴.

И все же некоторые современники вынуждены были констатировать, что конкретное содержание «обрусения» не было до конца понятно. И.С.Аксаков в ходе дискуссии с газетой «Виленский вестник» заметил, что оппоненты из виленской

383 Русский. Голос из общества (Отрывок из письма в редакцию) // Виленский вестник. 1866. № 1; Катков М. Москва, 7-го марта // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 год. М., 1897. С. 146.

384 РО РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 500. Л. 2.

газеты используют это понятие, но не объясняют его, «оставляя собственной догадливости читателей наполнить каким угодно определенным смыслом это слово, само по себе ничего не говорящее»³⁸⁵. Интересно, что словарь Владимира Ивановича Даля толкует слово «обрусить», так же как и «обруситься, обрусеть», очень кратко — «стать, сделаться русским». При этом глаголы «ополячить» и «ополячиться» пояснены более подробно — «стать поляком, по языку, нравам, убеждениям»³⁸⁶. Возможно, «обрусить», «обруситься», «обрусеть» толкуются так кратко не потому, что всем был понятен смысл этих слов, но наоборот — потому, что в российском дискурсе того времени эти слова были многозначными.

Кроме того, иногда рассматриваемый нами термин в российском дискурсе середины XIX века мог сопровождаться определением: например, могло быть написано, что необходимо добиться «окончательного обрусения» края³⁸⁷. Эта фраза говорит о том, что адептам «русского дела» сам по себе термин «обрусение» необязательно означал полную трансформацию представителей других национальностей в русских. Следовательно, иногда современниками «обрусение» понималось как аккультурация или интеграция. Так, в 1867 году в газете «Ви-

385 О связи вероисповеданного вопроса с народным в Северо-Западном крае. М., 17 января 1867 г. // Сочинения И.С.Аксакова. Т. 3: Польский вопрос и Западно-русское дело. 1860–1886, статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М., 1886. С. 421.

386 Толковый словарь Живого великорусского языка В.И.Даля. М., 1865. Часть вторая. С. 1197, 1259.

387 LVIA. F. 378. Ap. 121. B. 912. L. 65.

ленский вестник» не раз писалось, что возможны различные «степени обрусения»: наряду со «вполне русский» существуют и лица, не прошедшие «обрусение во всех его степенях», например «обруселый, не вполне русский поляк-католик и еврей»³⁸⁸.

Следует согласиться с Т.Р.Уиксом, что во всяком случае в официальной переписке чиновников наиболее часто термин «обрусение» используется не в отношении конкретной этнической группы, но по отношению к краю. Другими словами, обычно речь шла об «обрусении края». После 1863 года «обрусение края» стало неотъемлемой и очень важной фразой нормативного языка, описывавшего проводимую Российской империей в крае национальную политику. Но и термин «обрусение края», как отметил И.С.Аксаков, часто использовался чиновниками без осмысления его содержания: «Отыскав себе эту формулу, общественное мнение на ней и успокоилось, не вникая глубже ни в смысл этих двух слов, ни в средства, которыми может быть исполнена эта задача»³⁸⁹.

При использовании термина «обрусение» у чиновников и публицистов возникала еще одна проблема логического харак-

388 Вильна, 21-го января // Виленский вестник. 1867. № 9; Вильна, 30-го января. Там же. № 13; Вильна, 3-го марта. Там же. № 26; Вильна, 7-го апреля. Там же. № 41; Вильна, 28-го апреля. Там же. № 49; Вильна, 23-го августа. Там же. № 98; Обращение в православие. Там же. № 111.

389 Задача России в западном крае. Москва, 10-го апреля 1868 г. Сочинения И.С.Аксакова. Т. 3: Польский вопрос и Западно-русское дело. 1860–1886, статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М., 1886. С. 498.

тера. Если этот край объявлен «исконно русскими землями», зачем требуется его обрусение? Конечно, на эту логическую нестыковку первыми обратили внимание те члены правящей элиты и публицисты, которые считали, что целостность империи можно и следует обеспечивать не столько мерами культурной гомогенизации, сколько союзом с социальной элитой окраин. Фактически именно такой логический казус отметил министр внутренних дел П.А.Валуев, комментируя хорошо известное в историографии письмо М.Н.Муравьева от 15 мая 1864 года. Министр, не употребляя термина «обрусение», задавался вопросом, как можно согласовать предлагаемое виленским генерал-губернатором столь всеобъемлющее применение силы, направленное на подъем в Западном крае значения «русской народности и русской православной церкви», и одновременно признавать этот край «вполне русским и издревле русским»³⁹⁰. Но и сами адепты «русского дела» видели этот алогизм, поэтому некоторые из них предлагали пользоваться термином «располячивание»³⁹¹. Опять же, было найдено и объяснение, взятое все из того же исторического нарратива: «обрусение» необходимо, поскольку русские здесь длительно время находились под влиянием поляков³⁹².

«Обрусение» конкретных недоминирующих национальных групп не было часто употреблявшейся чиновниками

390 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 536. Л. 300.

391 Извлечение из современных русских газет суждений о поляках и польском вопросе // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год VI. 1868. Кн. IX. Т. III. Вильна, 1868. Отд. IV. С. 360.

392 Москва, 10-го апреля, Москва, 1868, № 7.

составной частью дискурсивных практик. Национальная политика Российской империи чаще определялась как стремление оградить народ от чуждого польского и католического влияния. Ведомство народного просвещения, согласно М.Н.Муравьеву, должно стремиться к «распространению и утверждению русской народности в городском и сельском населении, и к поддержанию Православия в стране, находившейся доньше под сильным влиянием и гнетом чуждого религиозно-политического начала»³⁹³. Иначе говоря, свои действия имперские чиновники были склонны определять как восстановление исторической справедливости.

И в официальных документах, и в местной и центральной печати политика поляков в Западном крае описывалась как стремящаяся всеми возможными средствами ополячить русских, нередко в качестве определения польской политики использовались и другие слова, такие как «сворачивание», в некоторых случаях утверждалось, что наиболее успешно ополячивание проходило в первой половине XIX века³⁹⁴. И действия поляков, в соответствии с примордиальными взглядами,

393 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 25. L. 6.

394 Ibid. F. 567. Ар. 4. В. 946. L. 1; Русский. Голос из общества (Отрывок из письма в редакцию) // Виленский вестник. 1866. № 1; О роли польского духовенства среди западно-русского населения // Виленский вестник. 1868. № 94; Катков М. Москва, 17 июня // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 г. М., 1897. С. 371–373; Аксаков И.С. Католицизм самое могучее средство ополячения. Москва, 10 сентября 1867 г. // Сочинения И.С.Аксакова. Т. 3: Польский вопрос и Западно-русское дело. 1860–1886, статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М., 1886. С. 464.

конечно, осуждались как отклонившие народ Западной Руси от его исконного, правильного пути развития.

«Ополячивание» как насильственная политика, лишившая жителей края, прежде всего — крестьян, их исконных ценностей, в российском дискурсе (и отчасти в других дискурсах) могла лишь подвергаться осуждению. Точно так же могла оцениваться, например, «германизация» и «обрусение»: «Если деятельность правительства и общества по отношению к западным губерниям могла быть названа обрусением в противоположном смысле тому, в каком употребляется слово „ополячение“, то оно должно было бы вызвать те же чувства презрения и негодования, какие возбуждает у нас воспоминание о той темной подземной работе ополячения, придуманной иезуитами, жертвою которой пал Запад древней России». Поэтому автор этой цитаты ковенский губернатор Михаил Александрович Оболенский предлагал называть политику России в Северо-Западном крае не «обрусение», а «располячение»³⁹⁵. Ему вторил и виленский генерал-губернатор А.Л.Потапов, который считал, что целью правительства в Северо-Западном крае должно быть его «располячение» и следует отказаться от «„обрусения“ оною, по крайней мере в тех его частях, где в местном населении преобладает какое-либо самобытное племенное начало, возрождение которого к самостоятельному развитию и должно составлять предмет всех забот и усилий»³⁹⁶. Кроме того, как мы видим, виленский генерал-губернатор термин берет в кавычки³⁹⁷. Конечно, оба

395 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 328. L. 22.

396 Ibid. L. 106.

397 Ibid. L. 72, 106.

эти чиновники предлагали пересмотреть проводившуюся после 1863 года в Северо-Западном крае национальную политику, отказаться от дискриминационных мер, направленных против «лиц польского происхождения», то есть мы можем утверждать, что М.А.Оболенский и А.Л.Потапов предлагали менять не только риторику, но и политику. Но и с учетом этого обстоятельства приведенная цитата все же достаточно хорошо показывает, что термин «обрусение» в русском дискурсе в Северо-Западном крае, как и на других западных окраинах империи³⁹⁸, имел отрицательные коннотации. То есть, осуждая «ополячение» как некорректные действия с целью денационализации автохтонов края, невозможно было придать положительную коннотацию аналогичному термину — «обрусение», несмотря на то что чиновники нередко указывали, что Россия/русские имеют в этом краю гораздо больше прав, чем Польша/поляки.

Вместе с тем, осуждая действия поляков, имперские чиновники и влиятельные публицисты все же признавали их эффективность. Поэтому неудивительно, что иногда, например во время дискуссии о введении русского языка в дополнительное католическое богослужение, различные местные чиновники предлагали поступать так, как раньше поступали

398 Brüggenmann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. S. 17; Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 205–208.

поляки³⁹⁹. При этом политика последних определялась как стремление «ополячить» местный народ. Как мы увидим ниже, той же логикой чиновники руководствовались и при кириллизации литовской печати.

Встречались случаи, когда чиновники и публицисты указывали, что целью Российской империи в Северо-Западном крае является «обрусение» конкретных национальных групп⁴⁰⁰, но такие случаи были немногочисленными, особенно если речь шла о белорусах или литовцах. «Обрусение» в российском дискурсе того времени имело различные значения в зависимости от того, как трактовалось понятие «русский». Согласно М.Н.Каткову, понятие принадлежности к русской нации было полиэтническим и поликонфессиональным, а в иерархии идентичностей главная роль отводилась русскому языку. Именно в 1860-х годах в российском общественном дискурсе наблюдаются попытки «разъединения католицизма и польской национальности», главным идеологом которого как раз и был редактор «Московских ведомостей», утверждавший, что даже «русские подданные католического исповедания» должны считать себя «вполне русскими людьми»⁴⁰¹. При этом

399 Записка коллежского советника Василия Петровича Кулина, О введении русского языка в римско-католическое богослужение. СПб.: Синодальная типография, 1867. С. 7 (каждый документ брошюры пронумерован отдельно); РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 584. Л. 5–8, 10.

400 РО РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 114. Л. 16; Санкт-Петербург. 7 февраля // Биржевые ведомости. 1867. № 38.

401 [Катков М.] Москва, 1 августа // Московские ведомости. 1863. № 168. Вот как характеризовал редактор «Московских ведомостей» одного из своих единомышленников: «Он очень ревност-

сам М.Н.Катков считал, что такое «разъединение» — дело скорее будущего. «Московские ведомости» признавали, что «католицизм в Западном крае служит теперь признаком польской национальности»⁴⁰². Согласно другой концепции, более традиционной, к русским относились только лица православного исповедания (и старообрядцы). Как писал виленский генерал-губернатор М.Н.Муравьев, «православие соединено с понятием о русской народности, как, напротив того, католик и поляк составляют одно»⁴⁰³. Конечно, не только конфессия, согласно этой концепции, определяла национальную принадлежность. Важны были и происхождение, и политические взгляды (если речь шла о дворянине), и используемый язык.

И присвоение термину «обрусение» отрицательных коннотаций, и различные парадигмы принадлежности к русской национальности показывают, что, если мы ставим перед собой задачу выяснить цели имперских властей, мы не можем опираться только на формулировки целей национальной политики, которые были даны чиновниками и публицистами даже в совершенно конфиденциальной переписке. Поэтому далее я более внимательно прослежу, с помощью каких маркеров в

ный католик, но с тем вместе и хороший русский»: Михаил Никифорович Катков и граф Петр Александрович Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. Октябрь. С. 91.

402 [Катков М.] Москва, 4 декабря // Московские ведомости. 1865. № 268.

403 [Муравьев М.Н.] [Записка] лично представлена Государю в Петербурге 5 апреля 1865 года // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / Сост. С. В. Шолкович. Вильна, 1885. С. 319.

российском дискурсе того времени идентифицировалась та или иная конкретная недоминирующая этническая группа и/или как имперские власти пытались повлиять на маркеры, свидетельствующие об инакости такой группы, прежде всего — на принадлежность к определенной конфессии и на язык. Начну с исповедовавшей католицизм социальной элиты, которую называли поляками, то есть с тех, кто после восстания 1863–1864 годов в этнической иерархии империи стал основным врагом.

Глава 8. Когда сегрегация стала приоритетом: имперская власть и поляки

Для мер национальной политики, проводившейся в Северо-Западном крае во время подавления восстания 1863–1864 годов, характерны многие черты националистской национальной политики. «Мятеж» еще более, чем в предыдущие годы, способствовал восприятию имперской правящей элитой поляков как основных врагов империи и подтолкнул имперские власти к политике «деполонизации», основной целью которой была защита крестьян от распространения польского влияния, при этом «обрусение» поляков, понимавшееся как аккультурация, ассимиляция или даже интеграция, что я прежде всего и постараюсь показать, целью имперской национальной политики не являлось.

«Обрусение» поляков

Несмотря на то что виленский генерал-губернатор К.П.Кауфман требовал, чтобы поляки как можно скорее стали русскими «по чувствам и мыслям»⁴⁰⁴, даже та часть имперской

404 Несколько слов о пребывании г. главного начальника северо-западного края в г. Полоцке, Витебской губернии // Виленский вестник. 1865. № 155. В Гродно поляки от виленского генерал-губернатора слышали следующие слова: «Вы должны стать русскими от головы до пяток и гордиться этим именем, а не чуждаться его <...> Никакая национальность здесь немислима, кроме русской»: Посещение Гродны Главным начальником Северо-Западного края // Виленский вестник. 1865. № 222. Примерно такие же слова К.П.Кауфман произнес и в Ковенской губернии: «Итак, здешнему дворянству остается сделаться рус-

бюрократии, которая ратовала за введение строгих антипольских мер, не надеялась на «обрусение» взрослого польского населения. В некотором смысле обобщение этих настроений было представлено во всеподданнейших докладах виленского генерал-губернатора М.Н.Муравьева (1863–1865)⁴⁰⁵. Уже в первые месяцы своего пребывания на посту «главного начальника края» М.Н.Муравьев спешил донести Александру II, что дворянство Северо-Западного края «окончательно покорилося» и даже «само духовенство смиряется», но в то же время генерал-губернатор замечал: «Конечно, на искренность заявленных ими чувств вполне полагаться нельзя. Поляки, всегда крамольные, легкомысленные, столь же легко покоряются пред силою энергической власт<и> сколько самодееянны и дерзки при малейшем послаблении <...> Дворянство польского происхождения и шляхта, постоянно подстрекаемые римско-

ским дворянством; а чтобы быть русским дворянством, нужно прежде того быть русским человеком»: Приезд г-на главного начальника Северо-Западного края в Ковенскую губернию // Виленский вестник. 1865. № 251.

405 Более подробно о политической программе М.Н.Муравьева см.: Долбиллов М.Д. Конструирование образов мятежа: Политика М.Н.Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio nova* 2000. М.: Глобус, 2000. С. 338–408; Сталюнас Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М.Н.Муравьева (1863–1865) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. VII. Вильнюс: Русские творческие ресурсы Балтии, 2002. С. 250–271; Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005.

католическим духовенством, будут всегдашними нашими врагами»⁴⁰⁶. В первую очередь по этой причине в 1860-х годах усилились дискуссии об изгнании дворян католического исповедания из Западного края. Этой цели должны были служить и указ 10 декабря 1865 года, и введение процентного налога с доходов от земельной собственности. Иными словами, надежды на перевоспитание взрослых поляков не было, не говоря уже о возможности превратить их в русских в этнокультурном отношении, то есть ассимилировать.

В бюрократических кругах споры о студенческих волнениях в начале 1860-х годов и история вокруг проектов учреждения высшей школы в Северо-Западном крае показывают, что «потерянными» для «русского дела» также были и польские студенты. С началом студенческих волнений все российские университеты в начале 1860-х годов старались от них избавиться. Киевский генерал-губернатор Илларион Васильевич Васильчиков открыто признавал, что русский университет Святого Владимира в Киеве не может повлиять на поляков: «Преобладание в университете польского элемента открывает возможность полякам удерживать свой характер и вырабатывать свои собственные политические стремления, в замкнутом, отдельном от русских кружке»⁴⁰⁷. Польские студенты не

406 LVIA. F. 378. Ap. 219. B. 782. L. 5–6.

407 ГА РФ. Ф. 109. 1861 г. Д. 303. Ч. 1. Л. 45–46. По подсчетам финского историка Й.Реми, польские студенты в Киевском университете составляли более половины всех обучающихся: Remy J. Higher Education and National Identity. Polish Student Activism in Russia 1832–1863. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. P. 292.

только не поддавались русскому/российскому влиянию, но и сами «вредно» воздействовали на окружающих, в том числе на русских студентов⁴⁰⁸. Поэтому после восстания 1863–1864 годов для поляков ввели процентную норму в российских учебных заведениях, чтобы избежать их пагубного влияния на обучающуюся молодежь. Та же логика не позволила властям учредить высшую школу в Северо-Западном крае. Имперские бюрократы и влиятельные публицисты, в том числе и редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков, боялись, что и в русском университете поляки сумеют привить другим студентам свои ценности⁴⁰⁹. Проблематичным в понимании российских чиновников было и перевоспитание учеников средних учебных заведений. После «мятежа» власти закрыли гимназии, в которых преобладали ученики-католики.

Но может быть тогда, в 1860-х годах, имперские чиновники надеялись хотя бы на «обрусение» детей, которые еще не ходят в школы? Может быть, была надежда на то, что изменившаяся этнополитическая реальность, преобладание русского языка и культуры в общественной жизни заставит «обрусеть» младшее поколение? Но как власти могли повлиять на польских детей? Чиновники прекрасно понимали, что из семьи эти дети могут вынести только враждебность к России и рус-

408 LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 870. L. 2–4.

409 Более подробно см.: Сталюнас Д. Національна політика Російської імперії в Північно-Західному краї та питання про вищий навчальний заклад після польського повстання 1863–1864 років // Схід-Захід. Історико-культурологічний збірник. Вип. 7. Спеціальне видання «Університети та нації в Російській імперії». Харків, 2005. С. 214–227.

ским: «Если выражение, что всякий новорожденный ребенок польского происхождения всасывает ненависть к русскому правительству и русской нации вместе с молоком матери, может быть названо фразой, то другое — что тот же самый ребенок, не далее как по достижении десятилетнего возраста, уже достаточно ознакомлен с известным польским катехизисом и готов сделаться заклятым врагом всего русского — опытом дознанная истина»⁴¹⁰.

Даже на смешанные браки надеялись не все чиновники⁴¹¹. Если виленский генерал-губернатор А.Л.Потапов позитивно оценивал такие браки, потому что они «принадлежат к разряду общественных явлений, хотя медленно, но неуклонно ведущих к обрусению края и к радикальному искоренению в нем польского элемента»⁴¹², то другие чиновники более пессимистично оценивали возможности русских супругов повлиять на воспитание детей. Так, в 1871 году министр государственных имуществ Александр Алексеевич Зеленой объяснил, что русским девицам не следует выдавать разрешений на покупку имений, потому что они могут выйти замуж за лиц «польского проис-

410 LVIA. F. 567. Ар. 3. В. 1372. Л. 11. Метафора передачи культуры через «молоко матери» была популярна в русском дискурсе того времени: «Литовские князья, рожденные от руссинок, с матерным молоком всасывают жизнь русскую»: Литва в отношении к России и Польше // Вестник Юго-западной и западной России. Историко-литературный журнал. Июль. Т. I. Киев, 1862. Отд. II. С. 3.

411 Смешанными браками в Российской империи назывались только браки между лицами разных конфессий.

412 РГИА. Ф. 1284. Оп. 189. Д. 4. Л. 121–122.

хождения» и «дети их, наследуя уже по закону в имении каждого из родителей, хотя и будут православного исповедания, но и в нравственном, и общественном отношении, они не чужды будут влиянию отца»⁴¹³.

Таким образом, имперские власти практически не имели возможностей повлиять не только на взрослое поколение, но даже и на молодежь, в том числе детей. Несмотря на это, в представлении чиновников теоретически «обрусение» поляков было возможным. Для того чтобы пояснить эту мысль, рассмотрим, как в российском общественном дискурсе функционировало понятие «лицо польского происхождения и католического исповедания», которое обычно употреблялось в законах, других юридических документах и официальной переписке.

Надо отметить, что были случаи, когда чиновники употребляли и другую терминологию. Например, закон от 10 декабря 1865 года вводил санкции против «лиц польского происхождения», то есть здесь религиозная составляющая отсутствовала. Но дело в том, что эта формулировка стала результатом определенного компромисса. На посвященном обсуждению этой темы совещании, состоявшемся в Санкт-Петербурге в конце 1865 года, князь Павел Павлович Гагарин, министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн, министр внутренних дел П.А.Валуев, начальник III отделения

413 Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае. Издание 2-ое дополненное по 20 сентября 1885 года. Вильна, 1886. С. 205–251.

В.А.Долгоруков, начальник II отделения Виктор Никитич Панин выступали против таких мер, поскольку они были направлены против всех поляков *in corpore*. Критикуя своих оппонентов, они указали на то обстоятельство, что на практике в Западном крае чаще всего маркером принадлежности к польской нации был католицизм, то есть получалось, что власти были намерены дискриминировать часть своих подданных, опираясь на конфессиональную принадлежность. Такая дискриминация на уровне риторики выглядела политически некорректной. Поэтому высшие сановники не отказались от дискриминации всех поляков, но в законе вынуждены были отказаться от дефиниции, согласно которой католицизм был одним из двух главных маркеров принадлежности к польской нации⁴¹⁴. Эта дефиниция утверждала, что под выражением «лица польского происхождения» следует «понимать не вообще католиков, а только поляков и тех западных уроженцев, которые усвоили себе польскую национальность, хотя в юридическом отношении выражение это может показаться неточным, но на практике, в применении к лицам, оно не возбуждало доселе никаких сомнений, между тем выражением этим устраняется вполне вопрос о вероисповедании, так как было бы совершенно несправедливо делать различие между владельцами не по политическим, а по религиозным соображениям».

В определении поляка — «лицо польского происхождения и католического исповедания» — меньше всего проблем, связанных с религиозной составляющей. Общеизвестно, что

414 РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 6. Л. 2–39.

все подданные Российской империи обязаны были принадлежать к одной из официально признанных конфессий⁴¹⁵. Сложнее расшифровать термин «происхождение». На первый взгляд может показаться, что происхождение понималось в этническом смысле, но это подтверждается только в случае с определением русских: «лица русского происхождения и православного исповедания», причем в этом случае место происхождения семьи не было важно: из внутренних она или Западных губерний. Правда, имелись случаи, когда у имперских чиновников возникали сомнения в надежности местных русских уроженцев, но сомневающимся быстро напоминали, что «Виленская губерния не Польша»⁴¹⁶, то есть местные православные тоже должны считаться русскими.

В дефиниции поляка происхождение понималось не в этническом, а в территориальном смысле, то есть поляками имперские власти считали дворян и мещан-католиков, семьи которых происходили из Западного края (а также из Царства Польского). В первой половине XIX века эта категория импер-

415 В 1860-х годах «за атеизм» можно было остаться без работы. См.: LVIA. F. 567. Ap. 26. B. 22.

416 Ibid. F. 378. BS. 1863 m. B. 860a. L. 260. Уровень доверия к местным русским, конечно, был ниже, чем к приезжим из так называемых внутренних губерний. Недоверчиво местные высшие чиновники и некоторые ревнители «русского дела» относились и к части местного православного духовенства (бывшим униатам), которые, по их мнению, были пропитаны польским духом. Но идеологически они были вынуждены признать их такими же русскими, как и приезжих из внутренних губерний.

ских подданных часто называлась туземцами⁴¹⁷. Примерно до восстания 1863–1864 годов официальное определение поляка звучало иначе — «лица местного происхождения и католического вероисповедания». Но столкновение двух национальных проектов — польского и русского — на территории Западного края подтолкнуло имперские власти к изменению риторики. Надо было доказать, что Западный край не только в историческом, но и в этническом отношении «исконно русская земля», поэтому «местное происхождение» (или автохтонность) не могло больше быть характеристикой поляков, которых все чаще и чаще стали описывать как «пришлый элемент».

Согласно доминировавшей интерпретации, по этническому происхождению поляки Западного края были русскими (= белорусами), но они «изменили» своей исконной народности. Иногда отмечалось литовское (в этническом смысле) происхождение части дворянства, но это не меняло общей картины. Итак, что нам говорит существование этих дефиниций об отношении чиновников к возможности «обрусения» поляков?

Попытки некоторых дворян-католиков Западного края доказать, что они не поляки, а литовцы или прибалтийские

417 Три политические записки о С.-З. крае Гр. М.Н.Муравьева // Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / Сост. С.Шолкович. Вильна, 1885. С. 300 (записка 1831 г.). Более подробно о такой терминологии см.: Долбилов М.Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятие о России». К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 304–310.

немцы, принудили российских чиновников опровергнуть такие утверждения. Объяснения бюрократов раскрывают их видение процесса полонизации. Полонизация, согласно официальной версии, длилась не одно столетие и была связана с переходом в католичество, общением на польском языке, усвоением польских обычаев и службой польским королям⁴¹⁸. Как писал один из корреспондентов «Виленского вестника», «Полонизация совершалась почти три столетия»⁴¹⁹. Полонизация городского населения иногда казалась более коротким процессом, начавшимся только в конце XVIII века: «[Мещанское сословие русского происхождения] хотя и принадлежало не далее как еще в конце прошлого столетия к народности русской, но вследствие постоянных сношений с высшим сословием отделилось от оной и примкнуло к польской партии»⁴²⁰.

Как же обстояло дело с обрусением? Попытки некоторых дворян Западного края, относимых властями к «лицам польского происхождения», избежать дискриминации и/или получить привилегии, предназначенные для «лиц русского происхождения и православного исповедания», заставляли чиновников ясно высказываться о возможности «обрусения» поляков⁴²¹.

418 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 570.

419 Письма в редакцию о современных вопросах (Письмо второе) // Виленский вестник. 1865. № 142.

420 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 175. Л. 6–7.

421 Я не буду обсуждать здесь случаи, когда дворяне-католики избегали дискриминации или, как исключение, получали при-

Прежде всего во время прений в упомянутой Комиссии в конце 1865 года было подчеркнуто, что определение «лицо польского происхождения» «на практике, в применении к лицам, не возбуждало доселе никаких сомнений» и позднее, несмотря на продолжительную бюрократическую переписку, высшие имперские сановники не смогли представить более точного определения поляка. Такая неопределенность стала хорошим аргументом для тех чиновников, которые были противниками радикальной политики «обрусения». Так, виленский генерал-губернатор А.Л.Потапов заметил, что «не указывают, каким путем „происхождение“ должно определяться и до какой восходящей степени родства должно оно быть принято в соображение»⁴²².

Одной из причин, не позволивших бюрократам точнее определить, кто является поляком и когда происходит перемена национальной принадлежности, была невозможность в законах или других актах оговорить все допустимые варианты: «По-видимому, закон 10-го декабря 1865 года, выражая только основную мысль обрусения края, в применении на практике в каждом отдельном случае должен быть исполняем сообразно предначертанной цели, смотря по имеющимся в виду обстоятельствам, но предвидеть все случаи по чрезвычайному их разнообразию и установить для них особые правила невозможно»⁴²³. Еще одним препятствием стала сама дефиниция

вилегии. Поводом для таких исключений чаще всего были политические заслуги конкретных лиц.

422 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 328. L. 80–81.

423 РГИА. Ф. 1284. Оп. 189. 1865 г. Д. 4. Л. 246–247.

поляка в законе от 10 декабря, где католицизм отсутствовал как маркер польской национальной принадлежности. И как раз переход в православие позволял некоторым «лицам польского происхождения» получить те же права, которые обычно принадлежали русским. Так, например, иногда случалось при определении на государственную службу. Некоторые местные русские общественные деятели, например редактор «Вестника западной России» Ксенофонт Антонович Говорский, переход в православие приравнивали к перемене национальной принадлежности: «Принявший православие уроженец западной России возвращается опять к природной своей русской народности его предков»⁴²⁴.

Отношение как местной, так и центральной бюрократии к перешедшим в православие «лицам польского происхождения» все же показывает, что переход в «господствующее исповедание» не рассматривался как автоматическая перемена национальности. А.Л.Потапов придерживался мнения, что дворяне-католики, перешедшие в православие, не должны быть более дискриминируемы, но не потому, что они сразу же превращаются в русских, а потому, что «все их нисходящее потомство, исповедуя православную веру, несомненно сольется с русскою народностью и тем увеличит число непольских землевладельцев»⁴²⁵. Иначе говоря, русскими станут только

424 Там же. Ф. 821. Оп. 125. Д. 294. Л. 32.

425 LVIA. F. 378. BS. 1869 m. B. 714. L. 16–17. Правда, это обобщение, как и все другие, имеет исключения. Очевидно, К. П. Кауфман не исключал возможности признать русским и перешедшего в православие католика, но только в том случае, если он «присоединился к православию всем своим семейством и

потомки переходящих в православие. Примерно так же процесс обрусения понимал и министр государственных имуществ Александр Алексеевич Зеленой, писавший о потомках тех католиков, которые примут православие: «[Они] усвоят себе со временем русскую национальность, — точно так же, как предки многих нынешних польских помещиков Западного края, бывшие некогда русскими, усвоили себе постепенно польскую национальность, после перехода из православия в латинство, — но все же, для действительного достижения этой перемены национальности, нужно немало времени, по прошествии коего, лица эти, — будучи русскими на самом деле и окончательно отрешившись от польских взглядов и тенденций и самого польского языка, перестанут считаться людьми польского происхождения. Но действительная перемена национальности не может быть непосредственным и мгновенным последствием перемены исповедания <...>»⁴²⁶.

Кем же в глазах имперских чиновников были эти дворяне, перешедшие в православие? По имеющимся данным, в большинстве случаев их формально не считали «лицами русского

если по образцу мыслей, жизни и языку он и его семейство вполне русские, сочувствующие видам правительства к восстановлению и укреплению в здешнем крае Православного и русского начала»: Ibid. BS. 1866 т. В. 45. Л. 11. Цитата также говорит о том, что К.П.Кауфман не отождествлял перехода в православие с автоматическим «обрусением».

426 Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае, издание 2-ое дополненное по 20 сентября 1885 года. Вильна, 1886. С. 208–210.

происхождения и православного исповедания», то есть они, например, не могли покупать имений в Западном крае. Можно предположить, что чиновники, особенно местные, их все еще формально считали «лицами польского происхождения», но вместе с тем (неформально) — «потенциальными русскими». Некоторые из местных бюрократов в таких случаях, наверное, могли употребить и термин «полуполяки»⁴²⁷.

Бесперспективность изменения польских этнокультурных и этнополитических предпочтений была одним из главных стимулов тех антипольских мер в культурном пространстве Северо-Западного края, на которых сейчас и будет сосредоточено внимание. Начну с рассмотрения мер, нацеленных на устранение польского языка из публичного пространства, далее внимание будет сосредоточено на школах и в конце — на печатных изданиях.

Элиминация польского языка из публичного пространства

Согласно интерпретации, господствовавшей в то время в российском официальном и публичном дискурсах, Северо-Западный край следовало вернуть на истинный путь развития, с которого его сбили поляки. Польская пропаганда, как считал виленский генерал-губернатор М.Н.Муравьев, долгое время действовала абсолютно беспрепятственно и оказала достаточно сильное влияние на народ, которому прививалась мысль о

427 Такой термин был упомянут для отделения поляков Виленской и Ковенской губерний от дворян Могилевской губернии: РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 356. Л. 6.

том, что повсеместно употребляемым языком жителей этого края был и должен оставаться польский язык⁴²⁸. Поэтому в 1863 году начался процесс интенсивной элиминации польского языка из публичного пространства.

По указанию М.Н.Муравьева вывески всех учреждений, объявления и выписываемые счета должны отныне были писаться на русском, а не на польском языке. Польский язык исключался из какой бы то ни было официальной переписки, он не мог больше быть языком официального общения чиновников, на польском языке запрещалось говорить в публичных местах, были закрыты все польские библиотеки. Позже эти запреты повторил и расширил соответствующими указами генерал-губернатор К.П.Кауфман: общение на польском языке было запрещено во всех учреждениях и даже на улицах, в местах скопления жителей, а также во всех общественных местах и вообще везде, где собирались люди, а именно: в гостиницах, корчмах, в буфетах, в кафе, в парках, в магазинах и пр., если употребление польского языка выходило за рамки частной беседы. В государственных учреждениях появились таблички с надписью «По-польски говорить воспрещается» (или «Говорить по-польски воспрещается»). Были изменены и названия улиц — в Вильне появились улицы, получившие названия русских городов, — Архангельская, Саратовская, Смоленская, Царицынская, Тамбовская и другие. Был закрыт в Вильне и польский театр: последний спектакль на польском языке был показан в 1864 году. В конце 1860-х годов чиновники Виленского учебного округа и настроенные лояльно по

отношению к властям католические священники (Фердинанд Естафьевич Сенчиковский и другие) предлагали запретить и надписи на польском языке на надгробиях, но власти на этот шаг не решились⁴²⁹. Не запрещали власти и надписей в латинской графике на литовских надгробиях.

Меры элиминации польского языка из публичного пространства Северо-Западного края были значительно более жесткими, чем в Царстве Польском. Различная трактовка публичных функций польского языка на западных окраинах империи иногда приводила к курьезам. Так, начальник III отделения П.А.Шувалов критиковал ситуацию, когда пассажирам, едущим в вагоне по территории Царства Польского или внутренних губерний России, разрешалось говорить по-польски, но во время остановки того же вагона в Ковне говорить по-польски уже было нельзя⁴³⁰.

Имперские чиновники прекрасно понимали, что элиминация польского языка из публичной жизни — непростая задача. Так, один из важнейших героев этой книги Н.Н.Новиков жаловался И.С.Аксакову, что не только дворяне и крестьяне, но и евреи в государственные учреждения часто обращаются на польском языке⁴³¹. Для того чтобы в корне изменить языковую ситуацию в Северо-Западном крае, требовалось

429 LVIA. F. 378. BS. 1868 m. B. 1575.

430 Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 81–82.

431 ОР РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 497. Л. 1.

системное насаждение русского языка, прежде всего — в школах.

«Деполонизация» школ

Для того чтобы характер перемен, имевших место после восстания 1863–1864 годов, был более понятен и нагляден, кратко рассмотрим, какое место занимал польский язык в публичной жизни Северо-Западного края до восстания. Как уже отмечалось, со вступлением на престол Александра II в 1855 году началась «оттепель»: были созданы условия для постепенного возвращения в общественную жизнь и польского языка. В конце 1856 года император дал согласие на возвращение польского языка как предмета в средние школы Северо-Западного края. Правда, польский язык должен был изучаться по программе преподавания иностранных языков, то есть предусматривалось преподавание только грамматики, но не литературы и на предмет отводился только один или два часа в неделю⁴³². В Киевском учебном округе эти изменения были осуществлены в 1860 году⁴³³. На просьбу дворянства вернуть польский язык как язык преподавания местная власть Виленского учебного округа реагировала отрицательно. Его попечитель А.П.Ширинский-Шихматов видел в требовании вернуть преподавание в гимназиях на польском языке одну импликацию: если преподавание на польском языке будет введено в школах, не останется никакого основания отказываться от

432 LVIA. F. 567. Ap. 4. B. 617.

433 РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

введения польского языка в судах и администрации⁴³⁴. Однако до начала восстания 1863–1864 годов имперские власти признавали, что поляки могут изучать польский язык как предмет.

После начала восстания имперские власти решили пересмотреть статус польского языка в учебных заведениях⁴³⁵. Сначала в столице были определенные сомнения. В начале 1863 года министр народного просвещения Александр Васильевич Головин обратился к Александру II с предложением элиминировать польский язык из государственных школ. По указанию императора в связи с этим был послан запрос генерал-губернатору Северо-Западного края и попечителям учебных округов, которые поддержали это предложение. После чего предложение 9 июля того же года поддержал Западный комитет⁴³⁶ и 18 июля его утвердил Александр II. Однако часто оппозировавший антипольским мерам министр внутренних дел П.А.Валуев, не участвовавший в заседании 9 июля, поста-

434 Staliūnas D. Visuomenė be universiteto? P. 64.

435 Кроме того, власти во главе с М.Н.Муравьевым и митрополитом Иосифом должны были следить, чтобы православные священники в личном общении не пользовались польским языком: LVIA. F. 605. Ар. 8. В. 310; Киприянович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского. Вильна, 1897. С. 422–423.

436 О роли Западного комитета в процессе принятия решений в области национальной политики в начале 1860-х годов см.: Комзолова А.А. Западный Комитет (1862–1864) и виленский генерал-губернатор М.Н.Муравьев // Россия и реформы: Сборник статей. Вып. 5 / Ред.-сост. О.Р.Айрапетов. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. С. 9–34.

рался убедить А.В.Головнина, что эту меру следует отозвать. Несмотря на то что имперские власти старались избегать пересмотра принятых ими решений, на этот раз А.В.Головнин прислушался к мнению П.А.Валуева, и 1 августа 1863 года решение было изменено: было решено пока не назначать новых учителей польского языка на свободные места, а вопрос об упразднении этих должностей (а вместе с ними и предмета) решать вместе с находившимся в то время в стадии рассмотрения вопросом о новом статусе гимназий⁴³⁷. В мае 1864 года Западный комитет принял окончательное решение о полной элиминации польского языка из средних школ. Подтолкнуло Комитет к такому решению письмо М.Н.Муравьева, в котором генерал-губернатор ясно указывал на необходимость упразднить преподавание польского языка в средних школах⁴³⁸. Польский язык был изгнан не только из школьной программы

437 LVIA. F. 567. Ap. 21. B. 15. L. 24; Миллер А.И. «Украинский вопрос». С. 114; Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 146–147. В то время, когда в Санкт-Петербурге шла эта дискуссия, М.Н.Муравьев дал подчиненным указание следить за тем, чтобы в женских гимназиях преподавание польского языка не было обязательным: Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению Польского мятежа в Северо-западных губерниях 1863–1864 / Сост. Н.Цылов. Вильна, 1866. С. 279.

438 Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / Сост. С.Шолкович. Вильна, 1885. С. 312.

— в некоторых гимназиях учащимся было запрещено разговаривать на польском языке и во внеурочное время⁴³⁹.

В отличие от статуса польского языка в средних школах, где, как мы видели, со стороны властей и после начала восстания сохранялась определенная осторожность, ситуация в начальных школах представлялась имперским чиновникам однозначной — здесь не должен был оставаться польский язык ни в качестве языка преподавания, ни в качестве отдельного предмета. Установки чиновников Северо-Западного края по этому вопросу особенно ужесточились к рубежу 1862–1863 годов. Виленский генерал-губернатор В.И.Назимов 23 декабря 1862 года велел губернаторам закрыть учрежденные без согласия властей школы, в которых преподавался польский язык и Закон Божий⁴⁴⁰. В письме министру народного просвещения, несколько позднее подготовленном тем же В.И.Назимовым, также говорится о твердости позиции генерал-губернатора, согласно которой польский язык должен быть удален из местного народного образования. В первом варианте документа читаем: «Хотя совершенное запрещение обучать польскому языку было бы в некоторых местностях неудобным, но в сем последнем случае обучение это должно идти наравне с языком русским, с тем только различием, что русский язык должен

439 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1295. L. 421.

440 Lukšienė M. Lietuvos švietimo istorijos bruožai. P. 243; Tyla A. Slaptas lietuvių mokymas 1862–1906 metais // Lietuvių Atgimimo istorijos studijos. T. 1: Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmens iki partijos. Vilnius: Sietynas, 1990. P. 50; Merkys V. Motiejus Valančius. P. 298–299.

быть обязательным для всех без исключения», при этом в последнем варианте документа тезиса о возможности обучаться польскому языку не осталось⁴⁴¹. В этом вопросе между Вильной и Санкт-Петербургом было достигнуто соглашение: Временные правила от 23 марта 1863 года, предназначенные для «народных школ» Западного края, предусматривают начальное образование только на русском языке⁴⁴².

М.Н.Муравьев в свою очередь 1 января 1864 года еще раз повторил запрет на обучение крестьян польскому языку и распространение среди них польских учебников, а среди православных — католических польских катехизисов, и для нарушителей этого запрета ввел огромные штрафы⁴⁴³. Практически сразу стало ясно, что эта система запретов неэффективна — очень быстро начали появляться нелегальные школы, в которых преподавание велось на польском языке. Так, в Свянцянском уезде (Виленская губерния) начальник жандармского управления утверждал, что большинство крестьян тайно обучает детей польскому языку. Часто это обучение даже не скрывалось от местных должностных лиц⁴⁴⁴. Для чиновников не было тайной то, что такое обучение принимало самые разные формы: действовали нелегальные приходские школы

441 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629. L. 92–93.

442 Более подробно о Временных правилах см. главу «Белорусы как часть триединой русской нации».

443 *Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla* / Par. A. Tyla. Vilnius: Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas, 1973. P. 65–67.

444 LVIA. F. 419. Ap. 2. B. 276. L. 16.

при костелах, в которых основное внимание уделялось преподаванию Закона Божьего; нелегальные школы открывали и дворяне, в этих школах детей обучали польскому языку; наконец, шляхта также заботилась о том, чтобы крестьяне учили польский язык⁴⁴⁵.

Для того чтобы уменьшить распространение польского языка среди народа, недостаточно было убрать польский язык из программ средних и, особенно, начальных школ. Поскольку польский язык не должен был доходить до крестьян в любой его форме, по мнению чиновников, следовало «обезопасить» крестьян и от книг на польском языке.

Политика в отношении книг на польском языке

Достаточно быстро после издания циркуляра М.Н.Муравьева от 1 января 1864 года, запрещавшего распространение среди крестьян польских учебников, появилось и следующее логичное распоряжение виленского генерал-губернатора: 26 марта 1864 года Виленскому цензурному комитету было приказано не принимать на апробацию и не допускать к печати польские буквари, также было запрещено ввозить на территорию Северо-Западного края книги, предметом которых являлась польская история, исторические карты и детские игры. В июне того же года, получив согласие министра внутренних дел П.А.Валуева, М.Н.Муравьев еще раз повторил запрет, дополнив его указанием проверить все продававшиеся на тот момент издания такого рода. В октябре 1864 года генерал-губернатор

445 Ibid. F. 567. Ap. 1. B. 120. L. 24–25.

запретил издание, ввоз и продажу календарей на польском языке. Эти запреты закрепил и циркуляр нового виленского генерал-губернатора К.П.Кауфмана от 23 июля 1866 года. Кроме того, польские книги, за исключением молитвенников, в Северо-Западном крае было запрещено продавать в небольших книжных магазинах и распространять разносчикам, поскольку власти не могли контролировать такую торговлю⁴⁴⁶. Ставшие ненужными учебным заведениям польские книги уничтожали⁴⁴⁷. Как мы видим, имперские власти решили оставить жителей Виленского учебного округа не только без изданий на польском языке, предназначенных для народа (учебников, календарей и пр.), но и без всех в принципе изданий, которые могли напоминать о существовании независимой Польши. С января 1864 года официальная местная газета «Виленский вестник» начала выходить только на русском языке (сначала газета была двуязычной и часть текста печаталась на польском), периодических изданий на польском языке абсолютно не осталось.

Однако такие меры имели очень ограниченное воздействие, что достаточно быстро поняли и местные власти, поскольку Виленский учебный округ затопила литература из других этнически польских земель. По этим причинам в 1869 году условия польского книгоиздания были смягчены. Типографиям отныне разрешалось иметь латинский шрифт для

446 LVIA. F. 380. Ap. 101. B. 3753. L. 50–53; Medišauskienė Z. Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, 1998. P. 204–215.

447 LVIA. F. 567. Ap. 4. B. 1095.

«печатания польских книг»⁴⁴⁸. Цензорам было дано строгое указание следить за содержанием польских изданий и не пропускать к публикации антиправительственных книг⁴⁴⁹.

В 1860-х годах царские власти не только старались ограничить народные массы от литературы на польском языке, но и обсуждали вопрос о возможном использовании кириллицы в изданиях на этом языке. В тот же день, когда были введены перечисленные выше ограничения на торговлю книгами на польском языке (23 июля 1866 года), К.П.Кауфман запретил типографиям иметь польский шрифт и указал при необходимости печатать польские цитаты «русскими буквами, как это введено в народных школах Царства Польского <...>»⁴⁵⁰. В данном случае употребление кириллицы для передачи текста на польском языке определялось техническими обстоятель-

448 Ibid. F. 380. Ap. 101. B. 3884. L. 65. Это издание было напечатано по указанию генерал-губернатора А.Л.Потапова. Интересно, что всего лишь месяцем ранее виленский генерал-губернатор запретил типографии Адама Завадского (Adam Zawadzki) иметь латинский шрифт. LVIA. F. 380. Ap. 101. B. 3884. L. 46.

449 Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1980. С. 89.

450 LVIA. F. 380. Ap. 101. B. 3884. L. 47–47a. Попечитель Виленского учебного округа еще годом раньше предлагал введение таких мер. Правда, тогда он прежде всего следил за тем, чтобы не печатались книги на литовском и латышском языках. Ibid. F. 378. PS. 1865 m. B. 442. D. 6. L. 326–328. Уже в начале 1867 года польский шрифт было разрешено иметь государственной губернской типографии, где печатались книги на исторические темы. Ibid. F. 380. Ap. 101. B. 3753. L. 266.

ствами (в типографиях не осталось польских шрифтов), однако указание использовать кириллицу при передаче текстов на польском языке в Царстве Польском, казалось бы, имплицировало применение этих методов культурной инженерии и в Северо-Западном крае. Но, как мы увидим, делать такой вывод несколько преждевременно.

Введение кириллицы в польскую письменность в 1860-х годах не было первым экспериментом такого рода — аналогичные попытки делались уже несколькими десятилетиями ранее. По указанию императора Николая I этот вопрос в 1844 и 1852 годах рассматривался двумя комитетами. Исследование Бориса Андреевича Успенского показывает, что у участников обсуждения вопросов, касавшихся введения кириллицы, не было единого мнения об адресате реформируемого польского письма. Министр народного просвещения Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1849–1853) считал, что использование кириллицы при передаче польских текстов окажется полезно русским, которым так будет проще знакомиться с польской литературой. Николай I надеялся, что новые книги заменят привычные для поляков буквари в традиционной польской графике. Следует отметить, что для поведения имперских властей в это время характерна осторожность: так, издание хрестоматии по польской литературе власти старались представить как частную инициативу и скрыть свою роль⁴⁵¹. И осторожность, и отсутствие четкой формулировки

451 Успенский Б.А. Николай I и польский язык (языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы

целей, и признание влиятельными чиновниками, в том числе и министром народного просвещения С.С.Уваровым, невозможности применения кириллицы к польскому языку свидетельствует об экспериментальном характере этой инновации, не выдвигавшей каких-либо четко поставленных целей аккумуляции, не говоря уже об ассимиляции.

Об идее использования кириллической графики при передаче текстов на польском языке вспомнили в 1860-х годах, и в этот раз она уже четко связывается с конкретным идеологом — А.Ф.Гильфердингом. Ученый считал, что Российская империя не может отказаться от Царства Польского уже потому, что поляки претендуют на Северо-Западный край. Другими словами, даже если удастся совладать с мятежной Польшей, польская проблема в Российской империи останется. А.Ф.Гильфердинг, по сути, предлагал придерживаться все того же принципа «разделяй и властвуй», заявленного им в поданных перед восстанием высочайшим властям предложениях⁴⁵². Не случайно члены Учредительного комитета в Царстве Польском, отвечавшие за национальную политику на этой окраине империи, называли проводимую ими политику окончательным разделом Царства Польского⁴⁵³. Только в этот раз граница

графики и орфографии) // *Die Welt der Slaven*. В. XLIX. 2004. С. 1–38.

452 См. главу «Поиск концепции национальной политики в Северо-Западном крае в 1855–1863 годах».

453 Głębocki H. *Kresy Imperium. Szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec peryferii (XVIII–XXI wiek)*. Kraków: Arcana, 2006. S. 209.

должна была быть проведена на основе не этнического, но прежде всего социального принципа. Предполагалось «защищать» польское крестьянство, сохранившее аутентичную славянскую культуру, от пагубного влияния пропитанной глетворным влиянием Запада шляхетской традиции⁴⁵⁴. Идею внутреннего раскола польского общества адепты «русского дела» формулировали еще более радикально, подчеркивая этнографические различия регионов. Другими словами, навязывалась мысль об отсутствии единого польского народа, который представлялся как отличные друг от друга этнографические группы⁴⁵⁵. Еще одним способом отрицания польской культурной самостоятельности было постоянное акцентирование близости польской культуры к русской⁴⁵⁶.

Педалирование идеи о внутренней фрагментации поляков позволило славянофилам, прежде всего А.Ф.Гильфердингу, выступать с радикальными предложениями в области культурной инженерии. Одной из важнейших мер, призванных трансформировать политический польский народ в чисто этнографический, если считать, что поляков от русских отличают лишь определенные нюансы этнографического характера, но

454 Польский вопрос // Собрание сочинений А.Гильфердинга. Т. 2: Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868. С. 350–360.

455 Głębocki H. Kresy Imperium. Szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec peryferii (XVIII–XXI wiek). Kraków: Arcana, 2006. S. 215–216.

456 Сергей Шипов утверждал, что поляки незначительно отличаются от русских — только по языковому признаку, но и это различие несущественно: LVIA. F. 439. Ap. 1. B. 45. L. 3.

ни в коем случае не цивилизационные, исторические или политические различия, было введение кириллицы. У этой идеи было и историческое обоснование. А.Ф.Гильфердинг, как и некоторые другие русские славянофилы того времени, утверждал, что все славяне сначала исповедовали православие и пользовались кириллицей. Неудивительно, что А.Ф.Гильфердинг разработал общую для всех славян азбуку, которая должна была стать важнейшим инструментом распространения панславянского влияния⁴⁵⁷.

В Варшаве был человек, разделявший взгляды А.Ф.Гильфердинга, — Станислав Микуцкий (Stanislovas Mikuckis)⁴⁵⁸, который утверждал, что славяне должны создать один народ и пользоваться одним языком. Духовное и литературное сближение и единение славян, согласно С.Микуцкому, должно было начаться с азбуки. Все славяне должны пользоваться одной азбукой и одной орфографической системой, основанной на истории славянских языков и на этимологии. Если у славян будет одна азбука и одна орфография, то лучшие произведения на польском, чешском, сербохорватском языках станут частью общего славянского достояния⁴⁵⁹. Для того чтобы создание и функционирование такой азбуки стало реальным, С. Микуц-

457 Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 135–166.

458 Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). S. 450.

459 ОР РГБ. Ф. 239. К. 13. Ед. хр. 28. Л. 9–10.

кий, как и некоторые другие славянофилы, демонстративно стремился принизить статус польского языка, что помогало с большей легкостью обосновать предложение о введении общей азбуки и создании в будущем стандартизированного общеславянского языка.

Эта радикальная культурная инженерия, направленная против имеющей глубокие письменные традиции Польши, не была лишь теоретическими размышлениями, представленными в периодической печати или в переписке несколькими учеными или претендующими на ученость лицами. После 1863 года по инициативе А.Ф.Гильфердинга и С.Микуцкого в Царстве Польском печатались кириллицей книги, предназначенные для народных школ⁴⁶⁰. Некоторые из них, например «Элементаръ для дзеци вейскихъ», выдержали несколько изданий. Этими учебниками, как было установлено польским исследователем Марией Стрыхарской-Бржезиной, пользовались в начальных школах Царства Польского как минимум до 1869/70 учебного года, пока в школах преобладало обучение на польском языке, а на русском преподавались только факультативы. Однако последовательное насаждение министром народного просвещения Дмитрием Андреевичем Толстым русского языка в Царстве Польском в школах всех уровней привело и к изменению программы начальных школ. С 1872/73 учебного года в начальных школах начинает доминировать русский язык, при этом польский как предмет преподается и

460 Strycharska-Brzezina M. Polskojęzyczne podręczniki dla klasy i szkoły elementarnej w Królestwie Polskim drukowane grażdanką. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2006.

далее. Программы обучения меняются, начинается издание новых учебников. В 1876 году вышел двуязычный русско-польский словарь, в котором польский текст был транслитерирован кириллицей⁴⁶¹.

Инициаторы введения кириллицы в издания на польском языке стремились расширить рамки эксперимента. Руководитель гражданской администрации Царства Польского Н.А.Милютин, скорее всего вдохновленный А.Ф.Гильфердингом, заботился о распространении вышеупомянутого учебника и в Виленском учебном округе. Но, очевидно, власти Виленского учебного округа не слишком положительно относились к этой идее. Несмотря на то что виленский генерал-губернатор К.П.Кауфман отмечал, что в некоторых областях Гродненской губернии живут поляки⁴⁶², то есть теоретически там имелась возможность использовать новые учебники, следов их распространения обнаружить не удалось. Поскольку надо было защищать белорусов и литовцев от «полонизации», до них ни в коем случае не должны были доходить учебники на польском языке, в том числе и в кириллической графике⁴⁶³. Другими словами, бóльшими «русификаторами» Виленского учебного

461 Strycharska-Brzezina M. Polskojęzyczne podręczniki dla klasy i szkoły elementarnej w Królestwie Polskim drukowane grażdanką. С. 38, 44–47.

462 LVIA. F. 378. PS. 1865 m. B. 442. D. 6. L. 385–386.

463 Не было поддержано властями и другое предложение С.Микуцкого — об издании кириллицей молитвенников на польском языке. См.: ОР РГБ. Ф. 239. К. 13. Ед. хр. 28. Л. 1; РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 775. Л. 1.

округа были не те, кто предлагал распространять напечатанные кириллицей польские книги, а те, кто оппонировал этому предложению.

***

Таким образом, решение «польского вопроса» в Северо-Западном крае — это не «обрусение» поляков. У большинства влиятельных высокопоставленных чиновников не было иллюзий о возможности превращения поляков в обозримом будущем в лояльных подданных Российской империи, что вело в том числе и к достаточно высокому порогу «отторженной ассимиляции»: русское общество и чиновники с подозрением относились и к демонстрировавшим лояльность «лицам польского происхождения», и к перешедшим в православие полякам. Главная цель имперских властей — защитить от «полонизации» народ. Этой цели служило и большинство перечисленных в этом разделе мер: вытеснение польского языка из учебных заведений, запрет на издание, ввоз и распространение предназначенных для народа книг на польском языке, ограничения деятельности католической церкви (о них речь пойдет в следующих главах).

Глава 9. Ассимиляция или аккультурация? Имперская политика в отношении литовцев в 1860-х годах

Историография введения кириллицы, никогда до XIX века не использовавшейся в литовской письменности, — наверное, лучший пример, показывающий, как одно и то же событие может достаточно по-разному оцениваться в работах, с одной стороны, литовских и польских исследователей, и с другой стороны — западноевропейских и российских ученых. Первыми запрет на традиционную латинскую и готическую графику и замену их для литовской письменности на кириллическое письмо чаще всего оценивается как неопровержимое доказательство стремления имперских властей к «обрусению» литовцев⁴⁶⁴. При этом в западной и в части русской историографии эти действия российских властей оцениваются как стремление защитить литовцев от польского влияния, иногда это явление называют «деполонизацией»⁴⁶⁵. Как считает А.И.Миллер, этот

464 Merkys V. *Knygnešių laikai 1864–1904*; Vėbra R. *Lietuviškos spaudos draudimas 1864–1904 metais*. Vilnius: Pradai, 1996; Łossowski P. *Russian Authorities' Policy Towards National Minorities. Prohibition of Lithuanian Publications, 1864–1904* // *Acta Polonia Historica*. 2003. Vol. 88. P. 66.

465 Weeks Th.R. *Official Russia and Lithuanians, 1863–1905* // *Lithuanian Historical Studies*. 2001. Vol. 5. P. 68–84; Miller A. *Kalba, tapatybė ir lojalumas Rusijos imperijos valdžios politikoje* // *Raidžių draudimo metai / Sud. D.Staliūnas*. Vilnius: LII leidykla, 2004. P. 22; *Западные окраины Российской империи* / Науч. ред. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 249.

инструмент власти использовали не для ассимиляции, но для аккультурации литовского населения⁴⁶⁶. М.Д.Долбилов, опираясь на детальный анализ принятия бюрократического решения о введении кириллицы, приводит интересную интерпретацию, согласно которой введение кириллицы как графической системы литовской письменности следует интерпретировать не как инструмент ассимиляции, но прежде всего как аспект социальной политики. Согласно М.Д.Долбилову, сомнительно, чтобы чиновники представляли себе литовцев вовлеченными «если не в русскую нацию, то в российское цивилизационное пространство», ученый считает, что «внедрение русской азбуки в литовскую письменность также виделось чиновникам Виленского учебного округа процессом социального характера», а вышестоящим лицам — инструментом деполонизации⁴⁶⁷.

Эта идея лингвистической инженерии родилась в умах чиновников Российской империи в 1864 году, а возможно — и на год раньше. Примерно тогда же эту идею начинают рассматривать в различных точках империи — не только в Вильне и Санкт-Петербурге, но и в Варшаве, где А.Ф.Гильфердинг и С.Микуцкий своими соображениями делились с Н.А.Милютиным, главой гражданской администрации Царства Польского.

466 Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 67, 89, 92.

467 Dolbilov M. Imperijos biurokratija ir lietuvių kalbos lotyniškais rašmenimis draudimas 1864–1882 m. // Raidžių draudimo metai / Sud. D. Staliūnas. Vilnius: LII, 2004. P. 111–137.

Именно Н.А.Милютин весной 1864 года предложил М.Н.Муравьеву отпечатать на литовском языке, но в русской графике законы 19 февраля 1864 года о крестьянской реформе в Царстве Польском и таким образом сделать шаг к «отрешению литвинов от польского влияния и к сближению их с нами»⁴⁶⁸. Обретя союзника в лице М.Н.Муравьева, Н.А.Милютин спешил радоваться будущей победе: «Русские письма окончат то, что начато русским мечом»⁴⁶⁹.

Начало организованному царскими властями в Вильне и в Варшаве введению кириллической графики в литовскую письменность положили две публикации: публикация приказа императора от 19 февраля 1864 года о крестьянской реформе в Царстве Польском и публикация букваря весной того же года. Вскоре, 5 июня 1864 года, последовал приказ виленского генерал-губернатора не пропускать в печать никаких литовских букварей, писанных «польскими буквами», и разрешать печатать только транслитерированные кириллицей книги. Старые буквари еще не были полностью запрещены, но их не разрешалось использовать в школах. 22 августа 1864 года власти даже дали разрешение на распространение одного из изданных ранее букварей, поскольку 3 декабря 1863 года он был апробирован цензурой (разрешение на печать действовало один год, и непредоставление права на распространение означало, что власти обязаны компенсировать издателю поне-

468 LVIA. F. 378. BS. 1865 m. B. 1775. L. 38–39.

469 Ibid. L. 41. Более подробно об этом см.: Staliūnas D. Making Russians. P. 236.

сенные убытки)⁴⁷⁰. В конце 1864 года был представлен и литовский календарь в русской графике. После этого Виленский цензурный комитет не пропустил ни одной литовской книги нерелигиозного содержания. Потом местные власти взялись и за религиозную литературу. Прежде всего были запрещены шесть изданных ранее «вредных» книг. Последняя литовская книга (точнее говоря, двуязычная книга на литовском и польском языках) в латинской графике была апробирована Виленским цензурным комитетом 20 января 1865 года. Позже в цензурный комитет такие книги не поступали. В это время уже началась транслитерация русской графикой и книг религиозного содержания⁴⁷¹. М.Н.Муравьев, очевидно, дал устное указание не пропускать в печать литовских книг в латинской графике⁴⁷². Правда, достаточно трудно объяснить, почему генерал-губернатор дал лишь устное указание, почему оно не было оформлено в устоявшемся бюрократическом порядке — не был издан циркуляр и отсутствовало обращение к центральным властям с просьбой об издании соответствующего указа. Возможно, не было никакой необходимости в оформлении письменного распоряжения, поскольку цензор полностью следовал указаниям генерал-губернатора. Нельзя исключить и версии о том, что Н.М.Муравьев сомневался и еще

470 В конце 1865 года был подготовлен к изданию и латышский букварь в кириллической графике, но, правда, этот букварь распространялся только в Витебской губернии, а не в Прибалтике, где проживало большинство латышей.

471 Merkys V. *Knygnešiq laikai*. P. 30–49.

472 Более подробно см.: Staliūnas D. *Making Russians*. P. 237–240.

не принял твердого решения о мерах по отношению к литовской печати. Однако при рассмотрении всех возможностей важно не упускать из виду одного важного обстоятельства — проблема литовской письменности для Муравьева, как и для его преемников на посту генерал-губернатора во второй половине XIX века, не была первостепенной, ее даже вряд ли можно назвать важной. Как писал о М.Н.Муравьеве Н.Н.Новиков: «Граф не принимал в большой расчет жмудинов и литвинов»⁴⁷³. 23 сентября 1865 года министр внутренних дел П.А.Валуев издал циркуляр, оформивший запрет на издание литовских книг в латинской графике, 30 января 1866 года было получено и устное одобрение Александра II. 31 октября 1872 года были запрещены и использовавшиеся протестантами издания на литовском языке, напечатанные готическим шрифтом.

Этот запрет (1865–1904), как говорилось выше, исключительно противоречиво оценивается в исторической литературе. Поэтому далее я постараюсь разобраться, какие цели преследовали власти, меняя графику литовской письменности.

Кириллица - инструмент аккультурации литовцев

Одним из наиболее влиятельных идеологов кириллизации был А.Ф.Гильфердинг — помощник Н.А.Милютина в реализации реформы просвещения в Царстве Польском. А.Ф.Гильфердинг не только пропагандировал свои идеи в печати, но и обладал реальными возможностями для их осуществления. По

473 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 500. Л. 14.

его мнению, русские должны интересоваться литовцами еще и потому, что литовский язык очень близок к санскриту и когда-то литовцы с русскими были одним племенем; поскольку литовский язык более архаичен, чем русский, он исключительно важен для славянского языкознания. А.Ф.Гильфердинг ратовал не только за смену графики, но и предлагал другие средства, способные оградить литовцев от поляков, — в перспективе литовцы должны были стать лояльными подданными Российской империи («Мы не помышляем о сепаратизме; а напротив, безусловно его отвергаем»; «Надобно, чтобы литвин мог быть человеком образованным, не делаясь поляком»), и с этой целью следовало развивать самосознание литовского народа, поскольку «польская пропаганда пользовалась доселе его неразвитостью, отсутствием в нем национального сознания, только вследствие неразвитости литовского народа, отсутствия в нем национального сознания она могла воспламенять литвинов польскими идеями, вооружать их за польское дело». Чтобы такая ситуация не имела продолжения, необходимо в начальной школе учить детей литовскому языку, преподавать литовский язык как предмет в средней школе, основать кафедры литовского языка в университетах. Кроме того, А.Ф.Гильфердинг поддерживал идею о том, что «языком первоначального преподавания должен быть непременно язык литовский, а русский язык — одним из предметов, которому должно учить мальчиков»⁴⁷⁴. Он также последовательно объяснял, что начальное образование литовцы должны полу-

474 Гильфердинг А.Ф. Несколько замечаний о литовском и жмудском племени. С. 123.

чать обязательно на литовском языке, а начальное образование на русском языке для них невозможно.

Правда, программа А.Ф.Гильфердинга неоднозначна. Он горячо призывал следовать примеру немцев и исследовать литовцев и в то же время писал о литовцах в Пруссии: «Литовский элемент находится уже в состоянии вымирающей народности: литвины выучиваются немецкому языку и, мало-помалу забывая свой, сливаются с немцами»⁴⁷⁵. Следовательно, между строк можно прочесть такую мысль: давайте заниматься литовской проблемой, исследовать ее, реализовывать предложенную программу, и мы достигнем тех же результатов, что и Пруссия. То есть программа известного славянофила, влияние которого на различные проекты 1862–1863 годов, основанные на принципе «разделяй и властвуй», рассмотренные в предыдущей главе, была достаточно двусмысленной: с одной стороны, она была направлена на защиту литовцев от польского влияния и на воспитание национального (исключительно этнокультурного, но не политического) самосознания, но, с другой стороны, предполагалось, что если имперские власти будут проводить такую политику, то в обозримом будущем они достигнут если не ассимиляции (переводя на язык современных научных терминов), то во всяком случае аккультурации литовского населения.

Отголосками такой политики в отношении литовцев мы можем считать и обсуждение сути и возможных средств кириллизации после восстания 1863–1864 годов. Начать можно с деклараций российских чиновников, имея при этом в виду, что

475 Там же. С. 113.

полностью доверять как официальным, так и непубличным декларациям мы не можем. К.П.Кауфман, обосновывая необходимость запрета использования латинской графики в литовской письменности, указывал следующие цели: «Избавить народные массы от полонизации, образовать их, сделать вполне грамотными, научить писать на племенных наречиях и на русском языке <...>»⁴⁷⁶ (эта мысль повторяется и в упоминавшемся циркуляре министра внутренних дел П.А.Валуева, узаконившем меры К.П.Кауфмана, направленные на введение кириллицы). Таким образом, введение кириллицы в литовскую письменность было призвано не только облегчить усвоение русского языка, но и научить местных жителей писать на их «наречиях».

Часть сторонников введения кириллицы не допускали и мысли о том, что эта мера убивает литовский язык. Так, цензор литовских книг Антон Петкевич (Antanas Petkevičius), в прошлом католический священник, в 1844 году перешедший в православие и принявший священнический сан, считал, что введение кириллицы будет способствовать созданию литературного литовского языка⁴⁷⁷. То есть кириллизация должна была привести и к стандартизации языка.

Не только А.Ф.Гильфердинг, но и некоторые его последователи придерживались мнения, что литовский язык и при публикации литовской литературы кириллицей может преподаваться в учебных заведениях. Так, С.Микуцкий в конце 1868

476 Lietuvių spaudos panaikinimo byla / Par. A.Tyla. Vilnius: Институт истории АН Литовской ССР, 1973. С. 72.

477 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629a. L. 262–263.

года предлагал ввести преподавание литовского языка в средних учебных заведениях Ковенской губернии и в Литовской православной духовной семинарии в Вильне⁴⁷⁸. Очевидно, он считал, что кириллическая графика не будет препятствовать распространению знания литовского языка. Реакция архиепископа литовской православной церкви Макария (Булгакова) на эти предложения подтверждает версию о том, что, согласно господствующей в то время в русском дискурсе идее, литовская письменность могла благополучно развиваться и в кириллической графике. Макарий выражал удивление и задавался вопросом, почему русские должны заботиться о сохранении и совершенствовании литовского языка и вместе с тем и о сохранении национальной индивидуальности литовцев⁴⁷⁹. С.Микуцкий предлагал подобную институционализацию и для латышского языка в учебных заведениях Латгалии, которая в то время входила в состав Витебской губернии: на латышском языке должно вестись обучение в начальных школах, в гимназиях и в уездных школах латышский язык должен преподаваться как отдельный предмет; однако в то же время он предлагал и переводить православные книги на латышский язык и печатать переводы на кириллице, с тем чтобы латыши приняли православие. С другой стороны, С.Микуцкий предлагал руководству Виленского учебного округа свои услуги как переводчика православной религиозной литературы на литовский язык (в кириллической графике) и составителя литовско-русского и русско-литовского словарей, чтобы православные

478 РГИА. Ф. 797. Оп. 39. Д. 5. Л. 7–8.

479 Там же. Л. 19–20.

священники могли успешно работать в местах с литовским населением, то есть обращать литовцев в православие⁴⁸⁰.

Высказывания о кириллизации литовской письменности таких лиц, как С.Микуцкий и А.Петкевич, также следует оценивать с осторожностью. Являясь всего лишь проводниками различных мер национальной политики, они, похоже, приспосабливались к ситуации и нередко, особенно С.Микуцкий, искали элементарной материальной выгоды для себя, поскольку жили достаточно скромно. Так, и предложения о кириллизации латышской письменности, по сути, повторяли положения статьи А.Ф.Гильфердинга о политике в отношении литовцев. В этом случае их размышления о введении кириллической графики в литовскую письменность важны не столько как результат их самостоятельного мышления, сколько как доказательство того, что кириллизация литовской письменности, идеологом которой был А.Ф.Гильфердинг, могла пониматься его современниками и как ограждение литовцев от польского влияния.

Такая интерпретация смены графики могла быть привлекательна и для образованных литовцев. Идея о том, что литовцам следует заменить латинскую графику кириллицей, появилась в среде литовской интеллигенции еще до восстания 1863–1864 годов. Андриус Угянскис (Andrius Ugianskis), первым в 1859 году выдвинувший идею кириллизации, работал в Казани, где именно в 1850-х годах начал свою деятельность выдающийся ученый, новатор системы просвещения Николай Иванович Ильминский. Стремясь предотвратить возвращение

480 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1882. L. 33.

в ислам часто лишь номинально перешедших в православие местных жителей — не только татар, но и более малочисленные группы финно-угров и тюрков — и оградить эти этнические группы от влияния самой сильной в регионе татарской культуры, он инициировал создание для местных языков письменности на основе кириллической графики. Набор букв был модифицирован с целью более адекватной передачи некоторых звуков. Усилия Н.И.Ильминского по сохранению местных языков обуславливались как миссионерским порывом, так и пониманием самостоятельной ценности этих языков. Понимая значение местных кадров, он учреждал специальные школы, готовившие будущих учителей и священников, которые позже должны были продолжить просветительскую деятельность Н.И.Ильминского и его соратников. Несмотря на то что Н.И.Ильминский и его коллеги иногда называли проводимую ими политику «обрусением», в действительности в их понимании ассимиляция этих народов была лишь очень далекой перспективой. Для Н.И.Ильминского и его соратников эти этнокультуры представляли собой несомненную ценность⁴⁸¹. Целью создаваемой системы было пусть на время, но защитить эти этнические группы от возвращения в ислам. Отметим, что А.Ф.Гильфердинг также был озабочен тем, чтобы литовцы-православные — говорилось о 28 606 литовцах — не

481 Geraci R. *Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca; London: Cornell UP, 2001. P. 346; Tolz V. *Russia's Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 45.

перешли в католичество⁴⁸². Оппонентам, которых было немало, Н.И.Ильминский объяснял, что эта система просвещения призвана дать лишь базовые знания и весь последующий процесс образования будет вестись на русском языке. Однако в действительности на этих языках было опубликовано большое количество литературы разнообразного содержания, в том числе поэтические сборники и словари. То есть кириллическая графика способствовала становлению этих языков как литературных. Рукоположение представителей нерусских народностей в священники, назначение их учителями было не только рационально для сохранения этих групп в православии, но и вело к формированию интеллигенции, которая позже встала на защиту прав этих недоминирующих этнических групп. Для литовского интеллигента, особенно если он придерживался антипольских взглядов, такая система могла казаться привлекательной, хотя в то время предусмотреть результаты ее приложения было не просто. Исследователь литовского национального движения первой половины XIX века Винцас Мацюнас (Vincas Maciūnas) утверждал, что А.Угянскис был таким же патриотом Литвы, как и автор первого труда по истории Литвы на литовском языке Симонас Даукантас (Simonas Daukantas): их объединяла любовь к литовскому языку и литовской истории, ненависть к полякам. В.Мацюнас, основываясь на письмах А.Угянскиса к самогитскому (тельшевскому) епископу Мотеюсу Валанчюсу (Мацей Волончевский; Motiejus Valančius), называет А.Угянскиса «современным литовцем», предшественником консолидировавшей литовское нацио-

482 Гильфердинг А.Ф. Несколько замечаний. С. 118.

нальное движение нелегально издававшейся литовской газеты Aušra («Заря»)483.

Следует обратить внимание и на то, что с 1862 года в Казани — в военной школе — работал и Йонас Юшка (Jonas Juška) — человек, с которым возможности применения кириллической графики к литовскому языку в начале 1864 года обсуждал И.П.Корнилов и который адаптировал кириллицу к литовскому языку484. Обращает на себя внимание и тот факт, что еще в середине XIX века братья Антанас и Й.Юшка предлагали ввести в литовский алфавит новые буквы с диакритическими знаками. В научной литературе эти эксперименты объясняются стремлением братьев Юшка упростить алфавит «на основе экономии», то есть передавать на письме одинаковые звуки меньшим количеством букв485. Однако возможно, что и эта лингвистическая инновация была продиктована стремлением отмежеваться от поляков. В таком случае и отношение к кириллице выглядит как более или менее последовательное проявление антипольской позиции.

У меня нет прямых доказательств ни личных контактов А.Угянскиса и, позже, Й.Юшки с Н.И.Ильминским, ни их знакомства с создаваемой им системой образования, однако воз-

483 Maciūnas V. Andrius Ugianskis // Židinyš. 1936. Nr. 5–6. P. 517–528.

484 Mockus A. Broliai Juškos: Lietuvių liaudies dainų rinkėjai ir leidėjai. Vilnius: Tyto alba, 2003. P. 68.

485 Jonikas P. Lietuvių bendrinės rašomosios kalbos kūrimas antrojoje XIX a. pusėje. Čikaga: pedagoginis lituanistikos institutas, 1972. P. 194–196.

возможность таких контактов очень высока. Казань в то время была небольшим городом, и образованные люди, работавшие в области просвещения, должны были знать друг друга. Можно предположить, что и А.Угянскис, и Й.Юшка считали систему Ильминского вполне подходящей для литовцев в качестве антипольской меры и поэтому не только не боялись эксперимента по кириллизации литовской письменности, но и сами стремились принять в нем участие.

Среди образованных литовцев было и больше сторонников эксперимента, которые участвовали в его распространении либо выражали желание в нем участвовать⁴⁸⁶. Правда, некоторые, например издатель литовского календаря Лауринас Ивинскис (Laurynas Ivinskis), делали это не столько в силу своего желания, сколько под давлением властей. Кириллизации литовского письма не сопротивлялся на первых его этапах и епископ М. Валанчюс. И здесь литовцы не были уникальны — часть латышской интеллигенции, стремясь уменьшить немецкое влияние в Прибалтике, предлагала «вернуться» к кириллице⁴⁸⁷.

Поэтому неудивительно, что на первом этапе кириллизации литовского письма (1864–1866), названном историком литовского языка Гедрюсом Субачюсом (Giedrius Subačius) «энтузиастическим началом», участвовали не только русские.

486 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 61. Л. 1–2; LVIA. F. 567. Ap. 4. B. 954. L. 54–55.

487 Lazda P. The Phenomen of Russophilism in the Development of Latvian Nationalism in the 19th Century // National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century / Ed. A. Loit. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. P. 130.

Л.Ивинскис, С.Микуцкий, студент Высшей варшавской школы Томас Жилинскис (Tomas Žilinskis) пытались создать для литовского языка новый алфавит, максимально отражающий звуки литовского языка, поэтому об их усилиях действительно можно говорить как о стремлении к созданию «литовской кириллицы для литовской письменности». Стремясь к поставленной цели, они не только ввели несколько новых букв, нехарактерных для русского алфавита: ô (для обозначения дифтонга [uo]) и ŷ (для обозначения второй части дифтонга [au]), апостроф (для обозначения сокращения и для разграничения приставки и следующей за ней первой буквы корня слова), но и отказались от нескольких ненужных с их точки зрения букв русского алфавита: ы, ф, ъ⁴⁸⁸. Модификации русского алфавита сначала не препятствовал и попечитель Виленского учебного округа И.П.Корнилов⁴⁸⁹.

Литовские интеллигенты, ратовавшие за кириллизацию литовского письма, надеялись, что благодаря этому будут развиваться литовская литература и вместе с ней литовская этнокультура, и эти надежды имели право на существование: об этом свидетельствует имперская политика в области просвещения, проводившаяся в Царстве Польском, конкретно — в Августовской губернии, где, как уже упоминалось, проживали и литовцы. Основные положения реформы просвещения на этой территории в поданном 22 мая 1864 года императору

488 Subačius G. Lietuviška ir rusiška lietuviškų spaudinių kirilika 1864–1866 metais // Raidžių draudimo metai / Sud. D. Staliūnas. Vilnius: LII leidykla, 2004. P. 139–173.

489 LVIA. F. 567. Ap. 4. B. 954. L. 2.

письме сформулировал Н.А.Милютин. Он предлагал отказаться от идеи о том, что школа может служить политическим целям, то есть что вытеснение польского языка из учебных учреждений позволит успешно русифицировать поляков. Н.А.Милютин указывал, что реализация политических целей в системе образования после восстания 1830–1831 годов оказалась безрезультатной, поэтому здесь следует придерживаться других принципов. Основные предложения Н.А.Милютина сводятся к следующему: позволить полякам в образовательных учреждениях всех ступеней учиться на родном языке, однако при этом упразднить любые возможности полонизации других этнических групп. Этих целей можно достичь, учреждая школы, в которых представители других этнических групп, в том числе и литовцы, смогут обучаться на своих языках. Подготовкой учителей для таких школ должны заниматься специально учрежденные для этой цели учительские семинарии. Основным разработчиком законов реформы просвещения и основным помощником Н.А.Милютина был уже не раз упоминавшийся А.Ф.Гильфердинг⁴⁹⁰. Именно он разработал основные документы, регламентировавшие школьную реформу. Комитет по делам Царства Польского поддержал эти проекты, они были утверждены императором и стали законами. Согласно новым законам, жители Царства Польского непольского происхождения получили право учреждать отдельные (то есть национальные) начальные школы. Если отдельные школы по каким-либо причинам не могли быть открыты, предусматривалась воз-

490 РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234. Л. 61.

возможность требовать отдельного учителя Закона Божьего и родного языка.

Однако с середины 1860-х годов начинается отказ от такой политики. В 1867 году высочайшим повелением во всем Царстве Польском как обязательный предмет вводится русский язык, а с 1871 года идет переход на преподавание предметов на русском языке. Русификация гимназий началась в 1866 году. При реформировании средних школ в Царстве Польском не были забыты и сувалкская и мариампольская гимназии. 14 (26) мая 1866 года Учредительный комитет в Царстве Польском⁴⁹¹ рассматривал проект реорганизации средних школ. Помимо прочих, было принято решение о передаче сувалкской и мариампольской гимназий для нужд литовцев⁴⁹². По повелению императора предложение Учредительного комитета 16 июля того же года было рассмотрено Комитетом по делам Царства Польского в Санкт-Петербурге. Комитет поддержал реорганизацию сувалкской и мариампольской гимназий и предложил учредить в университетах в России, прежде всего в Санкт-Петербурге и в Москве, не менее десяти стипендий для воспитанников сувалкской и мариампольской гимназий литовского происхождения, демонстрирующих особые успехи в изучении русского и литовского языков

491 Учредительный комитет в Царстве Польском (Komitet urządzający w Królewstwie Polskim), основан 19 февраля (2 марта) 1864 года. Сначала он занимался крестьянской реформой, но в скором времени сфера его ответственности была расширена, в том числе в нее вошло и образование.

492 Archiwóm Główne Akt dawnych. Komitet Urządzający. № 17. К. 221.

и готовящихся к научной и педагогической деятельности. Предусматривались выплата стипендии в размере 360 рублей в год и оплата дорожных расходов. Стипендиатов должен был выбирать педагогический совет гимназии, утверждать — начальник дирекции школ⁴⁹³. После того как император благословил реформу средних школ в Царстве Польском, реформа 13 (25) августа 1866 года еще раз была внесена в повестку дня Учредительного комитета. Учредительный комитет, по сути, повторил постановление о реформе сувалкской и мариампольской гимназий и о «литовских стипендиях», было конкретизировано количество назначаемых стипендий — десять⁴⁹⁴. Появление таких решений, конечно, прежде всего связано с деятельностью А.Ф.Гильфердинга, однако при этом не следует исключать возможность участия в появлении этих реформ и других энтузиастов введения кириллицы в литовскую письменность⁴⁹⁵. Некоторые из них, например С.Микуцкий, убеждали не только А.Ф.Гильфердинга, но и другого влиятельного слависта — Владимира Ивановича Ламанского — в необходимости привлекать литовцев и латышей к работе в Санкт-петербургском Историко-филологическом институте⁴⁹⁶.

Таким образом, в Августовской (после административной реформы 1867 года — Сувалкской) губернии в условиях запрета традиционной латинской графики и насаждения кириллицы литовский язык преподавался не только в начальной школе, но

493 РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1424. Л. 556.

494 Там же. Л. 228, 231–232, 237–240.

495 Более подробно см.: Staliūnas D. Making Russians. P. 397.

496 VUB RS. F. 6. B. 78. L. 20–21.

и в гимназиях и учительских семинариях, кроме того, для литовцев были учреждены специальные стипендии в университетах. Эти факты лишней раз подтверждают версию о том, что введение кириллицы в литовское письмо могло быть (и было) связано с так называемой деполонизацией и ограниченным развитием этнокультуры литовцев, а вместе с тем и ростом влияния русской культуры⁴⁹⁷.

Однако такая национальная политика проводилась только в Царстве Польском. Северо-Западный край, как мы знаем, считался властями не только имперской, но и русской «национальной территорией», поэтому и проводимая здесь политика была иной.

Учреждение «народных школ» в Ковенской губернии

Цели введения кириллицы в Виленском учебном округе выявляются при более пристальном анализе проводившихся в округе после восстания 1863–1864 годов мероприятий, связанных с реализацией реформы образования. Однако начать следует с рассмотрения места, которое занимал литовский язык в образовательных учреждениях в более ранний период.

После восстания 1830–1831 годов имперские власти старались взять контроль народного образования в свои руки, поэтому учителями назначались православные неместного происхождения: в казенных приходских школах сначала учителями должны были работать воспитанники Витебской

497 Многие из стипендиатов впоследствии стали видными деятелями литовского национального движения.

учительской семинарии, а с 1843 года в школах, которые учреждались Министерством государственных имуществ, преимущество отдавалось воспитанникам православных духовных семинарий⁴⁹⁸. На протяжении всего периода между восстаниями имперские чиновники обсуждали вопрос, должны ли учителя, приезжающие из других мест, знать литовский язык. Часть чиновников считала, что знание родного языка учеников способствует росту желания родителей отдавать детей в школы, кроме того, оно важно с точки зрения дидактики⁴⁹⁹. Однако на практике в Виленской и Ковенской губерниях новые учителя часто не знали литовского языка, правда, Закон Божий везде преподавался или на литовском, или на польском языке⁵⁰⁰. Иная ситуация, конечно, была в конфессиональных приходских школах (учреждение таких школ при католических церквях было официально разрешено с 1841 года). Так, в приходских школах Самогитской (Тельшевской) епархии языком преподавания был литовский⁵⁰¹.

498 М. Лукшене пришла к такому выводу после анализа ситуации в Ковенской губернии: Lukšienė M. Lietuvos švietimo istorijos bruožai XIX a. pirmojoje pusėje. P. 359–360. Лешек Заштовт (Leszek Zasztowt), исследовавший образовательную политику во всем Западном крае, утверждает, что большинство учителей были поляками. См.: Zasztowt L. Kresy 1832–1864. S. 348.

499 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 340. L. 7–8.

500 Lukšienė M. Lietuvos švietimo istorijos bruožai. P. 208–222, 227–232, 245–247, 249–260, 352–362.

501 Ibid. P. 235–243, 245–247, 258–260; Merkys V. Motiejus Valančius. P. 287–299.

Напряженная ситуация на западных окраинах империи в начале 1860-х годов заставила власти прибегнуть к экстренным мерам, направленным на уменьшение влияния дворянства («поляков») на народ. 18 января 1862 года указом императора в западных губерниях учреждались народные школы, а в начале следующего года было решено разработать отдельные временные правила учреждения таких школ. В результате интенсивных дискуссий появились и Временные правила для народных школ Северо-Западного края (23 марта 1863 года), согласно которым языком преподавания был русский, и только католический Закон Божий мог преподаваться «на местном наречии». Встал вопрос об учителях для этих учебных заведений.

В период Великих реформ, в первую очередь касавшихся освобождения крестьян от крепостной зависимости на большей части империи, народное образование становилось актуальной проблемой не только для западных окраин. До этого времени в России практически не было специальных учреждений, готовивших учителей начальных школ. Во время дискуссий в бюрократических кругах выдвигались самые разные предложения — например, учредить специальные курсы при гимназиях, однако чиновники остановились на более дорогом варианте — учреждении отдельных учительских семинарий. Министерство народного просвещения приняло решение о том, что учителями должны работать представители того же сословия, что и ученики (в сельских школах — крестьяне, в городских — мещане), а семинарии должны учреждаться не в центрах губерний, а в небольших окружных городах и в деревнях, потому что пребывание воспитанников в губернских городах «легко могло бы вывести их из родной и обиходной среды и ознакомить их с такими потребностями жизни, коих

удовлетворение в сельском быту недостижимо и во многих случаях нежелательно»⁵⁰². Другими словами, считалось, что учителем в таких школах может работать только тот, кто близок народу в силу своего социального происхождения, образа жизни и ожиданий.

Еще в начале февраля 1863 года виленский генерал-губернатор В.И.Назимов предлагал, чтобы учителями в Литве работали ни в коем случае не католические священники, но знающие литовский язык русские, подготовленные в специально учрежденной учительской семинарии⁵⁰³. Эту мысль развивал и попечитель П.А.Ширинский-Шихматов, отмечая, что в Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерниях проживают фактически две национальные группы, сильно отличные друг от друга по языку, религии и истории, — белорусы и литовцы, следовательно, и учителей надо готовить отдельно: «Учительской семинарии, учреждаемой с целью приготовления учителей для белорусских народных школ независимого от прямого педагогического ее назначения, должно быть дано направление в духе православия и русской народности, между тем как в жмудской семинарии православный элемент останется совершенно без применения, а элементу русскому не может быть предоставлено такое обширное развитие». Поэтому П.А.Ширинский-Шихматов предлагал учредить учительский институт в Молодечно (Витебская губерния) для подготовки учителей белорусских школ и Учительский отдел при Поневежской гимназии для подготовки учите-

502 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1174. L. 8–15.

503 РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1483. Л. 43–56.

лей литовских школ⁵⁰⁴. В скором будущем были подготовлены два проекта: Белорусской учительской семинарии, позже получившей название Молодечненский учительский институт, для подготовки педагогов для всего округа, за исключением литовских школ, и Педагогического отделения при Поневежской гимназии. В Белорусскую учительскую семинарию могли поступать только православные и прежде всего — крестьяне, на Педагогическое отделение — литовцы. Однако во второй половине 1863 года обсуждался проект Молодечненской учительской семинарии, согласно которому семинария должна была готовить учителей для всех народных школ округа, а о курсах при Поневежской гимназии уже не упоминалось⁵⁰⁵. Эти решения были приняты с ведома нового генерал-губернатора М.Н.Муравьева.

Позже отказ от учреждения Педагогического отделения при Поневежской гимназии объяснялся нехваткой средств⁵⁰⁶, однако вероятно, что и сами местные чиновники не пришли к

504 LVIA. F. 567. Ap. 21. B. 55. L. 60–65; Белецкий А. В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. (Памяти князя А. П. Ширинского-Шихматова). Вильна, 1902. С. 59.

505 LVIA. F. 567. Ap. 21. B. 55.

506 Записка окружного инспектора Виленского Учебного Округа В. П. Кулина о народном образовании на Литве и Жмуди, по поводу статьи Гильфердинга: «Несколько замечаний о литовском и жмудском племени» (январь 1864 г.) // Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / Сост. И. П. Корнилов. СПб., 1908. С. 118.

однозначному решению о подготовке учителей для тех школ, где должны были учиться литовские дети. Еще в апреле 1862 года П.А.Ширинский-Шихматов предложил учителей для литовских школ готовить в Виленской и Минской православных духовных семинариях, где должны быть открыты специальные курсы литовского языка⁵⁰⁷. Похожую мысль он повторил и в начале 1864 года, предложив открыть при этих двух семинариях педагогические курсы⁵⁰⁸. Православные семинарии были в данном случае более подходящими заведениями, поскольку гимназии в губернских центрах, по мнению попечителя, не могли гарантировать, что будущие педагоги в достаточной степени будут способны перенять «русские идеи и убеждения», то есть гимназии все еще считались польскими. Кроме того, на решение отказаться от отдельной подготовки учителей для литовских школ повлияло и утверждение 23 марта 1863 года упоминавшихся выше Временных правил, согласно которым все преподавание за исключением Закона Божьего должно было вестись на русском языке.

Народные школы власти начали учреждать в белорусских населенных пунктах. Об учреждении таких школ в Ковенской губернии руководство учебного округа начало думать позже, то есть летом 1864 года. Планировалось, что центром управления школ станет дирекция школ в Поневеже — городе, распо-

507 Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. P. 76–77. Эту идею позднее продвигал и И. П. Корнилов, сменивший П. А. Ширинского-Шихматова на посту попечителя. См.: ОР РНБ. Ф. 377. Д. 201. Л. 1.

508 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 1174. L. 18.

ложенном в географическом центре губернии⁵⁰⁹, однако, поскольку в заседаниях совета школ должны были участвовать различные чиновники, работавшие в центре губернии, в целях удобства и дирекция школ была перемещена в Ковну⁵¹⁰. Решение о реформировании начального образования в Ковенской губернии, очевидно, было принято под влиянием нескольких обстоятельств: назначения в феврале 1864 года новым попечителем И.П.Корнилова, подавления восстания и проектов народного просвещения М.Валанчюса (учреждение Малой семинарии, преподавание Закона Божьего в казенных и приходских школах), поданных местным властям в начале 1864 года (скорее всего — в феврале). Малая семинария должна была готовить воспитанников для вступления в духовное сословие, поэтому ей следовало находиться в ведении епископа, основные предметы в семинарии предполагалось преподавать на литовском языке. В учреждаемых властями приходских школах Закон Божий должен преподаваться на литовском языке, и учителя должны не только знать этот язык, но и обучать ему детей. Согласно последнему проекту, предполагалось воссоздать работавшие ранее приходские школы, закрытие которых было санкционировано в значительной степени решением В.И.Назимова от 23 декабря 1862 года, хотя формально это указание следовало применять только к тем школам, в которых преподавание велось на польском языке⁵¹¹. В этих школах

509 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629a. L. 126–127.

510 Ibid. F. 567. Ap. 4. B. 960.

511 Lukšienė M. Lietuvos švietimo istorijos bruožai. P. 243; Merkys V. Motiejus Valančius. P. 298–299.

детей должны были обучать чтению на русском и литовском языках, учителями должны были работать священники⁵¹².

Властям учебного округа и ковенскому православному епископу Александру (Добрынину), к которому обратился И.П.Корнилов, намерения М.Валанчюса понравиться не могли. Округной инспектор учебного округа Василий Петрович Кулин не видел необходимости в учреждении Малой семинарии, в которой учебный процесс контролировало бы католическое духовенство, а преподавание должно было вестись на литовском языке. Он, очевидно, не был полностью уверен в том, что проект не будет одобрен, и предусмотрительно предупредил, что в случае разрешения открыть эту семинарию все предметы должны преподаваться на русском языке и педагогами должны работать русские. Схожим было мнение о проекте М.Валанчюса и епископа Александра. Совпали и мнения обоих экспертов о приходских школах, которые оба нашли вредными в силу предусмотренного контроля со стороны католического духовенства, а также доминирования в школах не русского, а литовского языка. Отзыв В.П.Кулина по поводу предложения М.Валанчюса о казенных школах на первый взгляд был положительным. Он в принципе не возражал против того, чтобы не только Закон Божий преподавался по-литовски, но и сам литовский язык стал предметом школьного преподавания:

512 О проектах см.: Merkys V. Motiejus Valančius. P. 662–670, 676–683; Šenavičienė I. Dvasininkija ir lietuvybė. Katalikų bažnyčios atsinaujinimas Žemaičių vyskupijoje XIX a. 5–7-ajame dešimtmetyje. Vilnius: LII leidykla, 2005. P. 167–177. «Жмудский язык» употребляется в этом случае в значении «литовский язык».

«Пусть преподается в школе жмудская грамота и Закон Божий на жмудском языке, лишь бы школа не имела исключительно-го, жмудского характера; главное место в ней должно принадлежать русскому языку», однако при этом В.П.Кулин предлагает и другой статус литовского языка: «Жмудский язык необходим в школе, преимущественно на первое время в словесных объяснениях учителя, пока поступившие в школу дети не свыклись с русским языком». Последняя цитата показывает, что инспектором Виленского учебного округа литовский язык рассматривался в начальной школе всего лишь как вспомогательный. Обобщив отзывы обоих экспертов, 3 мая 1864 года попечитель И.П.Корнилов оценил предложения М. Валанчюса как вредные прежде всего потому, что основной причиной нелояльности крестьян Ковенской губернии было безграничное влияние католических священников. То есть следовало вырвать народное образование из рук католического духовенства и учреждать и в Ковенской губернии, и в других частях Виленского учебного округа народные школы⁵¹³. Затем, 9 мая, попечитель снова оценил предложения М.Валанчюса как очень опасные и еще раз предложил передать народное образование в руки государства⁵¹⁴.

Так, летом 1864 года начались подготовительные работы по учреждению народных школ в Ковенской губернии. Для этих школ необходимо было найти учителей. Католическое духовенство и церковные служители (например, ризничие), как показывает рассмотренная выше реакция руководителей

513 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1615. Цитаты: Л. 21.

514 Ibid. 1862 m. B. 629a. L. 124–127.

учебного округа на проекты М.Валанчюса, считались опасными. В инструкции М.Н.Муравьева о народных школах указывалось, что необходимо «на сколько это окажется применительно» руководствоваться Временными правилами от 23 марта 1863 года и в населенных пунктах «иноверцев», то есть литовцев, учителями назначать «лиц непольского происхождения», то есть, пусть теоретически, учителями могли стать и литовцы. Очевидно, некоторые местные чиновники именно так и интерпретировали это указание. Так, из Вилкомирского уезда летом 1864 года сообщалось, что здесь нет никаких начальных школ, потому что нет учителя «непольского происхождения»⁵¹⁵. В инструкции М.Н.Муравьева также следует обратить внимание на указание руководствоваться Временными правилами «по возможности». Очевидно, в данном случае виленский генерал-губернатор не отзывал возможности обучать детей и литовскому языку, что было разрешено циркуляром, изданным им 1 января 1864 года⁵¹⁶. Однако И.П.Корнилов «уточнил» указание, пояснив, что должность учителя могут занимать «благонадежные лица православного исповедания, знающие русский и литовский языки», кроме того, было указано выяснить, где возможно учреждение чисто русских школ и где без литовского языка обойтись будет невозможно⁵¹⁷. Следова-

515 Ibid. F. 567. Ap. 4. B. 978. L. 70.

516 Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla / Par. A. Tyla. Vilnius: Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas, 1973. P. 66.

517 KRVA. F. 50. Ap. 1. B. 16927. L. 21–23; А. Исторический очерк народных училищ в Ковенской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Июнь. Отд. IV. С. 158. Ско-

тельно, уже тогда целью местных властей было учреждение чисто русских школ, и присутствие литовского языка предполагалось терпеть в начальных школах лишь в силу необходимости.

Возможно, что М.Н.Муравьев стремился выжить из школ учителей-поляков и, может быть, мирился бы с наличием учителей-литовцев, но для И.П.Корнилова и многих других чиновников учебного округа важнейшим критерием надежности учителя была его конфессиональная принадлежность, поэтому литовцы как католики в качестве учителей были нежелательны: «<...> учебное ведомство не приняло означенных предположений, потому что оно не могло доверять детям литовских крестьян, которые, обучаясь в гимназиях, совершенно ополячились, были свидетелями польских манифестаций и смут, а иногда и участниками в них, и поныне находятся под сильным влиянием римско-католических ксендзов <...>»⁵¹⁸.

В июне 1864 года по указанию И.П.Корнилова инспектора гимназий Дмитрий Федорович Каширин и С.Попов получили задание объехать Ковенскую губернию и предложить места учреждения народных школ⁵¹⁹. Кроме того, М.Н.Муравьев

рее всего, для литовского языка в этом случае была предусмотрена только вспомогательная функция в начале учебы.

518 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1514. L. 34.

519 А. Исторический очерк. С. 157; Kulakauskas A. Rusifikacinės masinio pradinio švietimo sistemos kūrimo Kauno gubernijoje pradžia (XIX a. 7-asis dešimtmetis) // Praeities baruose. Vilnius: Žara, 1999. P. 213.

принял решение о необходимости назначения особого инспектора, поскольку литовцев необходимо было оградить от влияния католического духовенства и от польской пропаганды⁵²⁰. На эту должность И.П.Корнилов назначил уже упоминавшегося выпускника Историко-филологического факультета Московского университета, инспектора московской синодальной типографии Н.Н.Новикова⁵²¹, тесно общавшегося не только со славянофилами, но и с М.Н.Катковым⁵²². Н.Н.Новиков приехал в Ковну 13 августа 1864 года и приступил к руководству процессом учреждения народных школ.

С. Попов, в задачу которого входила инспекция Шавлянского, Тельшевского и Поневежского уездов, предлагал в исключительных случаях оставлять в должности учителей и католиков, за работой которых, конечно, должен был следить старший учитель-православный⁵²³. Но И.П.Корнилов и Н.Н.Новиков приняли твердое решение, что учителями могут быть только русские, и этой позиции следовало придерживаться повсеместно.

После принятия решения о замене учителей-католиков православными в соответствии с инструкцией попечителя следовало найти будущих учителей, не только православных, но и знающих или желающих выучить литовский язык. Некоторые чиновники учебного округа, кажется, действительно не остав-

520 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1284. L. 1.

521 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1284.

522 [Корнилов И. П.] Новиков Н. Н. (Некролог) // Виленский календарь на 1899 год. Вильна, 1898. С. 347.

523 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 263. Л. 7; Д. 58. Л. 3.

ляли надежды найти или подготовить таких учителей среди местного населения. Директор Ковенской гимназии и помощник попечителя И.Я.Шульгин 7 июня 1864 года сообщил И.П.Корнилову, что уже нашел семерых мальчиков православного вероисповедания, готовых выучить литовский язык⁵²⁴. В том же месяце в сообщении, адресованном министру просвещения А.В.Головнину, М.Н.Муравьев пишет о наличии кандидатов в учителя, владеющих и русским, и литовским языками⁵²⁵.

Однако такое, казалось бы, естественное решение проблемы (то есть достижение возможности договориться для учителя и учеников) требовало времени и средств. И времени, и средств, по мнению чиновников Виленского учебного округа, не хватало⁵²⁶. Поэтому Н.Н.Новиков предложил назначать учителями лиц, не знавших литовского языка. Свое предложение он обосновал тем, что крестьяне-мужчины понимают русский не хуже, чем польский, поэтому и для детей русский язык «не будет чем-то неслыханным»⁵²⁷, однако, например, в отчете Д. Ф. Каширина отмечается, что большинство крестьян

524 Там же. Д. 219. Л. 25.

525 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629a. L. 129.

526 17 июля 1864 года Попечительский совет при Виленском учебном округе обсудил предложения И. Я. Шульгина и решил, что содержать будущих учителей при Ковенской гимназии слишком дорого, к тому же таких учителей может подготовить и Молодечненская учительская семинария. См.: ОР РНБ. Ф. 523. Д. 219. Л. 25.

527 ОР РНБ. Ф. 377. Д. 120. Л. 12.

не понимает русского языка⁵²⁸. Чтобы не сеять сомнений в возможности решения этой проблемы, Н.Н.Новиков добавил, что ему удалось найти пятерых потенциальных учителей, владеющих и русским, и литовским языками, однако их умения еще не проверены, кроме того, всего для нужд губернии требуется не менее ста учителей-православных⁵²⁹. Осенью 1864 года также и И.П.Корнилов разделял мнение о невозможности найти учителей, владеющих литовским языком⁵³⁰. Поэтому было предложено перевести в Ковенскую губернию учителей из других частей учебного округа⁵³¹. Это предложение, кажется, даже не рассматривалось серьезно. Власти не были готовы улучшать русское начальное образование в Ковенской губернии за счет других губерний. Н.Н.Новиков рассуждал о возможности учреждения специальной школы, в которой русские могли бы выучить местные языки и где могли бы готовить не только учителей народных школ, но и волостных писарей и уездных чиновников⁵³², однако эта идея не получила продолжения, очевидно, в силу отсутствия времени. Руководство Виленского учебного округа решило назначать учителями в учреждаемые народные школы выпускников православных семинарий внутренних губерний империи⁵³³. В

528 Там же. Ф. 523. Д. 263. Л. 1.

529 Там же. Ф. 377. Д. 120. Л. 17.

530 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629a. L. 219.

531 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 263. Л. 1; Д. 66. Л. 42.

532 Там же. Д. 184. Л. 34, 54.

533 О взглядах Н.Н.Новикова на назначение педагогического персонала можно судить по одному его более позднему письму

1864 году прибыло 39 кандидатов на должность учителей, в следующем году — 97, в основном из Вологодской православной духовной семинарии⁵³⁴. Почему были выбраны выпускники именно этих учебных заведений? Прежде всего, следует вспомнить, что у властей не было богатого выбора. Как уже отмечалось, учительские семинарии только учреждались (за исключением Прибалтийских губерний), педагогов не хватало и в других местах. Выбор выпускников православных духовных семинарий должен был гарантировать воспитание в русском, православном духе. Аспект мировоззрения, с точки зрения чиновников Виленского учебного округа, был гораздо более важен, чем педагогические способности семинаристов. Считалось, что воспитанники семинарий близки к крестьянам в социальном плане и не будут смотреть на них свысока. Кроме того, существовала надежда, что происходившие из сельского духовенства выпускники семинарий будут довольствоваться небольшим (150 рублей) жалованьем учителя и выдержат серьезное испытание недружелюбно настроенным окружением.

И.П.Корнилову: «Открывается ваканция инспектора шавельской гимназии. Прошу, однако: не назначайте из немцев, не назначайте и из бесцветных русских. Ковенская губерния есть Севастополь, а Шавельская гимназия — Малахов курган нашего дела. Пускай русский будет вдвое хуже немца, да „не пахнет кофе“, так формулировалось для меня различие двух начал, которым всегда суждено расходиться в истории». См.: РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 784. Л. 5–6.

534 А. Исторический очерк народных училищ в Ковенской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Июль. Отд. Современная летопись. С. 45.

ем⁵³⁵. Можно вспомнить и о том, что именно этот аспект, то есть сходные бытовые условия, близкие социальные ожидания учеников и учителей, был одним из наиболее важных обстоятельств при обсуждении характера учителей-семинаристов и вопроса о жилищных условиях. Такое мышление подтверждает и бюрократическая переписка 1867 года о возможности предоставления работы в Ковенской губернии выпускникам Рижской православной семинарии. Н.Н.Новиков был склонен согласиться с возможностью трудоустройства воспитанников семинарии в школах, где обучаются латыши, однако он считал, что для литовских школ более подходят выпускники семинарий внутренних губерний, поскольку рижане «не могут знать русских песен», кроме того, «рижские семинаристы отличаются большим внешним лоском и привычками большого города, скорее других увлекутся знакомством со шляхтою и мелким дворянством», а прибывшие из внутренних губерний другие: «Сами они стояли ближе к народу; следовательно» менее требовательны и более выносливы, чем дети рижского духовенства» и «привезут с собою простоту нравов русского сельского духовенства»⁵³⁶. Семинаристы из внутренних губерний империи, как полагал Н.Н.Новиков, говорили на более правильном русском языке, чем местные русские⁵³⁷. Поэтому только семинаристы, прибывшие из русских губерний, были способны обучить местных жителей правильному русскому языку.

535 LVIA. F. 378. BS. 1865 m. B. 1697. L. 157–160.

536 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1574. L. 368–369.

537 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 184. Л. 34.

Кроме того, в этом случае следует иметь в виду и контекст, характерный для всей империи. Прежде всего реформаторы, в частности министр внутренних дел П.А.Валуев, считали, что авторитет православного духовенства среди верующих можно поднять, расширив роль духовенства в народном просвещении⁵³⁸. По причине существования практически кастовой системы, не позволяющей сыновьям православных священников перейти в другое сословие, наблюдалось их «перепроизводство». Кроме того, по данным 1862 года, из 97 поступивших в Пинскую православную духовную семинарию курс обучения закончило всего лишь 6⁵³⁹. Также важную роль в этом контексте играла длившаяся уже несколько лет упорная борьба Министерства народного просвещения и православной церкви за руководство народным образованием. Святейший синод всеми силами стремился воспрепятствовать желанию Министерства народного просвещения перенять в свое ведение все школы⁵⁴⁰. В 1864 году результаты этой борьбы еще не

538 Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 241, 244.

539 Объяснительная записка директора Пинской гимназии Шульгина // Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ. СПб., 1862. Часть II. С. 308.

540 Krumbholz J. *Die Elementarbildung in Russland bis zum Jahre 1864*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1982. S. 218–221; Алексеева С.И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904. СПб.: Наука, 2003. С. 222–231; Vulpius R. *Nationalisierung der Religion*.

были ясны и вопрос о том, какие учреждения будут готовить будущих учителей, оставался открытым. Православную церковь в этой борьбе поддерживал не только «День» И.С.Аксакова, но и «Московские ведомости» М.Н.Каткова. Эти издания оказывали влияние и на чиновников Виленского учебного округа, некоторые из них, как уже отмечалось, состояли в переписке и с И.С.Аксаковым, и с М.Н.Катковым. Другими словами, чиновники учебного округа своими действиями старались склонить чашу весов в сторону православной церкви.

Прибывшие в Ковенскую губернию семинаристы прежде всего попадали под попечительство директоров школ, которые вместе с чиновниками учебного ведомства должны были обучить будущего учителя. Семинаристы посещали школьные занятия и через несколько месяцев, после проведения пробных уроков, назначались учителями⁵⁴¹. Литовскому языку в течение подготовительного периода они, похоже, не обучались, возможно, учили язык самостоятельно по книгам, которые для них подбирали чиновники учебного округа⁵⁴². Н.Н.Новиков считал, что эту проблему возможно решить и на уроках: учитель учит детей русским словам, а дети учат учителя литовским: «Таким образом мало-по-малу, без особых усилий, почти шутя, дети привыкают к учителю и наставнику, перестают чуждаться и даже в неурочные часы, против

Russifizierungspolitik und ukrainische Nationsbildung 1860–1920. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. S. 68–69.

541 LVIA. F. 378. BS. 1865 m. B. 1697. L. 179.

542 Ibid. F. 567. Ap. 5. B. 1827. L. 262.

воли родителей, ходят в училище и готовы целый день проводить с наставником»⁵⁴³.

Таким образом, Н.Н.Новиков вместе со своими единомышленниками из Виленского учебного округа приступил к реализации более быстрой, по его мнению, модели учреждения народных школ, предполагавшей, что приезжающие из внутренних губерний России семинаристы вместо того, чтобы сначала подготовиться к будущей работе, то есть выучить литовский язык и получить элементарные педагогические навыки, должны были почти сразу отправляться в «народные школы» и в процессе обучения литовских крестьян русскому языку осваивать литовский.

В этой ситуации возникала необходимость и в совсем других учебниках. Поэтому чиновники Виленского учебного округа позаботились об издании не одноязычных (на литовском языке в русской графике), но двуязычных учебников (литовский текст в кириллической графике и параллельный текст на русском языке)⁵⁴⁴. Такие буквари, а позднее и другие книги, изданные подобным способом, согласно официальной версии, имели двойную функцию: способствовать обучению литовцев родному, а также и русскому языкам и помогать русским выучить язык местного населения⁵⁴⁵. По той же схеме

543 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 70. Л. 5.

544 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629a. L. 219; F. 567. Ap. 6. B. 1608. L. 3–6.

545 Хотя предпочтение Н.Н.Новиков был готов отдать другой методике: «Но было бы желательно, чтобы жмудяки доучивались до

издавались и книги для латышских школ в Витебской губернии, в этих книгах рядом с латышским текстом в кириллической графике печатался русский перевод⁵⁴⁶.

Решительный настрой и поспешность действий чиновников Виленского учебного округа иллюстрирует и ход учреждения народных школ в Ковенской губернии. Школы должны были открываться после получения согласия крестьян на учреждение и содержание ими школ⁵⁴⁷. Как в отчетах Д.Ф.Каширина, который должен был позаботиться об учреждении школ в Новоалександровском, Вилькомирском, Россиенском и Ковенском уездах, так и в отчетах Н.Н.Новикова подчеркивается, что практически везде крестьяне выражали согласие учреждать школы, в которых их дети будут обучаться русскому языку и Закону Божьему на литовском языке, кроме того, иногда они выражали благодарность царю и М.Н.Муравьеву⁵⁴⁸. Проверить эти утверждения «с обратной стороны», то есть найти свидетельства самих крестьян, вряд ли возможно. С одной стороны, эти школы в представлении крестьянства могли и не отличаться от существовавших раньше приходских школ, в которых иногда тоже преподавался русский язык. То обстоятельство, что крестьяне Ковенской губернии массово

понимания языка наставника, а не наставник — до понимания жмудского языка»: РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 784. Л. 7–8.

546 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 340. L. 16; Ap. 6. B. 1709. L. 1, 7.

547 В других губерниях Северо-Западного края власти учреждали народные школы за казенный счет.

548 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 263. Л. 14; Д. 266. Л. 1–9; Д. 264. Л. 1–6; А. Исторический очерк... 1870. Июнь. Отд. IV. С. 159–164.

участвовали в восстании 1863–1864 годов, конечно, заставляет сомневаться в симпатиях к русским школам, хотя этого наблюдения в данном случае, конечно, недостаточно. Сохранились и донесения русских учителей и чиновников Виленского учебного округа, в которых говорится о том, что крестьяне не пускают детей в эти школы, дети не хотят учиться русскому языку, в связи с чем учителя и чиновники предлагают ввести обязательное посещение школ⁵⁴⁹. Конечно, возможно, крестьяне, согласившись сначала отдать детей в школы, позже поменяли мнение⁵⁵⁰. Но тогда возникает вопрос, знали ли они, выражая согласие, какими будут эти школы и какие предметы в них будут преподавать. С.Попов, Д.Ф.Каширин или Н.Н.Новиков, владея лишь русским языком, должны были при общении с крестьянами пользоваться услугами посредников. То есть существует возможность недопонимания. Однако не исключено, что чиновники учебного округа лукавили, общаясь с крестьянами. Так, С.Попов, видя, что в Тельшевском и Шавельском уездах крестьяне враждебно относятся к литовскому букварю в кириллической графике⁵⁵¹, в Поневежском уезде решил сменить тактику: пока крестьяне решали, учреждать школу или нет, он, агитируя, даже не упоминал о литовском

549 KRVA. F. 293. Ap. 1. V. 3. L. 11–12; KAA. F. 293. Ap. 1. V. 5. L. 88–89, 28–29.

550 Можно предположить, что для крестьян самым важным вопросом было обучение Закону Божьему, и, получив уверения в том, что этот предмет будет преподавать католический священник, они успокоились и на язык преподавания других предметов уже не обращали такого пристального внимания.

551 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 263. Л. 9.

букваре в русской графике и лишь позже показывал его не-скольким благожелательно настроенным крестьянам, однако не везде. Кроме того, он объяснял крестьянам, что эта графика может быть и не введена⁵⁵². Именно по этой причине не стоит слишком доверять утверждениям Д.Ф.Каширина и Н.Н.Новикова о том, что крестьяне с радостью соглашались на учреждение русских школ.

История начала учреждения «народных школ» в Ковенской губернии однозначно свидетельствует о том, что руководство Виленского учебного округа реализовывало политику, существенно отличавшуюся от той, которую предлагал А.Ф.Гильфердинг. Поэтому неудивительно, что и кириллица для литовских книг получила другую форму.

Введение кириллицы - инструмент ассимиляции литовского населения

Важная роль в имперской политике в отношении литовцев принадлежала Н.Н.Новикову. Прежде всего, можно остановиться на его излюбленной теме — литовской языковой ситуации. Н.Н.Новиков не ограничивался лишь наблюдениями о том, что литовского литературного языка не существует — существует лишь множество диалектов, причем наблюдается очень сильное влияние других языков, — но, основываясь на мнении неизвестных экспертов, предлагал и гораздо более детальные определения: «Нечто подобное должно сказать о всех проявлениях народного творчества: пословицы на поло-

552 Там же. Д. 58. Л. 2.

вину смешаны с чужими; песни утратили родные мотивы, даже бытовой обычай представляется наблюдателю каким-то самородным обломком»⁵⁵³. Мы видим, что абсолютно незнакомый с литовским языком Н.Н.Новиков конструирует или перенимает удобные для него модели этнолингвистического описания. На основе такой оценки он делает выводы, которые действительно трудно интерпретировать: «Эта смесь говора дает надежду на возможность создать на развалинах разных говоров русский и жмудский языки»⁵⁵⁴. Скорее всего, здесь Н.Н.Новиков имел в виду функционирование этих языков: жители Ковенской губернии вместо множества диалектов должны были начать говорить на русском и литовском языках. В другом месте он тоже говорит о «создании» языка: «Настоящее состояние литовского языка в Ковенской губернии допускает возможность и воссоздать его из развалин, и на этих развалинах создать какой угодно другой (зачеркнуто — язык)»⁵⁵⁵. «Воссоздание» в этом контексте может означать возвращение в старые времена, когда этот край, согласно доминировавшей исторической интерпретации, еще не был затронут полонизацией. Так что же должно было заменить множество говоров Ковенской губернии?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего необходимо обратить внимание на то, как чиновники Северо-Западного края понимали роль алфавита. Некоторые местные чиновники утверждали, что литовцев полонизировала «поль-

553 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 184. Л. 12.

554 Там же. Д. 120. Л. 17–18.

555 Там же. Д. 66. Л. 3.

ская азбука»⁵⁵⁶. Точно так же готический шрифт, использование которого, как уже упоминалось, для литовского языка было запрещено в 1872 году, как предполагалось, способствовал германизации литовского населения⁵⁵⁷. «Польская азбука» в литовском письме, согласно Н.Н.Новикову, была необходима как инструмент экспансии польского языка⁵⁵⁸. Схожим образом объяснялось и использование латинской графики в белорусском языке. Другими словами, литовское письмо «польскими буквами» для этих чиновников было в принципе равнозначно польскому письму.

Как чиновники представляли себе процесс полонизации? Ответ на этот вопрос мы находим в объяснениях необходимости перевода латышского письма на русскую графику, данных занимавшим разные должности в Виленском учебном округе обрусевшим латышом Иваном Яковлевичем Спрогисом (Jānis Sproģis). Оказывается, вместе с «польской азбукой» латышский язык перенимает и польские слова, а также и саму структуру

556 «Но и эта латино-польская грамота допускалась настолько, что до письменного употребления возвышала только тех, которые совершенно поддавались полонизации, то есть отказывались от племенного происхождения, меняли литовские фамилии на польские или довольствовались переменою литовских окончаний на польские в фамильных именах и забывали родной язык наполовину. Таким образом латино-польская азбука была сильнейшим орудием полонизации». См.: *Lietuvių spaudos*. P. 76.

557 LVIA. F. 1241. Ap. 1. B. 18. L. 85.

558 *Ibid.* F. 567. Ap. 6. B. 1685. L. 3.

польского языка⁵⁵⁹. Таким образом, полонизация литовцев, а также латышей и белорусов, согласно мнению русских чиновников того времени, идет через графику: вводятся польские буквы, потом слова и, наконец, сама структура языка.

Теперь посмотрим, как развивается дальше замена графики литовского языка. Местная русская администрация быстро отказалась от рассмотренного нами выше варианта адаптации русского алфавита к особенностям литовского языка, авторы которого стремились как можно более полно принять во внимание особенности литовской фонетики. Предпочтение было отдано другому варианту — «русской кириллице литовского письма» (по утверждению Г.Субачюса). Главным автором этого варианта в 1860-х годах стал имевший татарское происхождение Иван Кречинский, учитель таурогенской приходской школы. В этом новом варианте кириллического литовского алфавита остались лишь немодифицирован-

559 «Но главная попытка ополячивания книжным путем Витебских латышей-католиков состояла в стремлении римско-католических пастырей приучить их сродниться с польским языком чрез свои же латышские книги. Вот почему в своих произведениях — в молитвенниках, катехизисах, а более всего в проповедях они беспрерывно применяли к латышскому языку большое количество польских слов, не имеющих в нем ни нужды, ни значения. Кроме изобильного употребления в латышской письменности отдельных польских слов, составители латышских книг перенесли в нее почти целиком всю конструкцию польской речи, столь же мало идущей к латышскому языку, как и отдельные польские слова». См.: Ibid. F. 378. BS. 1866 m. B. 1492. L. 14.

ные буквы русской кириллицы⁵⁶⁰. И.Кречинский транслитерировал литовские слова таким образом, чтобы они приобретали максимальное сходство со словами, имеющими то же значение в русском языке⁵⁶¹. Такой же стратегии придерживался и

560 В 1868 году министр внутренних дел Александр Егорович Тимашев не только объяснил, что кириллица лучше подходит для литовской письменности, чем латинская азбука, но и в качестве доказательства представил публикацию литовских народных песен, подготовленную Й.Юшкой и изданную Академией наук. Эта книга была издана на литовском языке, но кириллицей и, по мнению министра, могла служить примером для будущих изданий на литовском языке (LVIA. F. 1241. Ap. 1. V. 13. L. 16–17). Важно то, что Й. Юшка в этой публикации использовал также графемы, которых не было в русской кириллице. Поэтому можно утверждать, что власти в Санкт-Петербурге смотрели на этот лингвистический эксперимент немного иначе, то есть были готовы принять к сведению и потребности литовской фонетики. В 1880-х годах уже упоминавшийся Э.А.Вольтер издал книгу на литовском языке кириллицей, но использовал и «католическую» графему «j», что вызвало шквал критики со стороны православного духовенства: Merkys V. *Knygnešijų laikai*. P. 91; Subačius G. *The Letter <j> and Two Language Planning Strategies of the Cyrillic Script for Lithuanian in Late Nineteenth Century* // *Journal of Baltic Studies*. 2008. Vol. 39. № 1. P. 73–82.

561 Subačius G. *Lietuviška ir rusiška lietuviškų spaudinių kirilika*. P. 157–173; Idem. *Development of the Cyrillic Orthography for Lithuanian in 1864–1904* // *Lituanus*. 2005. Vol. 51/2. P. 35–41. Н.Н.Новиков дал указание И.Кречинскому для примеров подбирать литовские слова, максимально похожие на соответ-

другой энтузиаст замены графики Захар Ляцкий, который предлагал, например, записывать слово «арvyniot» (обернуть) не в соответствии с литовской фонетикой («апвинётъ»), но как «обвинёт», поскольку таким образом «по крайней мере не маскировалось бы родство литовского языка с русским»⁵⁶². Наконец, предлагалось прибегать к «грамматическому насилию»⁵⁶³. Следовательно, то, что раньше творили с литовским языком поляки, и то, что чиновники называли полонизацией, теперь следовало делать русским. Другими словами, чиновники учебного округа не только ввели русскую графику, но и стремились максимально приблизить литовский язык в его письменной форме к русскому, демонстрируя родство языков. Иногда местные чиновники даже называли свое новое детище «русско-литовским наречием»⁵⁶⁴.

Точку зрения имперских чиновников на смену графики прекрасно иллюстрирует и транслитерация русскими буквами латышских текстов. Эти тексты издавались не на латгальском диалекте, на котором говорили жители Витебской губернии, поэтому неудивительно, что для витебских латышей эти тексты были чужими⁵⁶⁵. И сам транслитератор И.Я.Спрогис

ствующие русские слова: А. Исторический очерк... 1870. Июнь. Отд. IV. С. 171.

562 LVIA. F. 567. Ap. 4. B. 4931. L. 7.

563 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 66. Л. 4.

564 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 386. L. 62.

565 Jēkabsons Ē. Spaudos lotyniškais rašmenimis draudimas Latvijoje 1865–1904 m. // Raidžių draudimo metai / Sud. D. Staliūnas. Vilnius: LII leidykla, 2004. P. 194.

позже признавал, что ему не удалось передать русскими буквами звуки латышского языка⁵⁶⁶.

Решение оставить исключительно буквы, входившие в русскую азбуку, было определено рядом причин. Прежде всего, имперские чиновники, и не только они, верили, что единая азбука имеет огромную интеграционную силу, а различные алфавиты разделяют народы. Кроме того, сторонники смены графики и их оппоненты спорили о том, какая из азбук лучше передает звуки литовского языка. Модификация русского алфавита, то есть внесение некоторых букв латиницы, делала очень уязвимыми аргументы чиновников о преимуществах кириллицы⁵⁶⁷. Наряду с этими идеологическими мотивами имелись и практические. В действительности чиновники не слишком и скрывали, что реформа образования в Ковенской губернии и смена графики были нужны не для того, чтобы местные жители обучались литовскому языку, но единственно с целью облегчить усвоение русского языка: «Ни русские народные училища, ни руководства для них составляемые, ни руководители этого дела и наставники не могут и не должны заботиться о том, выучатся ли ученики народных училищ по-жмудски или по-литовски, если учатся по-русски. Все дело и вся цель дела, повторяю, состоит в том, чтобы ученики возможно скорее и возможно легче выучились по-русски»⁵⁶⁸. Автор этих строк — все тот же учредитель «народных школ» в Ковенской губернии Н.Н.Новиков схожим образом аргументи-

566 РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1050. Л. 15–16.

567 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629a. L. 261–262.

568 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1677. L. 4.

ровал и смену графики в одном из писем М.Н.Каткову: новые школы ведут за собой русскую азбуку, а азбука приведет за собой русский язык⁵⁶⁹.

Поэтому нас не должно удивлять, что в народных училищах Ковенской губернии литовскому языку в лучшем случае отводилась вспомогательная роль, то есть он использовался до тех пор, пока дети не научались говорить по-русски. И даже такое использование литовского языка, видимо, применялось далеко не везде, поскольку большинство приезжих учителей вообще не знало языка крестьян. Чиновники Виленского учебного округа проверяли знания учениками русского языка, но, насколько известно, никому и в голову не приходило заботиться о знании литовского языка и проверять его⁵⁷⁰.

В населенные литовцами уезды Виленской губернии были высланы литовские учебники в кириллической графике⁵⁷¹, однако трудно сказать, какая судьба их постигла. Несмотря на то что чиновники учебного ведомства иногда утверждали, будто в Виленской губернии начальное объяснение литовским

569 ОР РГБ. Ф. 120. К. 22. Л. 195. Похожая мысль читается и в другом письме Н.Н.Новикова редактору «Московских ведомостей»: «Мы рассуждаем так: до сих пор для русского языка сделано вот что: вместо польской введена русская гражданская азбука для всех наречий литовского происхождения». См.: ОР РНБ. Ф. 523. Д. 500. Л. 12.

570 А. Исторический очерк... 1870. Июль. Отд. Современная летопись. С. 47, 63.

571 LVIA. F. 567. Ap. 4. B. 954. L. 12.

детям дается на литовском языке⁵⁷², никакими надежными доказательствами использования литовского языка даже в качестве вспомогательного в Виленской губернии я не располагаю. С 1865/66 учебного года и Закон Божий литовцам в Ковенской губернии должен был преподаваться на русском языке, и обучение в течение первого года на литовском языке начинает рассматриваться только как временное средство, применяемое до тех пор, пока дети не начнут понимать по-русски.

К обучению на русском языке местные чиновники Виленского учебного округа стремились и преследуя прагматическо-националистские цели. Уже освобожденный от должности попечителя И.П.Корнилов предлагал своему бывшему подчиненному В.П.Кулину пропагандировать применявшуюся в народных школах Ковенской губернии практику обучения русскому языку детей учителями-русскими, на начальном этапе даже неспособными договориться с учениками. И.П.Корнилов предлагал обратить внимание на следующий аспект: «Насколько русский мальчик перегонит жмудского, при одинаковых способностях, когда оба привыкнут одновременно за русскую грамоту. Сколько времени понадобится жмудскому мальчику или жиденку, чтобы они достигли равных успехов с русскими мальчиками. На что русскому довольно одного года, на то инородцу понадобится, пожалуй, два и три»⁵⁷³. Следовательно, такой метод обучения (преподавание исключительно на русском языке) естественным образом давал преимущество

572 Ibid. Ap. 26. B. 342. L. 5, 15.

573 РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 908. Л. 138.

этническим русским, которые и должны были доминировать в империи.

Прослеживается и больше признаков, говорящих о том, что местные власти и не пытались более серьезно способствовать тому, чтобы литовское население привыкло к литовским книгам в кириллической графике. На протяжении всего периода существования таких книг (до 1904 года) было издано лишь 55 изданий⁵⁷⁴. С начала 1870-х годов ни для литовцев, ни для латышей не издается ни религиозная литература, ни календари. Власти также не поощряли частных инициатив самих литовцев, призывавших соотечественников прекратить бойкотировать книги в кириллической графике и издавать такие книги. В конце концов после 1874 года в Вильне не осталось штатного цензора, знающего литовский язык (эта должность вновь учреждена только в начале XX века и лишь по причине того, что в руки чиновников попадало большое количество нелегальных литовских печатных изданий в латинской графике)⁵⁷⁵.

Очевидно, что после изгнания литовского языка из школ соответственно проектировались и публичные функции литовского языка. В условиях отсутствия преподавания даже в начальной школе для литовского языка, по сути, не предполагалось никаких публичных функций. Публичное пространство становилось вотчиной русского языка: «Вторая, после Православия государственная сила России, Русский язык, равным

574 Merkys V. Lietuvių draudžiamosios spaudos ir tautinės tapatybės sąsajos // Knygo-tyra. 2005. Nr. 44. P. 11.

575 Merkys V. Knygnešių laikai. P. 78–79, 84, 90–99.

образом должен быть господствующим во всех сферах жизни, и всякий другой язык, вне семьи, ни в каких государственных учреждениях, ни на торжествах, ни в разных других публичных местах, дозволяем быть не может. Равным образом вне круга семейного не должны быть дозволяемы никакие притязания или публичные обнаружения всякой другой народности, кроме русской <...>⁵⁷⁶. Поэтому неудивительно, что литовцы, например, подвергались аресту лишь за то, что говорили по-литовски в присутствии мирового посредника⁵⁷⁷.

Имея в виду эту цель смены графики, можно объяснить и высказывания Н.Н.Новикова о состоянии литовского языка, разнообразии его говоров, влиянии других языков и пр. Похоже, что для инспектора Виленского учебного округа эта теория о состоянии литовского языка имела чисто инструментальный характер. Она была необходима для опровержения идей оппонентов о стандартизации литовского языка, необходимости его утверждения как языка школьного образования, а также для доказательства бессмысленности и невозможности допущения литовского языка в публичное пространство.

Таким образом, и конкретные меры в области образования, и мысли самих чиновников Виленского учебного округа о целях смены графики литовского языка позволяют говорить о политике лингвистической унификации. Однако действительно ли это автоматически означает, что власти стремились ассимилировать литовцев? Здесь следует вспомнить, что ответ

576 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1295. L. 420–421.

577 Mulevičius L. Kaimas ir dvaras Lietuvoje XIX amžiuje. Vilnius: LII leidykla, 2003. P. 71.

на этот вопрос зависит от содержания понятия русскость того времени. Немалая часть активных адептов введения кириллицы в литовское письмо, служивших в Виленском учебном округе, важнейшим признаком национальности считали религию⁵⁷⁸. Поэтому усилия ограничить функционирование литовского языка бытовым уровнем, а возможно, и вытеснить его из круга семьи, по мнению этих чиновников, могло означать лишь частичную, но не тотальную ассимиляцию, иными словами — аккультурацию.

Однако в различных источниках XIX века можно найти информацию о наличии тесной связи между тем или иным алфавитом или графемами и конфессией (латинский алфавит связывался с католицизмом, готический — с протестантизмом, кириллица — с православием). Очевидно, что во всяком случае некоторые чиновники учебного ведомства надеялись и на то, что литовцы, приняв кириллическое письмо, со временем примут и православие, поскольку «для племен не имеющих силы притязаний на самобытное существование, азбука нередко служит проводниками идеи, и преимущественно религиозной»⁵⁷⁹. Можно предположить, что именно с этим намерением предлагалось переводить православные богослужебные книги на литовский язык и вести на нем церковные службы⁵⁸⁰. Очевидно, чиновники учебного округа трактовали введение

578 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1284. L. 47.

579 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 66. Л. 16. Позднее эти мысли появились и в печати: Н.Н.Н. [Новиков Н.] Впечатления москвича на Жмуди // Виленский вестник. 1866. № 75.

580 KRVA. F. 567. Ap. 1. B. 12. L. 49.

кириллицы в литовское письмо как первый шаг на пути обращения литовцев в православие. Литовцев считали очень набожными, даже фанатичными католиками. Похоже, единственным, кто утверждал обратное, был Н.Н.Новиков. Однако и у него временами появлялись мысли о «фанатизме» местного населения⁵⁸¹. Проблемой представлялся лишь выбор подходящих средств распространения православия. Чиновники Виленского учебного округа понимали, что литовцы настолько религиозны, что их обращение в православие без подготовительной работы невозможно. Н.Н.Новиков докладывал М.Н.Каткову: «Мы печатаем эту книжку поневоле, потому что не настала пора открытой борьбы с католицизмом <...>»⁵⁸². Эта цитата, кстати, достаточно ясно показывает, что и Н.Н.Новиков признавал сильную привязанность литовцев к католической вере. И.П.Корнилов, по утверждению того же Н.Н.Новикова, размышлял о средствах, необходимых для того, чтобы «ассимилировать край на основе религии»⁵⁸³.

Но обращение литовцев в православие не было быстроедостижимой целью, что прекрасно иллюстрирует один эпизод весны 1866 года. И.П.Корнилов дал указание Н.Н.Новикову распространить в народных школах Ковенской губернии 220 экземпляров книги «Письма Минского Архиепископа Антония (Зубко) к одному знакомому ему Римско-католическому священнику» и 60 экземпляров книги «Воскресное чтение». Окружной инспектор, признавая полезность таких книг для

581 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 184. Л. 13; Д. 500. Л. 26.

582 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 500. Л. 13.

583 Там же. Л. 27–28.

прибывших из внутренних губерний России учителей, боялся, что они не только будут сами читать эти книги, но познакомят с ними и учеников, что, как считал Н.Н.Новиков, будет способствовать агитации католического духовенства, направленной против русских школ. Распространение этих книг католические священники будут интерпретировать как стремление властей к обращению литовского населения в православие. Очевидно, не имея возможности открыто не подчиниться указанию непосредственного начальства, Н.Н.Новиков обратился к ковенскому губернатору Николаю Михайловичу Муравьеву с вопросом о целесообразности и своевременности подобного шага⁵⁸⁴. Это отношение ясно демонстрирует убеждение Н.Н.Новикова во вреде распространения подобной литературы. Несмотря на поддержку Н.Н.Новикова Н.М.Муравьевым, считавшим, что такие книги могут быть выданы лишь тем учителям, которые желают их получить и согласны оплатить доставку, генерал-губернатор К.П.Кауфман приказал книги разослать и велел только осуществляющим надзор чиновникам учебного округа следить, чтобы эти книги не были использованы как средство антиправительственной пропаганды среди крестьян⁵⁸⁵. Так на Н.Н.Новикова были возложены функции, которые, как он понимал, выполнить было невозможно.

Отношение имперских властей к введению кириллицы в литовское письмо не как к средству стандартизации литовского языка на основе кириллицы, но как к инструменту, позво-

584 LII RS. F. 5. B. 7/140, без нумерации листов.

585 Ibid

ляющему облегчить обучение русскому языку и заложить основы обращения литовцев в православие, конечно, не могло не изменить и отношения литовцев к этому эксперименту.

Проследить за реакцией крестьян сложно из-за недостатка источников. Но, как уже упоминалось, чиновникам Виленского учебного округа приходилось прибегать к уловкам, и иногда крестьянам учебники, отпечатанные кириллицей, показывали только после того, как те давали согласие на учреждение школы. По свидетельству С. Попова, после того как ему удалось убедить крестьян в пользу напечатанного кириллицей букваря, крестьяне спросили, что станет с молитвенником. Услышав, что и молитвенники будут издаваться кириллицей, «они все замолчали и повесили головы»⁵⁸⁶. То есть для религиозных книг порог отторжения был значительно выше, чем для книг светского содержания.

Перевод не только светской, но и религиозной литературы в кириллическую графику и запрет традиционного письма привели к сопротивлению образованных литовцев, и прежде всего епископа М.Валанчюса. Одной из причин отторжения было игнорирование фонетики литовского языка, и все же основополагающие препятствия, не позволившие литовцам принять или хотя бы терпимо отнестись к навязываемой властями форме графики, были связаны с религиозной сферой, поскольку местные чиновники стремились изменить и содержание католических текстов. Так, в катехизисе католическое крестное знамение было заменено православным⁵⁸⁷. Важную

586 ОР РНБ. Ф. 523. Д. 263. Л. 9.

587 Merkys V. *Knygnešiu laikai*. P. 55.

роль играла и уже упомянутая связь между тем или иным алфавитом или графемами и конфессией. Массовый наплыв католиков, желающих причаститься, в Ковну к епископу М.Валанчюсу осенью 1865 года также, скорее всего, отражал опасения католического сообщества в том, что целью учреждаемых народных школ является обращение литовских крестьян в православие⁵⁸⁸.

Поэтому неудивительно, что началась и получила массовое распространение нелегальная доставка книг из Восточной Пруссии: за 40 лет (до 1904 года) в Восточной Пруссии вышло 2687 литовских изданий, из которых 2 тысячи были предназначены для литовцев Российской империи. За тот же период в США было издано 712 книг (не считая периодических изданий), часть из которых также была переправлена на территорию Российской империи⁵⁸⁹.

В такой ситуации практика национальной политики, при которой уже в начальной школе прослеживалось стремление минимизировать функции литовского языка и с первых дней вести обучение детей на русском языке, вызывала сомнения и у некоторых местных чиновников.

588 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 2917. L. 4–5.

589 Kaunas D. *Mažosios Lietuvos knyga. Lietuviškos knygos raida 1547–1940*. Vilnius: Baltos lankos, 1996. P. 668; Merkys V. *Lietuvių draudžiamosios spaudos*. P. 13.

Корректировка методов начального образования

Уже в 1860-х годах мы находим достаточное количество критических отзывов самих чиновников о приезжающих в школы семинаристах. К 1871 году в школах работало меньше трети семинаристов из числа приехавших в 1865–1867 годах⁵⁹⁰. Руководство Виленского учебного округа, как уже говорилось, не видело никакой проблемы в том, что прибывшие семинаристы сначала были не способны договариваться с детьми. Некоторые свидетельства чиновников учебного ведомства позволяют говорить о том, что общение учителей с учениками на первых порах напоминало общение Робинзона Крузо с Пятницей на необитаемом острове: поскольку учитель не мог договориться с учениками, он сначала указывал на различные используемые в быту предметы и называл их по-русски⁵⁹¹. Правда, некоторые учителя пользовались более рафинированными методами, например велели детям читать текст и объясняли каждую мысль какими-нибудь «подсказками»; записав предварительно перевод на бумаге, переводили текст на литовский язык с помощью немного понимавших по-русски учеников⁵⁹².

В отличие от И.П.Корнилова и Н.Н.Новикова, а также других чиновников руководства Виленского учебного округа часть чиновников более низкого ранга и часть учителей признавали,

590 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 2917. L. 4–5.

591 А. Исторический очерк... 1870. Июль. Отд. Современная летопись. С. 48.

592 KRVA. F. 293. Ap. 1. B. 10. L. 1–2.

что лучше выполняют свою работу и достигают лучших результатов в обучении русскому языку те учителя, которые владеют литовским⁵⁹³. Некоторые педагоги посвящали изучению литовского языка даже летние каникулы⁵⁹⁴.

Проблематичным было и то, что, как свидетельствуют донесения чиновников учебного ведомства, дети приходили в школу, уже зная латинский алфавит и умея читать по-литовски, поэтому, начиная читать по-русски, они, как сообщали чиновники, часто русские буквы читали как литовские, например <у> как [ы], <и> как [у], <р> как [п], <п> как [н] и так далее⁵⁹⁵.

Пока Виленским учебным округом руководил И.П.Корнилов, а за работу народных школ в Ковенской губернии отвечал Н.Н.Новиков, практика назначения учителей и дидактические методы оставались прежними. В 1868 году ситуация изменилась: весной был отправлен в отставку И.П.Корнилов⁵⁹⁶, и завязавшаяся летом того же года бюрократическая переписка завершилась назначением Н.Н.Новикова в октябре 1868 года заведующим ковенской дирекцией училищ⁵⁹⁷. Но самым

593 Савельев Н. Отчет по управлению ковенскою дирекциею народных училищ за 1865 гражданский год. Вильна, [б. д]. С. 17–18; А. Исторический очерк... 1870. Июль. Отд. Современная летопись. С. 48; LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1709. L. 4–7.

594 KRVA. F. 293. Ap. 1. B. 4. L. 5.

595 Савельев Н. Отчет по управлению. С. 18; А. Исторический очерк... 1870. Июль. Отд. Современная летопись. С. 48.

596 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 26. L. 2.

597 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 26. L. 2.

важным фактором стала смена виленского генерал-губернатора: вместо Э.Т.Баранова генерал-губернатором был назначен А.Л.Потапов. Новый «главный начальник» края не поддерживал прежней политики, в частности и в области образования. А.Л.Потапов считал, что в начальной школе могут успешно работать и местные уроженцы: белорусы, литовцы, латыши, предварительно получившие надлежащее образование⁵⁹⁸.

Новому попечителю Виленского учебного округа П.Н.Батюшкову, который до того занимался строительством церквей и улучшением положения православного духовенства в Западном крае, было проще, чем его предшественнику, признать необходимость перемен в устоявшейся практике назначения учителей. Эту идею поддерживал и директор народных школ Ковенской губернии Н.Савельев. Важные перемены произошли и в Санкт-Петербурге. Д.А.Толстой (с 1865 года обер-прокурор Святейшего синода и с 1866 года министр народного просвещения) сначала предполагал поддерживать православное духовенство в качестве учителей начальных школ⁵⁹⁹, однако позже, познакомившись с учительскими курсами, учрежденными в разных учебных округах в бытность министром просвещения А.В.Головнина, Д.А.Толстой критически оценил их работу и принял решение о подготовке учителей прежде всего в учительских семинариях. С начала 1870-х годов учительские

598 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 328. L. 106–107.

599 Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Издание Министерства народного просвещения, 1902. С. 481–482; Freeze G. L. The Parish Clergy. P. 303.

семинарии учреждались по всей империи, при этом за образец была взята Молодечненская учительская семинария⁶⁰⁰. Такая же семинария с 1872/73 учебного года была учреждена и в Ковенской губернии — в Поневеже⁶⁰¹. В подготовленном Виленским учебным округом разъяснительном документе подчеркивалось, что воспитанниками семинарий могут стать православные, разъяснялось, что учреждение таких семинарий несколько лет назад было еще невозможно и лишь после того, как благодаря политике властей в Западный край переселилось достаточное количество русского населения, проблема была решена. Следовательно, предполагалось, что учителями должны стать этнические русские, недавно переселившиеся в Ковенскую губернию⁶⁰². Однако в объявлении о порядке приема в Поневежскую учительскую семинарию указывалось лишь, что поступающие обязательно должны исповедовать православие⁶⁰³, таким образом, в этом случае не использовалось наиболее часто встречающееся определение «лица русского происхождения и православного вероисповедания». Конечно, этническая принадлежность поступающего могла просто не указываться, поскольку в действительности в официальном и публичном дискурсе того времени это было одно и то же, однако в данном случае можно предположить, что этническая принадлежность все же не указывалась сознатель-

600 Рождественский С.В. Исторический обзор. С. 555–556; Krumbholz J. Die Elementarbildung. S. 281.

601 LVIA. F. 378. BS. 1872 m. B. 1438. L. 21–22.

602 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 2917. L. 39–44, 45–54.

603 Ibid. L. 65.

но. Очевидно, часть чиновников надеялась, что учителями станут православные литовцы. Значит, несмотря на то что чиновники учебного округа отдавали предпочтение этническим русским, они понимали, что русских кандидатов может не хватить для набора семинаристов, и предусмотрели возможность принять в семинарию и обращенных в православие литовцев. Подобной практики в Виленском учебном округе и придерживались в дальнейшем⁶⁰⁴.

Таким образом, учрежденная в 1872 году в Поневеже учительская семинария была открыта «молодым людям всех сословий, православного исповедания, желающим посвятить себя учительской деятельности в начальных училищах Виленского учебного округа, преимущественно в Ковенской губернии»⁶⁰⁵. И хотя в официальной переписке не раз упоминалось, что будущие учителя должны уметь общаться с учениками, такое условие поступающим не ставилось и преподавание литовского языка программой семинарии не предусматривалось. Но все же эта проблема возникла уже осенью 1872 года. По инициативе попечителя ее рассматривал совет Поневежской учительской семинарии. Сначала не удалось найти учителя литовского языка «русского происхождения и православного вероисповедания», поэтому, как решил совет, знающие

604 Ibid. В. 4017. Л. 2–3 (умоминается, что в семинарии обучаются и «природные жмудины»; В. 4124. Л. 68 (говорится о трех учениках, перед поступлением в семинарию перешедших в православие, поэтому обучение Закону Божьему для них должно начинаться с самих основ).

605 Ibid. В. 2917. Л. 141–144.

литовский язык учащиеся могли по вечерам обучать сокурсников. В начале 1873 года нашелся и подходящий учитель — уже упомянутый в книге казначей Поневежского уезда З.Ляцкий, который с позволения совета гимназии начал проводить по три урока литовского языка в неделю⁶⁰⁶. Учитель подчеркивал схожесть литовского языка с русским: «Придерживаясь прежней программы и способа преподавания, учитель жмудского языка знакомил воспитанников с существеннейшим содержанием жмудской грамматики, останавливаясь по преимуществу на основных законах и правилах жмудского языка и на способе нахождения по-русски значительной массы жмудских слов отбрасыванием окончаний и заменю одних букв другими»⁶⁰⁷.

Итак, проводимая в Ковенской губернии с 1863 года политика в области образования корректировалась. В отличие от Н.Н.Новикова и его единомышленников теперь руководство Виленского учебного округа признавало, что эффективное обучение, прежде всего — обучение русскому языку, возможно лишь в том случае, когда учитель способен общаться с учениками на их языке. Однако такая коррекция национальной политики не меняла ни стратегии политики в области образования, ни статуса литовского языка. Учителя обучались литовскому языку лишь для того, чтобы более успешно преподавать ученикам русский язык, а роль литовского языка по-прежнему оставалась лишь вспомогательной. Энтузиазм чиновников Виленского учебного округа явно угасал: до 1869 года в Ковенской губернии было учреждено 190 народных школ, а в 1894

606 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 4017.

607 Ibid. B. 6465. L. 89.

году, то есть через 25 лет, работало 197, то есть лишь на 7 больше⁶⁰⁸.

***

Замена традиционно использовавшихся латинской и готической график кириллицей, согласно замыслу А. Ф. Гильфердинга и его единомышленников, была призвана стать важным инструментом аккультурации литовского населения, вслед за которой могла, но не обязательно, следовать и ассимиляция. Согласно этой идее, смена алфавита должна была не останавливать, а наоборот — стимулировать развитие литовского письма: литовский язык следовало стандартизировать, сделать предметом преподавания в школах, в том числе и в средних. Для кириллизации в такой трактовке не были помехой и учителя-литовцы. Эта политика и была реализована, но не в Северо-Западном крае, а в Августовской (позже — Сувальской) губернии, с административной точки зрения входившей в состав Царства Польского. В Августовской губернии литовский язык преподавался не только в начальной, но и в средней школе, а также в учительской семинарии, для литовцев этой губернии были учреждены стипендии в университетах России.

В тот же период просвещение литовского населения в Северо-Западном крае оказалось в руках чиновников, проводивших националистическую национальную политику. Чиновники Виленского учебного округа, в первую очередь инспектор Н.Н.Новиков, который отвечал за учреждение народных школ

608 Кулин В. О наших культурных задачах в Северо-Западном крае // Наблюдатель. 1900. Т. 6. С. 46.

в Ковенской губернии, интерпретировали введение кириллицы в литовскую письменность как средство, призванное облегчить усвоение литовцами русского языка (требуется выучить только одну азбуку вместо двух), поэтому при транслитерации не принималась во внимание фонетика литовского языка, буквы подбирались таким образом, чтобы литовские слова в кириллической записи как можно более походили на соответствующие им русские слова, то есть предпринимались попытки максимально приблизить литовский язык к русскому; литовские дети должны были с первого класса учить русский язык; литовский язык пытались лишить всех публичных функций; и, наконец, введение кириллицы понималось как подготовительный этап обращения литовцев в православие, что невозможно было сделать без предварительной подготовки ввиду исключительной религиозности литовцев, о которой часто говорили как о фанатизме. То есть чиновники Виленского учебного округа, вводя кириллицу, надеялись, что этот шаг в будущем станет основой ассимиляции литовцев. Вслед за лингвистической русификацией должно было следовать обращение литовцев в православие.

И все же разница между рассмотренными моделями понимания введения кириллицы не была грандиозной, поскольку и А. Ф. Гильфердинг, предлагавший поддерживать развитие литовского национального самосознания в противовес полякам, считал образцовой политику Пруссии, которая вела к аккультурации или даже ассимиляции литовцев. В обоих случаях, конечно, обе группы российских чиновников и их попечителей ни в коей мере не сомневались, что в будущем в Западном крае будут доминировать русский язык и культура.

Особую роль в реализации кириллизации литовского письма играли чиновники Виленского учебного округа. Именно благодаря их инициативе эксперимент по введению кириллицы увенчался запретом традиционного латинского алфавита; учителями начальных школ стали абсолютно не знавшие литовского языка выпускники православных духовных семинарий из внутренних губерний России; литовскому языку была отведена лишь вспомогательная роль, и обучение на нем допускалось лишь в первом классе. Роль местных чиновников оказывается еще заметнее при сравнении ситуации начального образования католиков и протестантов⁶⁰⁹. В случае лютеран и евангелистов-реформаторов системное «обрусение» школ началось не в 1863 году, а позже — в 1868-м, и преподавание Закона Божьего на русском языке в начальной школе для представителей этих конфессий так и не было введено, во всяком случае до середины 1870-х годов. Чиновники учебного ведомства стремились превратить протестантские школы в русские народные школы сразу после восстания, но проблема протестантских школ не могла быть решена в рамках только Ковенской губернии или Виленского учебного округа. Поскольку и часть местных чиновников высокого ранга (М.Н.Муравьев), и часть представителей центральных властей (П.А.Валуев) считали, что протестанты Северо-Западного края по сравнению с католиками были более лояльны, отношение к приходским протестантским школам долгое время было терпимым. То есть более толерантное отношение властей к

609 Более подробно об этом см.: Staliūnas D. Making Russians. P. 277–281.

протестантам было связано не только с их местом в этнической иерархии империи (они считались политически более благонадежными, чем католики), но и с тем обстоятельством, что вопросы протестантских школ выходили за рамки компетенции местных властей.

Глава 10. Белорусы как часть триединой русской нации

На западных окраинах Российской империи во второй половине XIX века сложилась особая ситуация, когда имперская политика колебалась между русификаторским стремлением к объявлению белорусов и украинцев частью триединой русской нации и необходимостью обеспечить по крайней мере минимальные возможности для развития местных языков, с тем чтобы выстроить действенный механизм конкурирующему с русским польскому национальному проекту.

В этой главе я рассмотрю, как имперские власти воспринимали белорусов, а также каким образом старались реализовать концепцию триединой, или большой русской нации. Эту проблему лучше всего могут раскрыть сферы общественного употребления языка и религия. Печать на белорусском языке была той сферой, регулировать которую имперской власти было легче, чем устное употребление этого языка.

Печатные издания

До середины XIX века издания на белорусском языке печатались как латиницей (для католиков), так и кириллицей (для православных). До 1859 года царская цензура не видела никаких серьезных проблем в текстах, написанных на белорусском языке латинским шрифтом. Правда, одной из причин подобной толерантности или, вернее сказать, индифферентности было небольшое количество таких произведений и отсутствие серьезных по сравнению с Малороссией признаков белорусофильства.

Именно украинофильская деятельность и оказала медвежью услугу белорусской литературе. В 1859 году власти, озабо-

ченные распространением сочинений на малороссийском наречии латинским шрифтом, полностью запретили «применение польского алфавита к русскому языку»⁶¹⁰. В том же году Виленский цензурный комитет разрешил издание «Пана Тадеуша», переведенного на белорусский язык Викентием Ивановичем Дуниным-Марцинкевичем (бел. Вінцэнт (Вікенцій Іванавіч) Дунін-Марцінкевіч). Часть этого сочинения уже была напечатана, и только тогда местные цензоры проявили бдительность по отношению к «белорусскому наречию», которое «составляет отрасль русского языка», и обратились за указаниями в Санкт-Петербург. Оттуда последовало указание «не допускать употребления польского алфавита при печатании сочинений на белорусском наречии». Название дела, начатого по этому поводу в Главном управлении цензуры, отражает разный статус этих двух языков в глазах российских чиновников: «О рукописи „Пан Тадеуш“ и о распространении запрещения применять польский шрифт к малороссийскому языку и на наречие белорусское». Малорусский — это уже «язык», а белорусский — только «наречие»⁶¹¹.

Запрет издавать белорусскую литературу в латинской графике имел куда более печальные последствия по сравнению с малороссийской по той простой причине, что латинский шрифт для белорусской интеллигенции был более близок, чем

610 Миллер А.И. «Украинский вопрос». С. 65.

611 LVIA. F. 1240. Ap. 1. B. 145. L. 27–28, 47–48; B. 152. L. 9; Пачынальнікі. 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. / Укладальнік Г.В.Кісялёў. Мінск: Выдавецтва «Навука і тэхніка», 1977. С. 131–138. Интересно в этой истории еще и то, что власти возместили убытки.

малороссам. Вот что по этому поводу писал В.И.Дунин-Марцинкевич: «В наших провинциях из ста крестьян, наверно, можно найти десять, которые хорошо читают по-польски, когда, напротив, из тысячи насилу сыщется один знающий русский язык. То, напечатав какое-либо белорусское сочинение русскими буквами, смело можно запереть оные в сундук, ибо высший класс общества, имея под рукою русскую, польскую, французскую и немецкую литературы, не возьмет и в руки простонародной книги, а крестьяне хотя бы и желали читать повести и рассказы, для исправления их нравов и поощрения к учению написанные, но, не зная русских букв, не в состоянии удовлетворить своего желания»⁶¹².

После этого запрещения сочинения на белорусском языке латинским шрифтом во второй половине XIX века легально больше не издавались. Только в 1861 году каким-то образом удалось издать в Варшаве белорусский букварь (может быть, местные цензоры посчитали его польским). Ситуация с сочинениями, написанными кириллицей, была сложнее. В начале 1860-х годов местные чиновники, как показывают многие проекты, разработывавшиеся в Вильне, смотрели на «белорусское наречие» как на важный инструмент национализации в правильном (русском) направлении крестьянства.

В начале 1862 года, наверно, после согласования, виленский генерал-губернатор В.И.Назимов и попечитель Виленского учебного округа А.П.Ширинский-Шихматов предложили центральным властям идею издания народного журнала⁶¹³. Во

612 Пачынальнікі. С. 134.

613 LVIA. F. 567. Ap. 1. B. 111. L. 6; РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 334. Л. 13–14. Обсуждение этой идеи уже описывалось в исторической

время обсуждения, с начала 1862 по 1865 год, менялся формат, название («Друг народа», потом «Русское чтение»), языки, на которых предполагалось издавать журнал. Главное для нас то, что в 1862 году рассматривалась также возможность употребления и «белорусского наречия». А.П.Ширинский-Шихматов в отчете Виленского учебного округа за 1861 год предлагал издавать газету «для жмудинов на жмудском и русском языке, а для белорусов — на их родном наречии русским шрифтом, и на русском языке»⁶¹⁴. Хотя В.И.Назимов вначале упомянул о журнале «на русском, литовском и самогитском языках», но позднее как бы уточнил, что достаточно, чтобы в журнале было два текста: «Русский или лучше сказать белорусский, состоящий в переложении на бумагу русским шрифтом местного русинского наречия, как это весьма успешно сделано Львовскою газетою „Слово“, — и жмудский, с сохранением усвоенного уже этому языку латинского шрифта»⁶¹⁵. Менее позитивно к возможности употребления белорусского языка относился присланный из Петербурга чиновник Петр Карлович Щебальский, который был убежден, что достаточно «приспособить чисто русскую речь к местному говору, вводя в нее некоторые местные слова и обороты, местные же песни и легенды, которые вероятно найдут место в предполагаемом

литературе, поэтому в этой статье сосредоточимся только на важнейших аспектах. Более подробно о самом обсуждении см.: Medišauskienė Z. Carinė valdžios sumanymas leisti liaudžiai skirtą žurnalą rusų ir žemaičių kalbomis XIX a. 7-ajame dešimtmetyje // Lietuvių Atgimimo istorijos studijos. T. 4: Liaudis virsta tauta. Vilnius: Baltoji varnelė, 1993. P. 449–478.

614 LVIA. F. 567. Ap. 1. B. 111. L. 6.

615 LVIA. F. 567. Ap. 4. B. 915. L. 8.

журнале, можно писать так, как они поются и говорятся», потому что «литературы Белорусской нет и не было, и создавать искусственным образом белорусский литературный язык представляется не чем иным, как пустым доктринерством»⁶¹⁶. С началом восстания планировался для белорусов журнал на русском языке. Местные чиновники были вынуждены даже оправдываться в центральной прессе, что не имеют и мысли об издании такого журнала на белорусском языке⁶¹⁷. Тем более что на посту виленского генерал-губернатора В.И.Назимова заменил, как уже отмечалось выше, М.Н.Муравьев, который вообще не признавал этнокультурной инакости белорусов.

Хотя из средств Министерства народного просвещения в начале 1863 года уже было выделено 6 тысяч рублей на издание журнала и была составлена программа, с прибытием в Вильну М.Н.Муравьева проект народного журнала растерял горячих сторонников. Правда, осенью 1863 года М.Н.Муравьев изменил свое мнение в пользу издания журнала и даже приглашал в Вильну уже упомянутого П.К.Щебальского в качестве будущего редактора. При новом попечителе Виленского учебного округа И.П.Корнилове работы по подготовке издания

616 Ibid. F. 378. BS. 1862 m. B. 640. L. 7.

617 «<...> все известные ему [автору статьи] лица, заинтересованные этим делом и изъявившие готовность участвовать в журнале своими трудами, не имели и не имеют ни малейшего помышления об издании газеты или журнала на Белорусском наречии, считая такой эксперимент возведения провинциального говора на степень литературного языка результатом сбившейся с настоящей дороги мысли»: Русский. Из Вильна (Письмо в редакцию Московских ведомостей) // День. 1863. № 40.

журнала продолжались, только речь шла о его издании на русском языке. В апреле 1865 года власти от этого проекта отказались, и средства были переведены на нужды народного образования⁶¹⁸. Одной из самых веских причин такого решения, высказанных как Западным комитетом, так и М.Н.Муравьевым, послужила «неразвитость» простого народа⁶¹⁹. Как альтернатива этому журналу мог рассматриваться и перенесенный с осени 1864 года из Киева в Вильну «Вестник Западной России»⁶²⁰ (хотя это издание больше ориентировалось на образованную публику). Такое событие не могло произойти без согласия виленского генерал-губернатора, а редакция журнала даже утверждала, что этот переезд осуществлен по приглашению самого М.Н.Муравьева⁶²¹.

Но не все подобные проекты остались неосуществленными. В 1863 году по инициативе, скорее всего, А.П.Ширинского-Шихматова были выпущены «Рассказы на белорусском наречии»⁶²². Эта небольшая книжка состояла из коротких рассказов, цель которых предельно ясна — внушить белорусам, что они русские («Русскими, а не Поляками мы повинны называт-

618 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 640. L. 141.

619 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 640. L. 87–88, 93–94.

620 Цьвікевіч А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. С. 48.

621 Объявление от редакции «Вестника Юго-Западной и Западной России» // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. 1864 г. Август. Год третий. Т. I. Киев, 1864. С. I.

622 Рассказы на белорусском наречии. Вильно, 1863. Одобрение цензуры состоялось 1 декабря 1862 года.

ца»⁶²³). Попечитель Виленского учебного округа, издавая эти рассказы, хотел таким образом противодействовать польской пропаганде, которая «постоянно выпускает книги и брошюры на том же наречии, печатанные латинским алфавитом, доказывая народу, что язык, которым они говорят, есть наречие языка польского и иными буквами передаваем быть не может», а между тем «надо показать крестьянам удобство и возможность печатания книг писанных на местном наречии, — русским шрифтом»⁶²⁴. Но можно предположить, что А.П.Ширинский-Шихматов рассматривал употребление этого языка только как временную меру. В октябре 1863 года в инструкции для осмотра народных училищ он указал собрать информацию о том, как эта книга принималась учениками, но вместе с тем велел «проводить мнение о необходимости учиться одному русскому языку, общему для всех русских, а не местному наречию, не имеющему своей письменности и служащему только для разговоров между крестьянами»⁶²⁵.

Идея о народном журнале и издание «Рассказов на белорусском наречии» показывает, что, по крайней мере, до начала восстания 1863–1864 годов местные власти не видели серьезных опасностей в литературе на «белорусском наречии», напечатанной кириллицей, и даже, более того, попытались использовать такую литературу в борьбе с польским влиянием. Начало восстания внесло свои коррективы и сюда, но в историографии по этому поводу можно обнаружить путаницу. Некоторые историки утверждают, что М.Н.Муравьев запретил

623 Там же. С. 21.

624 LVIA. F. 567. Ap. 4. B. 890. L. 89.

625 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629. L. 200.

издавать книги на белорусском языке⁶²⁶, другие — что издание таких сочинений было фактически запрещено⁶²⁷, то есть прямого запрета не было, третьи указывают на то, что допускался только выпуск образцов устного народного творчества в этнографических сборниках и в периодической печати⁶²⁸. В историографии также можно встретить утверждения, что власти не видели необходимости в таком запрете⁶²⁹.

Некоторые обстоятельства показывают, что конкретного запрета печатания белорусских сочинений кириллицей не было. Во-первых, о таком запрете не упоминается в официальных документах этого периода. Во-вторых, известный представитель местной интеллигенции А.Г.Киркор в 1872 году писал, что можно издавать сочинения русскими буквами на белорусском и литовском языках⁶³⁰. Было бы очень странным, если бы один из инициаторов издания белорусских книг, а во

626 Merkys V. *Knygnešij laikai*. P. 65.

627 Церашковіч П.У. Этна-канфейная палітыка Расейскай адміністрацыі і фарміраванне беларускай свядомасці ў другой палове XIX — пачатку XX ст. // Наш радавод. 1992. Кн. 4. Ч. 3. Гродна, 1992. С. 156.

628 Самбук С.М. *Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати)*. Минск: Наука и техника, 1976. С. 5; Біч М. *Беларускае адражэнне ў XIX — пачатку XX ст.* Мінск: Навука і тэхніка, 1993. С. 5.

629 Rodkiewicz W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin: Scientific Society of Liublin, 1998. P. 212.

630 Kirkor A.H. *O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich*. Kraków, 1874. С. 54.

время восстания редактор официальной газеты «Виленский вестник», не знал о таком запрете. В-третьих, в конце XIX века виленский цензор, не зная, как поступить с «Белорусскими рассказами Бурачка» Франциска Бенедиктова Богушевича (бел. Францішак Бенедыкт Казіміравіч Багушэвіч), обратился в Главное управление по делам печати⁶³¹, а значит, не знал о каком-либо запрете.

Хотя формального запрета, скорее всего, не последовало, но с назначением М.Н.Муравьева генерал-губернатором, а в начале 1864 года — И.П.Корнилова попечителем Виленского учебного округа отношение к изданиям на «белорусском наречии» изменилось. Свою роль должен был сыграть и циркуляр Валуева от 18 июля 1863 года о запрете на печать всех книг на малороссийском языке, кроме «изящной литературы». О перемене политики в этой сфере свидетельствовала и критика «Рассказов на белорусском наречии», автором которой был новый попечитель Виленского учебного округа⁶³². Но все-таки после подавления восстания народное творчество «на так называемом белорусском наречии» с разрешения цензуры печаталось и в Северо-Западном крае⁶³³, и в столицах⁶³⁴, о

631 Майхрович С.К. Жизнь и творчество Ф. Богушевича. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1961. С. 120–121.

632 Корнилов И.П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. К истории виленского учебного округа за 1863–1868 гг. СПб., 1898. С. 62.

633 Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. Вильна, 1866.

подготовке таких публикаций сообщала центральная печать⁶³⁵.

Другой важной ареной борьбы за души населения являлось начальное обучение. Хотя христианское население в то время могло обучаться только в государственных учебных заведениях, а значит, власти при помощи официальных правил могли контролировать как содержание, так и язык обучения, все-таки в действительности местным чиновникам не всегда удавалось уследить за каждым уроком.

Начальное обучение

Хотя до периода Великих реформ преподавание в учебных заведениях в Белоруссии должно было вестись на русском языке (кроме Закона Божьего «иностранных исповеданий»), но некоторые источники ясно указывают на то, что без «белорусского наречия» здесь нельзя было обойтись не только в народных школах⁶³⁶, но даже и при дальнейшем обучении. В 1854 году было обнаружено, что в полоцком кадетском корпусе «поступающие на службу молодые люди из белорусских уроженцев по окончании курса наук <...> почти все говорят и

634 Бессонов П.А. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда и всего быта. М., 1871.

635 Бессонов П.А. Об издании памятников Белорусского народного творчества // День. 1863. № 45.

636 РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1483. Л. 77.

пишут на местном наречии»⁶³⁷. Поэтому не должно удивлять и то, что в конце 1850-х годов белорусские активисты предприняли попытки учреждения народных школ с белорусским языком обучения⁶³⁸.

Язык преподавания в народных школах стал объектом общественной дискуссии после того, как в начале 1862 года были обнародованы проекты новых уставов народных и общеобразовательных училищ. Один из этих проектов предусматривал обучение в народных школах «отечественному языку» (то есть русскому). Как раз этот пункт и обсуждался подробнее всего в отзывах учебных заведений и некоторых общественных деятелей Северо-Западного края⁶³⁹. Многие педагогические советы высказались за начальное обучение не на русском, но на «местных языках». Чаще всего в таких случаях имелся в виду литовский, иногда — польский, в одном случае — даже немецкий (педагогический совет Россиенского дворянского училища предложил преподавать на этом языке в погранич-

637 Сяльвестрава С. Паміж Польшчай і Расіяй: Моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII–XIX ст., Беларусь паміж Усходам і Захадам, частка I (Беларусіка-Albaruthenica.6). Мінск, 1997. С. 138.

638 Мальдис И.А. Становление новой белорусской литературы. История белорусской дооктябрьской литературы. Минск: Наука и техника, 1977. С. 320.

639 Хотя надо сразу заметить, что не все обсуждали эту проблему, а значит, некоторых чиновников учебного ведомства преподавание на «отечественном языке» устраивало. Этому пункта в своих отзывах не касались педагогические советы Виленского дворянского института и некоторых гимназий (Гродненской, Ковенской, Мозырской и Пинской) и прогимназий (Свислочской и Молодечненской).

ных с Пруссией и Прибалтийским краем местностях)⁶⁴⁰. Такая толерантность по отношению к «народному языку» была обусловлена в первую очередь практическими мотивами. Педагогическим советам как никому другому было известно, что крестьянские дети, особенно в Ковенской губернии, приходя в школу, знали только тот язык, на котором общались дома. Поэтому некоторые чиновники учебного ведомства были готовы допустить обучение на литовском и других «народных языках» на первых этапах обучения, пока дети не выучат русский.

Конечно, единодушия в этом вопросе не было. Одним из самых яростных противников допущения местных языков, в первую очередь — литовского, в народную школу был директор Свенцянской гимназии А.Кандидов и еще два учителя этого учебного заведения, которые указали на следующие обстоятельства: все в Западном крае знают русский язык («при постоянных сношениях с белорусским племенем и в селениях и в городах, литовцы легко употребляют белорусское наречие»), бедность литовского языка и политическую нецелесообразность («первоначальное обучение на местных языках совершенно разобщает иноплеменные национальности с остальным народонаселением, равно как лишает способов и средств к дальнейшему образованию и влечет за собою много

640 Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ. СПб., 1862. Ч. II. С. 11–12, 61, 85, 117–118, 151, 339–340 и др.

других неудобств»)⁶⁴¹. Ясно, что для таких, как А.Кандидов, допущение белорусского языка в народные школы было еще более абсурдно.

В своих отзывах, как видим, только педагогические советы тех учебных заведений Виленского учебного округа, которые находились в местностях с литовским населением, высказывались за допущение местного языка в народные школы.

В замечаниях влиятельных дворян Северо-Западного края по поводу упомянутых проектов, как и в случае с мнением А.Кандидова, тоже видна тенденция игнорировать этнокультурную самобытность местного крестьянства, то есть языком обучения во всех школах признается только польский язык⁶⁴². Аргументация в этих случаях была очень проста: здесь все знают польский язык, чего нельзя сказать о русском; кроме того, «никакая высшая мысль не может быть облечена в формы языка, которым говорят здешние крестьяне, так как он не имеет литературы»⁶⁴³. Но все же можно предположить, что отношение по крайней мере части местного дворянства к обучению в народных школах на белорусском языке было более позитивным. И не только потому, что некоторые из них — например, наверное, наиболее лояльный по отношению к властям предводитель дворянства Александр Домейко (Aleksander Domejko) — прямо высказывались за преподавание в народных школах «на господствующем в каждой местности

641 Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ. Ч. II. С. 45–46.

642 Там же. С. 449–450, 452, 455–460.

643 Там же. С. 450.

простонародном диалекте»⁶⁴⁴. Можно предположить, что часть дворян видела в этом случае очень простую альтернативу: русский или польский. На такую мысль наталкивает анализ замечания, сделанного уже упоминавшимся редактором официальной газеты «Виленский вестник» А.Г.Киркором, который тоже высказался за преподавание на польском языке⁶⁴⁵. Главной его идеей была замена русского языка польским в средних учебных заведениях. К тому же, если он и выступал за обучение во всех школах на польском языке, то зачем же тогда предлагал издавать «учебники или хрестоматии на русском, польском, литовском и жмудском языках, приспособленных исключительно к нуждам здешнего края»? Конечно, местные языки могли вводиться как отдельный предмет в народные школы, но, имея в виду, что в таких школах число предметов было минимальным, а также принимая во внимание всю деятельность А.Г.Киркора в то время, можно предположить, что он был сторонником обучения в народных школах на местных языках. Правда, здесь не упомянуты учебники на белорусском языке, но хорошо известно, что именно А.Г.Киркор немного раньше планировал издание книг для народа на этом языке⁶⁴⁶. Скорее всего, главной причиной, не

644 Там же. Ч. V. С. 509.

645 Там же. Ч. II. С. 452–458.

646 Тальвирская З.Я. Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х — начале 60-х годов и подпольная литература // Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. С. 37; Medišauskienė Z. A. H. Kirkoro spaustuvė ir «Liau-dies bib-lio-tekėlės» leidimas // Lietuvių Atgimimo istorijos studijos. T.

позволившей осуществить эти планы, было упомянутое выше запрещение 1859 года «применять польский шрифт к малороссийскому языку и на наречие белорусское». Теперь нетрудно представить себе логику А.Г.Киркора в этом случае: белорусская литература для него была возможна только на латинице, а именно это и было запрещено. Можно предположить, что в тех обстоятельствах местные деятели могли интерпретировать предложение ввести преподавание на белорусском языке в народных школах просто как введение русского языка. Кроме того, и российские чиновники указывали на готовность, например, могилевского дворянства оказать содействие развитию народного образования только в том случае, если оно будет осуществляться на «белорусском наречии»⁶⁴⁷.

Все эти замечания попали в Санкт-Петербург, где продолжилось обсуждение в Ученом комитете Министерства народного просвещения, а также в Западном комитете. В столице в конце 1862 года русификаторские тенденции еще не имели перевеса. Этому способствовала позиция не только министра народного просвещения А.В.Головнина, но и некоторых других высокопоставленных чиновников. П.П.Гагарин, например, указал, что вопрос о языке обучения надо решать на местах⁶⁴⁸. Еще менее в русификаторских тенденциях можно подозревать членов Ученого комитета. Один из них, основываясь на своих знаниях о языковой ситуации Западного

1: Tautinės savimonės žadintojai: nuo asmens iki partijos. Vilnius: Sietynas, 1990. P. 43.

647 LVIA. F. 567. Ap. 23. В. 67. L. 136.

648 Из дел западного комитета: Свод предложений и выводов // РО РНБ. Русский фонд. 18.241.1.8/1–29.

края⁶⁴⁹, предлагал такие меры, которые еще более усиливали бы позиции польского языка, но вместе с тем создавали бы весьма благоприятные условия для развития белорусского языка: для католиков языком обучения должен быть польский «и в пособие к нему местное наречие»; для православных — церковнославянский, «употребляя буквы русские и объясняясь с учениками на местном наречии», а позже можно перейти и на русский; для литовцев — на литовском и польском, но начинать с первого⁶⁵⁰. Ученый комитет Министерства народного просвещения, заседавший в начале декабря 1862 года, был еще более благосклонен к «местным наречиям». Комитет предложил там, где «народонаселение говорит совершенно другим языком» (имелись в виду Остзейский край и Литва), вести преподавание на «местных наречиях». Подобный принцип предлагался и для Белоруссии и Малороссии, где как для католиков, так и для православных надо начинать учение на

649 Вот как описывалась ситуация в Виленской и Гродненской губерниях, сложившаяся за 15 лет до описываемых событий: «В то время тамошнее крестьяне вообще весьма плохо понимали по-русски, но по-польски не только понимали, но и порядочно говорили даже женщины и дети. Причиною тому столько же близкие ежедневные сношения крестьян с помещиками, сколько и вековое преобладающее влияние польского элемента, вследствие которого простонародное наречие усвоило себе множество польских слов, а отчасти и польские формы». См.: Журнал заседаний Ученого комитета главного управления училищ. СПб., 1863. С. 180.

650 Там же. С. 182.

местном наречии и только постепенно переходить к русскому языку⁶⁵¹.

Но все же решения принимались не в Ученом комитете Министерства народного просвещения. Проблемы народного образования не раз в конце 1862 — начале 1863 года обсуждались и в Западном комитете. Назревавший «мятеж» заставил власти торопиться. В Западном комитете по инициативе министра внутренних дел П.А.Валуева и с одобрения Александра II 17 января 1863 года было принято решение о подготовке отдельных временных правил для Западного края⁶⁵².

Несмотря на то что в первом варианте правил было указано, что преподавание в начальных школах должно вестись на русском языке, в начале обучения допускались «особые наречия», «доколе ученики не ознакомятся достаточно с общим письменным языком». Любопытно, что сначала эти правила, по всей видимости, имели в виду только православных учеников, потому что в § 17, посвященном преподаванию Закона Божьего, ничего не говорилось о языке преподавания. И только позже, другой рукой было сделано такое примечание: «Ученикам католического исповедания в белорусских дирекциях Закон Божий должен быть преподаваем на русском языке, а в литовской и жмудской на одном из этих языков»⁶⁵³.

651 Там же. С. 341–343.

652 [Белецкий А.В.] Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России (Памяти князя А.П.Ширинского-Шихматова). Вильна, 1901. С. 44; Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. P. 92–93.

653 РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1483. Л. 112, 117; Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. P. 97.

Пока в столице шли дискуссии, в литовских и белорусских губерниях уже надо было принимать решения, потому что еще 18 января 1862 года в Комитете министров было решено учреждать в Западном крае школы, не дожидаясь принятия школьных уставов⁶⁵⁴. И школы начали учреждать преимущественно в тех местностях, где преобладало нелитовское население. Вопрос о языке преподавания перестал быть теоретическим, и местным властям пришлось определить свое отношение к этой проблеме до получения каких-либо правил для Западного края из центра.

Особенно интересны в этом отношении метаморфозы во взглядах местного начальства. При работе с белорусским населением больше всего проблем возникало с языком преподавания Закона Божьего католикам. Если все другие предметы, по убеждению местной власти, должны были преподаваться на русском языке, то в этом случае ситуация была непростой. В отчете за 1861 год попечитель Виленского учебного округа А.П.Ширинский-Шихматов предлагал преподавать Закон Божий на «белорусском наречии»⁶⁵⁵, такого же мнения он придерживался и в апреле 1862 года⁶⁵⁶, но в конце того же года уже отдавал предпочтение преподаванию на русском языке. Правда, в данном случае мотивы в основном не были идеоло-

654 Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. P. 85.

655 LVIA. F. 567. Ap. 1. B. 111. L. 6. Хотя еще в сентябре 1861 года он, при такой же самой аргументации, высказывался за замену польского языка русским: Ibid. L. 48.

656 Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1908. С. 20.

гическими: по мнению попечителя, ввести преподавание на белорусском языке было сложно, потому что нет «одного общего для всех белорусов языка»⁶⁵⁷. Но все же в первом циркуляре по управлению Виленским учебным округом от 12 января 1863 года А.П.Ширинский-Шихматов предусмотрел и возможность употребления в беседах с учениками не только русского языка, но и «местного наречия»⁶⁵⁸. Во время восстания он уже однозначно выступает за преподавание на русском языке⁶⁵⁹. Похоже, в другом направлении изменялись взгляды виленского генерал-губернатора В.И.Назимова. Если до начала восстания он, как уже отмечалось, был сторонником преподавания всех предметов на русском языке, то в начале февраля 1863 года предлагал в Гродненской губернии и восточной части Виленской, где живет «смешанное население», то есть «за исключением жителей городов и местечек, остальное население говорит языком белорусским и почти на половину принадлежит Православной церкви», преподавание Закона Божьего вести «на местном белорусском языке»⁶⁶⁰. Но вряд ли

657 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 629. L. 40.

658 Ibid. F. 567. Ap. 4. B. 886. L. 52.

659 Ibid. F. 378. BS. 1862 m. B. 629. L. 181; F. 567. Ap. 21. B. 15. L. 21–22.

660 LVIA. F. 378. BS. 186 m. B. 629. L. 84, 92–93. Отношение виленского генерал-губернатора министру народного просвещения, датированное 1 февраля 1863 года, ясно отражает изменения в этнополитической программе В.И.Назимова. До начала восстания виленский генерал-губернатор не видел препятствий для обучения поляков на польском языке, об этом он писал и в первой редакции документа: «И хотя совершенно запрещение обучать польскому языку было бы в некоторых местностях не-

можно трактовать это как изменение взглядов. Скорее всего, В.И.Назимов не видел большой разницы в преподавании этого предмета на белорусском и русском. Такую гипотезу подтверждают некоторые факты. Во-первых, в цитированном документе генерал-губернатор указал, что в этом отношении он разделяет взгляды попечителя округа, а тот, как уже отмечалось, в конце 1862 — начале 1863 года предлагал вводить русский язык. Во-вторых, В.И.Назимов предлагал «распространить между сельским белорусским населением, сколь возможно в большем количестве русские буквари, молитвенники и издаваемое ныне Библейским обществом Евангелие <...>». Значит, белорусский язык, по мнению генерал-губернатора, очевидно, был необходим только на первой стадии обучения, и стратегия осталась та же — заменить польский язык русским при преподавании Закона Божьего католикам. Вероятно, и попечитель разделял эти взгляды.

Был подготовлен новый вариант временных правил, в котором снова для белорусов-католиков преподавание Закона Божьего предусматривалось на «местном наречии», а для литовцев — на литовском⁶⁶¹. Ситуация с преподаванием Закона Божьего католикам не изменилась после обсуждения

удобным, но в сем последнем случае обучение это должно идти наравне с языком русским, с тем только различием, что русский язык должен быть обязательным для всех без исключения», но потом это место зачеркнул и написал о преподавании Закона Божьего на белорусском языке.

661 РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1483. Л. 163; Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. P. 99. В этом варианте также допускалось преподавание литовского языка как отдельного предмета.

этого варианта в Западном комитете, и во временных правилах, утвержденных императором 23 марта 1863 года, осталось положение о преподавании этого предмета «на местном наречии»⁶⁶². Многое в этом случае зависело от применения правил на практике. Особую важность получала интерпретация понятия «местное наречие».

Несмотря на то что данных о распространении белорусского языка в народных школах в этот период пока недостаточно, все же можно предположить, что часто без белорусского языка учителя не могли обходиться не только при преподавании Закона Божьего католикам⁶⁶³ (а скорее всего — и православным), но и в других случаях. Все же в инструкции, данной в октябре 1863 года, попечитель Виленского учебного округа А.П.Ширинский-Шихматов приказал следить за тем, чтобы преподавание Закона Божьего детям католиков «производилось на их родном языке, то есть на русском», но вместе с тем в инструкции был пункт, в котором приказывалось «обратить внимание на употребление в училищах местного белорусского наречия: в какой мере полезно и необходимо его допущение»⁶⁶⁴. И позднее российские чиновники признавали, что, по крайней мере в некоторых местах, например в Витебской губернии, «знание белорусского наречия необходимо учителям при первом знакомстве их с детьми», но «в преподавании на

662 В окончательном варианте исчезло положение о допущении литовского языка как отдельного предмета.

663 Об этом, например, упоминается в отчете по управлению Могилевской дирекцией училищ за 1864 год: LVIA. F. 567. Ap. 1. B. 1295. L. 502.

664 Ibid. F. 378. BS. 1862 m. B. 629. L. 200.

белорусском наречии, или в издании народных книжек на нем, не чувствуется ни малейшей потребности»⁶⁶⁵.

Дискуссия в печати показывает, что «Временные правила» действительно считались временными. Аксаковский «День» летом 1863 года агитировал за «право гражданства местному Белорусскому наречию», то есть за то, чтобы белорусы сначала научились читать и писать по-белорусски и только потом — по-русски⁶⁶⁶. Взгляд на эти правила как на временный документ подтверждает и циркуляр М.Н.Муравьева от 1 января 1864 года, который допускал «обучение языку жмудскому как

665 Ibid. F. 567. Ар. 23. В. 67. L. 41. В отчете по управлению Виленским учебным округом за 1864 год И. П. Корнилов тоже признал подобную необходимость: «В школах, устроенных в местностях с белорусским населением, наставники употребляют при объяснениях в классе и в разговоре с учащимися русский язык, прибегая весьма редко, и то только с новопоступившими учениками, к местному наречию». См.: Корнилов И.П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. К истории Виленского учебного округа за 1863–1868 гг. СПб., 1898. С. 61.

666 День. 1863. № 25; Белорусс. Из Гродненской губернии // Там же. С другой стороны, например, «Вестник Юго-западной и западной России» был яростным противником использования белорусского языка в начальном образовании. Этот журнал был готов толерантно относиться к белорусскому языку только в случае объяснения непонятных русских слов, как и указывалось в инструкции попечителя Виленского учебного округа, но не более: «Учить на белорусском жаргоне — нелепость, которая, слава Богу, до сих пор еще не взбрела на ум ни одному из белоруссинов»: Инструкция народным учителям // Вестник Юго-западной и западной России. Историко-литературный журнал. 1863. Февраль. Год первый. Т. III. Киев, 1863. Отд. IV. С. 239.

местному наречию» (как и, конечно, обучение Закону Божьему на этом языке), хотя это, как уже отмечалось, и не было предусмотрено «Временными правилами». Не менее любопытно М.Н.Муравьев поступил и с преподаванием Закона Божьего белорусам. В циркуляре генерал-губернатор ссылается на «Временные правила», главной задачей которых видит запрещение обучать крестьян польскому языку, но прямого указания преподавать Закон Божий католикам по-русски или «на местном наречии» в этом документе мы не найдем. Более того, М.Н.Муравьев указал, что «в тех местностях, где находятся православные крестьяне, отнюдь не были они обучаемы Закону Божьему по польским катехизисам»⁶⁶⁷. Поскольку в циркуляре запрещение касалось только православных учеников, а ситуация с литовцами оговаривалась отдельно, белорусы-католики и в дальнейшем должны были учиться Закону Божьему по польским катехизисам. Такой вывод подтверждает и дальнейший ход событий. Во-первых, М.Н.Муравьев не предпринял никаких шагов для обеспечения народных школ краткими католическими катехизисами на русском языке. Во-вторых, по указанию М.Н.Муравьева, с 1864/65 учебного года в гимназиях и прогимназиях вводилось преподавание Закона Божьего на русском языке⁶⁶⁸. Во всех документах очень ясно и

667 Копия с циркуляра бывшего виленского генерал-губернатора, генерала от инфантерии Муравьева, от 1 Января 1864 года // *Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla / Spaudai parengė A. Tyła. Vilnius, 1973. P. 65–67.*

668 LVIA. F. 567. Ap. 1. B. 199. L. 52–52a. Вскоре эта мера была распространена и на уездные дворянские училища. См.: *Ibid. L. 57.*

недвусмысленно указывалось, что эта мера касается именно средних учебных заведений. Обучение Закону Божьему католиков на русском языке во всех школах Северо-Западного края (кроме Жемайтии) было введено только при преемнике М.Н.Муравьева К.П.Кауфмане с 1865/66 учебного года⁶⁶⁹. С этого момента все предметы в начальных школах белорусским детям должны были преподаваться на русском языке.

Преградой, не позволившей преподавать на русском языке Закон Божий белорусам-католикам, было понятие русскости и польскости. Очень часто при определении национальной принадлежности крестьян главным критерием была конфессиональная принадлежность: католики считались поляками (или, по крайней мере, «потенциальными поляками»), а православные — русскими («потенциальными русскими»). В начале 1860-х годов чиновники Министерства внутренних дел при обработке данных национальной статистики обнаружили, что «племенное происхождение <...> в низших сословиях затемнялось религиозным различием»⁶⁷⁰. Считалось, что и сами крестьяне так определяли свою национальную принадлежность⁶⁷¹. Поэтому русский язык мог считаться относящимся

669 Ibid. В. 239. L. 20.

670 Из дел Западного комитета.

671 «Православие считается здесь синонимом русского, православный то же что русский, с другой стороны р.-католик то же, что поляк, религиозные верования служат знаменем национальности, — это факт действительный и весьма часто повторяющийся здесь»: Путешествия «на Калварию» в Вильне // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. 1868. Год VI. Книжка V. Т. II. Вильна, 1868. Отдел IV. С. 166.

только к православной, но ни в коем случае не к католической церкви.

Второй причиной, скорее всего, была недостаточная уверенность в рускости православных крестьян. Хотя М.Н.Муравьев декларативно утверждал, что крестьянство, и в первую очередь — православное крестьянство, составляет опору Российской империи в этом крае, в то же самое время он признавал, что католичество и польскость оставили глубокие следы и среди православного населения: «Население это, по большинству исповедующее православную веру, при значительном влиянии на нее римско-католического духовенства и помещиков, почти исключительно поляков, исповедует православную веру только номинально, усвоив между тем в общезжитии обряды церкви католической, и вследствие сего необходимо предварительно упрочить в нем ослабевшее православие»⁶⁷². Даже чиновники белорусского происхождения, считавшие себя потомками дворянства, были недостойны доверия: «Они с ног до головы заражены польским духом, и только православная вера мешает им окончательно слиться с поляками; бредят унией, посещают исключительно костелы, употребляют постоянно польский язык дома, в обществе, на гуляниях; читают только польских авторов, знают наизусть Мицкевича, Сырокомля, не имеют ни малейшего понятия о Пушкине, Гоголе, Лермонтове и других наших литературных деятелях; в восторге от Пустовойтовой и ей подобных ренегатов. Несколько из этих молодчиков ушло даже до лясу, и нам остается

672 LVIA. F. 378. BS. 1862 m. B. 640. L. 93 (цитируемое место зачеркнуто, но главное в этом случае то, как ситуацию себе представлял сам М.Н.Муравьев).

только пожалеть, что и остальная этого рода сволочь не убралась туда же: по крайней мере, Белоруссия очистилась бы от этих перевертней, от этой заразы <...>⁶⁷³. Видимо, М.Н.Муравьев боялся, что преподавание католического Закона Божьего в народных школах (что подразумевало и издание краткого катехизиса на русском) при таком состоянии народного самосознания может привлечь в католичество и православных крестьян (бывших униатов). Эти же опасения чиновников отражают и дискуссии о месте русского языка в католическом богослужении.

Введение русского языка в католическое богослужение

Для царских чиновников самой проблематичной группой белорусов были католики, находившиеся, как считали эти чиновники, под влиянием католических ксендзов, то есть поляков. Исправить ситуацию и достичь в этом существенных результатов (обратить в православие) возможно было разными путями.

Можно было попытаться принудить всех католиков Западного края принять православие, либо заставляя или поощряя отдельных лиц (а лучше — целые римско-католические приходы) переходить в православие, либо прибегнув к церковной унии. Сторонники были как у первого, так и у второго варианта. Некоторые чиновники, служившие в Северо-

673 Балванович Я. О русском обществе Западного края (Письмо к редактору «Дня») // Вестник Юго-западной и западной России. Историко-литературный журнал. 1863. Июль. Год второй. Т. I. Киев, 1863. Отдел IV. С. 86.

Западном крае в середине 1860-х годов и ратовавшие за поощрение процесса перехода в православие, надеялись на окончательный успех в этом деле в недалеком будущем⁶⁷⁴. Сторонники второго подхода предлагали властям проект церковной унии, который предусматривал упразднение католической церкви в Российской империи (не считая Царства Польского) не позднее чем через 12 лет⁶⁷⁵.

Другой способ давления на католическую церковь — введение русского языка в католическое богослужение⁶⁷⁶. В 1848 году Николай I запретил употребление русского языка в богослужении «иностраннных» исповеданий («по-русски запретить; можно говорить проповеди на всех иностранных языках»⁶⁷⁷). Нетрудно догадаться, что имперские власти в этом случае боялись прозелитизма со стороны «иностраннных» церквей. Православная церковь, как и некоторые чиновники, боялась, что при допущении русского языка учение этих «иностраннных» исповеданий станет доступным и русским, которые могут быть

674 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 64. Более подробно см. в главе «Массовое обращение католиков в православие в 1860-х годах».

675 Более подробно об этом проекте см.: Долбилов М.Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840–1873. Вильнюс: LII leidykla, 2010.

676 Речь шла о так называемом дополнительном богослужении, в котором допускались «местные языки». Литургическим языком католической церкви был латинский. С этой проблемой был также очень тесно связан вопрос о языке преподавания Закона Божьего в учебных заведениях.

677 РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 233.

таким образом «совращены»⁶⁷⁸ в другие исповедания. Доминирование польского языка в католицизме не вызывало в то время больших опасений со стороны властей. Но еще до восстания 1863–1864 годов в этом соединении польского языка и католицизма обнаружились небольшие трещины.

Дело в том, что еще до крестьянской реформы 1861 года имперские власти были обеспокоены этнокультурной ориентацией находившихся под польским влиянием недоминирующих этнических групп, в первую очередь литовцев. Еще в 1832 году Николай I приказал перевести на «самогитский язык» молитву за Царствующий Дом⁶⁷⁹. В 1852 году власти вновь должны были вернуться к этой проблеме. Все началось с предложения виленского генерал-губернатора Ильи Гавриловича Бибикова о неупотреблении в католическом богослужении «самогитского языка»⁶⁸⁰, на что центральные власти, имея в виду кроме всего прочего еще и то, «что распространение польского языка, а с ним и польского духа между жмудским народом составляло предмет постоянной заботливости бывшей Польской Республики», указали «латинскому духовенству

678   Переход православных в другие исповедания в официальном и, в некоторой степени, в общественном дискурсах описывался как «совращение», в то время как принятие католическим населением Западного края православия чаще всего называлось «возвращением» или просто «переходом».

679   LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1372. L. 7.

680   Виленский генерал-губернатор сообщал царю, что «молитвенные книги, издаваемые на самогитском языке, заключают в себе часто молитвы в неблагонамеренном духе», а кроме того, нет возможности контролировать проповеди на этом языке: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 323. Л. 3–5.

произносить молитву о благоденствии Августейшего дома не исключительно по-польски, а в каждом приходе на том языке, на котором говорят прихожане»⁶⁸¹. То есть имперские власти боялись, что устранение «самогитского языка» может привести к нежелательным последствиям (к ополячиванию литовцев).

Еще одна группа католиков, которую нужно было защищать от влияния польских идей и польского языка, — учащиеся военно-учебных заведений. Закон Божий католикам в этих учебных заведениях до середины XIX века преподавался на польском языке. В 1853 году при одобрении властей и митрополита католической церкви Игнатия Головинского (Ignacy Hołowiński) П.Стацевич составил пространный катехизис на русском языке, которым и начали пользоваться при преподавании в военно-учебных заведениях⁶⁸². В этом случае, скорее всего, важны были не только мотивы политического толка (то есть ограждение неполяков от влияния польских идей), но и практические соображения. Вероятно, российские чиновники совершенно справедливо писали, что многие из учащихся просто не знают польского языка при вступлении в военно-учебные заведения и вынуждены учить его только для того, чтобы понимать преподавание Закона Божьего. По указанию царя, перевод этого катехизиса можно было только литографировать, но не печатать, что показывает, что имперские

681 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1372. L. 7.

682 РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 234; О печатании римско-католического «Катехизиса» на русском языке // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год IV (1865/1866). Кн. IV. Т. 2. Вильна, 1865. С. 94–95.

власти по-прежнему боялись распространения католической литературы на русском языке.

Ситуация в Западном крае изменилась после освобождения крестьян от крепостного права и начала восстания в 1863 году. Как было сказано выше, в середине 1860-х годов было введено преподавание Закона Божьего католикам на русском языке. Но при этом местные власти не предприняли другого, казалось бы, логически следующего шага в том же самом направлении — замены польского языка русским в дополнительном католическом богослужении. Генерал-адъютант Николай Андреевич Крыжановский увязал эти две сферы напрямую: «Для простолюдинов Западных губерний польский язык должен быть языком совершенно иностранным. Кроме Жмуди, все говорят и понимают по-русски, а потому следует стремиться к тому, чтоб в здешнем крае ксендзы читали проповеди не на польском, а на народном языке, в Жмуди по-жмудски, а во всех остальных губерниях по-русски. На тех же народных языках обязаны они преподавать религию в школах, гимназиях и даже в частных домах»⁶⁸³. Решительности, как известно, М.Н.Муравьеву хватало, а значит, в данном случае были более веские причины. В учебных заведениях можно было легко контролировать посещение учениками уроков Закона Божьего своего исповедания, намного труднее было обеспечить, чтобы православные крестьяне не посещали католических костелов. Кроме того, действовал указ 1848 года, запрещающий употреблять русский язык в богослужении «иностранных исповеданий». Поэтому только после нескольких лет интенсивных

683 LVIA. F. 439. Ap. 1. B. 43. L. 12.

дискуссий власти выработали отношение к богослужебному языку в католических церквях Западного края.

Дискуссия о языке проповедей в католическом богослужении велась не только в печати, но и в Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края (далее — Ревизионная комиссия), учрежденной в начале 1866 года виленским генерал-губернатором К.П.Кауфманом. Вскоре свое мнение высказало начальство православных епархий западных окраин Российской империи. Стимулом к обсуждению этого вопроса могло стать обращение генерального викария Могилевской римско-католической архиепархии епископа Юзефа Станевского (Józef Maksymilian Staniewski) от 2 ноября 1865 года, в котором он сообщал о ходатайстве католического духовенства Витебской и Могилевской губерний о допущении проповедей на белорусском языке⁶⁸⁴. Но можно выдвинуть и другую версию, предположив, что инициатива принадлежала Алексею Порфирьевичу Владимирову, в то время работавшему в Виленском учебном округе, который в конце января 1866 года вручил генерал-губернатору свои соображения по этому поводу⁶⁸⁵. В этих дискуссиях

684 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1360. L. 72.

685 Такой версии придерживался сам А.П.Владимиров. См.: Владимиров А.П. История располочения Западно-русского костела. М., 1896. С. 67–70. Его соображения датированы 25 января 1866 года: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 584. Л. 1–4. Некоторые другие источники в определенном смысле подтверждают эту версию. В указаниях генерал-губернатора Ревизионной комиссии от 31 января 1866 года пункт о «неупотребления польского языка в проповедях, произносимых ксендзами народу» был вписан позднее (LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1340. L. 3). Кроме того, и

окончательно выкристаллизовались аргументы как сторонников, так и противников введения русского языка в католическое богослужение⁶⁸⁶.

Не вызывает сомнений, что идеологические основы «разъединения католицизма и польской национальности» положил редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков⁶⁸⁷, который считал, что нужно стремиться к тому, чтобы все подданные государства были интегрированы в одну «политическую национальность». Содержание термина «политическая

следующий генерал-губернатор Э.Т. Баранов упоминал о том, что К.П.Кауфман дал указание обсудить этот вопрос Ревизионной комиссии после того, как получил записку по этому поводу: РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Д. 156. Л. 1.

686 Ревизионная комиссия уже 7 марта 1866 года решила «польский язык, официально уже отвергнутый в Северо-западном крае, окончательно изгнать и из римско-католического богослужения, а также из молитвенников и проповедей»: LVIA. F. 378. BS. 1866 т. В. 2522. Л. 8. Но и в дальнейшем комиссия возвращалась к обсуждению этого вопроса (на заседаниях с 7 марта по 27 октября 1866 года): Ibid. В. 1340. Л. 44. Вероятно, возвращение к этой проблеме было связано с активной деятельностью профессора Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича, который, по словам А.П.Владимирова, провел лето 1866 года в Вильне: Владимиров А.П. История расползения. С. 71.

687 Нужно сразу оговориться, что М.Н.Катков понимал: такое «разъединение» — дело скорее будущего. В то время «Московские ведомости» признавали, что «католицизм в западном крае служит теперь признаком польской национальности»: [Катков М.Н.] Москва, 4-го декабря // Московские ведомости. 1865. № 268.

национальность» в идеологии М.Н.Каткова было полиэтническим и поликонфессиональным: и «русские подданные католического исповедания» должны были считать себя «вполне русскими людьми»⁶⁸⁸. То есть всех подданных Российской империи должна сплотить лояльность государству, а объединяющим началом должен стать русский язык: «Самое прочное из всех завоеваний есть завоевание, делаемое языком какою-нибудь народа»⁶⁸⁹. М.Н.Каткову вторил и А.П.Владимиров: «Язык есть сильнейший проводник национальности»⁶⁹⁰. Поэтому М.Н.Катков поддерживал идею о введении русского языка в католическое богослужение⁶⁹¹. Те же самые аргументы, что и М.Н.Катков, приводят и некоторые члены Ревизионной комиссии⁶⁹².

688 [Катков М.Н.] Москва, 1-го августа // Московские ведомости. 1863. 1 августа. № 168.

689 [Катков М.Н.] Москва, 2-го апреля // Московские ведомости. 1864. 2 апреля. № 75.

690 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 584. Л. 1.

691 [Катков М.Н.] Москва, 1-го февраля // Московские ведомости. 1866. № 26 и др.

692 Мнение большинства членов этой комиссии: «Польский язык римско-католического исповедания неизбежно связывает дело католической религии с делом полонизма, делает католичество носителем и пропагандистом польских притязаний, обращает католицизм из религии, самой по себе неопасной и не враждебной русскому государству — в агента революционных и вредных начал <...> русский язык, введенный в католицизм взамен польского, упразднит все вышеизложенное и поможет делу государственного объединения здешнего края с остальной Россией, а тем самым и полному со временем обрусению его».

Замена православия русским языком в качестве главного интегрирующего начала русскости была проведена М.Н.Катковым и по весьма прагматическим мотивам. Традиционное отождествление православия и русскости не позволяло включить католиков-белорусов в число русских, что, по мнению многих российских чиновников и влиятельных публицистов, делало их легкой добычей полонизаторов⁶⁹³. Преследуя прагматические цели, можно было заменить польский язык в католическом богослужении белорусским, как и предлагал генеральный викарий Могилевской римско-католической архиепархии епископ Ю.Станевский. Но в середине 1860-х годов перспективы признания за белорусским языком какого-либо общественного статуса были еще меньше, чем в начале этого десятилетия. Хотя большинство епископов православной церкви поддержало идею отказа от польского языка при католическом богослужении, ни один из них не предполагал возможности введения белорусского языка. Начальство православной церкви утверждало, что русский язык понятен белорусскому крестьянину (так же как и ксендзам), а белорусский язык, «как грамматически и филологически необработанный», годен только «для домашнего сельскохозяйственного обихо-

LVIА. F. 378. BS. 1866 m. B. 1340. L. 45–46. Вообще нужно отметить, что за связанными с этим вопросом публикациями «Московских ведомостей» в Вильне пристально следили. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 584. Л. 147.

693 [Катков М.Н.] Москва, 9-го августа // Московские ведомости. 1863. № 174.

да»⁶⁹⁴. Кроме того, в белорусском языке «много польских слов и оборотов»⁶⁹⁵, что делает его орудием в руках полонизаторов: «Этот язык, будучи сам в себе наречием общего славянского языка, в западном крае издавна был подготовляем в орудие Римской пропаганды, чтобы народ обратить в католичество и ополячить»⁶⁹⁶.

Хотя М.Н.Катков, главный идеолог «разъединения католицизма с польской национальностью», не верил в возможность (и даже в необходимость) «возвращения» католического населения Западных губерний в православие, но для некоторых других сторонников введения русского языка в католическое богослужение этот шаг означал первую ступень перехода католического населения в православие: «<...> мы смотрим на употребление русского языка в католических костелах Северо-

694 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1360. L. 93–94 (мнение митрополита Киевского Арсения).

695 Там же. Л. 97 (мнение архиепископа Минского и Бобруйского Михаила); Миловидов А.И. Распоряжения и переписка гр. М.Н.Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. Вильна, 1910. С. 17–18.

696 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1360. L. 102 (мнение могилевского архиепископа Евсевия). Подобное мнение также высказывал и минский и бобруйский архиепископ Михаил. См.: Ibid. L. 97; Смоленчук А. Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях 60–70-е годы XIX в. // Lietuvių katalikų akademijos metraštis. T. 20. Vilnius, 2002. P. 145.

Западного края, как на ступень перехода католического населения этого края в православие»⁶⁹⁷.

Оппоненты введения русского языка в католическое богослужение придерживались этноконфессионального понятия русскости. Для И.С.Аксакова, попечителя Виленского учебного округа И.П.Корнилова, митрополита Литовского и Виленского Иосифа, некоторых членов Ревизионной комиссии главной отличительной чертой русского было православие. Как писал И.С.Аксаков, «в наших Западных губерниях <...> вероисповедание остается единственным и почти безошибочным качественным признаком — к какой народности причисляет себя человек». Поэтому надо поддерживать «возвращение» католического населения Западного края в православие, а не вводить русский язык в католическое богослужение⁶⁹⁸. Проблемой представлялось не только то, что после претворения в жизнь этого замысла будет сложно отделить поляка от русского. Введение русского языка в католическое богослужение, по их мнению, было бесполезно и даже опасно. Бесполезно, поскольку оно не может привести к «обрусению»: по замыслу, русский язык будет вводиться в католическое богослужение только там, где «народ говорит по-русски», а там, где он был бы полезен с точки зрения «обрусения», предполагалось оста-

697 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 584. Л. 3 (записка А.П.Владимирова), та же мысль в записке Алексея Петровича Стороженко: Там же. Л. 12.

698 Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. 2-е изд. СПб., 1901. С. 219–222; LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1360. L. 100 (мнение митрополита Литовского и Виленского Иосифа); РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 584. Л. 38–53 (Записка В.П.Кулина).

вить «местные наречия»⁶⁹⁹. А опасно потому, что привязанность белорусского народа к православию сомнительна, поэтому господствующая религия вряд ли может наравне конкурировать с католицизмом, да еще пропагандируемым на русском языке: «Делая католицизм понятнее и доступнее для православных, оно облегчает пропаганду между ними католического учения; в этом смысле католицизм на русском языке грозит опасностью не только здешнему краю, но и всей России. Русский язык в католицизме придаст последнему еще более силы, сделав его понятнее и, так сказать, народнее для здешнего белорусского населения»⁷⁰⁰. Попечитель Виленского учебного округа И.П.Корнилов такие опасения выражал и в письмах М.Н.Каткову: «Я боюсь вот чего: если ксендзы заговорят в костелах родным русским языком, — то это сделает костелы привлекательнее для крестьян»⁷⁰¹.

Таким образом, введение русского языка в католическое богослужение — этот «меч обоюдоострый»⁷⁰² — для его сторонников ассоциировалось с успешной лингвистической ассимиляцией белорусов, а для противников — с опасностью прозелитизма со стороны католической церкви. Кроме того, в этой дискуссии столкнулись две концепции русскости. Своеобразное решение проблемы предложили несколько членов Ревизионной комиссии. Член Ревизионной комиссии, автор официальных трудов о польском мятеже генерал-майор Васи-

699 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1360. L. 100 (мнение митрополита Литовского и Виленского Иосифа).

700 Ibid. B. 1340. L. 46.

701 ОР ОГБ. Ф. 120. Папка № 21. Л. 150.

702 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 584. Л. 80 (записка П.Рощина).

лий Федорович Ратч писал: «Вера и язык столбы национальности» (подчеркнуто автором), группа членов Ревизионной комиссии признавала необходимость защитить белорусов от полонизации, но отмечала, что замена польского языка русским не даст желаемых результатов: «На высшие сословия, говорящие по-польски, действует польский язык, но его не изгоним из общества, изгнав из костела, а на простолюдина-латинянина, говорящего по-белорусски, действует костел, и польский язык в нем никакого ни патриотического, ни религиозного фанатизма не возбуждает. Для него польская справа — вся в справе костела»⁷⁰³, и поэтому предложила оригинальное решение — заменить польский язык латинским, который и так употреблялся в литургии, а проповеди читать по-белорусски. Тогда никаких ассоциаций между католичеством и рускостью не возникнет и, что, скорее всего, даже важнее, такое решение приведет к упадку католической церкви в Западном крае⁷⁰⁴.

Поскольку мнения членов Ревизионной комиссии разделились, дальнейшее решение этого вопроса зависело уже от более влиятельных лиц в структуре имперской власти. Генерал-губернатор К.П.Кауфман, создавший Ревизионную комиссию, в принципе одобрял идею введения русского языка в католическое богослужение⁷⁰⁵. Правда, попечитель Виленского учебного округа И.П.Корнилов хотел убедить имперские

703 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 584. Л. 63, 68–69 (записка В.Ф.Ратча).

704 Там же. Л. 77; Л. 15–22 (записка Самарина); LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1340. L. 80.

705 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1360. L. 74–75. К.П.Кауфман, одобряя эту идею, все-таки указал на необходимость согласовать такие меры с Синодом.

власти в Санкт-Петербурге, что генерал-губернатор «недоверчиво смотрит на популяризацию католичества путем русского языка»⁷⁰⁶, но можно предположить, что он в этом случае просто хитрил, пробуя посеять сомнения в отношении этой идеи. Во время обсуждения этого вопроса в Ревизионной комиссии пришли одобрительные для сторонников введения русского языка в католическое богослужение сигналы из столицы: Синод высказался за допущение к переводу на русский язык проповедей М.Бялобжеского и А.Филипецкого. Изданию этих проповедей на русском языке православная церковь все еще противилась. Мотивы остались те же, что и раньше. Издание таких книг, по мнению Синода, могли иметь «последствием распространение их не только в западном крае, но и во всей Империи, и при том главным образом в среде простого народа, предпочитающего вообще книги духовного содержания книгам светским, и, таким образом, могло бы послужить в пользу Латинской пропаганды и ко вреду Церкви Православной»⁷⁰⁷.

Но с назначением на пост виленского генерал-губернатора Э.Т.Баранова сторонники введения русского языка в католическое богослужение приобрели в его лице серьезного оппонента. Э.Т.Баранов, в принципе не отвергая самой идеи, видел и негативные стороны проекта. К старым аргументам, которые уже звучали раньше: об опасности распространения католицизма на русском языке для православной церкви, о том, что после введения русского языка в католическое бого-

706 Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. 2-е изд. С. 222.

707 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1360. L. 87–88.

служение станет сложнее отделить польскость от русскости, — генерал-губернатор добавил опасение, что такими мерами можно настроить против себя народ⁷⁰⁸. В это же время в Санкт-Петербурге небольшим тиражом (всего 28 экземпляров⁷⁰⁹) была напечатана брошюра «О введении русского языка в римско-католическое богослужение», содержащая четыре записки членов Ревизионной комиссии, возражавших против этой меры.

Но позднее, возможно, и Э.Т.Баранов стал более позитивно относиться к введению русского языка в католическое богослужение. Еще во время его службы в Вильне Ревизионная комиссия предложила перевести молитвы за Государя Императора и Августейший Дом на русский язык и запретить их произношение на латинском и польском языках в Северо-Западном крае⁷¹⁰.

После назначения 2 марта 1868 года на пост виленского генерал-губернатора А.Л.Потапова⁷¹¹ инициатива в вопросе о

708 РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Д. 156. Л. 1–6.

709 Там же. Л. 15.

710 Там же. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 2; Жиркевич А.В. Из-за русского языка (Биография каноника Сенчиковского, в двух частях, с алфавитным указателем и тремя фотографиями). Ч. 1: На родине Белоруссии. Вильна, 1911. С. 121–122.

711 РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 34–40, 51, 52; LVIA. F. 378. BS. 1866 m. V. 1372. L. 65–71. А.Л.Потапов 6 июня 1869 года докладывал министру внутренних дел, что введение русского языка в католическое богослужение необходимо «в деле обрусения западного края»; такая мера должна «возвысить значение его в глазах народа и скрепить родственную связь населения здешнего края с остальной Россией».

русском языке в католическом богослужении переместилась в столицу империи, где в конце 1869 года императором был создан Особый комитет по вопросу об употреблении русского языка в делах религий иностранных исповеданий. Уже до того были сделаны некоторые шаги, показывавшие направление перемен. В начале 1868 года было дано указание при отправлении духовных треб для воинских чинов католического исповедания вместо польского языка использовать русский⁷¹². После одобрения Синодом были переведены на русский язык и напечатаны молитвенник («Алтарик для юношества») и требник⁷¹³. Проявляли инициативу и некоторые католические священники⁷¹⁴.

В конце 1869 года было принято окончательное решение. Министерство внутренних дел признало, что «в последнее десятилетие взгляд министерства в этом отношении совершенно изменился»⁷¹⁵. Уже упомянутый Особый комитет под председательством князя П.П.Гагарина решил, что прежняя

712 РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 15; LVIA. F. 669. Ap. 3. B. 1141. L. 1.

713 РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Д. 156. Л. 39–40; LVIA. F. 567. Ap. 21. B. 82. L. 12–13, 107–108; О введении русского языка в римско-католическом богослужении в России // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год VI (1868). Кн. 8. Т. 3. Вильна, 1868. Отд. IV. С. 246; Вильна, 5-го октября // Виленский вестник. 1868. № 112.

714 РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 65–66; Vidmantas E. *Religinis tautinis sąjūdis Lietuvoje XIX a. antrojoje pusėje-XX a. pradžioje*. Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 1995. P. 121; Смоленчук А. Попытки введения русского языка. С. 143.

715 РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 58.

практика, когда «сделаться русским значит то же, что переменить свою веру», устарела и было бы желательно, чтобы, «напротив того, вошло в сознание тамошнего населения, что можно быть католиком и вместе с тем и русским»⁷¹⁶. Предложение комитета об отмене указа 1848 года было одобрено императором 25 декабря 1869 года, но введение русского языка в богослужении «иностранных исповеданий» (не только католического) предусматривалось только как рекомендуемая мера⁷¹⁷. Это подчеркивалось и в циркуляре виленского генерал-губернатора А.Л.Потапова: для тех из жителей Северо-Западного края, которые «родным языком своим считают русский», разрешается произносить проповеди и совершать дополнительное богослужение на русском языке, но такое употребление русского языка не делается «обязательным»⁷¹⁸.

***

В Северо-Западном крае в середине XIX века ощущалась потребность в белорусских книгах, в богослужении и преподавании в начальных школах на этом языке. Если до середины века функционирование белорусского языка в крестьянской среде не беспокоило имперские власти, то с началом Великих реформ ситуация изменилась. Институционализация «белорусского наречия» (в школе, костеле и так далее) могла разрушить концепцию триединой русской нации. Правда, в начале 1860-х годов местные власти, особенно попечитель Виленского

716 Там же. Л. 68.

717 Там же. Л. 69.

718 Там же. Л. 176–177.

учебного округа А.П.Ширинский-Шихматов, пробовали использовать «белорусское наречие» (издания в этот период допускались исключительно «русскими буквами») в антипольской политике, но с началом восстания и назначением генерал-губернатором М.Н.Муравьева, а попечителем — И.П.Корнилова от такой политики отказались: белорускость в общественном дискурсе допускалась только как выражение народного творчества.

Можно ли такое отношение имперских властей к белорусам, и особенно к их языку, трактовать как «обрусение», соответствующее ассимиляции? Вывод зависит от точки отчета — концепции нации, а также от того, о какой из белорусских субгрупп идет речь. В рамках лингвистической парадигмы, которой придерживался М.Н.Катков и некоторые его единомышленники, после 1863 года все белорусы подверглись политике ассимиляции. С точки зрения конфессиональной парадигмы картина получается более нюансированной: православные подверглись ассимиляции (и надо заметить — довольно успешной) и в этой концепции нации, по отношению же к белорусам-католикам с 1863-го, и еще более интенсивно — с 1865 до 1868 года велась агрессивная политика ассимиляции, то есть местные чиновники стремились сделать их православными, а с конца 1860-х годов оставшиеся в католицизме белорусы скорее подвергались интенсивной аккультурации в надежде на будущую ассимиляцию, чему было призвано служить и введение русского языка в дополнительное католическое богослужение.

Глава 11. Массовое обращение католиков в православие в 1860-х годах

С учетом роли конфессии в определении национальной принадлежности российских подданных особое внимание привлекают случаи изменения конфессиональной принадлежности, особенно когда они имели массовый характер. Как известно, российским законодательством миссионерская деятельность разрешалась только православной церкви, а выход из господствующей веры до 1905 года воспрещался. В этой главе внимание будет сосредоточено на роли имперских властей в процессе массового обращения католиков в православие, происходившего в 1860-х годах⁷¹⁹. Внимание будет сосредоточено на том, какими идеологическими аргументами было обосновано это обращение, кто был инициатором (или инициаторами) этого процесса, возникали ли разногласия в среде российского чиновничества по этой проблеме, какие методы использовались при «возвращении» в православие, что послужило причиной прекращения массовых обращений.

719 В последнее время феномен чиновничьего миссионерства в Северо-Западном крае в 1860-х годах рассматривается в книге: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. С. 367–457. Здесь действия обращающих представлены не только более детально, но и в более широком контексте конфессиональной политики империи. Автор подчеркивает удобство для властей религиозной индифферентности католического простонародья, что было предпочтительнее горячей веры, даже православной.

Масштаб обращений

Официальные данные о лицах, перешедших из католицизма в православие в Российской империи с 1842 по 1891 год, заставляют нас обратить пристальное внимание на очень краткий период после восстания 1863–1864 годов. Если во второй половине 1850-х и начале 1860-х годов число католиков, перешедших в православие, достигало примерно 1000, то в 1865 году таких новообращенных или «воссоединенных» было 4254, в 1866-м — 49 498, в 1867-м — 13 639, в 1868-м — 9115. В последующие годы число перешедших в православие начало снижаться еще сильнее (1869-й — 3332, 1870-й — 2893, 1871-й — 2615 и так далее)⁷²⁰, то есть почти возвратилось «к норме». Эти статистические данные ясно показывают, что православная церковь наибольших успехов в умножении своей паствы достигла в период с 1866 по 1868 год, и особенно в 1866 году. Наибольшее число неофитов приходилось на Северо-Западный край. Несомненным лидером здесь была Минская губерния, где только в 1866 году в православие перешло 20 705⁷²¹ католиков. Абсолютное большинство перешедших в православие составляли крестьяне⁷²².

720 Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. / Сост. И.Преображенский. СПб., 1897. С. 46.

721 LVIA. F. 378. Op. 121. В. 913. Л. 13; Р-ский. Успехи православия в Минской губернии // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год V. 1867. Книжка V. Т. II. Вильна, 1867. Отд. IV. С. 213; Он же. Из Минской губернии // Виленский вестник. 1867. № 59.

722 ГА РФ. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82, Л. 1; LVIA. F. 378. Op. 216. В. 308. Л. 62; Число присоединившихся к Православной церкви в

Лица, перешедшие из католицизма
в православие в 1863–1867 годах*

Название губернии	1863	1864	1865	1866	1867
Виленская	91	540	2543	13810	1791
Гродненская	165	1169	1417	11136	2380
Ковенская	6	97	44	303	16
Минская	12	5589	2181	20705	7082
Витебская	52	485	267	1619	278
Могилевская	28	122	335	524	189**

* Таблица составлена по следующим материалам: LVIA. F. 378. Ар. 216. В. 323. L. 134; BS. 1866 m. В. 2279. L. 19–20, 51–52; Ар. 121. В. 912. L. 36. Сравнивая эти данные с другими данными отчетов губернаторов за этот период, опубликованными в «Литовских епархиальных ведомостях», и с информацией, собранной Ревизионной комиссией, можно отметить некоторое несовпадение, особенно в случае Ковенской губернии, но общие тенденции не вызывают сомнений.

** Данные до 1 октября 1867 года.

Как показывает представленная статистика, этот процесс почти не коснулся Ковенской губернии, в которой преобладали литовцы⁷²³.

Некоторые чиновники возлагали надежды на распространение православия на местных языках. Поступали предложения перевести православную литургию на литовский язык и отправлять на этом языке богослужение⁷²⁴, местные чиновники искали православных священников, знающих латышский язык для «распространения и укрепления между ними правил Господствующей прав. веры»⁷²⁵. Но эта мера не имела таких горячих сторонников, какие были в Волго-Камском регионе (в первую очередь здесь имеется в виду Н.И.Ильминский) или в Прибалтике⁷²⁶.

По утверждению ковенского губернского жандармского офицера, и в этой губернии были желавшие перейти в православие католики, но они «встречают затруднение к приведению в исполнение своего намерения, остаются преследуемыми

723 Мало неопитов было в Витебской и Могилевской губерниях, но там и так преобладало православное население. Например, по данным отчета могилевского губернатора за 1866 год, в этой губернии католики составляли только 1/23 всего населения: LVIA. F. 378. Ap. 121. B. 912. L. 4.

724 KRVA. F. 567. Ap. 1. B. 12. L. 49.

725 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1330.

726 Werth P. Inorodtsy on Obrusenie: Religious Concersion, Indigenous Clergy, and the Politics of Assimilation in Late-Imperial Russia // *Ab Imperio*. 2000. № 2. P. 105–134; Haltzel M. *Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung*. S. 20.

как католическим духовенством, так и польским населением, и не имеют в этом случае поддержки и защиты со стороны православных»⁷²⁷. Виленский генерал-губернатор К.П.Кауфман хотя и надеялся, что «крестьяне этой губернии сольются с прочим крестьянским населением в общих чувствах неизменной преданности к престолу и любви к Русскому отечеству», но должен был признать, что пока крестьяне находятся «в полной нравственной зависимости от своего неблагонадежного духовенства»⁷²⁸. Были и такие, которые прямо говорили, что «в Ковенской губернии пропаганда православия среди сельского населения, по крайней мере в настоящее время, немыслима», потому что власти попытались сделать школу «орудием религиозной пропаганды» и тем дали прекрасный повод ксендзам наставлять народ против правительства⁷²⁹. Согласно донесениям начальника Виленского губернского жандармского управления, в этой губернии в православие переходило белорусское население, а литовцы, «которые из язычества обращены были прямо в католицизм, православной веры до сих пор почти не принимали»⁷³⁰. А значит, большинство католиков,

727 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 80.

728 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 267. Л. 5.

729 ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 709. Л. 1–3.

730 Там же. 1 экспедиция, 1864 г. Д. 82. Л. 62. Это подтверждается и другими источниками. По официальной информации, число перешедших в православие в Трокском уезде, население которого считалось литовским, было незначительным: в 1863 году из католичества в православие перешло 9 человек, в 1864 году — 39, в 1865 году — 107, в 1866 году — 96. См.: LVIA. F. 419. Ap. 2. B. 249. L. 34.

перешедших в рассматриваемый период в православие, были белорусскими крестьянами. Местные чиновники сосредоточили внимание на белорусских крестьянах, при этом оставляя литовцев в стороне. Объяснить массовый переход в православие тех, кто, по официальной версии, был частью триединой или большой русской нации, было несложно.

Официальная интерпретация

Как правило, массовый переход католического населения Северо-Западного края в православие в 1860-х годах в российском официальном и общественном дискурсах изображался как восстановление исторической справедливости. По официальной версии, все белорусское крестьянство, некогда бывшее православным, только позднее было «совращено» поляками в католичество. Иногда подобные утверждения касались и литовцев⁷³¹, и даже поляков Царства Польского⁷³², но такие интерпретации встречаются очень редко. При этом подчеркивался насильственный или, по крайней мере, коварный характер обращения в католичество как во времена Речи Посполитой, так и в первой половине XIX века⁷³³. Массовому обраще-

731 Православие и латинство в Западно-Русском крае // Западно-Русский месяцеслов на 1866 год. Вильна, 1865. С. 61.

732 Востоков А. Наставление Русского своему сыну пред отправлением его на службу в Юго-Западные Русские области // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год IV. 1865/66. Книжка IV. Т. I. Вильна, 1865. Отд. IV. С. 245.

733 Приведем только один пример такой аргументации: «Свидетельства исторической жизни указывают нам, что католицизм, пользуясь сумятицею внутреннего устройства Речи Посполи-

нию в православие в 1860-х годах приписывался противоположный характер — он, согласно господствовавшей в то время версии властей, происходил добровольно и чаще всего назывался «возвращением». Участию властей в этом процессе приписывался оборонительный характер, то есть утверждалось, что они были «вынуждены» защищать крестьянское население от разных «подстрекателей», в первую очередь от прозелитизма со стороны католического духовенства.

Поэтому неудивительно, что мотивы «добровольного», как тогда писалось, присоединения крестьян к православию должны были соответствовать этой идеологической схеме. В официальной или полуофициальной прессе, а также и в конфиденциальной переписке утверждалось, что крестьяне «возвращались» в православие потому, что еще помнили о своих православных предках⁷³⁴ и сознавали «свое племенное происхождение и общность с русскими коренными людьми»⁷³⁵, были благодарны царю⁷³⁶ (здесь имелась в виду отмена кре-

той, простирал свои домогательства к приобретению в Западной России права гражданства и для этой цели не отступал ни перед какими мерами, могущими доставить ему торжество. Система постепенного и неослабного искоренения в здешнем крае православия ведена была латинским духовенством с тою иезуитскою настойчивостью, плоды которой обнаружались во всей полноте только при более подробном и внимательном изучении здесь народной жизни после последнего польско-шляхетского мятежа»: LVIA. 378. BS. 1866 m. B. 1209. L. 2.

734 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 62.

735 ОР РГБ. Ф. 120. Картон № 7. Ед. хр. 30. Л. 2.

736 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 308. L. 62; Успехи православия в Северо-Западной России (Извлечение из протокола 27 заседания ви-

постного права), не хотели быть отождествляемы с поляками, которых ненавидели⁷³⁷, ксендзы скомпрометировали себя⁷³⁸ или халатно относились к своим обязанностям⁷³⁹. Именно секулярные, а не религиозные мотивы выдвигались на первый план в официальном нарративе об обращениях в «царскую веру». Таким образом, конструировался образ преданного царю и сознающего свою русскость крестьянства. И только в редких случаях в официальной переписке проскальзывала информация о материальных мотивах крестьян при перемене вероисповедания⁷⁴⁰.

В официальной прессе восхвалялись и «возвращавшиеся» в православие местные дворяне⁷⁴¹. Но местные власти не

ленского Св. Духовского братства, 13 февраля сего 1867 года) // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год V. 1867. Книжка IV. Т. IV. Вильна, 1867. Отд. IV. С. 77.

737 ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 710. Л. 31.

738 Там же. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 1.

739 LVIA. F. 419. Ap. 2. B. 223. L. 1.

740 По версии местных властей, в местечке Быстрице (Виленский уезд Виленской губернии) крестьяне решили перейти в православие, потому что надо было дорого платить за религиозные требы: ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 16.

741 По поводу обращения князя Друцкого-Любецкого в православие // Виленский вестник. 1866. № 200; Корево А.К. Письмо к князю А.И. Друцкому-Любецкому // Виленский вестник. 1866. № 217; Успехи православия в Северо-Западной России (Извлечение из протокола 27 заседания виленского Св. Духовского братства, 13 февраля сего 1867 года) // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год V. 1867. Книжка IV. Т. IV. Вильна, 1867. Отд. IV. С. 78–79 и др.

могли не видеть, что по крайней мере некоторые местные помещики изъявляли желание перейти в православие в расчете на ожидаемые «привилегии». Так, несколько помещиков Вилейского уезда (Виленская губерния) заявили жандармскому офицеру о своем желании перейти в православие, «но желали знать, будет ли правительство считать их русскими»⁷⁴², то есть помещики надеялись, что тогда они смогут избежать дискриминационных мер, направленных против «лиц польского происхождения и католического исповедания», и пользоваться привилегиями, предназначенными для лиц «русского происхождения и православного исповедания». Не доверяли местные чиновники также и тем, кто изъявлял желание перейти в православие, находясь под следствием⁷⁴³. В действительности процесс перемены вероисповедания был более сложным, чем это было представлено в официальной и полуофициальной версиях.

Роль местной и центральной властей

В исторической литературе начало массового перехода католиков в православие иногда связывалось с именем вилен-

742 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 31.

743 Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению Польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863–1864 / Сост. Н. Цылов. Вильна, 1866. С. 291; LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1331. D. 1. L. 222–223; О переходе католиков в православие // Еженедельное прибавление к Русскому инвалиду. 1864. № 7. С. 9.

ского генерал-губернатора М.Н.Муравьева⁷⁴⁴. Действительно, этот процесс начался еще в 1864 — начале 1865 года, но все-таки М.Н.Муравьев не был горячим сторонником массового обращения католиков в православие⁷⁴⁵. В пользу такого предположения говорит и приведенная выше статистика: крупных масштабов этот процесс достиг при преемниках М.Н.Муравьева. Сам М.Н.Муравьев, конечно, радовался обращению католиков в православие⁷⁴⁶, но был, по всей видимости, настроен против предложения архиепископа Минского и Бобруйского Михаила учредить миссионерское «Религиозно-политическое общество для распространения православия»⁷⁴⁷. Поощрял присоединившуюся к православию шляхту, но подчеркивал, что «от духовенства и от образа его действий, а не от светской

744 Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния Православной Церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. М., 1899. С. 281; Vidmantas E. Religijinis tautinis sąjūdis Lietuvoje XIX a. antrojoje pusėje-XX a. pradžioje. Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 1995. P. 21.

745 Более подробно о политике М.Н.Муравьева в Северо-Западном крае см.: Долбилов М.Д. Конструирование образов мятежа: Политика М.Н.Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio nova 2000. М.: Глобус, 2000. С. 338–408; Сталюнас Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М.Н.Муравьева (1863–1865) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. VII. Вильнюс: Русские творческие ресурсы Балтии, 2002. С. 250–271.

746 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1725. L. 4–5, 22–25.

747 Ibid. L. 15–17, 18. Но эту идею не поддержал митрополит Литовский и Виленский Иосиф. См.: Ibid. L. 19.

полицейской власти, зависит укоренение в народе глубокого сознания религиозных обязанностей и утверждения в нем веры на незыблемых основаниях»⁷⁴⁸.

Статистические сведения ясно указывают на причастность к этим процессам преемника М.Н.Муравьева на посту виленского генерал-губернатора — К.П.Кауфмана, который, по словам одного местного чиновника, «несмотря на немецкую свою фамилию, был православный и вполне русский человек»⁷⁴⁹. В Виленской губернии, по донесению жандармского офицера, «движение в пользу православия» началось в первые месяцы 1866 года и к сентябрю того же года «почти прекратилось»⁷⁵⁰. Генерал-губернатор возлагал на структуры власти большие надежды и при обращении католического населения в православие.

Ощутимый толчок эта кампания получила после приема, оказанного царем одному из самых больших энтузиастов в деле обращения католиков в православие — военному начальнику Виленского уезда князю Николаю Николаевичу Хованскому: «Прием, оказанный Государем Императором князю Хованскому <...> дал толчок деятельности мировых посредников, почти все бросились обращать крестьян к православию и постоянно поступают требования о закрытии костелов

748 Ibid. В. 1331. Д. 1. Л. 17. Подтверждение можно найти и в мемуарной литературе: Воспоминания П.А.Черевина. 1863–1865. Кострома, 1920. С. 65–66.

749 Никотин И.А. Из записок // Русская старина. 1904. № 8. С. 312.

750 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 62, 64.

<...>⁷⁵¹. Но в Санкт-Петербурге не все поддерживали вмешательство светских властей в религиозную жизнь.

Форсирование «прямых обращений» при инициативе чиновников противоречило позиции и политике министра внутренних дел П.А.Валуева⁷⁵². Можно согласиться с современным российским исследователем Сергеем Викторовичем Римским, утверждающим, что П.А.Валуев не был сторонником грубого давления на католическую церковь и отдавал предпочтение политике веротерпимости (в понимании того времени), что, конечно, не мешало проводить в жизнь меры, призванные укреплять позиции православной церкви⁷⁵³. Исходную точку взглядов П.А.Валуева на эти проблемы характеризует одна фраза из его письма редактору М.Н.Каткову: «Россия сложилась так, что она от латинизма избавиться не может. Это не предположение, а данная, завещанная историей, следовательно, Божьим Промыслом»⁷⁵⁴. Поэтому неудивительно, что

751 Долбилов М.Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840–1873. Вильнюс: LII leidykla, 2010. С. 85.

752 Рядом с «прямыми обращениями», когда католики переходили в православие, в конфессиональной практике имперских властей был еще и другой метод умножения православной паствы — введение русского языка в дополнительное католическое богослужение, что понималось как подготовительный этап смены конфессии.

753 Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих Реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 244.

754 Михаил Никифорович Катков и граф Петр Александрович Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. Ноябрь. С. 247.

министр сразу же стал противником конфессиональной политики, которая проводилась в Северо-Западном крае, в том числе и по отношению к католической церкви⁷⁵⁵. К.П.Кауфман, формально находясь в подчинении министра внутренних дел, но чувствуя поддержку военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина⁷⁵⁶ и некоторых других влиятельных в Санкт-Петербурге лиц, старался проводить свою линию. Так, несмотря на то что министр внутренних дел не поддержал его предложение о возможности смещения католическими епископами лояльных властям ксендзов только при наличии согласия местных губернаторов⁷⁵⁷, он сообщил киевскому генерал-губернатору Александру Павловичу Безаку, что именно такой практики власти придерживаются в Северо-Западном крае⁷⁵⁸. Конечно, антикатолическая кампания была только одной из сфер, где столкнулись взгляды К.П.Кауфмана и П.А.Валуева.

Министр внутренних дел не мог долго терпеть такого положения. Благоприятная ситуация сложилась после неудавшегося покушения на императора 4 апреля 1866 года, когда, как писал Д. А. Милютин, «взяли верх темные силы реакции»,

755 В своем дневнике П.А.Валуев много раз выражал недовольствие назначением К.П.Кауфмана и свое несогласие с его политикой. См.: Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 2: 1865–1876 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 33, 45, 48, 50, 65, 72, 82, 110, 151.

756 К.П.Кауфман жаловался Д.А.Милютину на противодействие со стороны Министерства внутренних дел той политике, которую он проводил в Северо-Западном крае. ОР РГБ. Ф. 169. Папка № 10. Д. 22. Л. 133–134.

757 LVIA. F. 378. BS. 1865 m. B. 1526.

758 Ibid. B. 1503. L. 2–3.

«громко заговорила и польская интрига» и «нарекания на К.П.Кауфмана дошли и до государя»⁷⁵⁹. П.А.Валуев ждал удобного момента, в разговорах с царем он еще в сентябре готовил почву для отстранения виленского генерал-губернатора от должности, и наконец в начале октября 1866 года последовал указ Александра II об увольнении К.П.Кауфмана. Об истинных причинах этого решения царя не знал ни покровитель К.П.Кауфмана в Петербурге Д.А.Милютин⁷⁶⁰, ни следивший за всем происходящим в Вильне, где служил его брат, Юрий Федорович Самарин⁷⁶¹. В Северо-Западном крае ходили слухи, что К.П.Кауфман был снят, потому что занимался массовым обращением в православие⁷⁶². Записи в дневнике министра внутренних дел, который и был главным инициатором смены виленского генерал-губернатора, отчасти подтверждают версию о том, что антикатолическая политика К.П.Кауфмана стала если не главной, то хотя бы важной причиной устранения его от должности⁷⁶³. Интересно, что назначенный позже на пост

759 ОР ОГБ. Ф. 169. Папка № 11. Д. 2. Л. 267. Так же и в другой мемуарной литературе снятие К.П.Кауфмана объяснялось «происками польской партии». См.: Гене А. Виленские воспоминания // Русская старина. 1914. Май. № 6. С. 580.

760 ОР РГБ. Ф. 169. Папка № 11. Д. 2. Л. 269.

761 Там же. Ф. 265. Картон 37. Ед. хр. 7. Л. 17.

762 Там же. Ф. 120. Папка № 24. Л. 101; Картон 7. Ед. хр. 30. Л. 27. Согласно донесениям некоторых местных чиновников, К.П.Кауфман был снят за «преследование католицизма»: LVIA. F. 419. Ар. 2. В. 249. L. 38–39.

763 10 октября 1866 года министр внутренних дел сделал в дневнике запись в связи с подписанием императором указа об увольнении К.П.Кауфмана: «Страшно то, что наше правительство не опирается ни на одном нравственном начале и не действует ни одною нравственною силою. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву соб-

туркестанского генерал-губернатора К.П.Кауфман совсем не в духе своей политики в Северо-Западном крае запретил, опасаясь возникновения антиправительственного движения, православную миссионерскую деятельность⁷⁶⁴.

Очевидно, что после истории отставки К.П.Кауфмана новым виленским генерал-губернатором лютеранин Э.Т.Баранов стал неслучайно. Конфессиональная принадлежность нового «главного начальника края», кажется, должна была гарантировать, что кауфманской политике пришел конец, особенно в конфессиональной сфере. На это надеялись как П.А.Валуев⁷⁶⁵, так и католическое духовенство Северо-Западного края⁷⁶⁶, даже появились слухи, что «есть тайное указание губернаторам не давать ходу переходу крестьян в православие <...>»⁷⁶⁷. В

ственности, к чувству приличий нам совершенно чуждо. Мы только проповедуем нравственные темы, которые считаем для себя полезными, но несколько не стесняемся отступать от них на деле, коль скоро признаем это сколько-нибудь выгодным. Мы забираем храмы, конфискуем имущество, систематически разоряем то, что не конфискуем, ссылаем десятки тысяч людей, позволяем бранить изменю проявление человеческого чувства, душим, вместо того чтобы управлять, и, рядом с этим, создаем магистратуру, гласный суд и свободу или полусвободу печати» (курсив мой. — Д. С.). См.: Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 2: 1865–1876. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 155.

- 764 Geraci R.P. *Going Abroad or Going to Russia? Orthodox Missionaries in the Kazakh Steppe, 1881–1917 // Of religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. P. 281.*
- 765 Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 2: 1865–1876. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 152–153.
- 766 ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 700. Л. 4.
- 767 ОР ОГБ. Ф. 120. Картон 7. Ед. хр. 30. Л. 57.

мемуарной литературе можно встретить утверждения, что Э.Т.Баранов «не мог иметь сочувствия к православию, и раздутое пламя погасло мгновенно»⁷⁶⁸, но новый генерал-губернатор во многом продолжал политику К.П.Кауфмана, а по словам одного современника, та область, в которой генерал-губернатор «старался перещеголять своих православных предместников, — это усердие в закрытии костелов»⁷⁶⁹. В некоторых случаях он даже предлагал более радикальные меры в отношении католической церкви в Северо-Западном крае⁷⁷⁰. Заботился новый генерал-губернатор и о распространении православия, тем более что Александр II, будучи в Вильне, ясно дал понять, что его радует массовый переход крестьян в православие⁷⁷¹. Но при этом в предложениях, адресованных

768 РО РНБ. Ф. 856. Д. 5. Л. 329.

769 ОР ОГБ. Ф. 120. Папка 20. Л. 90.

770 Э.Т.Баранов предлагал удалить из епархии тельшевского епископа М.Валанчюса, упразднить Минскую католическую епархию, оставить во всей Российской империи только одну католическую семинарию: копия записки виленского генерал-губернатора «О римско-католическом духовенстве в Северо-Западных губерниях». На эту записку последовала резолюция Александра II «Рассмотреть в особом совещании из К. Горчакова, Мин. В. Дел, К. Урусова, гр. Шувалова, гр. Толстого и обоих генерал-губернаторов Западного края, с тем, чтобы общее их заключение было представлено на мое усмотрение — 11 декабря 1867 г.». LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 308. L. 2–31.

771 Официальная местная газета так передавала слова Александра II, адресованные бывшим католикам: «Очень рад вас видеть православными; уверен, что вы перешли в дневную веру края с убеждением и искренно; знайте, что раз принявшим православие Я ни под каким видом не позволю и не допущу, возвратиться в католичество; знайте это и скажите это от Меня всем своим; слышите ли? Повторяю, рад вас видеть православными»: Вильна, 12–13-го июня //Виленский вестник. 1867. № 68. Местные чиновники старались использовать этот факт в

центральной властью, виленский генерал-губернатор подчеркивал, что надо «усугубить надзор за невмешательством светской власти и администрации в религиозные вопросы»⁷⁷². Непоследовательность политики Э.Т.Баранова отмечал и П.А.Валуев⁷⁷³.

Серьезные перемены в отношении местных властей к массовому переходу католического населения в православие произошли только с назначением на пост виленского генерал-губернатора А.Л.Потапова в 1868 году⁷⁷⁴. В исторической литературе утверждается, что А.Л.Потапов был убежден в том, что насильственные меры в сфере религии приводят только к сопротивлению и что религиозностью населения должны заниматься в первую очередь духовные власти, а не администрация⁷⁷⁵. Один из виленских чиновников утверждал, что

своей миссионерской деятельности. Они собирали крестьян и зачитывали им слова императора, адресованные крестьянам, принявшим православие: LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1152. L. 30.

772 Ibid. Ap. 216. B. 308. L. 64.

773 «<...> он [Э.Т.Баранов] не принял к руководству ни одного из двух господствующих в высшей правительственной сфере взглядов на дела края, а колебался между обоими и, по видимому, предполагал, что где-нибудь в середине между ними должен был находиться взгляд государя». См.: Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 2: 1865–1876. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 414.

774 К А.Л.Потапову резко негативно относились соратники М.Н.Муравьева, обвинявшие его в полонофильстве. См.: Никотин И.А. Из записок // Русская старина. 1903. Т. 116. С. 546–550; Кулин В.П. О наших культурных задачах в Северо-Западном крае // Наблюдатель. 1900. Т. 6. С. 36, 43.

775 Извеков Н.Д. Исторический очерк. С. 320–327.

А.Л.Потапов еще при М.Н.Муравьеве⁷⁷⁶ доносил в Петербург о случаях насильственного обращения в православие⁷⁷⁷. Можно, конечно, усомниться в некоторых утверждениях современников, представляющих А.Л.Потапова как чиновника, индифферентно относившегося к православию⁷⁷⁸, но все же перемены в конфессиональной политике были существенными. Недвусмысленный отход от кауфманской практики обнаружился и в предложении нового генерал-губернатора позволить тем из бывших католиков, которые только дали подписки о готовности присоединиться к господствующей вере, но еще не исполнили обрядов православной церкви, остаться в прежней ве-

776 А.Л.Потапов был назначен помощником виленского генерал-губернатора 14 июля 1864 г.

777 Воспоминания П.А.Черевина. 1863–1865. Кострома, 1920. С. 65.

778 По словам А.П.Владимирова, одного из виленских деятелей того времени, новый генерал-губернатор «публично и в глаза обругал православное духовенство за то, что оно обращало католиков в Православие насильственно». См.: Владимиров А.П. О положении православия в Северо-Западном крае. М., 1893. С. 51. Виленский губернатор И.А.Шестаков утверждал: «Потапов беспрестанно убеждал меня, что дело православия в крае почти проиграно». См.: РО РНБ. Ф. 856. Д. 5. Л. 330. Такие утверждения опровергает циркуляр А.Л.Потапова от 17 сентября 1869 года, в котором он частично исполнил просьбу архиепископа Литовского и Виленского, указав своим подчиненным «оказывать должное внимание и уважение православному духовенству и содействие всем его законным требованиям; <...> разъяснять народу всю нелепость слухов о каком-то, будто бы, повороте правительства в пользу латинства; <...> обратить особенное внимание и внушить полицейским властям строжайше преследовать совершение римско-католическим духовенством треб для православных прихожан, в каких бы видоизменениях это не представлялось <...>»: LVIA. F. 378. BS. 1869 m. B. 979. L. 5–6.

ре⁷⁷⁹. Довольно симптоматичным было и то, что почти сразу после своего назначения А.Л.Потапов отправил на пенсию главного деятеля обращения католического населения в православие Алексея Петровича Стороженко⁷⁸⁰. То есть, несмотря на то что новый генерал-губернатор и дальше закрывал католические костелы и некоторые из них обращал в православные церкви⁷⁸¹, он старался прекратить кауфманскую практику, при которой, по его словам, принимали меры «не разбирая средств»⁷⁸².

Исполнители

Архиепископ Литовский и Виленский Макарий (Булгаков) в 1869 году признал, «что самое присоединение этих христиан к православной церкви совершено не одним православным духовенством силою его проповеди, а преимущественно при содействии гражданской власти»⁷⁸³. Непосредственно обраще-

779 Но министр внутренних дел не поддержал предложения А. Л. Потапова о возбуждении общего вопроса по этому поводу и указал разрешать эти проблемы частным путем. Переписку по этому делу см.: LVIA. F. 378. Ар. 216. В. 354.

780 Ibid. BS. 1868 m. В. 334.

781 Ibid. В. 1641; Виленский вестник. 1868. № 52. По утверждению Сергея Викторовича Римского, строительство новых православных храмов при А.Л.Потапове шло не так интенсивно, как при его преемниках. См.: Римский С.В. Российская церковь. С. 383.

782 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3723. Л. 39.

783 LVIA. F. 378. BS. 1869 m. В. 979. Л. 3. Примерно то же утверждал и виленский губернатор при А.Л.Потапове И.А.Шестаков: «Предшествовавшая администрация К.П.Кауфмана, надо согласиться, оставила нам неудобное наследие. Движение в православие было возбуждено в его время усиленным влиянием административной власти. Видя одобре-

нием местного населения в православие, по словам А.Л.Потапова, занимались мировые посредники, уездные начальники, исправники и становые приставы⁷⁸⁴. Конечно, в этом случае можно предполагать, что А.Л.Потапов в определенном смысле был склонен к тенденциозности. Критически оценивая методы, которые применялись при массовом обращении в господствующую веру, он подчеркивал, что ведущая роль в этом процессе принадлежала совсем не тем, кому в первую очередь полагалось заниматься духовными делами, — то есть не православному духовенству. Многие другие источники также указывают, что в массовом обращении католиков в православие активное участие принимали местные чиновники⁷⁸⁵, которым губернские власти старались выхлопотать награды⁷⁸⁶. Особенным усердием отличались военные начальники (некоторые из них сами не были православными⁷⁸⁷), жандармские офицеры⁷⁸⁸, а также мировые посредники⁷⁸⁹. Иногда местные чиновники действовали по своей инициативе,

ние главного начальника края в деле, совпадавшем с собственными убеждениями, низшие исполнители вдалились в него со всею ревностью подчиненных, желавших выслужиться». См.: РО РНБ. Ф. 856. Д. 5. Л. 329.

784 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3723. Л. 39.

785 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 64; Владимиров А.П. О положении православия в Северо-Западном крае. С. 87–88.

786 LVIA. F. 378. BS. 1865 m. B. 1647.

787 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 4–6; LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1112. L. 2; BS. 1865 m. B. 1601. L. 4.

788 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1331. D. 1. L. 212, 230–231.

789 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 25, 26, 76; LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1331. D. 2. L. 43; BS. 1866 m. B. 1152. L. 52.

и вышестоящее начальство узнавало уже о свершившихся фактах «возвращения» или присоединения.

Некоторые современники, противники кауфманской «полицейской пропаганды» в религиозных делах, указывали и на активное участие евреев в «уговаривании» крестьянского населения перейти в православие⁷⁹⁰. В этом случае, конечно, надо учитывать, что, комментируя этот процесс, противники кауфманских методов стремились использовать в негативном свете действительное или мнимое участие евреев в этом «важном для православия деле» — ведь не может быть ничего более предосудительного, чем сотрудничество православных с иудеями в миссионерской работе среди католического населения.

Конечно, массовое обращение белорусских крестьян в «царскую религию» не могло произойти без участия православного духовенства⁷⁹¹, но все же как энтузиасты массового обращения, так и другие современники часто подчеркивали пассивность или неспособность православного духовенства активно участвовать в этом процессе⁷⁹². Еще хуже, по мнению местных чиновников, было то, что некоторые православные священники фактически тормозили это дело, запрашивая слишком большие деньги за требы или требуя от новообра-

790 ОР ОГБ. Ф. 120. Папка № 24. Л. 105. Один «истинно русский» житель Гродно утверждал, что евреи сбрасывали статуи святых со стен закрытого кармелитского костела: ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 700. Л. 11.

791 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 25, 26; Извеков Н.Д. Исторический очерк. С. 284.

792 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 64–65; LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1380. L. 1; BS. 1865 m. B. 1354. L. 5–6; Владимиров А.П. О положении православия в Северо-западном крае. С. 88.

щенных крестьян «знания и точного соблюдения всех до подробности обрядов православия»⁷⁹³.

Но были и сторонники «русского дела», открыто ратовавшие за инициативу в конфессиональных делах светской власти. Так, один из инициаторов проекта, предусматривавшего присоединение католической церкви к православной, архиепископ Антоний (Зубко), еще в 1864 году отдавал предпочтение в миссионерской деятельности не православным священникам, а местным чиновникам, утверждая, что крестьяне скорее поверят последним: «Крестьяне, побуждаемые живою благодарностью за освобождение их от крепостной зависимости, охотно бы присоединялись к православию, если б узнали, что этого, для их же блага, желают Государь и батька Муравьев. Если б об этом сказали им православные священники, они бы подумали, что священники... только желают умножения своих прихожан. Но они поверили бы, если б сказал им высший чиновник вроде Стороженки вместе с мировым посредником, и соглашались бы быть православными после откровенного объявления и объяснения»⁷⁹⁴. Активная роль именно светских властей, а не духовных предопределила и методы обращения в православие.

793 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 308. L. 63; BS. 1866 m. B. 1301. L. 22.

794 Три докладные записки бывш. архиепископа Минскаго Антония Зубко гр. М. Н. Муравьеву (1864 г.). Вильна, 1901. С. 15. Также см.: LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1461. L. 8; Долбилов М.Д., Сталюнас Д. Обратная уния. С. 31.

Методы «прямых обращений»

В отчетах местных чиновников и в газетных публикациях о массовом обращении в православие почти всегда подчеркивалось, что процесс проходил добровольно. Конечно, официальные инструкции предусматривали применение исключительно мер внушения. Чиновники разного уровня подчеркивали, что в этом деле надо «действовать сколь можно осмотрительнее, стараясь присоединить их к православию мерами кроткими внушения и убеждения, не прибегая к крайностям и строгим мерам»⁷⁹⁵.

Еще в 1865 году некоторые ревнители православия жаловались на то, что не было никакого плана и единообразия в действиях местных властей и православного духовенства в обращении местного населения в господствующую религию⁷⁹⁶. Частично эту проблему координации должна была решить Ревизионная комиссия. Правда, она занималась не самим обращением, но другими вопросами, например уменьшением числа католических костелов и часовен, определением «нормального штата ксендзов»⁷⁹⁷. Комиссией руководил А.П.Стороженко, который еще до создания комиссии активно занимался обращением сельского населения в православие. Фактически он был самым инициативным деятелем в этой области, стремился к тому, чтобы процесс «прямых обращений» получил систематический характер.

795 LVIA. F. 378. BS. 1865 m. B. 1357. L. 12.

796 Ibid. B. 1354. L. 25–26; ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 21.

797 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1340. L. 1–3.

Несмотря на наличие жалоб на отсутствие координации, можно выделить некоторые довольно часто встречающиеся методы, которые местные власти использовали при обращении крестьянского населения в православие. При этом не буду обсуждать косвенные методы, направленные на ослабление католической церкви, такие как сокращение числа католического духовенства, перемещение ксендзов из одного прихода в другой, упразднение Минской епархии и другие подобные меры.

Сначала имперским властям надо было поднять статус православия в глазах местного населения. Чиновники знали, что престиж католичества как «панской» религии, особенно в восприятии крестьянства, часто был выше, чем православия. Поэтому местные чиновники, стараясь поднять неформальный статус «господствующей религии», изменили риторику в общении с народом и агитировали перейти в «царскую религию». Исповедовать такую же религию, что и царь, должно было быть престижно.

Как и во многих других случаях, при обращении католического населения в православие использовалась практика «кнута и пряника». Иногда крестьяне после перемены вероисповедания получали некоторые материальные выгоды (участки, лес на постройку домов, денежные пособия и так далее), им выплачивалось по 5 рублей серебром⁷⁹⁸. Перешедшая в право-

798 LVIA. F. 378. BS. 1865 m. B. 1601; Успехи православия в Северо-Западной России (Извлечение из протокола 27 заседания вильенского Св. Духовского братства, 13 февраля сего 1867 года) // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год V. 1867. Книжка IV. Т. IV. Вильна, 1867. Отд. IV. С. 78.

славие шляхта могла селиться на казенных землях⁷⁹⁹. Местные власти искали возможности определить дворян, перешедших в господствующую религию, на государственную службу⁸⁰⁰. Такие лица освобождались от процентного сбора⁸⁰¹. Перемена вероисповедания иногда помогала избежать ссылки⁸⁰².

А.П.Стороженко предполагал использовать и католических ксендзов для обращения в православие: «В настоящее же время Правительство к распространению православия приняло систему самую безукоризненную: ксендзы вводили в Западном крае Латинство, а теперь, по пословице, „клин клином выбивают“, те же ксендзы обращают католиков в Православие. Лучших пропагандистов трудно отыскать, ксендзы по части прозелитизма сих дел майстера»⁸⁰³ (подчеркнуто автором). Особое внимание некоторые сторонники обращения в православие уделяли подкупу католического духовенства⁸⁰⁴. Часть местных бюрократов видела в ксендзах не фанатиков католицизма, а просто корыстных людей, готовых за материальные выгоды не только поменять религию, но и привести в господствующую церковь своих прихожан. Практика подкупа, по свидетельству А.П.Стороженко, оправдала себя в Минской губернии, поэтому ее предполагалось распространить и на

799 LVIA. F. 1671. Ap. 4. B. 98. L. 72.

800 Ibid. F. 378. BS. 1867 m. B. 183; KRVA. F. 50. Ap. 3. B. 899.

801 Staliūnas D. «The Pole» in the Policy of the Russian Government: Semantics and Praxis in the Mid-Nineteenth Century // Lithuanian Historical Studies. 2000. Vol. 5. P. 60.

802 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1798. L. 12.

803 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1331. D. 2. L. 64.

804 ОР ОГБ. Ф. 120. Папка № 22. Л. 19.

другие регионы Северо-Западного края⁸⁰⁵. Особый резонанс имела история о переходе в православие в 1866 году ксендза Иоанна Стрелецкого и прихожан Подберезской парафии⁸⁰⁶. Некоторых из таких священников не уважали и местные русские. Один из них так прокомментировал предложение ксендза перейти в православие вместе со своими прихожанами (всего 400 человек) в том случае, если ему за это заплатят 1000 рублей: «Мне кажется, что правительство не должно задуматься приобрести 400 душ православных за 1000 рублей; ведь это всего по 2 руб. 50 коп. штука, а польза-то какая в будущем! Вот черта, прекрасно характеризующая польское духовенство!»⁸⁰⁷

Обращение в православие католических ксендзов сулило ревнителям православия не только сиюминутную выгоду, то есть присоединение целых приходов, но и давало им действенное средство для дальнейшей агитации (обращение в православие ксендзов должно было исключительно негативно действовать на умонастроения католического населения), так и, возможно, определенное преимущество во фракционной борьбе, которая велась в бюрократических сферах. Активное участие в этом процессе самого католического духовенства было призвано показать ненасильственный характер массовых обращений. Поэтому присоединение к православию католиче-

805 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1331. D. 2. L. 60–64. Правда, если верить информации Н.Д.Извекова, таких ксендзов было всего четверо. См.: Извеков Н.Д. Исторический очерк. С. 300–301.

806 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1137.

807 ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 700. Л. 3. Над такими ксендзами в официальной переписке издевался и А.П.Стороженко: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1380. L. 14–15.

ских ксендзов интенсивно освещалось в периодической печати.

Помимо поощрительных, использовались и другие меры. Согласно закону, желающий перейти в православие в первую очередь давал об этом подписку и только потом происходил церковный обряд (новообращенный должен был дать присягу, исповедаться и причаститься, после чего делалась запись в метрической книге). В Остзейском крае в 1840-х годах в период массового перехода в православие был установлен шестимесячный испытательный срок с момента изъявления желания до фактического обращения⁸⁰⁸, а в Северо-Западном крае хватало подписки и присяги, чтобы бывший католик официально стал православным⁸⁰⁹, потому что «подписка есть обязательство пред гражданским законом, преследующим измену

808 Haltzel M. Der Abbau. S. 21. Было и больше отличий от ситуации в Прибалтийских губерниях в 1840-х годах: в последних при переходе в православие требовалось обязательное присутствие самого просителя, коллективные прошения были запрещены; у крестьян собирались подписки о том, что они присоединяются к православию только из духовных побуждений, и так далее. При этом надо также отметить, что разница между этими случаями была не только в формальной стороне самого процесса обращения, но и в подходах к обращению местных властей и православного духовенства. В Прибалтийских губерниях по сравнению с Северо-Западным краем как власти, так и местное православное духовенство были менее активными, а иногда и очень осторожными при массовом обращении местных жителей. См.: Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии. XIX век. Рига: Филокалия, 1999. С. 73–182.

809 Такую практику критиковал А. Л. Потапов.

охраняемой им Господствующей церкви; а присяга есть клятвенное обещание Богу, имеющему воздать в предопределенное время клящемуся по словам Его»⁸¹⁰. Вместе с тем и официальная переписка того времени показывает, что бывали случаи, когда вместе с мужчинами, изъявившими желание перейти в православие, в списки православных вносились не только их дети, но и жены или другие родственники⁸¹¹, в других случаях подписи добывались обманным путем⁸¹². А.Л.Потапов утверждал, что «нередко римско-католики заносились в списки обратившихся в православие целыми селениями не только без согласия, но даже и без ведома»⁸¹³.

Совсем другая картина по сравнению с официальной версией вырисовывается при чтении жалоб и прошений, подписанных крестьянами-католиками. Например, крестьяне Заславской волости (Минский уезд, Минская губерния) утверждали, что местные чиновники при помощи казаков пригнали

810 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1178. L. 11. Но в 1864 году, согласно некоторой информации, крестьянам, которые дали подписку о желании перейти в православие, но передумали до совершения церковного обряда, позволялось оставаться католиками. См.: ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 4–6.

811 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1155. L. 4–7; Ар. 216. B. 354. L. 2. Католическое духовенство также указывало на факты, когда католики без их ведома вписывались в списки лиц, изъявивших желание перейти в православие: Ibid. F. 604. Ар. 5. B. 528. L. 1.

812 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 7–9; LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1331. D. 2. L. 5–8. В описываемом случае инициатор обмана писарь Тейх был предан уголовному суду.

813 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3723. Л. 39.

их в церковь, избили и насильно окрестили⁸¹⁴. В таких ситуациях власти всегда искали подстрекателей и в абсолютном большинстве случаев «доказывалась» необоснованность этих жалоб, и, как следствие, просьбы об оставлении в католицизме отклонялись⁸¹⁵. Но не только «возвратившиеся в православие» крестьяне жаловались на насилие. В столичные газеты посылалась информация о неприглядных эпизодах «добровольного» перехода в православие. Так, в письме, адресованном газете «Весть», описывались действия мировых посредников: «Упорствующих запирает только в холодную, и в течение нескольких суток не дает пищи. Этот милый и почтенный старичок принадлежит к числу самых умеренных деятелей (подобных мало). Другой (а таких очень много) идет далее, то есть если не действует холод и голод, то на упрямых употребляет постоянно розги и казачьею нагайку, не принимая в счет кулачных побоев, употребляемых в промежутках, и случается, что новобранцы приходят в Церковь с распухшими и окровавленными рожами, как несомненными доказательствами их добровольного воссоединения с Православной церковью!» (подчеркнуто автором)⁸¹⁶. И в самый разгар обращения в православие, то есть в 1866 году, некоторые местные чиновники признавали,

814 LVIA. F. 378. BS. 1868 m. B. 1625. L. 17–18.

815 Извеков Н.Д. Исторический очерк. С. 268–269. Подтверждения можно найти, например, в десятках дел, хранящихся в архиве виленского генерал-губернатора (в общем отделе) в LVIA. Выяснить, кто писал эти прошения, действительно ли они отражали взгляды крестьян, затруднительно.

816 ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 710. Л. 26. Подобная же информация посылалась и в петербургский «Голос»: Там же. Д. 700. Л. 13–14.

что в этом деле не обошлось без принудительных мер. Например, виленский жандармский офицер Александр Михайлович Лосев писал, что обращение крестьянского населения в православие «совершалось без особенного насилия»⁸¹⁷, а значит, какое-то насилие присутствовало. А.П.Стороженко был фактически готов оправдать любые меры: «Читая историю бывших истязаний и угнетений православного люда, всяким русским, православным, овладеет такое негодование, что если бы возвращение окатоличенных в лоно Православия и сопровождалось крутыми мерами, то и тогда они не возмутили бы совести самых умеренных людей»⁸¹⁸.

Еще одна мера, которая должна была способствовать «прямым обращениям» (хотя в некоторых случаях была и его результатом), — закрытие католических костелов и часовен и превращение части из них в православные церкви — имела и официальную санкцию высших властей. Систематическое закрытие католических костелов и часовен проводилось при виленском генерал-губернаторе К.П.Кауфмане, хотя и в этом случае процесс начался еще при М.Н.Муравьеве. В июле 1865 года виленский генерал-губернатор поручил губернаторам представить «соображения о новом устройстве римско-католических приходов, которые бы удовлетворяли действительной нужде прихожан», что фактически означало указание представить план уменьшения числа костелов и приходов⁸¹⁹. В начале 1866 года эта задача была поручена Ревизионной

817 Там же. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 62.

818 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. B. 1331. D. 2. L. 64.

819 Ibid. BS. 1865 m. B. 1615. L. 1.

комиссии⁸²⁰, по мнению которой проблему следует решать систематически, и начать надо с Волковысского уезда (Гродненская губерния), где к православию присоединилось наибольшее число католиков (к началу 1867 года число достигло 10 154 человек). Кроме домашних алтарей и часовен, было предложено закрыть четыре костела (один из них — в Россах — должен быть обращен в православную церковь) и вместе с тем упразднить четыре прихода (прихожане причислялись к другим приходам)⁸²¹.

Всего только в пяти губерниях Северо-Западного края с 1864 по 1 июня 1869 года были закрыты 377 католических костелов, монастырей и часовен: в Витебской губернии — 70, в Гродненской — 62, в Виленской — 85, в Минской — 145, в Ковенской — 15⁸²². Часть этих зданий уже к июню 1869 года была переделана в православные церкви, другие ждали такой участи, а некоторые были, по официальной формулировке, «переданы в ведение православного ведомства» (в Витебской губернии такая участь постигла 33 бывших католических молитвенных здания, в Гродненской — 50, в Виленской — 51, в Минской — 61, в Ковенской — 1)⁸²³.

Скорее всего, в связи с тем, что закрытие костелов и обращение некоторых из них в православные церкви в 1865 —

820 Ibid. BS. 1866 m. B. 1340. L. 1–3. Переписку Ревизионной комиссии по этой проблеме см.: Ibid. B. 2722; B. 2273; B. 2274.

821 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 2526. L. 15–16.

822 Ibid. BS. 1869 m. B. 946. Эти цифры вряд ли могут считаться окончательными.

823 Там же. Конечно, не все костелы и часовни впоследствии были превращены в православные церкви.

начале 1866 года приобрело масштабный характер, центральные власти решили упорядочить этот процесс, и 4 апреля 1866 года Александр II подписал указ, которым определялись случаи, когда генерал-губернаторам Северо-Западного и Юго-Западного края разрешалось закрывать католические моленные дома: филии приходских костелов и часовни закрывались в тех случаях, когда были построены без разрешения или когда признавались вредными; приходские костелы должны были быть закрыты вследствие обращения большинства верующих в православие и малочисленности прихожан-католиков или по другим особо важным причинам. Этим же указом позволялось обращать закрытые костелы в церкви. Министр внутренних дел должен был получать информацию после осуществления решений генерал-губернаторов. В сентябре того же года процедура была изменена, и закрывать костелы и часовни отныне позволялось только после предварительной консультации в каждом случае с Министерством внутренних дел⁸²⁴. Это изменение в порядке принятия решений, скорее всего, было связано с конфликтом между К.П.Кауфманом и П.А.Валуевым.

Иногда предложением для закрытия костела служило прошение обратившихся в православие крестьян, но это было совсем не обязательно. Например, часовни в Северо-Западном крае закрывались, потому что власти не находили официальных документов, подтверждающих их существование⁸²⁵. Предложением закрытия костелов нередко служила антиправительственная деятельность ксендзов или то обстоятельство, что в них «пелись революционные гимны и разбрасывались возмути-

824 ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 728. Л. 3.

825 LVIA. F. 378. BS. 1868 m. B. 1587.

тельные прокламации»⁸²⁶. Нередко также указывалось, что эти костелы и часовни вредно влияют на православное население, иначе говоря, привлекают крестьян в католицизм⁸²⁷. Также костелы часто закрывались и превращались в церкви под предлогом того, что к православию присоединилось большое количество крестьян, а оставшееся количество прихожан-католиков было очень незначительным⁸²⁸. Но бывали случаи, когда в этих приходах оставалось достаточно много прихожан. Так, например, минский губернатор предложил закрыть Кривошинский костел (Новогрудский уезд Минской губернии), когда в приходе все еще оставалось 1140 прихожан-католиков⁸²⁹. А Заблудовский костел в Белостокском деканате, хотя и имевший 4519 прихожан, предложено было закрыть только по той причине, что «приход сей мало-помалу образовался через совращение ксендзами православных прихожан как местной Заблудовской церкви, так и соседних церквей»⁸³⁰. Наряду с этими часто встречавшимися мотивами иногда приводились и другие аргументы: например, что православные не имеют вблизи церкви, поэтому костел надо обратить в церковь⁸³¹. Одной из самых важных причин закрытия костелов и превращения части из них в православные церкви была

826 Ibid. BS. 1865 m. B. 1435. L. 1; B. 1359. L. 5; BS. 1866 m. B. 1131. L. 1; B. 1335. L. 7.

827 Ibid. B. 1132. L. 1; BS. 1868 m. B. 1610. L. 1–2.

828 Ibid. BS. 1866 m. B. 1131. L. 1; B. 1337. L. 5.

829 Ibid. B. 1301. L. 2–3.

830 Ibid. B. 2274. L. 344–345. По имеющимся данным, эта церковь не была закрыта.

831 LVIA. F. 694. Ap. 1. B. 2257. L. 1.

надежда, что таким образом обращение местного населения в православие будет проходить более успешно⁸³².

Церковный обряд освящения православной церкви совершался в особо торжественной обстановке. Часто в этих торжествах участвовали не только местные архиепископы, но вся местная гражданская власть, включая и губернаторов.

В то же время надо отметить, что в некоторых случаях власти старались, чтобы переход в православие не был связан с сильными внешними переменами: «Оставляют в церквях прежде чтимые иконы и белые хоругви, пока не изменяются прежде носимые имена и не возбраняется знаменование римско-католическим крестом» и по крайней мере первые проповеди иногда произносились на местных наречиях⁸³³.

С назначением виленским генерал-губернатором А.Л.Потапова процесс закрытия католических костелов заметно замедлился: в 1868–1869 годах были закрыты 22 костела (16 парафиальных и 6 филий) и 28 часовен, при этом новый генерал-губернатор старался, чтобы «остающиеся за упразднением костелов здания немедленно обращались в православные храмы, если того требуют местные условия и имеются на то необходимые средства». Закрытые костелы, которым не нашли другого употребления, по мнению А.Л.Потапова, не делали чести властям, потому что они доказывали их неспособность

832 Ibid. F. 378. BS. 1865 m. B. 1367. L. 2; B. 1435. L. 1; B. 1354. L. 26; BS. 1866 m. B. 1142. L. 1; B. 1262. L. 1.

833 (Вил. губ. вед.,) Поездка в местечко Островец Виленского уезда, по случаю освящения тамошней церкви // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал. Год V. 1867. Книжка I. Т. I. Вильна, 1867. Отд. IV. С. 94–95.

построить на этом месте православные храмы⁸³⁴. Можно также предположить, что генерал-губернатор хорошо понимал, что закрытые властями костелы всегда будут напоминать местному католическому населению об имевших место преследованиях. Но не только благодаря А.Л.Потапову случалось, что местные власти не спешили обращать костелы в церкви. Иногда такие инициативы останавливали в Санкт-Петербурге⁸³⁵. В 1865 году могилевский губернатор предложил не закрывать костел в Кричеве потому, что он был построен с разрешения властей частными лицами на собственные средства⁸³⁶. В других случаях в 1860-х годах местные власти от принятия такого решения удерживало то, что после закрытия костела осталось большое число прихожан-католиков, при этом расстояние до других костелов было довольно значительным или намеченный к закрытию костел был «ветхий и к

834 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 324. L. 46–48.

835 Например, товарищ министра внутренних дел Алексей Борисович Лобанов-Ростовский в 1867 году сначала не дал разрешения на закрытие Столовичского костела (Новогрудский уезд Минской губернии) и обращение его в православную церковь, в том числе и потому, что за изъявивших желание перейти в православие неграмотных крестьян подписался волостной писарь. А.Б.Лобанов-Ростовский хотел удостовериться в том, что крестьяне действительно намерены перейти в православие, но в конце концов виленский генерал-губернатор Э.Т.Баранов настоял на своем, апеллируя к тому, что, во-первых, надо доверять донесениям военачальников и, во-вторых, этот костел все равно надо закрыть из-за малочисленности прихожан: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1187.

836 Ibid. BS. 1865 m. B. 1335. L. 3–4.

переделке в православную церковь не годен»⁸³⁷. История с костелом в Пружанах (Гродненская губерния) очень хорошо характеризует разницу во взглядах виленских генерал-губернаторов на эту проблему. Жители Пружан (в жалобе местных католиков говорилось, что эту жалобу подписали и не католики⁸³⁸) обратились к властям с просьбой перестроить недостроенный костел в церковь, но виленский генерал-губернатор М.Н.Муравьев велел выразить им благодарность и пояснил, что власти и сами могут построить церковь, а недостроенное здание, добавил М.Н.Муравьев, можно отдать народной школе или найти какое-нибудь другое употребление. Но позже К.П.Кауфман, несмотря на протесты местного католического населения, приказал перестроить недостроенный костел в Пружанах в церковь⁸³⁹.

Усердие в закрытии костелов и обращении их в церкви, которым особенно отличились К.П.Кауфман и Э.Т.Баранов, вызывало симпатии не у всех сторонников «русского дела». Если А.Л.Потапов, как уже отмечалось выше, критиковал оставление бывших костелов без употребления, то сторонники введения русского языка в дополнительное католическое богослужение замечали, что закрытие костелов приведет к усилению польского влияния: «Можно ли выиграть русское дело оттого, что невинных крестьян-католиков заставляют часто ходить к обедне за 20, а иногда даже за 25 верст и более (это положительно верно). Ведь кто не пойдет к обедне, тот будет

837 Ibid. В. 1367. L. 8–9; BS. 1866 m. В. 1292. L. 2–3; BS. 1868 m. В. 1583.

838 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866 г. Д. 212. Л. 54.

839 LVIA. F. 378. BS. 1864 m. В. 1289.

читать польские же молитвенники! Между тем это может только усилить влияние панов, которое никак не лучше влияния ксендзов»⁸⁴⁰.

Такая политика «прямых обращений» прекратилась с назначением на пост виленского генерал-губернатора А.Л.Потапова, но были и другие, также весьма веские причины, тормозившие процесс «прямых обращений».

Отход от политики «прямых обращений»

Именно в 1860-х годах в соседнем Остзейском крае крестьяне, перешедшие в 1840-х годах в православие, начали возвращаться в лютеранство⁸⁴¹, на что обращал внимание и редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков, имея в виду Северо-Западный край и политику властей по отношению к белорусам-католикам⁸⁴². И здесь началось обратное движение. Э.Т.Баранов не исключал, что оно «примет широкие размеры»⁸⁴³. Обратный переход из православия, как уже отмечалось, по российским законам, был запрещен. Поэтому значительное количество крестьян не ходило ни в церкви, ни в костелы (а это значит, например, что новорожденные оставались некрещеными и так далее). Такая ситуация в середине XIX века не могла считаться нормальной. Не случайно некоторые совре-

840 ОР ОГБ. Ф. 120. Папка № 20. Л. 90.

841 Haltzel M. Der Abbau. S. 65–68; Римский С.В. Российская церковь. С. 189.

842 [Катков М.Н.] Москва, 9-го июля // Московские ведомости. 1866. № 144.

843 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 308. L. 65.

менники напрямую связывали активность властей в обращении крестьян в православие и возникновение «демагогических начал», «социальных учений» и «нигилизма»⁸⁴⁴. Бывшие католики подавали прошения, иногда даже оказывали активное сопротивление, когда власти закрывали костелы и часовни. Власти в таких случаях, как правило, искали «подстрекателей» и находили их (хотя иногда не предъявляли никаких доказательств). Часто обвиняли не только самих крестьян, но и ксендзов, женщин, костельных братчиков⁸⁴⁵.

Можно предположить, что одним из самых успешных инструментов антиправительственной политики были слухи. По донесениям разных чиновников, распространялись слухи, что ни царь, ни виленский генерал-губернатор Э.Т.Баранов не желают, чтобы крестьяне переходили в православие, что «у нашего царя 77 вер», что не бывшим у исповеди и не причастившимся позволят вернуться в католичество и так далее⁸⁴⁶.

Донесения местных чиновников позволяют говорить о том, что перешедшие в православие местные жители оказались в сложной ситуации. Враждебность со стороны католического населения иногда становилась причиной и тяжелого материального положения неопитов⁸⁴⁷. Так, по донесению виленского губернатора в Подберезской волости перешедшие в

844 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 81.

845 LVIA. F. 604. Ap. 5. B. 426. L. 30; F. 378. BS. 1866 m. B. 1152. L. 83–91; B. 1301. L. 42–46.

846 Ibid. F. 378. BS. 1867 m. B. 1179. L. 1; F. 419. Ap. 2. B. 249. L. 28–29; BS. 1864 m. B. 1331. D. 2. L. 141.

847 Ibid. F. 378. BS. 1866 m. B. 1181. L. 1; ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 34–35.

православие, не получив работы у католиков, должны были обратиться к евреям⁸⁴⁸. С учетом того, что среди местных чиновников было распространено представление о беспощадной эксплуатации крестьян евреями, такой поворот в жизни народа имел негативный оттенок. И в народном сознании работа у евреев воспринималась как унижительное занятие⁸⁴⁹. С подобными проблемами столкнулись и бывшие ксендзы: они ощущали враждебность со стороны католического населения, иногда, как сообщали местные чиновники, они испытывали и физическое насилие, их доходы сократились и так далее⁸⁵⁰.

Перед местными властями встала новая задача — они должны были думать не об обращении новых жителей Северо-Западного края в православие, а о том, что делать с уже формально перешедшими, как удержать их в «царской вере». Виленский генерал-губернатор Э.Т.Баранов подготовил целую программу мероприятий, предусматривавшую удержание неопитов в православии. Самые большие надежды генерал-губернатор возлагал на активизацию деятельности православного духовенства⁸⁵¹. Другой чиновник предлагал метод реше-

848 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1137. L. 27.

849 Končius I. Žemaičio šnekos. D. 1. London, 1961. P. 41; Anglickienė L. Žydai pasa--komojoje tautosakoje // Liaudies kultūra. 1996. Nr. 5. P. 52; Eidintas A. Žydai, Lie--tuviai ir Holokaustas. Vilnius: Vaga, 2002. P. 39.

850 LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1208. L. 1–2; РГИА. Ф. 797. Оп. 36. Отд. IV. Д. 56 (по решению Синода, бывшему ксендзу Стрелецкому назначено пожизненное пособие по 300 рублей серебром в год); LVIA. F. 378. BS. 1866 m. B. 1431.

851 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 308. L. 62–65.

ния двух задач (поддержку уже обращенных и переход в православие все еще остававшихся в католицизме) — переселение жителей: «Поселить всех воссоединившихся к Православию вблизи церквей целыми деревнями, для чего уступить им участки, принадлежащие лицам католического, еврейского и других исповеданий, переселив последние на места первых». Тогда «православные избавятся от гнета и фанатического преследования католиков», а оставшиеся католики тоже присоединятся к православию, потому что не захотят оставить своих хозяйств⁸⁵². При А.Л.Потапове было создано «Общество ревнителей Православия и благотворителей в Северо-Западном Крае», одной из целей которого было «оказывать пособия лицам, лишившимся по принятии православия поддержки своих обществ и семейств»⁸⁵³.

Дальнейшему успешному распространению православия помешали и финансовые проблемы. Начиная с 1865 года правительство из сметы Министерства внутренних дел обязалось отпускать по 100 тысяч рублей ежегодно на постройку церквей в Виленской и Гродненской губерниях, но уже в 1866 году было отпущено только 76 тысяч рублей⁸⁵⁴. Сократились и местные средства, предназначенные для этих нужд. Недостаточной была и сумма (10 тысяч рублей), ежегодно выделяемая на перестройку костелов в православные церкви⁸⁵⁵. Так, по

852 Ibid. F. 419. Ap. 2. B. 249. L. 1.

853 Ibid. F. 378. BS. 1868 m. B. 555; Орловский Е. Судьбы православия в связи с историею латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794–1900). Гродна, 1903. С. 276.

854 LVIA. F. 378. Ap. 216. B. 308. L. 32.

855 Ibid. BS. 1866 m. B. 1268; PS. 1867 m. B. 603. L. 37.

указанию К.П.Кауфмана Гродненский гимназический костел должен был стать православной церковью, но не удалось найти финансирования, и в 1872 году последовало указание здание бывшего костела разобрать, что и было исполнено в следующем году⁸⁵⁶. Такое замедление в переделке костелов в церкви, по утверждению самих местных чиновников, «вредно влияет на новообращенных»⁸⁵⁷.

Еще один фактор, который тормозил массовое обращение в православие, был связан с (не)готовностью властей и русского общества принять «возвращение» бывших католиков. С крестьянским населением проблем практически не возникало. Но некоторые местные чиновники попытались привлекать к миссионерской деятельности и ксендзов, изъявивших желание перейти в православие. Некоторые факты показывают, что порог «отверженной ассимиляции» мог быть в этом случае довольно высок. Имеется несколько свидетельств об отношении виленских чиновников к перешедшему в православие бывшему ксендзу Игнатию Козловскому. Попечитель Виленского учебного округа И.П.Корнилов, по собственному утверждению, «изверился в поляках» и в каждом «подозревал шпионство, иезуитизм, заднюю мысль», но для Козловского делал исключение и доверял ему⁸⁵⁸. Но отношение могло быть и

856 Ibid. BS. 1865 m. B. 1525; Орловский Е. Исторический очерк гродненской гимназии. Гродна, 1901. С. 76–79. Еще одним мотивом не перестраивать бывший гимназический костел в церковь было то, что рядом стоял Софийский собор, который и посещали ученики.

857 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 603. L. 37.

858 ОР ОГБ. Ф. 120. Папка № 24. Л. 92.

другим. Так, по словам Сергея Андреевича Райковского, помощник начальника артиллерии Виленского военного округа, известный своими тенденциозными историческими работами генерал В.Ф.Ратч подозревал, что Козловский «только нарочно принял православие, а в сущности, агент иезуитов»⁸⁵⁹. Если действительно местные чиновники так относились к бывшему ксендзу, то, возможно, достоверно и утверждение С.А.Райковского, что «Козловский кается уже в принятии православия»⁸⁶⁰. Не трудно себе представить, что ситуация, в которую попал Козловский, не способствовала появлению у других ксендзов желания следовать его примеру. Поэтому не только твердость дворян, шляхты, мещан или духовенства католического исповедания в своих религиозных убеждениях, но и довольно высокий порог «отверженной ассимиляции» были теми преградами, которые обусловили незначительное число перешедших в православие представителей этих социальных групп.

***

Как местные, так и центральные власти могли быть довольны успехам в обращении белорусов, считавшихся частью триединой русской нации, в «русскую веру»⁸⁶¹. Свое положительное отношение к этому процессу выразил и Александр II. Оптимистически были настроены и местные чиновники,

859 Там же. Л. 104.

860 Там же. Л. 105.

861 Об использовании термина «русская вера» см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. С. 397.

предлагавшие систематические меры, призванные способствовать обращению католиков в православие: «Можно надеяться, что без большого затруднения и все крестьянское население со временем соединится по вере и языку с русским народом»⁸⁶². Наряду с более или менее активно применявшимися техниками «прямых обращений» в 1860-х годах обсуждались и другие инструменты, направленные на обращение католического населения в православие.

Очевидно, часть католического населения Северо-Западного края предполагала, что правительство намерено обратиться в православие всех католиков⁸⁶³, о чем говорят высказывания некоторых российских чиновников⁸⁶⁴. В 1865–1866 годах возникла идея религиозной унии, которая должна была привести к «слиянию» двух церквей. Возможно, подобных решений религиозных проблем не отвергали и некоторые генерал-губернаторы, а также другие чиновники. В пользу такой гипотезы говорит тот факт, что связанные с унией проекты пересылались в Санкт-Петербург. Размышлял о такой возможности, кажется, и М.Н.Муравьев⁸⁶⁵. В 1865 году и А.Л.Потапов рассматривал возможность «окончательного отделения Российских католиков от влияния Рима и введения брака для ксен-

862 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1864 г. Д. 82. Л. 21.

863 LVIA. F. 378. PS. 1867 m. B. 23.

864 Август Матвеевич Гезен подозревал в этом некоторых высокопоставленных чиновников (например, директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Эммануила Карловича Сиверса): ОР ОГБ. Ф. 120. Картон № 20. Ед. хр. 1. Л. 123.

865 Воспоминания П.А.Черевина. 1863–1865. Кострома, 1920. С. 65–66.

дзов»⁸⁶⁶. Еще один метод конфессиональной инженерии предложил издатель местного журнала «Вестник Западной России» Ксенофонт Антонович Говорский, который сосредоточил внимание на самом низком — приходском уровне. К.А.Говорский предлагал постепенно размывать разницу между церквями и таким образом облегчить переход католического населения в православие⁸⁶⁷. Ни проект «обратной унии», ни предложения К.А.Говорского не вошли в арсенал реализованных в сфере религиозной политики мер. Приоритет местные власти отдали методам «прямых обращений». Но поддержки в столице самые радикальные проекты конфессиональной инженерии не находили, не обсуждались они серьезно и в Северо-Западном крае. Возможно, к проекту унии власти отнеслись так сдержанно, потому что инициатива в этом случае передавалась католикам, при этом партию ярых русификаторов проект не устраивал еще и потому, что мог быть воспринят как шаг, нацеленный на предотвращение полного упразднения католической церкви в империи⁸⁶⁸.

Особое покровительство местным чиновникам в деле «прямых обращений» белорусского населения оказал генерал-губернатор К.П.Кауфман. При нем и пришедшему ему на смену Э.Т.Баранове местные чиновники и отчасти православное духовенство стремились к обращению в православие всех белорусов-католиков. При этом использовались не только поощрительные, но и принудительные меры. И даже те вилен-

866 ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 758а. Л. 26.

867 РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 294. Л. 19–84; Долбилов М.Д., Сталюнас Д. Обратная уния. С. 77.

868 Долбилов М.Д., Сталюнас Д. Обратная уния.

ские генерал-губернаторы, которые не поощряли активных действий местной администрации в деле «прямых обращений» (М.Н.Муравьев или тем более А.Л.Потапов), были не против радикального решения католического вопроса (для начала — освобождение католической церкви Западного края от влияния папы римского).

Но достигший своего пика при К.П.Кауфмане и продолжавшийся в меньшем масштабе при Э.Т.Баранове переход католического населения в православие с 1869 года фактически потерял массовый характер, а литовского населения, как уже отмечалось, он почти не коснулся. Изменения в конфессиональной политике были связаны с назначением на пост виленского генерал-губернатора А.Л.Потапова, который не поддерживал применения принудительных мер при решении конфессиональных проблем. Преследуя католическую церковь и особенно принуждая к принятию православия, власти разжигали антиправительственные настроения, что в пограничных районах всегда грозило серьезными опасностями. Беспокоила власти и возможность распространения вызванной такой политикой религиозной индифферентности народа, что было чревато ростом популярности различных новых социальных учений. Свою роль в торможении процесса массового обращения в православие сыграло и сопротивление как крестьянского населения, так и католического духовенства. Не последнюю роль играли и финансовые проблемы. И наконец, важное значение имел порог «отверженной ассимиляции», то есть подозрительное отношение русского общества к переходу в православие лиц, принадлежащих к высшему сословию.

Глава 12. «Еврейский вопрос» в Северо-Западном крае

Власти Российской империи столкнулись с еврейской проблемой только после Первого раздела Речи Посполитой, поскольку после того, как в 1526 году евреи были изгнаны из Великого княжества Московского, политика нетерпимости в отношении евреев, хотя и непоследовательно, проводилась до самого конца XVIII века — антиеврейские тенденции превалировали над появлявшимся время от времени интересом к возможной выгоде (прежде всего — от торговли, которую вели евреи). При этом в России жили евреи-нелегалы, большинство — в столице и в Новороссии.

Членов этой недоминирующей национальной группы в официальном и публичном российском дискурсе обычно называли «евреи»⁸⁶⁹, слово «жид» в XIX веке имело отрицательные коннотации⁸⁷⁰. Достаточно часто выбор этнонима «жид» отражал юдофобские взгляды, характерные, например, для некоторых чиновников Северо-Западного края в 1870-х годах⁸⁷¹. Определения «русские граждане Моисеева исповеда-

869 Еще в 1787 году Екатерина II дала указание пользоваться не унижительным словом «жид», но нейтральным словом «еврей».

870 О распространении слова «жид» в российском дискурсе см.: Klier J. D. *Zhid: Biography of a Russian Epithet* // *The Slavonic and East European Review*. 1982. Vol. 60. № 1. P. 1–15.

871 Р. К-кий. Евреи в Западно-русском крае // *Виленский вестник*. 1866. № 42; П. Г. *Славянская жизнь* // Там же. № 83; Коялович М. О. «Московские ведомости» и Западная Россия (Русское латинство, русское жидовство) // Там же. № 146, 150; РО РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 360. Л. 3.

ния» или «русские граждане Моисеева исповедания, еврейского происхождения» встречались достаточно редко, и их использование было характерно прежде всего для бюрократов, в деятельности и риторике которых встречается меньшее количество элементов националистской национальной политики⁸⁷².

Юридическое описание лиц еврейской национальности для властей не представляло большой проблемы — евреями считались все исповедующие иудаизм. Тот, кто переходил в какую-либо христианскую конфессию, больше евреем не считался⁸⁷³. Правда, и в этом случае еврейское происхождение было достаточно легко установить по документам, поскольку крещеным евреям разрешалось менять имена, но не фамилии⁸⁷⁴. В период правления Александра II ситуация начала меняться. В 1865 году император предоставил привилегию конвертиатам, служившим в армии, — в документах исповедовавшаяся ранее религия (иудаизм) должна была быть заменена на сословие, к которому раньше принадлежали крещеные евреи, кроме того, им позволялось брать фамилии крестных родителей⁸⁷⁵. Юридическое определение принадлежности к

872 LVIA. F. 378. Ap. 121. B. 1237. L. 1.

873 Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии 1827–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 127.

874 Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia 1825–1855. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1983. P. 147.

875 Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г. Извлечение из Полных

еврейству еще, конечно, не значило, что общество автоматически будет считать перешедшего в православие еврея русским, однако именно отказ от иудейства был если не достаточным, то действительно обязательным условием ассимиляции⁸⁷⁶.

«Еврейский вопрос» в Российской империи претерпел большие метаморфозы. Введенные в 1791 году ограничения (евреям позволялось проживать только в Белоруссии, Екатеринославской и Таврической губерниях) не рассматриваются историками как начало дискриминирующей политики в отношении этой группы населения. Дело в том, что причиной или поводом издания этого закона стали действия еврейских купцов, воспользовавшихся решением Сената от 1782 года, разрешавшим им переезжать по делам в другой город. Сенат, вводя это ограничение, очевидно, имел в виду только белорусские города, но это условие не было четко обозначено, и еврейские купцы начали развивать активную коммерческую деятельность в Москве и Смоленске, что вызвало жалобы

Собраний Законов Российской Империи / Сост. В.О.Леванда. СПб., 1874. С. 1027, 1030.

876 Более подробно об идентификации евреев в Российской империи см.: Staliūnas D. Making Russians. P. 120–127; Avrutin E. M. Jews and the Imperial State. Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2010; Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. II / Науч. ред. А.И.Миллер, Д.А. движков, И.Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 340–391.

московских купцов, эти жалобы и привели к запрету 1791 года, приведшему позже к формированию черты оседлости⁸⁷⁷.

Второй и Третий разделы Речи Посполитой неизбежно должны были привести к переменам и в области отношений властей с еврейской общиной. Если после Первого раздела в Российской империи проживало не более 100 тысяч евреев (некоторые исследователи называют цифру 50 тысяч), то после 1795 года в Российской империи оказалось более половины всех евреев Европы. После Второго и Третьего разделов Речи Посполитой, по подсчетам исследователей, население России пополнилось 500–800 тысяч евреев, в 1812 году после присоединения Бессарабии — 20 тысяч евреев, в 1815 году во включенном в состав империи Царстве Польском проживало 300 тысяч евреев⁸⁷⁸. Столкнувшись с таким многочисленным трудно интегрируемым сообществом, имперские власти перешли к дискриминации, начало которой можно отнести к 1794 году, когда для евреев были введены налоги, размеры которых были вдвое выше по сравнению с теми, которые платили христиане (на караимов двойные налоги не распространялись).

И при разработке «Положения об устройстве евреев» 1804 года и «Положения о евреях» 1835 года, и в других случаях в первой половине XIX века политика властей Российской империи в отношении евреев определялась не только желани-

877 Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.: Мосты культуры, 2000; Gesharim: Jerusalem, 5760. С. 135–136.

878 Там же. С. 97–99; Miller A. The Romanov Empire and Nationalism. Essays in the methodology of historical research. Budapest; New York: CEU Press, 2008. P. 98.

ем интегрировать эту этноконфессиональную группу в имперские структуры, сделать евреев «счастливыми и продуктивными», но и более важным мотивом политики по «еврейскому вопросу» — стремлением «обезвредить евреев». Нежелание отказаться от дискриминационной политики было порождено убежденностью в том, что евреи были вредны своей экономической («эксплуататорской») деятельностью. Особенно следовало оберегать от евреев наиболее слабо развитых в экономическом и культурном смысле крестьян. С другой стороны, власти считали евреев фанатиками, что в данном случае означало глубокую связь евреев с иудаизмом (особенно отрицательно в России в XIX веке оценивалось влияние Талмуда), обычаями, языком (идиш обычно называли «жаргоном»), воспитанием национальной исключительности, закрытостью и нежеланием перенимать атрибуты преобладающей культуры и цивилизации.

В «Положении об устройстве евреев» 1804 года много внимания уделяется проблемам образования. При чтении Положения создается впечатление, что власти стремились к интеграции евреев: евреи, не подвергаясь никакой дискриминации, могли учиться в начальной, средней и высшей школе, и никто не имел права вмешиваться в их религиозные убеждения. Один пункт Положения позволял евреям учреждать на частных средства отдельные школы, в которых в обязательном порядке должен был преподаваться один из трех языков: русский, польский или немецкий. Русский, польский и немецкий языки должны были вытеснить «жаргон» и из других публичных сфер жизни евреев. То, что русский язык не является обязательным, но лишь одним из трех предпочтительных (наряду с польским и немецким), показывает, что авторы Положения не имели целью ассимиляцию, скорее всего, они

надеялись, что эти языки помогут евреям перенять «европейскую цивилизацию». Вместе с тем, очевидно, власти надеялись, что в будущем переписка на понятном чиновникам языке не позволит евреям заниматься нелегальной деятельностью. Помимо этого, согласно Положению, каждый еврей должен был быть отнесен к одной из четырех категорий: землевладельцев, фабричных рабочих, купцов и мещан. В духе идей эпохи Просвещения авторы Положения подталкивали евреев к «полезному» занятию — земледелию. Результаты этой политики, проводившейся многие десятилетия (официально — до 1866 года, в действительности — до 1881-го), можно оценивать по-разному. В 1900 году более 150 тысяч евреев занимались в России земледелием⁸⁷⁹, что значительно превосходило инициативы еврейской аграрной колонизации в США или в Палестине, однако в общем контексте «еврейского вопроса» власти Российской империи не могли считать эти цифры успешными. Тот факт, что Положение 1804 года не только не упразднило кагала, но и, по сравнению с ситуацией конца XVIII века, расширило его полномочия, вновь говорит о том, что власти не слишком стремились к интеграции евреев. Именно в это время Сенат отозвал равное или пропорциональное представительство евреев в институтах самоуправления⁸⁸⁰.

879 Dekel-Chen J. Agriculture // *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe* / Ed. G. D. Hundert. Vol. 1. New Haven; London: Yale University Press, 2008. P. 13.

880 Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.: Мосты культуры, 2000; Gesharim: Jerusalem, 5760. С. 195–271.

Положение 1835 года в сущности подтверждало предыдущее. Одним из самых значительных нововведений было утверждение Положением императорского указа 1827 года, согласно которому евреев брали в рекруты. В еврейских общинах это нововведение вызывало серьезные страхи не только потому, что в русской армии условия службы рекрутов были очень тяжелыми, но и потому, что евреи опасались, что в армии рекруты будут подвергаться давлению и их будут подталкивать к переходу в православие⁸⁸¹. Несмотря на то что авторы указа 1827 года не преследовали такой цели, позднее — с начала 1850-х годов — принуждение евреев-кантонистов к принятию православия приобрело систематический характер. В 1851 году для евреев была установлена двойная норма рекрутской повинности⁸⁸². В отличие от многих других европейских государств служба евреев в русской армии не привела к уравниванию прав еврейского населения с правами других подданных.

Хотя Положение 1835 года повторяло большинство основных установок Положения 1804 года, в период правления Николая I (1825–1855) мы наблюдаем трансформацию отношения властей к еврейскому вопросу: власти начинают более активно вмешиваться во внутреннюю жизнь еврейской общины. Среди российской правящей элиты в XIX веке можно выделить две точки зрения на решение еврейского вопроса. Группа

881 Минкина О.Ю. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

882 Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии 1827–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

более либерально мыслящих чиновников предлагала упразднить дискриминирующие законы, предполагая, что в этом случае евреи сольются с окружающим обществом. Однако уже в период правления Александра I в России победила другая концепция, предполагавшая, что сначала евреи должны измениться и только потом им могут быть даны такие же права, как и членам других этнических и конфессиональных групп, относящимся к тому или иному сословию. Основная роль в «перевоспитании» евреев отводилась государству.

Целям интеграции и аккультурации евреев должна была служить и начавшаяся в 1844 году образовательная реформа, предполагавшая учреждение трех типов государственных школ: школ 1-го и 2-го разрядов (соответствовали приходским и уездным училищам) и раввинские училища в Вильне и Житомире (должны были готовить учителей для школ 1-го и 2-го разрядов и казенных раввинов). В еврейских учебных заведениях, в отличие от христианских, значительно большее внимание уделялось преподаванию религии, при этом изучение Талмуда предполагалось только в раввинских семинариях. «Еврейские предметы» должны были преподавать евреи, остальные — учителя-христиане⁸⁸³. Во многом именно благодаря этой системе школьного образования сформировалась новая группа — еврейская интеллигенция, перенявшая русскую культуру. Другая заявленная в том же 1844 году реформа об упразднении кагалов, которая могла способствовать интеграции евреев, отчасти осталась на бумаге, поскольку власти

883 Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia 1825–1855. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1983. P. 59–96.

не решились упразднить еврейские общины как отдельные единицы и они продолжили отвечать и за сборы налогов, и за исполнение рекрутской повинности⁸⁸⁴.

Модель селективной интеграции демонстрировала попытка выделения группы «полезных» евреев (купцы, ремесленники, земледельцы, оседлые мещане, владеющие приносящим доход недвижимым имуществом), которые получили некоторые привилегии⁸⁸⁵. Для осуществления этого замысла требовалось собрать сведения о евреях. Политику селективной интеграции свело на нет неумелое планирование переписи и (позже) неэффективное администрирование. Губительными для переписи оказались также мобильность еврейских общин и коллективное противостояние административным мерам властей⁸⁸⁶.

В период правления Александра II (1855–1881) было много нововведений, касавшихся в том числе и еврейского вопроса. «Оттепель» принесла не только позитивное отношение значительной части образованного населения России к интеграции евреев, но и Великие реформы, часть которых не

884 Ibid. P. 123–127.

885 Nathans B. *Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002.

886 Stanislawski M. *Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia 1825–1855*. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1983. P. 155–159; Civinskas R. *Žydų miestiečių luominis statusas ir jo kaita XIX a. viduryje // Žydų klausimas Lietuvoje XIX a. viduryje / Sud. V. Sirutavičius, D. Staliūnas*. Vilnius: LII leidykla, 2004. P. 33–52.

предусматривала никаких дискриминационных мер в отношении евреев. В опубликованных законах о реформе судов и университетов (1864), военной реформе (1874) не было формально дискриминирующих евреев положений⁸⁸⁷. Различные категории евреев получили право жить за пределами черты оседлости: купцы первой гильдии (1859), лица, получившие высшее образование, медики, ремесленники (1865), вышедшие в отставку солдаты (1867).

Таким образом, в первой половине XIX века еврейский вопрос сводился к попытке одновременно решить две проблемы — защитить христианскую часть общества от вредного влияния евреев и интегрировать (аккультурировать) евреев. Первая цель предполагала применение различных дискриминационных мер в отношении евреев (ограничение мобильности, ограничение сфер экономической деятельности, ограничение карьерных возможностей и пр.), часто направленных на сегрегацию, вторая же должна была способствовать интеграции еврейского населения. В 1860-х годах политика в отношении евреев претерпела значительные изменения, что было связано с «польским вопросом».

В современной историографии существует консенсус в том, что в еврейском вопросе переход от политики «исправления» или «позитивного воздействия», направленной на «слияние» или «сближение»⁸⁸⁸, к мерам сегрегационного характера

887 Nathans B. *Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002. P. 71.

888 О значении этих терминов в российском дискурсе середины XIX столетия см.: Klier J.D. *Imperial Russia's Jewish question*,

произошел в 1880-х годах⁸⁸⁹, хотя Дмитрий Аркадьевич Эльяшевич замечает, что в цензурной сфере сдвиги имели место уже в 1860-х годах: с этого периода цензура начинает терять интерес к еврейской религиозной литературе⁸⁹⁰. Сейчас попробую выяснить, как местными и, отчасти, центральными властями понималось «слияние» и «сближение» евреев после подавления восстания 1863–1864 годов. При этом особенное внимание будет уделено инициированным имперскими властями мероприятиям, касавшимся языковой сферы⁸⁹¹.

1855–1881. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 72–83.

889 Hildermeier M. Die jüdische Frage im Zarenreich. Zum Problem der unterbliebenen Emanzipation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. B. 32. 1984. H. 3. S. 346; Gassenschmidt Ch. *Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914. The Modernization of Russian Jewry*. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan Press LTD, 1995. P. 3.

890 Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России 1797–1917. Очерки истории цензуры. СПб.: Мосты культуры, 1999; Иерусалим: Гешарим, 5759. С. 39, 529 и др.

891 О политике «исправления» евреев при помощи разных инструментов конфессиональной инженерии см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. С. 530–601, 709–747. В историографии также хорошо изучены дискуссии по «еврейскому вопросу» в российской печати, судьба казенных еврейских училищ, правительственная цензура еврейских книжных и периодических изданий: Klier J.D. *Imperial Russia's Jewish question*. P. 145–181, 222–262; Эльяшевич Д.А. Правительственная политика; Dohrn V. *Das Rabbinerseminar in Wilna (1847–1873). Zur Geschichte der ersten staatlichen höheren Schule für Juden im Russischen Reich* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. B. 45. 1997. H. 3. S. 379–

«Обрусение» по-муравьевски

Имперская политика в Северо-Западном крае после восстания 1863–1864 годов была в первую очередь антипольской, и Дж. Д. Клир, конечно, во многом прав, утверждая, что «Муравьев был слишком занят вешанием поляков, чтобы беспокоиться о евреях»⁸⁹², но все же и евреев коснулась политика «обрусения» и, в первую очередь, в контексте антипольской политики имперской власти.

Уже в разгар «польского» восстания 1863–1864 годов часть казенных еврейских начальных училищ была преобразована в народные еврейские школы⁸⁹³. Инициаторами преобразования в Вильне могла быть группа маскилов, точнее — виленский казенный раввин О.Н.Штейнберг⁸⁹⁴. В конце 1863 года (скорее всего, в ноябре) по указанию одобрившего идею учреждения новых школ виленского генерал-губернатора М.Н.Муравьева была создана комиссия, в которую вошли и другие маскилы. Комиссия подготовила новые правила обучения еврейских мальчиков⁸⁹⁵. В начале декабря предложения этой комиссии

399; Dohrn V. The Rabbinical Schools as Institutions of Sozialization in Tsarist Russia, 1847–1873 // Polin. 2001. Vol. 14. P. 83–104.

892 Klier J.D. The Polish Revolt of 1863 and the Birth of Russification: Bad for the Jews? // Polin. 1986. Vol. 1. P. 100–101.

893 Klier J.D. Imperial Russia's Jewish question. P. 162, 230.

894 Маскилы — сторонники еврейской Хаскалы — численно небольшая группа евреев, которые в этом случае поддерживали аккультурацию, но не ассимиляцию евреев в русское общество.

895 Штейнберг О.Н. Граф М.Н.Муравьев и его отношения к евреям г. Вильны в 1863–1864 гг. (Из записок раввина) // Русская ста-

рассматривал педагогический совет виленского раввинского училища и поддержал намеченные преобразования⁸⁹⁶. Что же предусматривали новые правила? Прежде всего, вводилось обязательное обучение еврейских мальчиков русской грамоте; родители обязывались посылать своих детей не только в уже существующие общие, казенные еврейские учебные заведения, к домашним учителям, имевшим право вести домашнее обучение, но также и в открывавшиеся для евреев школы, в которых дети должны обучаться только «общим» предметам («Предметы преподавания в сих школах составляют: русский язык, русское письмо и арифметика»); при этом правилами предусматривался штраф для родителей, не позаботившихся об обучении детей русскому языку⁸⁹⁷. М.Н.Муравьев сразу же, без согласования с Санкт-Петербургом, одобрил новые правила и приказал закрыть в Вильне еврейское училище 1-го разряда и образовать вместо него две новые еврейские школы, по утвержденной программе⁸⁹⁸.

Но М.Н.Муравьеву понадобилась настойчивость, чтобы этот проект осуществился⁸⁹⁹. В Министерстве народного

рина. 1901. Т. CV. Февраль. С. 312–314; оригинал: LVIA. F. 439. Ар. 1. В. 141. Об участии «ученых евреев» в составлении этих соображений в своем отчете упоминает и тогда еще новый попечитель округа И.П.Корнилов. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 58. Л. 14.

896 LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 2.

897 Ibid. L. 3–6.

898 Ibid. L. 8–9.

899 Возможно, не все чиновники Северо-Западного края поддерживали эти меры. Скорее всего, и попечитель учебного округа

просвещения к подобным преобразованиям отнесли без энтузиазма. Возможно, в министерстве посчитали, что он превысил свои полномочия⁹⁰⁰. Но виленский генерал-губернатор настоял на скорейшем преобразовании учебных заведений⁹⁰¹, и 5 января 1864 года вместо закрытой казенной

князь А.П.Ширинский-Шихматов не сочувствовал этому преобразованию. В своем отношении к министру народного просвещения он подчеркнул, что проект был подготовлен без его участия. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 34. Л. 9. Возможно, что А.П.Ширинский-Шихматов хотел в данном случае просто дистанцироваться от действий генерал-губернатора, поскольку они были предприняты без предварительного согласования с Министерством народного просвещения. На полях проекта, рядом с местом, где говорится об обязательности обучения еврейских мальчиков, очевидно, новым попечителем И.П.Корниловым была сделана приписка: «Вздор, а девочки, а русские дети?» См.: LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 3.

900 В ответе министра народного просвещения указывалось: «Введение в действие предложенных Муравьевым мер при другом положении дел во вверенной ему местности не иначе могло бы последовать, как по тщательном соображении оных в Министерстве и представлении на Высочайшее утверждение чрез Еврейский Комитет, так как эти меры во многом отступают от существующих ныне, Высочайше утвержденных, положений о образовании евреев». См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 34. Л. 10–11.

901 В конце декабря попечитель Виленского учебного округа князь А.П.Ширинский-Шихматов послал в Министерство народного просвещения телеграмму следующего содержания: «Желание генерал-губернатора таково, чтобы с 2 января были уже открыты Еврейские училища в Вильне» (Там же. Л. 14); министр, не

еврейской школы были открыты две школы русской грамотности (на правах народных училищ) и утверждены новые правила, предусматривавшие как обязательное обучение, так и денежные штрафы⁹⁰².

Неудивительно, что М.Н.Муравьев сумел достичь своей цели — с мнением виленского генерал-губернатора тогда должны были считаться многие, в том числе и министры. Но формально министр народного просвещения позволил ему лишь незначительные изменения: в отправленной министерством телеграмме речь шла только о закрытии одной (казенной) и открытии двух новых (народных) школ и ничего не говорилось об обязательном обучении или тотальном изменении всей системы еврейского образования.

Еще раз виленский генерал-губернатор был вынужден вернуться к этой проблеме в начале 1865 года. Он был явно недоволен отношением еврейского населения к изучению русского языка, поэтому последовал циркуляр от 12 января губернаторам и от 25-го числа того же месяца попечителю Виленского учебного округа, который не только напомнил об

смотря на данное в конце декабря разрешение на открытие двух школ, все еще считал этот вопрос нерешенным и ждал приезда в столицу попечителя Виленского учебного округа и после приезда А.П.Ширина-Шихматова в Санкт-Петербург дал указание «оставить пока так» (Там же. Л. 15).

902 LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 13; F. 567. Ap. 6. B. 1116. L. 270. Вслед за открытием двух первых народных школ в Вильне такие школы были открыты и в других городах края.

указаниях 1864 года, но и еще раз строго напомнил об обязательности обучения еврейских мальчиков русскому языку⁹⁰³.

Впоследствии эти преобразования были охарактеризованы как меры к «обрусению евреев»⁹⁰⁴. На первый взгляд, с таким мнением трудно не согласиться. Ведь эти указания местных властей должны были привести к обучению всех еврейских учеников русскому языку. Напомним, что ни для какой другой национальной группы в Северо-Западном крае обязательное обучение введено не было. Может быть, чиновники думали, что знакомство со светской наукой будет способствовать уменьшению обособленности евреев и тем самым их религиозности? Абсолютно отказаться от такой версии нельзя, но все же более пристальный анализ системы еврейского образования и мотивации местных чиновников показывает, что, называя эти меры просто «обрусением евреев», понимая под «обрусением» ассимиляцию, мы сильно упрощаем ситуацию. Рассмотрим отдельно самые важные нововведения: преобразование училища 1-го разряда в школу русской грамотности (народную школу) и обязательное обучение русскому языку.

903 LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 121, 122–123, циркуляр попечителю также см.: Ibid. F. 567. Ap. 6. B. 1131. L. 1.

904 Проект общих замечаний к отчету о еврейских училищах Виленского учебного округа за 1869/70 учебный год. См.: РО РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 114. Л. 16. Проект не был отправлен в Министерство народного просвещения, потому что попечитель Виленского учебного округа «по новости своей не мог высказывать соображений с достаточною решительностью».

Прежде всего надо ответить на вопрос, почему местные власти решили, что казенные еврейские училища 1-го разряда больше не соответствуют правительственным целям. По утверждению многих чиновников учебного округа, число учащихся в еврейских казенных училищах не только не увеличивалось, но даже уменьшалось⁹⁰⁵. Определенную роль при принятии этого решения мог играть и финансовый фактор (уменьшив число преподаваемых предметов, можно обучить большее число учеников), но он один еще не объясняет всей сложности этих перемен.

Вполне вероятно, что часть местных чиновников понимала, что система еврейского образования, введенная в 1840-х годах, не приносит ожидаемых результатов отчасти потому, что евреи не доверяют преподаванию религиозных предметов в казенных училищах⁹⁰⁶. В новых школах преподавались только «общие» предметы, и только по утвержденным правилам, это обучение должно было проводиться «от часа до половины четвертого по полудни»⁹⁰⁷, то есть предполагалось, что до полудня еврейские мальчики будут учиться у мелаamedов (учителей в хедерах). А значит, религиозное обучение, которое

905 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1021.

906 Ibid. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 17–18. Своеобразным толчком к этим преобразованиям могло стать прошение более зажиточных евреев Вилейки об освобождении их детей «от обучения еврейских предметов, потому что училищная программа недостаточна для детей, обучавшихся уже у Мелаamedов». Власти, желая привлечь евреев в эти школы, пошли навстречу их просьбе «в виде опыта». См.: Ibid. F. 567. Ap. 6. B. 991.

907 Ibid. F. 567. Ap. 6. B. 1020. L. 6–7.

тогда было обязательным для детей всех конфессий, оставалось вне сферы внешнего влияния. Вряд ли надо напоминать, что именно религия составляла сущность еврейской инакости (как в восприятии самих евреев, так и в понимании имперских властей). Виленский губернатор Степан Федорович Панютин (1863–1868), открывая еще одну такую школу в Вильне, спешил уверить евреев, что местная власть таким образом намерена «сохранить неприкосновенной исповедуемую ими религию»⁹⁰⁸. Косвенным доказательством в пользу такой аргументации могут служить и предложения члена совета министра народного просвещения Александра Филипповича Постельса, который после осмотра с мая по сентябрь 1864 года всех видов еврейских школ предложил два варианта реформирования казенных еврейских училищ 1-го разряда: там, где еще силен «еврейский фанатизм», исключить из программ еврейские предметы; а в тех местностях, где «еврейское население более свободно от фанатизма», — уменьшить объем преподавания еврейских предметов⁹⁰⁹. Значит, по мнению А. Ф. Постельса, еврейские школы с их общими предметами являлись лишь первой ступенью на пути к интеграции еврейского населения — в этом случае власти отказывались от прямого влияния на религиозные воззрения еврейского населения.

908 Виленский вестник. 1864. № 13. Также указывалось, что послеобеденные смены устроены так, чтобы не отвлекать евреев от занятий в хедерах: С. Г. У. Еврейское училищное дело в Гродне // Там же. 1867. № 88.

909 Отчет члена Совета министра народного просвещения Постельса по обозрению еврейских училищ с 7 мая по 7 сентября 1864 года. СПб., 1865. С. 52–53, 90. См. также: LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 322.

Как мы видим, еврейские народные школы значительно отличались от литовских, учреждаемых в Ковенской губернии: в литовских народных школах дети обучались не только общим предметам, но и Закону Божьему, который католическое духовенство по возможности должно было преподавать на русском языке. Местные чиновники не хотели оставлять переданное в руки католического духовенства религиозное обучение литовских крестьян без контроля, опасаясь, что ксендзы и дальше будут поддерживать в населении «фанатизм» и крестьяне в такие школы не пойдут. Еврейские же мальчики учились у меламедов, как правило, не на русском языке, к тому же и контроль властей в этом случае фактически отсутствовал.

И наконец, власти не пошли по пути тотального преобразования еврейских училищ 1-го разряда в еврейские народные школы. Не решились в 1860-х годах они и совсем закрыть казенные школы и обучать еврейских детей вместе с христианскими, хотя такие предложения постоянно звучали как во внутренних дискуссиях в Северо-Западном крае, так и в общеимперском контексте⁹¹⁰. Казенные школы остались, потому что в случае исключения «еврейских» предметов из начального обучения еврейские мальчики все равно должны были их учить опять же у меламедов. Если в Вильне власти надеялись на благоприятное влияние выпускников раввинского училища на религиозное обучение еврейских детей, то в других городах и местечках края дети могли попасть под влияние «фанатиков»-меламедов⁹¹¹, и училища 1-го разряда оставались «един-

910 LVIA. F. 378. Ap. 121. B. 912. L. 54–55; BS. 1863 m. B. 877. L. 323.

911 Ibid. BS. 1863 m. B. 877. L. 47–48, 49.

ственным средством улучшения системы преподавания еврейских предметов»⁹¹². М.Н.Муравьев считал, что пока еще рано обучать еврейских детей вместе с христианскими⁹¹³. При этом местные власти, не дожидаясь результатов проводившегося в конце 1850-х и в 1860-х годах в Министерстве народного просвещения обсуждения будущего отдельных еврейских училищ, в 1865 году в Виленском учебном округе (сначала в Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерниях⁹¹⁴) добились реформирования еврейских училищ с целью уменьшения обособленности евреев: из программы преподавания были исключены труды Маймонида, «Хайей-Адам» Авраама Данцига и еврейские молитвы, было оставлено преподавание иврита и Библии, освободившееся время было отдано обучению русскому языку, русскому чистописанию и арифметике⁹¹⁵.

Теперь попробуем выяснить, являлось ли обязательное обучение еврейских мальчиков прямым доказательством стремления местной власти к ассимиляции евреев. Обязательное обучение русскому языку было необходимо как мера противодействия традиционной еврейской элите, которая, как считали местные чиновники, была настроена против любых

912 Ibid. F. 567. Ap. 21. B. 54. L. 25.

913 Ibid. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 352–353.

914 В Витебской и Могилевской губерниях эти изменения должны были быть введены с 1866 года, но, по имеющимся данным, с осени 1866 года «еврейские предметы» по указанию начальства Виленского учебного округа в казенных училищах этих губерний не преподавались. См.: LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1430. L. 32; Ap. 5. B. 3099. L. 16.

915 Ibid. Ap. 21. B. 54. L. 24–29, 35; Ap. 6. B. 1208. L. 271, 298–299.

нововведений. Новый попечитель учебного округа И.П.Корнилов, прибывший в Вильну 21 февраля 1864 года, то есть уже после того, как были приняты новые правила об обязательном обучении, утверждал, что «обязательность была признана необходимою для того, чтоб уничтожить влияние хасидов и мелаamedов, которые непременно бы препятствовали посещению этих училищ»⁹¹⁶. При этом обязательное обучение должно было нейтрализовать другие влияния: важным, в понимании местных чиновников, было то, какое влияние — русское (российское), польское или немецкое — возьмет верх в еврейской среде. В циркуляре виленского генерал-губернатора начала 1865 года было приказано «прекратить всякий неуместный польский говор среди еврейского населения»⁹¹⁷. После оставления должности генерал-губернатора М.Н.Муравьев писал об обучении евреев как раз в антипольском контексте⁹¹⁸. Это означает, что, вводя обязательное обучение русскому языку еврейских мальчиков, власти в первую очередь стремились к

916 РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 58. Л. 14.

917 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1131. L. 1.

918 «Умножить везде русские школы, обратив внимание и на евреев, которые готовы следовать польским тенденциям; а потому не надобно сливать еврейских школ с польскими, но собственно еврейские школы преобразовать, придав им русское направление, как это теперь уже делается»: [Записка] лично представлена Государю Императору в Петербурге 5-го апреля 1865 года // Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / Сост. С.Шолкович. Вильна, 1885. С. 320. И другие местные чиновники указывали на распространенность польского языка среди евреев: LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1204. L. 23–24; F. 378. BS. 1869 m. B. 40. L. 104.

тому, чтобы русский язык в еврейской среде занял место польского⁹¹⁹.

Итак, учреждение еврейских «народных» школ и введение обязательного обучения русскому языку после восстания 1863–1864 годов должно было усилить русское (российское) влияние в еврейской среде, в первую очередь посредством распространения русского языка, при этом власти, по крайней мере на время, уменьшили давление на основной элемент еврейскости — религию.

При осуществлении этих решений на практике власти столкнулись со многими проблемами. Во-первых, январский циркуляр виленского генерал-губернатора поставил некоторых местных начальников в сложное положение: оказалось, что некоторые из них, например моголевский губернатор, ничего не знали о более раннем указании М.Н.Муравьева⁹²⁰. Но это и неудивительно, поскольку правила, утвержденные М.Н.Муравьевым год назад, касались только виленских евреев. Во-вторых, сделав обучение обязательным, власти не смогли обеспечить полную подготовку к этому нововведению. Поэтому в некоторых местах, например в Витебской и Моголевской губерниях, местные чиновники не смогли устроить в школы всех желающих⁹²¹. В-третьих, по имеющимся данным, в губерниях, которые были удалены от Вильны, власти не смогли

919 Местные власти также намеревались ввести обязательное обучение для христианских детей, но эта мера по неизвестным причинам так и не была осуществлена: LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1489.

920 LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 141.

921 Ibid. F. 567. Ap. 6. B. 1319. L. 13–14.

обеспечить штрафование евреев, не обучавших своих детей русскому языку⁹²², а после удаления этих губерний (Витебской, Могилевской и Минской) в 1869–1870 годах из ведения виленского генерал-губернатора циркуляр на этой территории потерял силу⁹²³. И наконец, некоторые местные чиновники, очевидно, полагали, что циркуляра виленского генерал-губернатора недостаточно — нужна санкция центральных властей. Иначе трудно объяснить, почему работавшая в Вильне Комиссия о преобразовании управления евреями в начале 1867 года обсуждала вопрос, «не должно ли быть установлено для евреев обязательное обучение русской грамотности»⁹²⁴.

Введение обязательного обучения русскому языку еврейских мальчиков и учреждение «народных» школ было нацелено на распространение русского языка среди еврейского населения⁹²⁵. Но как глубоко, по мнению местных чиновников, должен был проникнуть русский язык в еврейскую жизнь?

922 Ibid. Ap. 5. B. 1344. L. 14, 286.

923 Ibid. B. 2186. L. 26.

924 Ibid. F. 378. BS. 1869 m. B. 40. L. 162. Помощник виленского генерал-губернатора (в будущем генерал-губернатор (1868–1874)) А.Л.Потапов предлагал еще более радикальную меру — обучение сделать обязательным для всех еврейских детей, не только для мальчиков: ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 758а. Л. 9.

925 В то же время власти усилили вмешательство в программы обучения в хедерах и ешиботах, требовали усиления обучению русскому языку в частных еврейских школах.

Есть ли будущее у «жаргона»?

Когда речь шла о наставниках в еврейских казенных или «народных» училищах, большинство чиновников Виленского учебного округа отдавали предпочтение воспитанникам раввинского училища. Во-первых, потому, что в противоположность русским учителям, которые «ограничиваются одним преподаванием своего предмета в училище, не вмешиваясь ни в их верование, ни в их общественное кагальное управление», воспитанники раввинского училища действуют и на религиозные воззрения своих единоверцев. Именно поэтому руководство учебного округа отклонило просьбу ковенских евреев, «старой партии», как их называли чиновники, о назначении на должности смотрителей и учителей в еврейские «народные» школы не евреев, а «лиц русского происхождения»⁹²⁶. Во-вторых, воспитанники раввинского училища лучше подходили для этой задачи хотя бы потому, что «как единоплеменники и как выходящие по большей части из бедного класса, привыкли к особенностям еврейского народа и легче переносят их, нежели русский человек, которому эти особенности часто становятся невыносимыми»⁹²⁷. И в-третьих, местные чиновники признавали, что еврейские дети часто приходят в школу, не понимая «ни слова по-русски»⁹²⁸. Иначе говоря, власти признавали, что хотя бы в начальном процессе обучения нельзя обойтись без разговорного еврейского языка — идиша

926 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1317.

927 РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 155. Л. 31.

928 Там же.

или «жаргона», как его обычно называли и маскилы, и имперская бюрократия⁹²⁹.

И так, по меткому наблюдению Петра Семеновича Марек, в школах, где обучались еврейские дети, сложилась довольно парадоксальная ситуация: «Употребляя его [идиш] в школах, все притворялись, что он не существует, что преподавание ведется на немецком или русском языках»⁹³⁰. Какое же место в имперской языковой иерархии царские чиновники отводили языку идиш?

- 929 По авторитетному словарю В.И.Даля, «жаргон — наречье, говор, местная речь, произношение»: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1. М., 1863. С. 469. Именно такими категориями описывался и литовский или белорусский язык, но термин «жаргон» употреблялся преимущественно по отношению к языку идиш и только в очень редких случаях — к белорусскому или украинскому. Применение термина «жаргон» к белорусскому или украинскому языку демонстрировало, что это не языки и они не имеют будущего. О случаях такого употребления см.: Инструкция народным учителям // Вестник Юго-западной и западной России. Историко-литературный журнал. 1863. Февраль. Год первый. Т. III. Киев, 1863. Отд. IV. С. 239; Вульпиус Р. Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906) // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 199. В 1868 году Ученый комитет Министерства народного просвещения фактически признал, что в начале обучения еврейских детей можно употреблять и «жаргон»: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 31.
- 930 Марек П. Борьба двух воспитаний. Из истории просвещения евреев в России (1864–1873) // *Пережитое*. Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. Т. 1. СПб., 1909. С. 108–109.

В 1860-х годах во время масштабной кириллизации разных языков на западных окраинах Российской империи не известно ни одного случая обсуждения имперскими чиновниками идеи о введении русской графики в текстах на идише, хотя в текстах на русском языке приходилось транслитерировать упоминающиеся еврейские названия (речь могла идти о книгах, журналах, газетах и так далее)⁹³¹. Факт отсутствия предложений о кириллизации «еврейского жаргона» можно объяснить следующим образом. Во-первых, в случае с запретом на латиницу или экспериментов с введением кириллицы в восточнославянских (украинском и белорусском), а также в литовском и даже польском языках важную, но, конечно, не всегда главную роль играли аргументы этнического толка: указывалось на племенную, языковую родственность с русскими. Инакость евреев, в том числе и языка идиш, ни у кого не вызвала сомнений, хотя встречались утверждения о том, что «в Белоруссии, на Литве и Подолии, Евреи до XVII столетия не знали другого языка, кроме русского»⁹³². Во-вторых, как известно, кириллица вводилась и в Волго-Камском регионе, например для крещеных татар и других народов, инакость

931 Но в исторической литературе упоминается, что были «обратные» предложения — издать русский перевод Библии для евреев «еврейским шрифтом». См.: Чериковер И.М. История общества для распространения просвещения между евреями в России (Культурно-общественные течения в русском обществе). 1863–1913 гг. СПб., 1913. Т. 1. С. 97. Эта идея, скорее всего, исходила из того, что было немало евреев, понимавших русский разговорный язык, но не знавших кириллицы.

932 Е. П...гь. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси // Виленский вестник. 1867. № 134.

которых тоже не могла вызывать сомнений. Но в этом случае русские буквы вводились для православных, и, как уже отмечалось, в разных дискурсах XIX века прослеживается очень тесная связь между алфавитом и религией. На обращение евреев в православие, как мы увидим ниже, никто серьезно не надеялся. В-третьих, как имперская бюрократия, так и второе поколение маскилов, имевшее ощутимое влияние на позицию администрации Северо-Западного края, на идиш смотрели как на язык, не имеющий будущего, иначе говоря, он как «жаргон» не был достойным кириллизации. Взгляд местных бюрократов на разные местные языки хорошо прослеживается тогда, когда они их сравнивают. Как выразился один из самых инициативных сторонников «русского дела», окружной инспектор Виленского учебного округа Н.Н.Новиков: «Говорю только об общественном употреблении русского языка, что в домашнюю и семейную жизнь он никогда не проникает, что нет причины желать и никакой надежды достигнуть того, чтобы народ окончательно поступился родным языком в пользу русского: жмудско-литовския наречия далеко не то, что жаргон местных евреев»⁹³³. Эта цитата ясно показывает: Н.Н.Новиков надеялся, что с «жаргоном» власти справятся даже легче, чем со «жмудско-литовским наречием». Если идиш можно вытеснить даже из «домашней и семейной жизни», тогда зачем тратить время и ресурсы на введение кириллицы? Вытеснение «жаргона» казалось выполнимой задачей не только Н.Н.Новикову⁹³⁴. Остановимся более подробно на этом аспекте.

933 РО РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 184. Л. 34.

934 Комиссия о преобразовании управления евреями утверждала, что русский язык «должен сделаться для них таким, на котором

Как виленские чиновники, так и маскилы были едины в своих воззрениях на идиш: «Это смесь исковерканных слов русских, польских, библейских, халдейских, французских, испанских, но всего более ниже-германских. Жаргон этот представляет кучу из обрывков и обносков разных наречий и диалектов всех стран, среди которых евреи совершили свое историческое странствование. На жаргоне предложение из пяти-шести слов состоит из пяти-шести разных языков и каждое слово опять-таки с инородческою грамматикою: русское слово с французским множественным числом, искаженное немецкое слово с польскою приставкою, библейское существительное, изломанное в немецкий глагол и произносимое по староиспанскому говору. Жаргона не хватает на выражение малой доли понятий современного человека, даже простолюдина»⁹³⁵. Но важно было не только то, что «жаргону» не хватало атрибутов, обязательных для «нормального» (сегодня мы бы сказали — литературного) языка, а то, что он, по утверждению как маскилов, так и местной бюрократии, служил проводником немецкого языка, а вместе с тем и «онемечению еврейской массы»⁹³⁶. Особенно местных чиновников в этом отношении беспокоила ситуация в Ковенской губернии, кото-

бы они говорили в семействе, молились в синагогах, даже мыслили». См.: LVIA. F. 378. BS. 186 m. B. 1482. L. 2.

935 LVIA. F. 378. BS. 1869 m. B. 40. L. 104.

936 Ibid. L. 105; примечание редакции к статье К.К-вский. К вопросу о евреях в Западно-русском крае // Виленский вестник. 1866. № 99; Воль А. Русский язык и евреи // Виленский вестник. 1867. № 42.

рая граничила как с Пруссией, так и с Прибалтийским краем⁹³⁷.

Поэтому неудивительно, что виленские чиновники начали подумывать об ограничительных мерах по отношению к идишистской печати⁹³⁸. В июле 1866 года виленский генерал-

937 ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 2. Д. 758. Л. 6. Окружной инспектор учебного округа Н.Н.Новиков сообщал редактору «Московских ведомостей» М.Н.Каткову: «Итак при евреях немцы страшны. Евреи, чем больше от талмуда, тем ближе к немцам и не прочь поступиться жаргоном в пользу немецкого, но не русского языка». См.: РО РНБ. Ф. 523. Ед. хр. 500. Л. 18. Н.Н.Новиков утверждал, что в домах более зажиточных евреев Ковенской губернии обучением детей занимаются гувернантки из Пруссии и прибалтийских губерний: LVIA. F. 567. Ар. 5. В. 1344. L. 205. О таких опасностях писала и официальная местная газета. См.: Вильна, 12 января // Виленский вестник. 1867. № 5; 1-го марта // Там же. 1867. № 25.

938 Такие предложения в бюрократических сферах обсуждались и раньше. В 1858 году известный маскил М.С.Гурович среди прочих мер предложил запретить идиш. Но, несмотря на то что некоторое сочувствие к этому предложению выразила Раввинская комиссия, такой запрет не был введен. Комитет рассмотрения еврейских учебных руководств заметил, что на идише существует полезная для просвещения евреев литература, а товарищ министра народного просвещения барон Александр Павлович Николаи подчеркнул, что такой запрет приведет к тому, что евреи вообще перестанут читать книги. Интересное и довольно дальновидное замечание сделал министр: запрет на идишистскую литературу может вызвать у евреев сочувствие к этому языку. А это значит, что такая мера может даже усилить его значение. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 261; Усов П. Из воспо-

губернатор К.П.Кауфман, сначала не решаясь запретить идишитскую литературу, предписал местному цензору «для изъятия еврейского жаргона из печати <...> издавать светские еврейские жаргонные сочинения с переводом на русский язык en regard», но после было решено, что такая мера вряд ли будет иметь успех, потому что, во-первых, книги на этом языке будут издаваться в других городах империи и ввозиться в Северо-Западный край, и двуязычные книги по своей дороговизне не выдержат конкуренции; во-вторых, такие книги на двух языках не будут покупаться евреями⁹³⁹. Тогда последовала новая резолюция К.П.Кауфмана: «Не лучше ли предложить печатание на еврейском жаргоне вовсе воспретить, а дозволить печатать на одном русском языке»⁹⁴⁰. Как видно из этой резолюции, К.П.Кауфман колебался, к тому же такой меры не поддержала созданная им Комиссия по преобразованию управления евреями⁹⁴¹. В октябре генерал-губернатор был снят с должности.

минаний // Исторический вестник. 1883. февраль. С. 142–344; Чериковер И.М. История общества для распространения просвещения между евреями в России (Культурно-общественные течения в русском обществе). 1863–1913 гг. СПб., 1913. Т. 1. С. 71; Эльяшевич Д.А. Правительственная политика. С. 437–442.

939 LVIA. F. 378. BS. 1869 m. B. 40. L. 106.

940 Резолюция генерал-губернатора на докладной записке виленского отдельного цензора от 23 августа 1866 года, там же.

941 Комиссия по преобразованию управления евреями повторила и некоторые аргументы, высказанные ранее в связи с предложением М.С.Гуровича запретить идишитскую печать: нет смысла запрещать эту литературу, пока большинство евреев не научилось русскому языку; к тому же комиссия подчеркнула, что эта

Преемник К.П.Кауфмана на посту виленского генерал-губернатора Э.Т.Баранов, у которого, кажется, не было ясного представления о целях правительственной политики в «еврейском вопросе»⁹⁴², решился только на менее радикальные меры. В августе 1867 года новый генерал-губернатор приказал «при пересмотре цензурных правил иметь в виду воспрещение редакторам и цензорам заменять недостающие в жаргоне слова для выражения мысли немецкими, а заменять оные русскими»⁹⁴³. Поскольку как «еврейский жаргон», так и «местные наречия» (белорусский, литовский) считались всего-навсего проводниками других «цивилизованных» языков,

литература «безвредна». См.: LVIA. F. 378. BS. 1869 m. B. 40. L. 109. Эти же аргументы комиссия повторила и при новом генерал-губернаторе Э.Т.Баранове. См.: Ibid. L. 205–206.

- 942 «По сему Правительство, в особенности в настоящее время, при сознании необходимости в водворении здесь русского элемента, обязано обратить на это племя особое внимание, и заботиться, не касаясь религиозных его убеждений, чтобы евреи по возможности слились с господствующим здесь русским населением, или, по крайней мере, не были тормозом для русского дела»: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 226. Л. 1; также см.: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 10–15. Такие или похожие колебания были характерны и для некоторых других чиновников. См.: Горизонтов Л.Е. Польско-еврейские отношения во внутренней политике и общественной мысли российской империи (1831–1917) // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы / Ред. О.В.Будницкий, К.Ю.Бурмистров, А.В.Каменский, В.В.Молчанова. М.: Дом еврейской книги, 2004. С. 260.

- 943 LVIA. F. 378. BS. 1869 m. B. 40. L. 104.

логику Э.Т.Баранова легко понять. Вводя русские слова в идишистские издания, он, скорее всего, надеялся таким образом сделать и русский язык более понятным, «своим» для евреев. Кажется, и новый виленский генерал-губернатор А.Л.Потапов (1868–1874) разделял взгляды своих предшественников на идиш⁹⁴⁴.

Такой негативный взгляд на идишистскую литературу был типичным и для большинства столичных чиновников. В первую очередь это касалось идишистской периодики: ходатайства об основании новых периодических изданий на этом языке с июля 1868 года отклоняются, что позволило Д.А.Эльяшевичу назвать такую политику «почти тотальным запретом»⁹⁴⁵, хотя еще в декабре 1868 года Главное управление по делам печати дало разрешение и далее издавать в Одессе две газеты: *Ha-meliz* на иврите и *Kol mevasser* на идиш⁹⁴⁶.

944 На отношении министра народного просвещения, в котором речь шла о нецелесообразности введения ограничительных мер против иврита (об этом речь пойдет далее) в том месте, где было сказано, что «скорее следовало бы принять запретительные меры против Еврейско-немецкого жаргона», генерал-губернатор сделал пометку «да»: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 29.

945 Эльяшевич Д.А. Правительственная политика. С. 444.

946 Правда, редактор не получил разрешения на расширение программы. Совет Главного управления по делам печати решил сделать «лишь некоторые незначительные добавления, религиозного и реально-практического содержания, неспособные обратить эти издания в общие, литературно-политические газеты». См.: РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 5. Л. 590–592.

Местные сторонники «русского дела» предприняли попытку ограничить распространение литературы и на иврите. По инициативе Комиссии о преобразовании управления евреями⁹⁴⁷ Э.Т.Баранов обратился в Министерство народного просвещения с предложением запретить Обществу распространения просвещения между евреями России (далее — ОРПМЕР) издание сочинений «на каком-либо ином языке, кроме русского»⁹⁴⁸. Виленские маскилы и чиновники восстали против «гебраизирования науки», то есть против издания научных книг на иврите, что как раз и начало делать ОРПМЕР. Для евреев русский язык должен был стать «своим»: «русский язык <...> должен сделаться для них таким, на котором бы они говорили в семействе, молились в синагогах, даже мыслили»⁹⁴⁹.

Однако министр внутренних дел П.А.Валуев не поддержал этих воспретительных мер⁹⁵⁰. Он указал на невозможность вмешиваться в деятельность частного общества, также на то, что, если такие книги запретить издавать ОРПМЕР, издания не исчезнут — литературу будут издавать частные лица, но главная причина была, конечно, в том, что П.А.Валуев не поддерживал радикальных антиеврейских мер. Он придерживался

947 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 2–7.

948 РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 226. Л. 1–4.

949 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 2.

950 Министр народного просвещения не отважился принимать решения по этому вопросу, поскольку ОРПМЕР было учреждено с разрешения Министерства внутренних дел, в ведении того же министерства находилось Главное управление по делам печати: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 23.

более традиционного решения «еврейского вопроса» — просвещение евреев возможно не только на русском языке, а литература на иврите может быть полезна правительству для распространения русского просвещения⁹⁵¹. Не поддержал этой идеи и Комитет рассмотрения еврейских учебных руководств Министерства народного просвещения⁹⁵². Сложнее всего, конечно же, было ввести русский язык в религиозную жизнь евреев.

951 «Мне кажется, что теперь, пока не изменилось существующее устройство экономического быта евреев, надлежало бы озаботиться не столько тем (это вопрос хотя, быть может, и близкого будущего), чтобы заставить евреев учиться непременно по-русски, сколько тем, чтобы ознакомить их, хотя на их собственном языке, с плодами русской образованности и русскою историею; этот путь подготовки евреев к воздействию на них образования — путь, правда, медленный; но едва ли не наиболее верный»: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 226. Л. 7–9.

952 Этот комитет, между прочим, указывая на опыт европейских государств, заметил, что такой запрет будет воспринят евреями как «гонение на их веру» и что просвещение, особенно для взрослых евреев, возможно, следует распространять и на иврите: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 27–29. Присланный из столицы ответ возмутил местных чиновников. Помощник виленского генерал-губернатора П.Р.Багратион осмелился послать в столицу отношение, в котором выразил свое несогласие и вдобавок назвал деятельность ОРПМЕР «реакционной». См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 226. Л. 35–38.

На каком языке должны молиться евреи?

Как реакция на упомянутый январский циркуляр М.Н.Муравьева последовало решение педагогического совета Виленского раввинского училища о введении преподавания Библии, нравоучительного богословия, еврейского языка и истории еврейского народа на русском языке⁹⁵³. Постепенно и другие так называемые еврейские предметы стали преподаваться на русском языке, и к концу 1867 года этот процесс перехода к русскому языку завершился⁹⁵⁴. Но введение русского языка как языка преподавания «еврейских предметов», особенно имея в виду распространение этой меры и на другие еврейские училища, а также введение его в богослужение требовало и наличия соответствующих религиозных книг на русском языке⁹⁵⁵.

В вопросе введения русского языка в преподавание «еврейских предметов» и еврейское богослужение виленские чиновники имели по крайней мере двух серьезных союзников. Прежде всего, их поддерживали местные маскилы. Еще при виленском генерал-губернаторе В.И.Назимове раввины в синагогах начали произносить проповеди на русском языке⁹⁵⁶,

953 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1208. L. 14.

954 Исторические сведения о виленском раввинском училище. Вильна, 1873. С. 36–40. Но при этом утвержденная министерством программа, по которой эти предметы должны были преподаваться на немецком и на идише, не была изменена.

955 Эляшевич Д.А. Правительственная политика. С. 314–317.

956 Речь по поводу дарования Евреям некоторых прав гражданственности, произнесенная в Виленской большой синагоге раввином О.Штейнбергом. См.: LVIA. F. 378. BS. 1857 m. B. 856a. L.

позднее на русский язык были переведены и пелись в синагогах псалмы Давида⁹⁵⁷ и вообще утверждалось, что русский должен стать «синагогальным» языком евреев⁹⁵⁸. Еще в августе 1862 года заштатный учитель Минского казенного еврейского училища 2-го разряда О.Гурвич обратился в виленский цензурный комитет с просьбой о разрешении на издание переводимого им на русский язык еврейского молитвенника⁹⁵⁹.

За употребление русского языка в богослужении «иностранных исповеданий», как хорошо известно, агитировал и редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков, утверждавший, что евреи «не могут считать русский язык своим языком, пока не имеют права пользоваться им для удовлетворения своих религиозных потребностей». К тому же он указывал и на опыт других европейских государств, в которых религиозная еврейская литература уже давно переводилась на доминировавшие там «туземные языки»⁹⁶⁰. Не вводить русский язык в

50–52. Говорились проповеди на русском языке в синагогах и позднее: Празднование 19 февраля // Виленский вестник. 1864. № 24.

957 Переписку по этому поводу см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 208.

958 Гурвич О. Заметки еврейского педагога // Виленский вестник. 1864. № 7.

959 LVIA. F. 1240. Ap. 1. B. 186; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 263.

960 Катков М. Н. Москва, 8-го июля. 1865. № 143 // Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1865 год. М., 1897. С. 293; Klier J.D. The Polish Revolt. P. 102. Некоторые более поздние формулировки официальных документов очень напоминают аргументацию «Московских ведомостей». См., например: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 33–34.

еврейское богослужение — фактически и далее содействовать распространению немецкого языка, а тем самым и влиянию Пруссии на российских евреев. Русский язык в синагоге должен был способствовать «слиянию» евреев с русскими.

Виленские маскилы подготовили целую программу по «переводу и составлению еврейско-русских учебников». В записке, представленной в сентябре 1867 года попечителю Виленского учебного округа редактором выходившей на иврите и имевшей русское приложение газеты *Ha-karmel* Самуилом Иосифом Фином, речь шла об учебниках для раввинского училища (переводы: Библия с кратким комментарием на русском языке для начала вместе с еврейским текстом; некоторые трактаты из Мишны; Свод религиозно-нравственных начал и обрядовых узаконений на еврейском языке с русским переводом; Краткая и обширная еврейская грамматика; Библейская история только на русском языке; Послебиблейская история евреев), книгах для училищ 1-го разряда, а также для частных школ (еврейско-русский букварь и молитвенник, который должен быть напечатан вместе с еврейским текстом)⁹⁶¹. Но столь обширная программа столкнулась с некоторыми трудностями. Даже попечитель учебного округа И.П.Корнилов, по инициативе которого и была составлена эта программа и который на отношении С.И.Фина написал следующую резолюцию: «Весьма охотно готов содействовать этому делу, которое я признаю полезным», согласился на перевод только части книг из представленного списка: Мишны, краткой и обширной еврейской грамматики, послебиблейской истории евреев, еврейско-русского букваря и молитвенни-

961 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1384. L. 2–5.

ка⁹⁶². Попечитель Виленского учебного округа в этом случае не указал мотивов, по которым он не дал своего согласия на перевод других религиозных книг для евреев, но их можно выяснить, проследив бюрократическую переписку по поводу напечатания или ввоза из-за границы как тех книг, которые удостоились пометки попечителя «согласен», так и тех, которые не получили его одобрения.

Незнание еврейскими детьми русского языка или опасение, что евреи на такие нововведения будут смотреть как на «посягательство на сущность самой религии», на что указывали «Биржевые ведомости»⁹⁶³, как препятствующие этому эксперименту факторы иногда упоминались и при обсуждении этого вопроса в бюрократических сферах или в рассуждениях православного ведомства. Некоторые из этих книг как раз и издавались на двух языках, в том числе и для того, чтобы знающие только идиш могли «легче и скорее усвоить русский язык»⁹⁶⁴.

Иногда разрешение на издание какой-либо из упомянутых книг на русском языке не давалось или задерживалось по формальным мотивам. Комитет рассмотрения еврейских учебных руководств Министерства народного просвещения не дал разрешения на напечатание катехизиса, переведенного С.И.Фином, потому что министерству была представлена только часть предполагаемого сочинения. К тому же члены этого комитета разошлись с С.И.Фином в оценке того, что нужно

962 Ibid. L. 6.

963 Санкт-Петербург. 18-го марта // Биржевые ведомости. 1866. № 61.

964 РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 254.

считать основными догматами иудаизма, и отметили, что некоторые места предполагаемого к изданию катехизиса слишком сложны для детей⁹⁶⁵. Иногда столичные чиновники находили в переводах «довольно много ошибок против чистоты и правильности русского языка»⁹⁶⁶.

В некоторых случаях центральные власти или православные епископы высказывали опасения, что эти книги будут способствовать укреплению еврейского «фанатизма», то есть обособленности этой этноконфессиональной группы. При обсуждении вопроса об издании упомянутого выше молитвенника О. Гурвича как в Министерстве внутренних дел, так и в Министерстве народного просвещения было решено разрешить это издание только с одним условием: «Если по рассмотрении цензурой этого молитвенника, в нем не окажется стремления веру евреев поставить выше всех других вер и выразить, что народ еврейский есть единственный, избранный Богом»⁹⁶⁷. Ректор православной духовной семинарии Иосиф, сам открыто не высказавшийся против издания переведенных на русский язык учителем Виленского раввинского училища Ашером Водем еврейских молитв, переложил ответственность на другие инстанции, но все же было заметно, что он негативно относится к этому эксперименту. По мнению Иосифа, эти молитвы поддерживают в евреях нелояльность к Российской империи⁹⁶⁸.

965 LVIA. F. 567. Ap. 5. B. 669. L. 8–9.

966 РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 268. Л. 20.

967 Там же. Д. 263. Л. 6; LVIA. F. 1240. Ap. 1. B. 186. L. 4.

968 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 18.

И все же можно предположить, что аргументы о «фанатизме» или возможном поддержании нелояльных чувств посредством переведенных на русский язык с иврита книг не воспринимались серьезно ни теми, кто их высказывал, ни другими участниками бюрократического обсуждения. Во-первых, потому, что, как отмечали члены Комиссии о преобразовании управления евреями, те же самые молитвы издавались и раньше с разрешения правительственных учреждений на немецком языке, так что перевод их на русский язык в этом отношении ничего не менял⁹⁶⁹. Во-вторых, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Э.К.Сиверс приводил очень серьезные аргументы против каких-либо изменений в молитвах: главная цель издания молитв (как, кстати, и других религиозных книг) заключалась в распространении таким путем русского языка, а вмешательство в их содержание могло привести к отказу евреев пользоваться этими книгами⁹⁷⁰. Значит, были более веские причины довольно длительного рассмотрения прошений об издании религиозных еврейских книг на русском языке⁹⁷¹. И причины эти были связаны не столько с озабоченностью еврейским «фанатизмом», сколько с предполагаемым влиянием, которое

969 LVIA. F. 378. BS. 1863 m. B. 877. L. 216–221.

970 РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 682. Л. 14–16.

971 Переведенные на русский язык А. Водем еврейские молитвы были разрешены к печати как в 1863-м, так и в 1866 году (LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 16), но ввиду разных причин переводы начали печатать только после разрешения, данного Синодом в 1869 году (Ibid. L. 57; F. 567. Ap. 5. B. 2186. L. 120).

эти книги могли иметь на окружающее христианское население.

О существовании в бюрократических сферах таких опасений М.Н.Каткову сообщал один из самых последовательных сторонников «русского католицизма» чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий Август Матвеевич Гезен⁹⁷². Еще в 1862 году Комитет для цензуры духовных книг Ведомства православного исповедания не разрешил распространять в России изданную в Берлине на русском языке Тору, ссылаясь на неправильность перевода, а также на то, «что в случае допущения книги Тора к употреблению между русскими евреями нельзя предостеречь от чтения оной и православных, для которых неправильность этого перевода может быть предметом разных недоумений, весьма вредных для большинства, не имеющего возможности проверить перевод с подлинником»⁹⁷³. Некоторые российские бюрократы опасались, что переведенные на русский язык религиозные еврейские книги могут способствовать распространению секты субботников⁹⁷⁴. Для того чтобы еврейские религиозные книги не попали в руки православным, предлагалось напечатать на заглавном листе: «Для употребления евреями»⁹⁷⁵. Другим предохранителем служила сама форма этих изданий, когда, например, в Ветхом

972 ОР ОГБ. Ф. 120. К. 20. Ед. хр. 1. Л. 71.

973 РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 274. Л. 7.

974 РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 5. Л. 346–347, 569. В Министерстве внутренних дел даже начали собирать статистические сведения о числе субботников в империи. Оказалось, что их было всего 3616. См.: Там же. Оп. 3. Д. 682. Л. 21.

975 LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1482. L. 33.

Завете, изданном Л.Мандельштамом, на каждом листе с одной стороны был напечатан русский, с другой — еврейский текст⁹⁷⁶. Спутать такое издание с православными книгами было просто невозможно.

Встречались контраргументы и другого свойства. Так, неизвестный Яков Александрович Брафман (еврей, перешедший в православие, преподаватель Минской православной семинарии, а позже — цензор еврейских изданий в Вильне и автор неизвестной «Книги кагала») считал перевод еврейского молитвенника бесполезным, «так как евреи не будут его никогда употреблять подобно тому как [эти молитвенники] не употребляются на других языках»⁹⁷⁷. Смеею предположить, что Я.А.Брафман был озабочен не столько тем, что эти переводы — пустая трата сил и денег, но опасался, что они, как и вообще введение русского языка в еврейское богослужение, помешают обращению евреев в православие, то есть иудаизм на русском языке получит своеобразную легитимацию на долгие годы⁹⁷⁸,

976 РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 274.

977 LVIA. F. 378. BS. 1869 m. B. 40. L. 221.

978 А.М.Гезен сообщал М.Н.Каткову, что Раевский «против особого русского перевода [Библии] для евреев, ибо таковой будет де препятствовать обращению Евреев в христианство <...>»: ОР ОГБ. Ф. 120. К. 20. Ед. хр. 1. Л. 92. Можно вспомнить, что в 1850-х годах Я. А. Брафман предлагал другой путь «слияния» — миссионерскую деятельность с использованием идиша. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 184; Klier J. D. Imperial Russia's Jewish question. P. 264; Idem. State Policies and the Conversation of Jews in Imperial Russia // Of religion and Empire. Missions, Conversation, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. R. Geraci and M.

в то время когда он ратовал за массовое обращение евреев в православие.

Однако труднее всего оказалось ввести преподавание еврейского Закона Божьего в общие учебные заведения, в первую очередь гимназии. В понимании чиновников Северо-Западного края преподавание этого предмета мыслилось в первую очередь на русском языке. Как уже отмечалось, с начала XIX века российское правительство стремилось привлечь еврейскую молодежь в общеобразовательные учебные заведения, чтобы хотя бы часть евреев получила «европейское» образование и не попала под влияние талмудического воспитания, в котором, по мнению властей, крылись корни еврейского «фанатизма». В 1860-х годах число еврейских учеников в общих учебных заведениях Северо-Западного края начало расти, и все чаще их родители стали обращаться в учебное ведомство с просьбами о введении наряду с христианским также и еврейского Закона Божьего, при этом часто указывалось, что этот предмет должен преподаваться на русском языке⁹⁷⁹. Просители иногда ссылались на распоряжение Министерства народного просвещения от 13 января 1862 года, которым была признана возможность назначать учителей еврейской веры в гимназии и уездные училища Киевского учебного округа, в которых будет обучаться не менее 15 учеников-евреев⁹⁸⁰. И действительно, в первой половине 1860-х годов еврейский Закон

Khodarkovsky. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. P. 104–105.

979 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1216. L. 5–8, 19–21; F. 378. BS. 1868 m. B. 1823. L. 6; F. 567. Ap. 5. B. 2555. L. 1–2.

980 РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 626. Л. 6.

Божий был введен в гимназии этого учебного округа⁹⁸¹. Власти надеялись, что таким образом удастся привлечь больше еврейских детей в общие учебные заведения.

Некоторые чиновники Северо-Западного края были озабочены не только введением этого предмета в общие учебные заведения, но и преподаванием его на русском языке. Уже в ноябре 1863 года по инициативе ковенского директора училищ И.Я.Шульгина с одобрения попечителя А.П.Ширинского-Шихматова, не ожидая мнения Министерства народного просвещения, в ковенской мужской гимназии, где обучалось 60 евреев, были введены уроки еврейского Закона Божьего на русском языке. Кажется, И.Я.Шульгин воспринимал это нововведение не столько как самоцель, хотя, конечно, распространение русского языка среди еврейской молодежи было тоже важным аспектом, но как меру, которая поможет сделать то же самое и с преподаванием Закона Божьего христианских исповеданий, в первую очередь, конечно, католического: «Это обстоятельство может впоследствии послужить примером и для преподавания Закона Божьего других исповеданий, и русский язык чрез то получил бы самый обширный круг действий в здешнем крае, вытеснив собою мало-помалу все враждебные ему элементы». Но этот эксперимент продолжался недолго: министр народного просвещения А.В.Головнин, не возражая против этого нововведения, велел руководствоваться программой, утвержденной Раввинской комиссией, где было указано, что этот предмет должен преподаваться на немецком языке. И.Я.Шульгин немедленно решил прекратить препода-

981 Там же. Д. 47.

вание еврейского Закона Божьего⁹⁸². Видимо, решение было продиктовано представлением о том, что в училище не место преподаванию любого предмета на немецком языке.

Впоследствии в 1860-х годах вопрос о введении еврейского Закона Божьего как в гимназиях, так и в других общих учебных заведениях не раз поднимался в Виленском учебном округе, в том числе в Комиссии об улучшении быта евреев⁹⁸³, но в начале 1869 года из Санкт-Петербурга пришел ответ, что «ввиду предстоящего преобразования по еврейским училищам» такое разрешение не будет дано⁹⁸⁴. Разрешение на преподавание еврейского Закона Божьего в средних учебных

982 LVIA. F. 567. Ap. 3. B. 1216. Цитата: Отношение ковенского директора училища попечителю виленского учебного округа от 9 ноября 1863 г., л. 3.

983 В некоторых случаях прямо указывалось, что этот предмет может преподаваться «исключительно на русском языке»: Ibid. Ap. 5. B. 196. L. 5.

984 Ibid. F. 378. BS. 1868 m. B. 1823. L. 18. С 1867 года было также прекращено преподавание Закона Божьего евреям и в Киевском учебном округе. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 220. Официально указывалось, что причинами прекращения преподавания этого предмета были малочисленность учеников-евреев и нехватка финансовых средств: LVIA. F. 378. BS. 1867 m. B. 1496. L. 2; РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 411. Л. 2. В начале 1870-х годов преподавание этого предмета на русском языке в общих или, как они часто назывались, «христианских» учебных заведениях оставалось только в Одесском учебном округе. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 411.

заведениях Виленского учебного округа было получено только в 1880 году⁹⁸⁵.

Итак, введение русского языка при преподавании «еврейских предметов», а также и в богослужение вместе с изданием необходимых религиозных книг на «отечественном языке» должно было, как и в случае с другими «иностранными исповеданиями», способствовать распространению русского языка. Как уже отмечалось выше, некоторые местные чиновники надеялись, что в еврейской среде русский язык займет место семейного языка быстрее, чем у других «инородцев», например литовцев. В то же время более быстрому и решительному введению русского языка в религиозную жизнь евреев, как уже отмечалось, препятствовало опасение, что религиозные еврейские книги на русском языке могут «сворачивать» православных⁹⁸⁶. Такие опасения, по нашим данным, разделяло довольно немногочисленное число чиновников и часть православного духовенства. Их было намного меньше по сравнению с

985 РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 626. Л. 1. Иначе ситуация сложилась в женских гимназиях, подчиненных ведомству императрицы Марии, где в начале 1870-х годов вводилось преподавание еврейского Закона Божьего на русском языке. Надо иметь в виду, что еврейскому женскому образованию власти уделяли меньше внимания. О введении еврейского Закона Божьего в женских гимназиях в Виленском учебном округе см.: LVIA. F. 378. BS. 1870 m. B. 855; B. 884; Mastianica O. *Pravėrus namų duris: Moterų švietimas Lietuvoje XVIII a. pabaigoje-XX a. pradžioje*. Vilnius: LII leidykla, 2012. P. 148–149.

986 Термин «сворачивание» часто использовался российскими чиновниками при описании перехода из православия в «иностранный» исповедание.

числом чиновников и духовных лиц, опасавшихся влияния католиков. Русский язык в синагогах в этом отношении был совсем неопасным. Но религиозные еврейские книги, прежде всего Библия, несли с собой гораздо больше опасностей, особенно если речь шла о крестьянской среде.

При сравнении введения русского языка в христианские «иностранные» исповедания, с одной стороны, и в религиозную практику евреев, с другой, мы видим довольно ощутимые различия. Для части сторонников «русского дела» «отечественный» язык в дополнительном католическом богослужении означал первый шаг на пути распространения православия среди католического населения, а в случае с евреями миссионерская деятельность не была той целью, к которой стремились местные чиновники. На различные подходы указывает и последовательность введения русского языка в разные сферы. В случае с католиками русский язык в первую очередь вводился при преподавании католического Закона Божьего в общих учебных заведениях (власти думали, что православных будет легче защитить от католицизма в школах, чем в костелах)⁹⁸⁷. Еврейский Закон Божий в общих учебных заведениях Северо-Западного края практически не был введен до 1880-х годов, а в учебных заведениях Киевского учебного округа просуществовал только до 1867 года.

987 См. главу «Белорусы как часть триединой русской нации».

Метаморфозы во взглядах И.П.Корнилова на «еврейский вопрос»

Мотивы отказа ввести в общие учебные заведения еврейский Закон Божий в Виленском учебном округе или удаление его из школ в Киевском округе выглядят довольно формальными. Можно предположить, что были и другие причины, которые я и попробую выяснить, проследив некоторые метаморфозы во взглядах на решение «еврейского вопроса» попечителя Виленского учебного округа И.П.Корнилова.

В первые годы пребывания в Вильне И.П.Корнилов поддерживал идею отдельных еврейских школ. В 1865 году попечитель утверждал, что еврейские казенные училища пока нужны, потому что евреи, особенно неимущие, плохо знают русский язык; принимать евреев в общие народные школы нельзя, потому что учителям будет трудно работать одновременно с христианскими и еврейскими детьми; на еврейских детей лучше всех влияют бывшие воспитанники раввинского училища; и, наконец, закрытие еврейских школ только увеличит влияние «невежественных и фанатических меламедов». И.П.Корнилов не только высказывался за работу казенных еврейских школ, но и предлагал увеличить их число⁹⁸⁸.

Но прошло достаточно непродолжительное время, и мнение попечителя по поводу целесообразности существования отдельных еврейских школ резко изменилось: «Казенные еврейские училища сделали свое дело: они подготовили, разработали еврейскую почву и содействовали распространению русского языка между евреями настолько, что в настоящее

время еврейские дети, желающие обучаться в общих училищах, могут поступать уже прямо в эти заведения»⁹⁸⁹. То есть прошло всего несколько лет, и русский язык стал семейным языком евреев, если еврейские дети могут поступать прямо в общие учебные заведения, где, как известно, все предметы преподавались на русском языке. Поверить в искренность такой аргументации сложно. По-видимому, И.П.Корнилов не столько верил в успехи русского языка в еврейской среде, сколько был озабочен корпоративностью евреев, которую поддерживали, по его мнению, отдельные школы и свечной сбор, установленный для нужд еврейского образования⁹⁹⁰.

Эта метаморфоза, кажется, была связана с тем, что попечитель разуверился в эффективности влияния бывших воспитанников раввинского училища на еврейских учеников. Способствовал этому и Я.А.Брафман⁹⁹¹. Попечителя раздражало то, что, хотя виленские маскилы и поддерживали распространение русского языка в еврейской среде, но все же они не собирались полностью отказываться от своей еврейскости, то есть перейти в православие: «Чем более в народе развитых личностей, тем сильнее развивается в нем сознание и гордость национальности, тем прочнее становится его самобытность, тем менее остается надежды к слиянию с господствующим народом, силами которого создано и держится государство. И теперь уже нельзя не видеть, что ученики раввинского учили-

989 Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1908. С. 296.

990 Там же. С. 295–297.

991 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1108. L. 8–9.

ща, хотя действительно способствуют распространению русского языка и общего образования между евреями, однако же, стоят при этом за еврейскую национальность и вовсе не стремятся к слиянию с русскими, напротив, их можно считать образованными еврейскими националами»⁹⁹². Поэтому популяризатор мог доверять только тем евреям, которые, подобно Я.А.Брафману, переходили в православие⁹⁹³. И.П.Корнилов и многие чиновники учебного ведомства, а также считавшийся экспертом Западного края профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии М.О.Коялович придерживались религиозной концепции русскости, согласно которой главным атрибутом национальности считалась религия. С этой точки зрения полная ассимиляция нерусского населения могла произойти только в случае перехода в православие, хотя в случае евреев, как и поляков, и этого могло быть недостаточно,

992 Сначала И.П. Корнилов даже указал на конкретные примеры: «Напр. Леванда и ему подобные, они не стремятся ни к христианству, ни к обрусению» (это место потом было зачеркнуто): РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 447. Л. 41. Критически к полезности воспитанников раввинского училища в деле образования евреев относился и Н.Н.Новиков: «В какой мере они сами освобождались от подобных свойств талмудизма, решается только гадательно»: LVIA. F. 567. Ар. 5. В. 1344. L. 210.

993 «<...> г. Брафман есть действительно человек полезный и, кажется, судя по известным мне евреям, единственный, незаменимый»: РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 192. Л. 1. По моим данным, в православие перешли один преподаватель Виленского раввинского училища — Моисей Гурвич (после принятия православия — Николай Гурьев) и два ученика: LVIA. F. 577. Ар. 1. В. 25; В. 46.

чтобы человек как формально, так и неформально относился к категории русских⁹⁹⁴.

Значит ли это, что И.П.Корнилов решил пойти по более быстрому пути «слияния» евреев? Верил ли он в то, что евреи, видя в изучении русского языка собственный интерес (на что часто указывали местные чиновники), отдадут своих детей в общие, в том числе и начальные школы, а власти со своей стороны сделают все возможное, чтобы как можно более преуспеть в деле «обрусения» евреев? Очевидно, что ответ на этот вопрос по крайней мере неоднозначный, а скорее всего — негативный.

Прежде всего, И.П.Корнилов уже во второй половине 1864 года с одобрением отзывался о мыслях Я.А.Брафмана, который предлагал не вводить еврейского Закона Божьего в гимназии и религиозное обучение оставить в руках мелаamedов, потому что они «обучающие талмуду без всякой системы, во всей грубости, запутанности и неясности этого бестолкового учения, гораздо безопаснее ученых евреев»⁹⁹⁵. Такие мысли излагали и другие чиновники учебного ведомства: «Стоит еврейскую религию предоставить самой себе и она рухнет сама собою»⁹⁹⁶.

994 «Наконец возможно частное, полное обрусение жидов, то есть с принятием православия. Тут не может быть вопроса о правах, которые в таком случае сами собою придут; но должен быть самый твердый и настойчивый вопрос об искренности и бескорыстии принятия православия». См.: Коялович М. «Московские ведомости» и Западная Россия (Русское латинство, русское жидовство) // Виленский вестник. 1866. № 150.

995 LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1108. L. 8–9.

996 РГИА. Ф. 733. Оп. 189. Д. 192. Л. 10.

Не вводя еврейский Закон Божий в общие учебные заведения, местные бюрократы, возможно, надеялись, что таким образом удастся вызвать индифферентность учащейся еврейской молодежи к иудаизму и она впоследствии перейдет в православие. Но в таком случае речь шла не столько об «исправлении» всего еврейского населения, сколько о «привилегии» для небольшой части «лиц еврейского происхождения».

Создается впечатление, что чиновники Виленского учебного округа не слишком хотели, чтобы число евреев в общих школах увеличилось. Именно в это время все чаще начали звучать предложения прекратить назначение стипендий евреям для учебы в общих учебных заведениях и направить эти средства на начальное образование⁹⁹⁷. Одним из мотивов такого предложения, очевидно, было убеждение, что образованные евреи после учебы в «христианских» учебных заведениях уже не имеют влияния на необразованную еврейскую среду⁹⁹⁸. При этом примерно с 1866 года в официальных документах все чаще высказывалась мысль о том, что власти должны заботиться о просвещении не столько евреев, сколько

997 LVIA. F. 378. BS. 1869 m. B. 40. L. 222–225a.

998 Политику, направленную на «обрусение» в первую очередь образованного меньшинства, критиковал и М.О.Коялович: РО РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 847. Л. 1–2. Некоторые евреи обвиняли директора Виленского раввинского училища Н.И.Собчакова в том, что он препятствовал поступлению выпускников этого училища в университеты. См.: Dohrn V. Das Rabbinerseminar in Wilna (1847–1873). Zur Geschichte der ersten staatlichen höheren Schule für Juden im Russischen Reich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. B. 45. H. 3. S. 396. См. также: LVIA. F. 567. Ap. 6. B. 1321.

русских⁹⁹⁹. Иначе говоря, надо сделать так, чтобы русские были более образованны в сравнении с евреями¹⁰⁰⁰. Одним из аргументов, высказанных И.П.Корниловым против равноправия евреев, была их «громадная цифра», что существенно отличало «еврейский вопрос» в западных государствах от ситуации в Российской империи¹⁰⁰¹. Повторяющиеся ссылки на численность евреев и необразованность русских довольно ясно подсказывали и возможные решения данной проблемы в сторону сегрегационной политики. Кроме того, «еврейский вопрос» местные чиновники начинают приравнивать к поль-

999 РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 456. Л. 16.

1000 «Для решения вопроса о Евреях нам, по моему мнению, остает-ся сделать одно: неуклонно и серьезно заботиться о возвышении уровня народного образования собственно русских»: LVIA. F. 567. Ар. 6. В. 1319. L. 13–14. Похожие мысли можно найти и в отчетах И.П.Корнилова: «Распространя образование между евреями, нужно в той же или в еще большей мере распростра-нять образование между русскими, нужно придать русскому элементу столько сил, чтобы он мог вполне успешно бороться с еврейским элементом, мог подчинять его себе и отчасти ассимилировать по естественному закону нравственного перевеса. В этом отношении, как мы увидим, русский народ в Западном крае отстал не только от поляков, но и от евреев. Требуется, следовательно, устранить все то, что способствует исключительному развитию еврейского элемента, что дает ему искусственный перевес над развитием простого русского народа»: РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 447. Л. 41–42.

1001 И.П.Корнилов здесь, конечно же, имел в виду число евреев в черте еврейской оседлости: Там же. Д. 456. Л. 14.

скому¹⁰⁰². А число поляков в учебных заведениях после восстановления 1863–1864 годов власти, как известно, старались сократить. Иначе говоря, в соответствии с концепцией националистической национальной политики учебные заведения должны быть предназначены в первую очередь для русских.

***

Некоторые меры, предпринятые местными властями Северо-Западного края в 1860-х годах, как и предложения, звучавшие в контексте решения имперскими чиновниками «еврейского вопроса» на протяжении всего «длинного XIX века», были довольно радикальными (обязательное обучение русскому языку всех еврейских мальчиков; рассуждения генерал-

1002 «Сюда на великую и трудную службу русскому делу должны идти охотно лучшие русские люди. Это необходимо для нравственной победы нашей над полонизмом, латинством, еврейством, германством; это необходимо для того, чтобы на западной границе нашей устояла и окрепла русская национальность в русском государстве; это необходимо для того, чтобы русская земля не раздробилась на уделы и не стала похожею на Австрию или на Турцию». См.: Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. 2-е изд. С. 281–282. Похожие мысли И.П.Корнилов сформулировал и в письме М.Н.Каткову: «На здешний край требуется много людей на большие и мелкие правительственные и учебные должности. Из поляков выбирать нельзя, надо их отстранять; они народ опасный, сомнительный; правительство именно и борется против туземного общества; из жидов выбирать не следует; надо поднимать русский элемент, а жидами его не поднимешь <...>»: ОР ОГБ. Ф. 120. К. 21. Ед. хр. 1. Л. 143.

губернатора К.П.Кауфмана о возможности запрета идишистской печати), но более пристальное рассмотрение показывает, что для большинства местных чиновников «обрусение» евреев мыслилось в менее ассимиляторских категориях, чем в случае со многими другими недоминировавшими этническими группами Северо-Западного края. Евреи, по мнению местных властей, как преимущественно городское население и народ, всегда усваивающий «отечественный язык» обитаемой страны, были более гибкими в изучении русского языка по сравнению, например, с литовцами. Некоторые местные чиновники, можно предположить, довольно искренне надеялись, что в недалеком будущем из еврейской среды удастся сначала вытеснить польский язык, а затем заменить привычный для евреев разговорный идиш русским, а иврит так и останется «мертвым языком» по примеру латинского. Но эта политика не была направлена на тотальное и быстрое проникновение русского языка в еврейскую среду, потому что главные меры имперских чиновников касались только обучения мальчиков, но не девочек. В то же самое время русский язык должен был стать и «синагогальным» языком евреев. При этом попытки, как и планы, повлиять на религиозность еврейского населения были более осторожными по сравнению с теми же мерами в отношении других недоминирующих групп, также принадлежавших к «иностранным исповеданиям» (учреждение народных школ, где дети обучались только общим предметам, означало, что религиозное образование было оставлено в руках меламедов). Планы Я.А.Брафмана, связанные с миссионерской деятельностью среди евреев, как известно, не получили серьезной поддержки имперских властей. Поэтому политику имперских властей по отношению к евреям, особенно учитывая доминировавшую тогда конфессиональную парадигму,

правильнее назвать стремлением к аккультурации, усилившимся после 1863 года по сравнению с более ранним периодом, но ни в коем случае не ассимиляцией. Порог «отверженной ассимиляции» в случае с евреями был очень высок¹⁰⁰³.

Однако уже в 1860-х годах в недрах местной царской бюрократии возникали идеи о новых подходах к решению «еврейского вопроса». Как показывает изменение взглядов попечителя Виленского учебного округа И.П.Корнилова, уже с середины 1860-х годов в среде местной бюрократии Северо-Западного края наметился отход от активной политики, направленной на «слияние» евреев, и все чаще звучала мысль, что для решения этого вопроса нужно «заботиться о возвышении уровня народного образования собственно русских». То есть евреи должны ждать, пока вырастет образованность русских. Конечно, не все местные чиновники придерживались таких взглядов. Виленского генерал-губернатора А.Л.Потапова (1868–1874), охотно употреблявшего термин «русские граждане Моисеева исповедания», конечно, нельзя причислить к группе работавших в Виленском учебном округе юдофобов, взгляды которой выражал И.П.Корнилов. Но в отличие от политики по отношению к литовцам «еврейский вопрос» не мог решаться в пределах Северо-Западного края, а центральные власти созрели к применению сегрегационных мер по отношению к евреям только в 1880-х годах.

1003 Дж. Клир недоверие со стороны русского общества к перешедшим в православие евреям охарактеризовал как *fear of contemporary Marranos* (страх современных марранов). См.: Klier J. D. *State Policies and the Conversion of Jews in Imperial Russia*. P. 94.

Раздел III. Старые и новые вызовы после революции 1905 года

В исторической литературе политика, которую власти проводили на западных окраинах империи после революции 1905 года, изучена гораздо менее, чем политика периода, последовавшего за подавлением восстания 1863–1864 годов. Такая ситуация связана с тем, что в постреволюционный период имперские власти гораздо меньше экспериментировали и приняли незначительное количество решений, связанных с национальной политикой, при этом общественная жизнь в рассматриваемый период была гораздо более интенсивной, и, как правило, внимание исследователей привлекает именно она.

До конца XIX века, с точки зрения властей, основным врагом на западных окраинах империи все еще были поляки, однако на рубеже XIX–XX веков появляются влиятельные чиновники, например виленский генерал-губернатор Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1902–1904 годы; в 1904–1905 годах министр внутренних дел), которые иначе представляли «этническую иерархию» врагов империи. В мае 1904 года, обобщая результаты своей работы на посту виленского генерал-губернатора, П.Д.Святополк-Мирский писал, что власти должны продолжать вести борьбу с польским влиянием и прежде всего не допустить полонизации неполяков-католиков (белорусов и литовцев), и предложил дифференцировать польское общество. Нелояльными П.Д.Святополк-Мирский считал только поляков, живущих в городах, при этом поляки-помещики — группа «более спокойная, более трезвая, представляется и большей опорой для правительства», и при этом он отмечал, что, «хотя в настоящее время антиправительственная и, в частности, революционного характера деятельность среди поляков не прекратилась, но

интенсивность этой деятельности бледнеет по сравнению с таковой в еврейской среде»¹⁰⁰⁴.

Часть политической элиты империи изменила точку зрения на поляков и по причине международной конъюнктуры. После того как в конце XIX века Германия, Австро-Венгрия и Италия сформировали Тройственный союз, негативная политика в отношении Польши¹⁰⁰⁵, существовавшая с начала XVIII века, потеряла актуальность, и часть высокопоставленных чиновников (например, варшавский генерал-губернатор Павел Андреевич Шувалов) предупреждали, что дискриминация поляков в Российской империи подтолкнет последних к поддержке Тройственного союза, поэтому политику в отношении поляков необходимо менять¹⁰⁰⁶. Такие перемены в «иерархии врагов» империи стали еще более ощутимы во время революции 1905 года.

Изменившаяся неформальная «иерархия врагов» была одной из значимых, но не единственной причиной, заставлявшей правящую элиту империи рассматривать возможности изменения стратегии интеграции окраин. Часть бюрократов в конце XIX — начале XX века признавали, что политика, проводившаяся после подавления последнего восстания, не то что не принесла ожи-

1004 Lietuvių klausimas Rusijos imperijoje XIX a.–XX a. pradžioje / Sud. R. Vėbra. Vilnius: Baltos lankos, 2001. P. 168, 241.

1005 В XVIII веке — стремление Пруссии и России не допустить усиления Речи Посполитой, в XIX веке — стремление не допустить ее восстановления: Schulze Wessel M. Russlands Blick auf Preussen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947. Stuttgart: Klett-Cota, 1995.

1006 ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 466. Л. 7.

давшейся пользы, но привела к результатам, противоположным надеждам властей. Чиновники осознавали неэффективность не только политики по отношению к полякам, но и политики запрета традиционной литовской графики¹⁰⁰⁷. Несомненно, важна была и общая либерализация режима, вызванная и поражением в войне с Японией, и революцией 1905 года.

Одна из первых попыток предложить альтернативу ранее проводимой политике была предпринята П.Д.Святополк-Мирским — он предлагал изменить политику в отношении нерусского населения¹⁰⁰⁸: польских дворян следует не изолировать от работы в различных государственных учреждениях, но вовлекать в нее и таким образом способствовать совместной работе поляков и русских. То есть П.Д.Святополк-Мирский предлагал заменить политику сегрегации политикой интеграции. Совместная деятельность поляков и русских, по мнению генерал-губернатора, будет полезна для интеграции Северо-Западного края. Признавал П.Д.Святополк-Мирский и непродуктивность политики в отношении литовцев. Он считал, что необходимо смириться с существованием литовского этнокультурного сообщества¹⁰⁰⁹. Конечная же цель политики в отношении католиков-белорусов должна была оставаться прежней — переход в православие (то есть полная ассимиляция), но при использовании совершенно других методов. Одним из важнейших принципов должно было стать отсутствие дискриминации

1007 Merkys V. Knygnešių laikai. P. 358–386.

1008 Lietuvių klausimas Rusijos imperijoje XIX a.–XX a. pradžioje / Sud. R. Vėbra. Vilnius: Baltos lankos, 2001. P. 168–185.

1009 Lietuvių klausimas Rusijos imperijoje XIX a.–XX a. pradžioje. P. 200–222.

католической церкви, проводя политику дискриминации, «правительство, без сомнения, будет лишь отдалять от себя католических белорусов, которые, чуждаясь русского, в конце концов могут примкнуть к полякам, при этом примкнуть совершенно сознательно и во всей своей массе»¹⁰¹⁰. На основе именно такой логики в 1905 году были изменены многие правовые акты, регулирующие образование и религиозную жизнь недоминирующих этнических групп, а также порядок приобретения представителями этих групп земли. Прежде чем перейти к рассмотрению национальной политики, проводившейся империей в Северо-Западном крае в отношении поляков, литовцев и белорусов-католиков, нам необходимо выяснить, каким образом имперские чиновники идентифицировали эти группы, проще говоря, кто, по мнению представителей власти, был поляком, литовцем, русским и так далее¹⁰¹¹.

В поздний период существования империи категоризация подданных приобрела гораздо более широкий масштаб по сравнению с более ранними периодами. Революция 1905 года заставила имперские власти не только пойти на уступки нерусским националистам, но и защищать интересы русского населения. Поэтому наряду с традиционными областями (землевладение и государственная служба), в которых подданные категоризировались по национальной принадлежности и раньше, появились новые области (выборы в Государственную думу и земства, школы), требовавшие установления государственными учреждениями

1010 Ibid. P. 93.

1011 Более подробно см.: Staliūnas D. The Identification of Subjects According to Nationality in the Western Region of the Russian Empire in 1905–1915 // Ab imperio. 2020. № 3. P. 33–68.

индивидуальной принадлежности лиц к той или иной национальной группе.

Категоризация подданных в Российской империи в период революции 1905 года и в течение нескольких следующих лет действительно приобрела новые черты. Значимость сословных критериев уменьшилась уже на рубеже XIX–XX веков. Одним из важнейших критериев в области землевладения и образования, не говоря уже о переписи населения и этнографических исследованиях, становится язык. Надо отметить, что в некоторых из этих областей язык становится важнейшим признаком национальной идентификации уже с середины XIX века. Новой, можно сказать, революционной идеей становится признание самоидентификации важным признаком национальной принадлежности. Этот критерий в землевладении, отчасти в образовании и при подготовке закона о выборах в земство был важен во время революции 1905 года и в течение нескольких лет после ее подавления. Однако чиновники даже в этих областях не применяли новейших критериев установления национальной принадлежности последовательно; в начале 1910-х годов мы можем проследить тенденцию отказа от применения этих критериев. Схожие процессы фиксировал и Пол В. Верт (Paul W. Werth), изучавший имперскую конфессиональную политику. Указ от 17 апреля 1905 года ознаменовал изменение значения религии — из общественно-го и наследуемого атрибута она превратилась в характеристику, определяемую личным выбором человека. Однако около 1910 года в политике властей вновь прослеживается яркая тенденция

конфронтации с «иностранными» конфессиями¹⁰¹². В то же время в некоторых других областях (например, государственная служба) язык или самоидентификация как критерии национальной идентификации не рассматривались. То есть новые критерии национальной идентификации, такие как самоидентификация, имперские власти применяли ситуативно, и после 1908 года (в особенности — после 1910-го) часто наблюдается возврат к привычному конфессиональному маркеру. Ситуативное применение чиновниками критериев определения национальной принадлежности не позволило национальной принадлежности получить официальное определение.

Критерии национальной идентификации отличались и в зависимости от того, с какой целью требовалось установить национальную принадлежность. Если необходимо было решить, является католик поляком, литовцем или белорусом (частый случай в области землевладения), то важнейшими критериями считались этническое происхождение и язык. Нередко чиновники более высокого ранга стремились сохранить русский характер институтов власти, и в этом случае потенциально неблагонадежными становились все нерусские (неправославные), особенно лица католического исповедания, хотя формально такими должны были быть только поляки.

Перед Первой мировой войной в сознании имперских властей усиливается понимание национальности, опирающееся на используемый в быту («родной») язык, который считается однозначным признаком национальной идентичности (тот, кто в

1012 Werth P.W. The Tsars Foreign Faiths. Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford UP, 2014. P. 254.

быту говорит на одном из белорусских говоров, — русский; тот, кто говорит на одном из литовских или жемайтийских говоров, — литовец; тот, кто говорит на польском языке, — поляк). Фактор этнической принадлежности использовался в тех случаях, когда он был удобен бюрократам (например, в публикациях, когда надо было доказать, что большинство жителей Западного края — русские) или при проведении процедур, требовавших четкого соблюдения формальностей (например, при выдаче разрешения на приобретение земли). Однако в определенных контекстах конфессия могла быть самым важным маркером, особенно после 1908 (1910) года. И этническое происхождение, и язык были критериями, которыми с легкостью могли манипулировать как идентифицирующий, так и идентифицируемый, в то время как конфессия, как правило, была постоянной и четко документированной характеристикой. Частичный возврат к старому маркеру национальной идентификации — конфессии — был в основном связан с возвращением старой «этнической иерархии» врагов империи, в которой главное место, как уже отмечалось, отводилось полякам. «Польский вопрос» был основной проблемой, вокруг которой строилась вся национальная политика на западных рубежах империи.

Глава 13. «Польский вопрос»

15, 22 и 23 марта 1905 года Комитет министров, опираясь, помимо других документов, на уже цитировавшийся нами отчет П.Д.Святополк-Мирского, рассматривал вопрос об упразднении дискриминационных мер, направленных против поляков¹⁰¹³. Участники заседаний отмечали, что отношение поляков к Российской империи изменилось, исчезли сепаратистские тенденции и как консервативный элемент поляки как раз будут полезны в борьбе против нового — основного — врага: «распространения вредных учений, стремящихся к социальному уравниванию лиц всех сословий и к крайней демократизации»¹⁰¹⁴. Такие перемены в представлении об «иерархии врагов» мы видим и на западных окраинах империи. Так, гродненский губернатор, обобщая опыт революции 1905 года, отмечал, что, несмотря на то что поляки не отказываются от планов колонизации белорусов, бóльшую опасность, с его точки зрения, представляет деятельность еврейских организаций¹⁰¹⁵.

Во время заседаний Комитета министров выявилась позиция чиновников, согласно которой требовалось принимать во внимание часть потребностей нерусского, прежде всего — польского населения, чтобы последние могли «улучшить свое

1013 Комитет министров должен был выработать постановление по 7-му пункту указа императора от 12 декабря 1904 года, предусматривавшему упразднение правовых актов, дискриминирующих нерусское население.

1014 РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 407.

1015 Там же. Читальный зал. Папка № 2820. Документ № 20. Л. 2.

экономическое благосостояние и развивать свои духовные силы». Такая позиция, как отмечается в журнале заседаний, «вызывая чувство любви и уважение подчиненных народов к господствующему, должна устранить или хотя бы значительно ослабить племенную рознь и недовольство»¹⁰¹⁶. Этот подход уже больше напоминает имперскую, а не националистическую политику. 1 мая 1905 года постановления этих заседаний были подтверждены указом императора, упразднявшим ряд дискриминационных мер, введенных после 1863 года (была отменена значительная часть запретов на приобретение и аренду земли¹⁰¹⁷, предусматривалось восстановление деятельности дворянского самоуправления, разрешалось преподавать литовский и польский языки в государственных учебных заведениях различных уровней)¹⁰¹⁸.

Однако этот указ, как и другие правовые акты, направленные в том числе на смягчение дискриминации «лиц польского происхождения», в официальном дискурсе не меняли восприятия Западного края как русской «национальной территории», равно как и уверенности правящей элиты империи в том, что другие недоминирующие этнические группы (прежде всего — литовцы и «русские») необходимо защищать от польского влияния¹⁰¹⁹. Такую позицию четко озвучил и виленский генерал-губернатор Константин Фаддеевич Кршивицкий: «Всякое внешнее угнетение польского элемента, глубоко

1016 РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 404.

1017 Запрет приобретать землю у лиц русской национальности сохранился.

1018 Там же. Л. 423.

1019 Там же. Л. 403.

несправедливое и противное русскому чувству само по себе, как доказано опытом, приводит к прямо противоположным результатам, усиливая гонимый элемент и нравственно обессиливая покровительствуемый». Однако такой подход в отношении «польской народности», по мнению генерал-губернатора, является правильным исключительно «в пределах ее этнографического распространения», в Белоруссии же власти должны заботиться о сохранении белорусов в зоне влияния русской культуры¹⁰²⁰.

Особенно радикальные перемены в политике в отношении поляков предлагал Иван Иванович Толстой, в октябре 1905 года назначенный министром народного просвещения. Его кредо гласило: для того чтобы «обрусить посредством школы» представителей нерусских национальностей, то есть изменить их коллективные идентификации, следует сделать учебные заведения привлекательными для нерусских. И одно из средств — включение в школьную программу «местного языка» как предмета¹⁰²¹. Политику просвещения в Царстве Польском министр предлагал поменять в корне¹⁰²². Программу нововведений И. И. Толстой, как он сам писал в воспоминаниях, практически дословно составил из предложений профессо-

1020 LVIA. F. 378. BS. 1906 m. B. 412. L. 4. Подобная мысль: РГИА. Ф. 1284. Оп. 250. Д. 220. Л. 114–116.

1021 Толстой И.И. Заметки о народном образовании в России. СПб., 1907. С. 12–15.

1022 И.И.Толстой также отправил в отставку попечителя Виленского учебного округа В.А.Попова (Мемуары графа И.И.Толстого. М.: Индрик, 2002. С. 66), «русификационную» политику которого я рассмотрю далее.

ра Санкт-Петербургского университета поляка Леона Петражицкого (Leon Petrażycki). Программа, помимо прочего, предусматривала введение польского языка как языка преподавания не только в начальных государственных школах, но и в средних, где при этом на русском языке должны были преподаваться русский язык и литература, а также история и география России. Кроме того, для желающих предусматривалась возможность обучаться и в русских гимназиях, где как предметы должны были преподаваться польский язык и польская литература¹⁰²³. Однако варшавский генерал-губернатор Георгий Антонович Скалон не поддержал этих достаточно радикальных перемен, и в Санкт-Петербурге решили, что рассмотрение вопроса является «несвоевременным»¹⁰²⁴.

В бытность И.И.Толстого министром народного просвещения были изменены и условия преподавания «местных языков» (польского и литовского) как предмета в Северо-Западном крае. Если постановления, принятые в Санкт-

- 1023 Мемуары графа И.И.Толстого. С. 164–172. В Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в фонде И.И.Толстого хранится документ «Записка о языке преподавания в правительственных учебных заведениях Царства Польского», авторство которого приписывается именно министру. См.: РО РНБ. Ф. 781. Д. 118. Сам же И.И.Толстой в воспоминаниях пишет, что этот документ он не сохранил и во время работы над мемуарами у него под рукой были только предложения Л.Петражицкого. См.: Мемуары графа И.И.Толстого. С. 165.
- 1024 Мемуары графа И.И.Толстого. С. 165, 172. Права, которые И.И.Толстой предлагал предоставить польскому языку в государственных учебных заведениях Царства Польского, у этого языка с 1905 года были в частных школах.

Петербурге в 1905 году (указ от 1 мая и решение Ученого комитета Министерства народного просвещения от 22 сентября), предусматривали преподавание этих языков как необязательных предметов в государственных школах только в том случае, если большинство учащихся является литовцами или поляками (в первом документе говорилось о большинстве в определенной местности, во втором — в конкретной школе¹⁰²⁵), то 21 января 1906 года Министерство народного просвещения позволило вводить эти предметы и там, где конкретная национальная группа не составляла большинства¹⁰²⁶. Таким образом, польский язык как предмет был введен в некоторых средних, высших начальных и двухклассных начальных училищах Виленского учебного округа¹⁰²⁷. Однако достаточно быстро, в конце апреля 1906 года, И.И.Толстой, так же как и председатель Совета министров Сергей Юльевич Витте, был снят с должности, и эти отставки стали символом конца относительно либеральной эпохи.

Невзирая на то что императорский указ от 22 апреля 1906 года предусматривал в части Гродненской губернии, где компактно проживали поляки, возможность введения в начальных школах польского языка как предмета обучения, а также на проведенные в 1906 году четыре (!) заседания высокопостав-

1025 LVIA. F. 378. BS. 1904 m. B. 316. L. 181.

1026 Ibid. F. 567. Ap. 26. B. 800a. L. 15.

1027 В 1908 году польский язык как предмет преподавался в 21 (из 41) государственной средней школе Виленского учебного округа и лишь в нескольких начальных школах в городах. В частных католических школах польский язык как предмет преподавался в 20 (из 117). См.: Ibid.

ленных чиновников в Вильне и Гродно, в ходе которых была установлена «польская территория» в Гродненской губернии, это решение так и не было приведено в исполнение. В более поздние годы высокопоставленные местные чиновники ставили под сомнение надежность проведенных в 1906 году исследований¹⁰²⁸. Очевидно, часть местных чиновников вовсе не стремилась выполнять это решение, и критика в отношении сбора данных была только поводом для того, чтобы преподавание польского языка в принципе не было введено в начальных школах Гродненской губернии. В период после 1905 года национальная политика в империи снова изменилась, и часть имперских бюрократов не желала предоставлять полякам новые «привилегии».

Постепенно в представлении части имперских чиновников поляки снова получили статус врагов империи на западных окраинах. Эти изменения можно проследить и в отчетах гродненского губернатора Николая Григорьевича Неверовича. Рассматривая ситуацию в 1907 году, он уделял много внимания опасной деятельности революционеров-евреев и отмечал, что на определенное время она сплотила русских и поляков. В последующие годы губернатор переносит акцент на вредную деятельность поляков, при этом в донесениях осталась и отрицательная оценка деятельности евреев¹⁰²⁹. Это объясняет, почему часть пунктов указа от 1 мая 1905 года, например о выборах в институты дворянского самоуправления, так и осталась невыполненной и, если верить членам Государствен-

1028 Переписка по этому вопросу: Ibid. F. 378. BS. 1906 m. B. 378; F. 567. Ap. 13. B. 1301.

1029 РГИА. Читальный зал. Папка № 2820.

ного совета полякам А.Мейштовичу (A.Meysztowicz), Р.Скирмунту (R.Skirmunt) и С.Лопацинскому (S.Lopaciński), указ выполнялся лишь в течение нескольких лет после его издания, позже административная практика изменилась, и местные чиновники делали все возможное, чтобы не дать полякам пользоваться предоставленными указом правами (губернаторы не спешили выдавать разрешения на покупку земель для устранения чересполосицы, «для округления границ» и промышленных целей, в 1911 году Кассационный департамент Правительствующего сената пояснил, что поляки не могут приобретать землю у юридических лиц, и так далее)¹⁰³⁰.

Тенденцию имперских властей трактовать поляков *in corpore* как враждебный элемент, от влияния которого следует ограждать другие этнические группы, прежде всего «русских», прекрасно иллюстрирует история введения земств в Западном крае. Этот институт местного самоуправления в 1864 году был введен на всей территории Российской империи, кроме некоторых окраин. В Западном крае земства введены не были, поскольку правящий режим опасался, что в земствах будут доминировать поляки. Бюрократическая переписка по вопросу введения земства в Западном крае началась в самом конце XIX века и закончилась в 1911 году после того, как Николай II утвердил закон о введении земства в шести губерниях Западного края¹⁰³¹. В «литовских» губерниях (Виленская, Ковенская,

1030 Там же. Ф. 821. Оп. 128. Д. 1407. Л. 20.

1031 Перипетии подготовки этого закона детально рассмотрены в историографии: Аврех А.Я. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина // Исторические записки. 1961. Т. 70. С. 61–112; Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia.

Гродненская) этот институт введен не был. Виленская и Ковенская губернии были исключены из ареала применения закона, поскольку, как считал министр внутренних дел, «в Ковенской и Виленской губерниях при указанных условиях оказались бы совершенно лишенными в большей части уездов русского облика, а это <...> нежелательно в видах государственных, с точки зрения же господства русской идеи в крае и совершенно недопустимо»¹⁰³². Больше всего имперские власти боялись, что институты местного самоуправления попадут в руки к полякам. Меньшее внимание в этом контексте в историографии уделялось факту невведения земств и в Гродненской губернии. Согласно официальной версии, имперские чиновники приняли решение не применять этой реформы и в Гродненской губернии, поскольку введение здесь земства могло осложнить администрирование Виленского генерал-губернаторства, где земства были бы введены только в одной губернии¹⁰³³. Этот мотив действительно мог быть важен для бюрократов, но он, возможно, не был единственным. Упразднение института Виленского генерал-губернаторства с различной интенсивностью обсуждалось властями империи с 1863 года, с 1909 года пост генерал-губернатора оставался незанятым, и в

Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois Press, 1996. P. 131–151; Западные окраины Российской империи / Сост. М.Д.Долбилов, А.И.Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 271–275, 378–381.

1032 РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1909 г. Д. 38а. Л. 171.

1033 Там же. Л. 172; Аврех А.Я. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина // Исторические записки. Т. 70. 1961. С. 19.

начале 1911 года было принято решение об упразднении генерал-губернаторства¹⁰³⁴. То есть в 1909–1910 годах бюрократы могли предполагать, что в ближайшем будущем Виленское генерал-губернаторство может быть упразднено как институт. Поэтому, возможно, правящая элита империи с подозрением смотрела на Гродненскую губернию как на территорию, находящуюся под слишком большим польским влиянием: здесь проживало достаточно большое количество белорусов-католиков, и по этой причине население губернии воспринималось как «доступное, несомненно, влиянию полонизма»¹⁰³⁵.

В то же время в шести других губерниях Западного края выборы в земское самоуправление должны были проходить согласно системе национальных курий с тем, чтобы русские получили в земствах большинство. Это решение прекрасно иллюстрирует приоритеты национальной политики государства. Такое решение было принято несмотря на то, что часть участников проходивших в государственных учреждениях дискуссий предупреждали об отрицательном влиянии национальных курий на процессы интеграции: такая процедура могла привести к ситуациям, когда представители нерусских народностей будут действовать в интересах прежде всего

1034 Staliūnas D. An Awkward City: Vilnius as a Regional Centre in Russian Nationality policy (ca 1860–1914) // *Russia and Eastern Europe: Applied «Imperiology»* / Ed. A. Nowak. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2006. P. 222–243.

1035 РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1909 г. Д. 38а. Л. 172.

своей национальной группы, а не всего населения¹⁰³⁶. Следовательно, приоритетом для правящей элиты империи являлась защита интересов «русских», в то время как интеграция представителей недоминирующих этнических групп, и прежде всего поляков, была менее важна, более того — при такой позиции чиновников вряд ли возможна. Реализацию именно такого направления политики мы и наблюдаем на проходившем в апреле 1914 года в Санкт-Петербурге совещании высокопоставленных чиновников, посвященном «борьбе с польским влиянием в Северо-Западном крае».

Участовавшие в совещаниях чиновники были особенно озабочены наблюдавшимся сближением «польской аристократии и интеллигенции» с народом, что могло представлять серьезную опасность для целостности империи¹⁰³⁷. При этом возможности превратить поляков в лояльных подданных императора или повлиять на их культурную идентификацию не рассматривались. Создается впечатление, что высокопоставленные имперские чиновники смирились с мыслью об антиимперских взглядах поляков и считали, что власти не в силах эти взгляды изменить. Зафиксированная 18 апреля 1914 года в журнале заседаний дискуссия о назначении могилевского архиепископа и высказанные мысли о том, что могилевским католическим архиепископом не следует назначать немца, поскольку поляки это воспримут как вызов¹⁰³⁸, — редкий случай, когда участникам совещания была безразлична

1036 Аврех А.Я. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина // Исторические записки. Т. 70. 1961. С. 92–93.

1037 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 88.

1038 Там же. Л. 98.

реакция поляков. Все внимание во время этого совещания было направлено на меры, призванные оградить белорусов и литовцев от польского влияния. Участники совещания решили обратиться в Министерство внутренних дел с предложением уменьшить польское влияние в католической церкви (стремиться к тому, чтобы виленским и самогитским (тельшевским) епископами были назначены литовцы, а могилевским — латыш, уменьшить число поляков в капитулах, консисториях и в духовных семинариях; национальный состав обучающихся в семинариях клириков привести в соответствие с национальным составом верующих; в католических семинариях преподавание Закона Божьего, а также так называемое дополнительное богослужение белорусам проводить на русском языке; применять другие меры для ограничения влияния католической церкви и усиления позиций православной церкви; принять ряд мер, призванных осложнить приобретение земли поляками, и упрочить экономическое положение русских и пр.)¹⁰³⁹.

Даже после начала войны и оккупации части Западного края немецкими войсками, когда между враждующими сторонами началось соперничество за привлечение поляков на свою сторону, лишь часть высокопоставленных чиновников (например, военный министр Алексей Андреевич Поливанов) были готовы упразднить правовые акты, дискриминирующие «лиц польского происхождения», при этом другие (министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов и министр земледелия Александр Николаевич Наумов) предлагали не спешить или идти только на частичные уступки (министр народного

1039 Там же. Л. 70–72.

просвещения Павел Николаевич Игнатъев), были и те (министр юстиции Александр Алексеевич Хвостов), кто в случае получения Царством Польским автономии склонялся к введению новых запретов для поляков в Западном крае¹⁰⁴⁰.

В отличие от поляков белорусы для имперских чиновников были той национальной группой, которую следовало защищать, а не той, против которой следовало бороться. Поэтому и предлагаемые меры национальной политики по отношению к этой недоминирующей этнической группе были другие.

1040 РГИА. Ф. 733. Оп. 196. 1915 г. Д. 1003.

Глава 14. Программа «развития белорусских национальных чувств»

В последние десятилетия существования империи статус белорусов как этнической группы в официальном и публичном дискурсах в сравнении с более ранним периодом практически не изменился. Белорусы, как и раньше, концептуализировались как составная часть триединой русской нации. Соответствующим образом представители имперских властей трактовали и статус белорусского языка: «В действительности белорусское наречие совершенно не является самостоятельным языком, оно лишь испорченный русский язык с примесью польских слов, и при том испорченный настолько незначительно, что не представляет никаких затруднений для понимания русскими белорусской речи, или белорусами русского языка»¹⁰⁴¹. Белорусский язык в российском дискурсе нередко, как и идиш, назывался жаргоном¹⁰⁴². Такая точка зрения на белорусов была характерна и для достаточно либеральных имперских чиновников, например ее придерживался министр народного просвещения И.И.Толстой. Белорусов и малороссов И.И.Толстой считал «разветвлениями» русского племени и констатировал: «Очевидно для меня и, думаю, для большинства спокойно рассуждающих людей, что различие наречий, на которых люди говорят, еще нигде в мире не служило основанием для признания обособленных политических, экономических и культурных интересов, а отличить образованного воро-

1041 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 179.

1042 Миловидов А.И. О языке преподавания в народных школах Северо-Западного Края (По поводу запроса в Госуд. Думу). Вильна: Типография «Русский Почин», 1912. С. 12–13.

нежского или одесского малоросса от таковых же великорусов было бы в большинстве случаев абсолютно невозможно»¹⁰⁴³.

Однако, по крайней мере в период революции 1905 года, многие высокопоставленные чиновники предлагали искать иные в сравнении с применявшимися до революции, то есть нерепрессивные, меры воздействия. И.И.Толстой полагал, что запрет на книгопечатание на украинском и белорусском языках привел к появлению «автономно-сепаратистических стремлений» в этих национальных сообществах¹⁰⁴⁴, а виленский генерал-губернатор К.Ф.Кршвицкий утверждал, что в новых условиях власти могут опираться исключительно на применение «мер культурного характера». Генерал-губернатор считал, что белорусы вследствие многовекового сосуществования Литвы и Белоруссии с Польшей «по языку и нравам» есть «нечто среднее между коренными русскими и поляками», поэтому белорус «одинаково легко обращается и в русского, и в поляка» и, следовательно, правительство «должно всеми культурными мерами пробуждать сознание в Белоруссии и сохранить белорусов для восприятия русской культуры». При этом, по мнению К.Ф.Кршвицкого, для того чтобы белорусы идентифицировали себя с русскими, следует принять целый ряд мер: как можно быстрее ввести белорусский язык как язык дополнительных католических служб, открыть начальные школы с преподаванием белорусского языка, участвовать в формировании кадров из числа священников местного проис-

1043 Мемуары графа И.И.Толстого. С. 154–155.

1044 Там же. С. 155.

хождения¹⁰⁴⁵, создать для белорусских крестьян более выгодные условия приобретения земли, создать сеть потребительских обществ, издать дешевые книжки для народа «на местном наречии». К.Ф.Кршвицкий считал, что в этой области властям необходима и помощь общественности, поэтому поддерживал сформировавшиеся в крае организации «Северо-западное русское вече» и «Крестьянин». Генерал-губернатор надеялся, что работа станет легче после введения в крае земств¹⁰⁴⁶.

Предложенная К.Ф.Кршвицким программа напоминала меры, которые предлагали некоторые имперские чиновники уже в начале 1860-х годов. В то время, точно так же как и в 1906 году, некоторые представители политической элиты империи искали «меры культурного характера», способные противостоять польскому влиянию на белорусов. Однако в последние десятилетия существования империи, как и в середине XIX века, имперские власти не решились поддержать институционализацию этого языка даже в начальной школе, неизвестно также и о какой бы то ни было более широкой поддержке печатных изданий на белорусском языке. В принципе, предложения К.Ф.Кршвицкого о белорусском языке как языке преподавания в начальной школе были неприемлемы для абсолютного большинства чиновников как опасные для целостности триединой русской нации.

При этом идея использования белорусского языка во время дополнительных католических служб рассматривалась государственными учреждениями до Первой мировой войны

1045 В данном случае генерал-губернатор, очевидно, имел в виду католических священников.

1046 LVIA. F. 378. BS. 1906 m. B. 412. L. 4–5.

достаточно часто¹⁰⁴⁷. Правда, можно предположить, что чиновники нередко понимали введение белорусского языка как этап перехода к русскому языку. Кроме того, часть православных епископов опасалась, что дополнительное богослужение на белорусском языке может привлечь в католическую церковь православных и те обратятся в католичество¹⁰⁴⁸.

Таких страхов, связанных с дополнительным католическим богослужением на белорусском языке, у чиновников в начале XX века не было, и центральные власти прикладывали значительные усилия, чтобы Святой престол отменил введенный в 1877 году запрет на использование белорусского языка в католической церкви. Рим запрет 1877 года не отозвал, но изменил интерпретацию: позволил пользоваться русским языком перешедшим в католичество русским, а на исторически польско-литовских землях в 1907 году позволил использовать русские говоры, то есть и белорусский¹⁰⁴⁹. Во время переговоров российского правительства со Святым престолом началась переписка между государственными учреждениями Санкт-Петербурга и Вильны о подготовке к печати и изданию на белорусском языке молитвенников и других книг религиозного содержания. В Вильне с этой целью должна была быть

1047 РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 84а. Л. 63; Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. P. 226, 297; Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. С. 357–358.

1048 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 108.

1049 РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 54. Л. 4–5; Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. P. 294–302.

создана специальная экспертная комиссия¹⁰⁵⁰. Но местные иерархи католической церкви, например виленский епископ Эдвард фон дер Ропп (Edward von der Ropp), считали, что белорусский язык является только вспомогательным средством для последующего введения русского¹⁰⁵¹. Различные имперские чиновники и позже думали, что введение русского языка на дополнительных католических службах — действенное средство борьбы против «полонизации»¹⁰⁵², однако эти меры не поддерживали ни католические священники, ни прихожане. Одной из причин, заставлявших католиков противостоять использованию русского языка в дополнительном богослужении (и в преподавании католического вероучения в государственных школах, о чем пойдет речь ниже), была боязнь повторения истории полувековой давности, когда имперские власти вводили дополнительное богослужение на русском языке для того, чтобы склонить белорусов к переходу в православие¹⁰⁵³. То есть царские власти были вынуждены смириться с тем, что в католической церкви белорусы-католики попадают под польское влияние. Но была еще одна тесно связанная с дополнительным богослужением сфера, в которой имперские власти могли оказывать давление на

1050 РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 54. Информации о том, что такая комиссия была создана, мне пока найти не удалось.

1051 Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. P. 302.

1052 РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 697. Л. 11; Оп. 150. Д. 150. Л. 8, 14–15.

1053 LVIA. F. 694. Ap. 1. B. 2811. L. 235–236; РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 30. Л. 103.

белорусов-католиков, — преподавание Закона Божьего в государственных школах.

Если до революции 1905 года белорусы-католики должны были учить Закон Божий на русском языке, то указ от 17 апреля 1905 года предусматривал преподавание этого предмета на «родном языке». На западных окраинах империи сразу началась напряженная борьба между имперскими чиновниками и католической церковью из-за различного понимания «родного языка» и способа его установления. Католические священники последовательно придерживались позиции преподавания белорусам Закона Божьего на том языке, на котором они молятся, то есть на польском, при этом на начальном этапе предполагалась возможность использования и белорусского языка. В то же время администрация Северо-Западного края в 1905 году придерживалась твердой позиции преподавания белорусам Закона Божьего на русском языке и считала, что окончательное решение о «родном языке» конкретного ученика должны принимать чиновники.

Однако регламентирование преподавания католического Закона Божьего должно было распространяться на всю империю, следовательно, решение по этому вопросу должны были принять центральные власти. В начале сентября 1905 года Ученый комитет Министерства народного просвещения подготовил проект Временных правил, которыми предусматривалось сделать Закон Божий необязательным для иноверцев предметом в средней и начальной школах и преподавать его на родном языке, который устанавливается согласно письменной или устной просьбе родителей или опекунов, при этом руководство школы должно проверить, действительно ли

ученики владеют этим языком¹⁰⁵⁴. Временные правила Министерства народного просвещения подтвердило только 22 февраля 1906 года. Процесс затянулся, потому что Министерство внутренних дел, которое было привлечено к подготовке документов, решило запросить мнение представителей иноверческих церквей. Большинство иерархов евангелистской лютеранской, евангелистской реформатской и католической церквей критиковали этот пункт Временных правил, поскольку он предусматривал участие руководства школ в процедуре определения родного языка учеников¹⁰⁵⁵. Критиковал этот пункт и министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново, по мнению которого в большинстве случаев сотрудники системы просвещения не смогут проверить знание учеником языка, декларируемого как родной, поскольку чиновники не знают местных языков¹⁰⁵⁶. В то время министром народного просвещения уже работал И.И.Толстой, считавший, что государственная школа должна быть привлекательна для нерусского населения, не иметь «политических целей», позволять нерус-

1054 РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 710. Л. 18; Ф. 764. Оп. 3. Д. 109. Л. 581–601.

1055 Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 514. Л. 40–49, 52–54, 57–80.

1056 РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 710. Л. 23. Некоторые члены Ученого комитета Министерства народного просвещения, например Генрих Висендорф (Henrijs Visendorfs; латышский общественный деятель, собиратель фольклора), считали, что обучение Закону Божьему — дело совести каждого, поэтому посторонние экзаменаторы не должны участвовать в этом процессе. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 710. Л. 9.

ским учиться родному языку¹⁰⁵⁷. Кроме того, и председатель Совета министров С.Ю.Витте придерживался позиции, что Закон Божий иноверцам должен преподаваться на том языке, «на котором они с малолетства привыкли молиться»¹⁰⁵⁸. Министерство народного просвещения приняло к сведению замечания католических и протестантских иерархов, и 22 февраля 1906 года во Временных правилах было указано, что Закон Божий будет преподаваться на родном языке, который будет устанавливаться в соответствии с просьбой родителей или попечителей¹⁰⁵⁹.

Временными правилами успешно воспользовались католические священники — им удалось добиться преподавания Закона Божьего в государственных школах (если такой предмет в принципе преподавался в конкретной школе), где учились белорусы, на польском языке. В 1908 году попечитель Виленского учебного округа рапортовал в Санкт-Петербург о том, что в границах округа белорусам-католикам Закон Божий на русском языке не преподается — везде преподавание ведется на польском языке¹⁰⁶⁰. Такая ситуация сложилась из-за того, что влияние священников в этой этноконфессиональной группе было несравнимо выше влияния чиновников или учителей. Кроме того, чиновники отмечали, что члены этой этноконфессиональной группы называют свой язык «холопским», «на-

1057 Толстой И.И. Заметки о народном образовании в России. С. 12–15.

1058 RGIA. Ф. 821. Оп. 10. Д. 514. Л. 154.

1059 LVIA. F. 567. Ap. 12. B. 6385. L. 339–340. Правда, уроки Закона Божьего не были обязательными.

1060 РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 29. Л. 72–73.

шим», «простым», а польский язык — «господским» и с большим уважением относятся к языку церковной службы¹⁰⁶¹. Часто люди, исповедующие католичество и говорящие в быту на белорусском языке, на вопрос о национальной принадлежности отвечают, что они принадлежат к «нации католиков», исповедуют католичество и просят преподавать им Закон Божий на «римском языке»¹⁰⁶². В этом симбиозе национальной и конфессиональной самоидентификации власти, конечно, обвиняли католических священников.

Часть местных представителей власти не видела ничего плохого в такой ситуации. К этой группе относился и попечитель Виленского учебного округа барон Борис Эдуардович фон Вольф, который считал, что следует принимать во внимание волю жителей, поскольку лишь в этом случае они будут посылать своих детей в государственные школы¹⁰⁶³. Для таких чиновников на первом месте стояла лояльность подданных, а не их культурные идентификации. Нас не должно удивлять, что прибалтийский немец Б. Э. Вольф придерживался таких взглядов¹⁰⁶⁴. Но после того как в 1908 году он оставил пост

1061 LVIA. F. 567. Ap. 13. B. 1301. L. 52; РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1911 г. Д. 66. Л. 7–8.

1062 LVIA. F. 567. Ap. 1. B. 1948; Ap. 23. B. 487.

1063 Ibid. F. 378. BS. 1906 m. B. 378. L. 202–204; F. 567. Ap. 13. B. 1301. L. 49–50. Похожая позиция: Отчет командированного в Виленский учебный округ барона Ф. фон Лорингхофена. РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 16. Л. 226–231.

1064 Попечителем Виленского учебного округа Б.Э.Вольф стал случайно. Министр просвещения И.И.Толстой получил согласие императора на назначение Б.Э.Вольфа попечителем Рижского учебного округа, но в русской печати поднялся шум —

попечителя Виленского учебного округа, служившие в Северо-Западном крае чиновники снова принялись убеждать центральные власти в том, что решение о родном языке учеников должны принимать чиновники Виленского учебного округа. В 1912 году им это в конце концов удалось: 27 октября 1912 года соответствующий циркуляр министра народного просвещения был передан руководству школ¹⁰⁶⁵. Однако эта победа чиновников Северо-Западного края была обманчивой, поскольку в большинстве случаев священники, чтобы не преподавать Закон Божий на русском языке, вообще не приходили в школы¹⁰⁶⁶. Кроме того, большинство детей-католиков не посещали государственные школы, а это значит, что в нелегальных или полулегальных школах дети белорусов-католиков обучались Закону Божьему на польском языке¹⁰⁶⁷.

Желая повлиять на белорусов-католиков и, в некотором смысле, на православных, имперские власти сталкивались еще и с тем, что с 1906 года в Северо-Западном крае издавались газеты на белорусском языке. Эти печатные издания, прежде всего «Наша ніва» (*Nasza niwa*), из-за публикаций нередко

прибалтийский немец назначается в учебный округ, в котором и так доминируют немцы, и министр назначил Б.Э.Вольфа на другой пост. См.: Мемуары графа И.И.Толстого. С. 263–264.

1065 Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. P. 232.

1066 Например, витебский губернатор сообщал, что в его губернии «во многих местах» священники вообще не преподают католический Закон Божий: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 225–226.

1067 Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. P. 232.

подвергались репрессиям цензуры, поскольку поднимали вопросы социальной несправедливости и государственные инстанции опасались радикализации населения. Иногда чиновники боялись, что печать на белорусском языке, особенно в латинской графике, может способствовать сближению белорусов и поляков, и все же более понимающие имперские чиновники видели, что, например, «Наша ніва» не является пропольской, а представляет собой опасность с точки зрения белорусского сепаратизма, то есть из-за популяризации идеи белорусов как самостоятельной нации¹⁰⁶⁸.

Таким образом, безуспешные попытки ввести белорусский или русский язык в дополнительное богослужение и сделать его языком преподавания католического Закона Божьего в государственных школах, равно как и существование печати на белорусском языке, в 1910-х годах привели к тому, что имперские власти вновь начали обсуждать политику по отношению к белорусам. В 1912 году министр внутренних дел начал рассматривать комплексные меры, призванные «содействовать поддержанию и дальнейшему развитию сознания в белорусских массах национальной и культурно-исторической близости к России». Все обобщило уже упоминавшееся нами совещание высокопоставленных чиновников в апреле 1914

1068 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1154; Оп. 128. Д. 977. Л. 2. Издания, предназначенные для белорусов-православных, печатались кириллицей, предназначенные для белорусов-католиков — латиницей. «Наша ніва» сначала печаталась обоими шрифтами, но в 1912 году в связи с финансовыми трудностями редакция решила, что газета будет выходить только в кириллической графике, поскольку белорусов-православных было больше, чем католиков.

года в Санкт-Петербурге. Во-первых, как и раньше, высокопоставленные имперские чиновники предлагали уменьшать «ополячивание» белорусов через католическую церковь: следить за тем, чтобы национальный состав католических семинарий пропорционально соответствовал национальному составу жителей, ввести русский язык как язык дополнительного католического богослужения, следить, чтобы в школах Закон Божий преподавался белорусам на русском языке, и пр. Во-вторых, государственные учреждения должны были позаботиться о влиянии на белорусов через государственные школы (например, усилить патриотическое воспитание в учительских семинариях) и другую культурно-просветительскую деятельность (открывать русские библиотеки и читальни, организовывать сельскохозяйственные выставки и лекции и пр.). На совещании 1914 года велись интенсивные дебаты о возможности финансовой помощи периодическому изданию, предназначенному для белорусов. Один из участников совещания предложил предоставить финансовую поддержку изданию на белорусском языке, но большинством голосов было принято решение субсидировать издание на русском языке, чтобы не поощрять белорусский сепаратизм¹⁰⁶⁹. Схожие проблемы для имперских властей возникли и при определении политики по отношению к литовскому населению, хотя инаковость литовцев не отрицалась никем из трезво мыслящих чиновников, к тому же в начале XX века литовское национальное движение, в отличие от белорусского, показало свою силу, и с этим власти тоже должны были считаться.

1069 РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 697; Оп. 150. Д. 167; LVIA. F. 567. Ар. 26. В. 999.

Глава 15. Что делать с литовцами?

Несмотря на либерализацию политического режима, начавшуюся в 1904 году, и явную консолидацию литовского национального движения, в Северо-Западном крае в период революции 1905 года еще были чиновники, предлагавшие, по сути, продолжать националистическую национальную политику. Самыми яркими адептами такой политики были чиновники Виленского учебного округа во главе с его попечителем Василием Александровичем Поповым. Местные чиновники учебного ведомства весной 1905 года пытались убедить и виленского генерал-губернатора, и центральные власти, что Закон Божий следует преподавать на литовском языке только в первый год обучения¹⁰⁷⁰, и в начале 1906 года стремились максимально ограничить функции литовского языка в школе (давалось согласие на употребление литовского языка в процессе преподавания арифметики в начальной школе, но только в паре с русским языком)¹⁰⁷¹. Аргументов у чиновников Виленского учебного округа было несколько. Они доказывали, что литовское национальное движение является антиправительственным: в этом движении важную роль играет сформированная революционерами «партия литвоманов», выдвинувшая лозунг «Литва для литовцев» и стремящаяся свергнуть царскую власть, кроме того, в Ковенской губернии совпали интересы «литовцев-крестьян» и «дворян-поляков». Представление В. А.

1070 LVIA. F. 378. BS. 1904 m. B. 316. L. 16–35; F. 567. Ap. 12. B. 7453; B. 6439. L. 242–243; РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 702. Л. 42–43; Оп. 173. Д. 28. Л. 26–28.

1071 РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 27. Л. 52–61. Цитата: Л. 53.

Попова и его подчиненных о литовском языке соответствовало представлениям периода пост-1863 года. Они утверждали, что такого литературного языка не существует и что, например, жемайтійцы не понимают по-литовски. Но все же в период революции 1905 года такой подход к национальной политике был не единственным.

Как упоминалось выше, в начале XX века соотношение центров силы в сравнении с периодом, последовавшим за восстанием 1863–1864 годов, изменилось, и местные власти обладали гораздо меньшим влиянием и весом при принятии решений о выборе и применении конкретных мер национальной политики. Либерализация режима в 1905 году неизбежно вела к предоставлению больших свобод и развитию деятельности литовского общества, к приобретению литовским языком нового статуса в публичном пространстве. Несмотря на то что права языков недоминировавших этнических групп регламентировались в каждом регионе отдельно (так, возможности использования в учебном процессе не русского, а немецкого и польского языков были расширены в Прибалтийских губерниях и в Царстве Польском раньше, чем в Северо-Западном крае), общие для всей империи процессы либерализации царского режима затронули и Западный край. Имперские власти не могли не считаться с коллективными требованиями литовцев и с достаточно драматической ситуацией, сложившейся в конце 1905 года в Ковенской губернии, где из сельской местности массово выгоняли русских чиновников и учителей. В конце концов часть имперских чиновников признала, что политика предшествовавшего периода была безрезультатной: «Когда в половине 60-х годов минувшего века правительство, по усмирении польского мятежа, приняло ряд мер обрусительного характера в отношении литовского населения в Западном крае,

население это представляло безразличную в политическом отношении массу, без всякого национального самосознания, и Правительство могло рассчитывать, что литовское население, под действием принятых мер, пойдет по пути соединения с коренною Россиею. Однако последствия не оправдали этих ожиданий»¹⁰⁷². Несмотря на повторявшиеся и после 1905 года утверждения различных государственных учреждений и отдельных чиновников о том, что литовского языка не существует, поскольку он остается только языком народа и состоит из множества говоров, иногда сильно отличающихся друг от друга¹⁰⁷³, все же постепенно и в имперском бюрократическом дискурсе, и в публичном дискурсе сформировалась точка зрения, признававшая существование литературного литовского языка, что подтверждают и дебаты, проходившие в Государственной думе III созыва, во время которых конституционные демократы называли восемь существовавших в империи языков (за исключением русского), обучать которым следовало в течение четырех лет. Наряду с польским, немецким, татарским, эстонским, латышским, грузинским и армянским языками был назван и литовский¹⁰⁷⁴.

Все изложенные выше обстоятельства привели к тому, что после издания указа от 17 апреля 1905 года литовцы могли изучать католический Закон Божий на литовском языке на

1072 РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Д. 2137. Л. 5.

1073 Žukauskas K. Iš Lietuvos mokyklos istorijos. 1905–1907 metai. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1960. P. 63.

1074 Dowler W. The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire, 1865–1914 // The Russian Review. 1995. Vol. 54. № 4. P. 536. Эти дебаты не касались Финляндии.

протяжении всего обучения; после длительной бюрократической переписки между Ковно, Вильной и Санкт-Петербургом, которая велась в 1905–1906 годах, в государственных средних и начальных школах было разрешено преподавать литовский язык как предмет, а также в начальных классах пользоваться им при обучении детей арифметике¹⁰⁷⁵; литовцы первыми получили разрешение печатать периодические издания в Северо-Западном крае не на русском языке; с 1906 года они могли поступать в Поневежскую учительскую семинарию и работать учителями в Северо-Западном крае; литовские общественные организации получили право учреждать частные начальные школы, правда, в 1908–1915 годах власти сильно осложнили работу таких школ¹⁰⁷⁶; в Ковенской губернии власти позволили вести документацию общественных организаций на «местных языках» (то есть на литовском и польском).

Политика в отношении литовской культуры и в особенности литовского языка в 1905–1906 годах, по сути, соответствовала общим тенденциям национальной политики империи: поскольку литовский язык попал в категорию признанных «местных языков» Северо-Западного края, он получил те же права, что и другой «местный язык» Северо-Западного края — польский: на литовском разрешалось преподавать Закон

1075 Karčiauskienė M. Pradinio švietimo raida Lietuvoje XIX a. antrojoje pusėje ir XX a. pradžioje. Kaunas: Šviesa, 1989. P. 126–137; Mastianica O. Lietuvių kalba Vilniaus švietimo apygardos vidurinėse mokyklose 1906–1914 m. // *Lituanistica*. 2016. T. 62. Nr. 2 (104). P. 77–90.

1076 Pupšys V. Lietuvos mokykla: Atgimimo metai (1905–1918). Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 1995. P. 58.

Божий в школах всех уровней, также разрешалось преподавать его как предмет в средних школах. Поскольку Ковенская губерния и часть Виленской¹⁰⁷⁷, где компактно проживало литовское население, обычно не попадали под понятие русской «национальной территории», она была «отдана» литовцам¹⁰⁷⁸, таким образом власти позволили преподавать литовский язык как предмет в начальной школе и использовать его при преподавании арифметики. Если бы, как мы уже отмечали, чиновники установили, что Гродненская территория является территорией компактного проживания поляков, то такие же права в начальной школе получил бы и польский язык. По логике чиновников, в начальной школе «местный язык» мог преподаваться как предмет лишь в том случае, если был родным языком большинства жителей. Но в период революции 1905 года и в последующие годы чиновники различного ранга подумывали о том, что было бы полезно взять в свои руки литовское национальное движение и таким образом ослабить позиции поляков в Северо-Западном крае.

В исторической литературе таким «благосклонным к литовцам» и «всегда встававшим на сторону литовцев в спорах литовцев и поляков» изображается Петр Владимирович Веревкин¹⁰⁷⁹, в 1904–1912 годах занимавший должность ковенского,

1077 Как и часть Сувалкской губернии в Царстве Польском.

1078 См. главу 1.

1079 Yčas M. Atsiminimai. Nepriklausomybės keliais. T. 1. Kaunas, 1935. P. 22; Giedraitis K. Gubernatorius, kurio bloguoju nemini // Bangos. 1932. Nr. 33. P. 835; Laučkaitė L. Ekspresionizmo raitelė Mariana Veriovkina. Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2007. P. 121.

а в 1912–1916 годах — виленского губернатора. Никто из высокопоставленных чиновников начала XX века не служил так долго в Северо-Западном крае, как П.В.Веревкин, кроме того, занимая такие высокие должности в Ковенской и Виленской губерниях, он должен был озвучить свое мнение о многих вопросах национальной политики, касавшихся литовцев.

Некоторые обстоятельства, на первый взгляд, подтверждают приведенный выше тезис. Не раз П.В.Веревкин предлагал виленскому губернатору П.Д.Святополк-Мирскому оказать финансовую поддержку литовской периодической печати¹⁰⁸⁰; он поддерживал некоторые просьбы литовской общественности, например высказанную в 1906 году просьбу о назначении учителей-литовцев в начальные государственные школы Ковенской губернии¹⁰⁸¹; в 1906 году он предлагал позволить учреждать частные школы только с литовским языком обучения (без польского)¹⁰⁸². Но анализ других предложений губернатора, особенно сформулированных в более поздние годы, показывает, что концепция национальной политики этого чиновника была более сложной. Взгляды П.В.Веревкина на культурную и просветительскую деятельность литовцев иллюстрирует дискуссия 1910–1911 годов между местными и центральными государственными учреждениями о будущем литовского католического просветительного общества *Saulė* (Солнце)¹⁰⁸³.

1080 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 79.

1081 LVIA. F. 378. BS. 1906 m. B. 378. L. 65.

1082 Ibid. L. 46.

1083 Более подробно о литовских просветительных обществах в начале XX века см.: Pukienė V. Lietuvių švietimo draugijos XX a.

Дискуссия была невозможна без участия в ней ковенского губернатора, особенно с учетом того, что именно П.В.Веревкин утвердил в 1906 году устав этого общества, а позже, не консультируясь с руководством Виленского учебного округа, утвердил и новую редакцию устава. Сначала Веревкин подчеркнул положительные аспекты деятельности общества Saulė: им руководит католический священник Константин Ольшевский (Konstantinas Olšauskas), который старается разбудить в душах литовцев «чувство национального самосознания», «ярый противник польского влияния», считает, что литовский народ «исторически тесно связан с Россией и должен для дальнейшего мирного преуспеяния и благополучия своего неразрывно пребывать в этой связи», кроме того, он принес властям много пользы во время революции 1905 года. Поэтому, по мнению губернатора, председатель общества не должен считаться вредным лицом, и его позиция в отношении поляков «имеет с правительственной точки зрения вполне положительные стороны, так как умаление польского влияния среди литовского населения составляло всегда одну из главных задач местной администрации, и противопоставить этому влиянию некоторый рост национального самосознания литовцев является, в видах общей окраиной политики, вполне целесообразным»¹⁰⁸⁴. Однако положительное отношение П. В. Веревкина к делам литовской культуры имело четкие границы: поскольку цель любой школы — воспитание лояльных подданных, необходимо учреждать как можно больше школ и таким образом

pradžioje (1906–1915 metais). Vilnius: A. Varno personalinė įmonė, 1994.

1084 РГИА. Ф. 733. Оп. 177. 1910 г. Д. 273. Л. 21–22.

вытеснять какие бы то ни было частные школы, в особенности инородческие, поэтому желательно, чтобы общество Saulė не открывало отдельных школ, но путем сбора средств способствовало учреждению государственных школ, а для большей привлекательности этих школ для литовцев следует будущим русским учителям как можно лучше выучить литовский язык¹⁰⁸⁵. И по другим поводам П. В. Веревкин высказывает подобное мнение о Saulė и о других литовских просветительских обществах, а также о политике образования в принципе: в работе обществ имеются черты антиправительственной деятельности, начальное образование должно контролироваться властями, литовцы в государственных начальных школах должны работать только вторыми (вспомогательными) учителями, из компетенции земств после их утверждения следует изъять образование, чтобы начальные школы не стали инструментом укрепления сепаратистских настроений¹⁰⁸⁶.

Не вызывает сомнений, что политические взгляды П. В. Веревкина во многом отличались от взглядов многих чиновников, служивших в Северо-Западном крае во второй половине XIX — начале XX века. Часть чиновников Виленского учебного округа, как и ковенский вице-губернатор (в 1905–1910 годах) Николай Дмитриевич Грязев, ставший позже ковенским губернатором (1912–1917), предлагали придерживаться жесткой, можно сказать националистической, стратегии национальной политики, поскольку они считали инородцев

1085 Там же. Л. 23–24. Правда, попечитель Виленского учебного округа был еще более враждебно настроен по отношению к обществу Saulė и предлагал закрыть: Там же. Л. 72–73.

1086 LNB RS. F. 19–76. L. 6–7, 10, 26–27; F. 19–82. L. 17–19.

«естественными врагами русской государственности» и усматривали в деятельности литовских просветительских обществ «полный сепаратизм и стремление к созданию литовской автономии», почему и предлагали закрыть эти общества¹⁰⁸⁷. Реакция же П.В.Веревкина на многие ситуации показывает, что в пропагандируемой им национальной политике было больше элементов имперской, а не националистской интеграции. Он считал, что власти должны удовлетворять культурные потребности литовцев, чтобы оградить эту недоминирующую группу от польского влияния, но не более.

Участвовал П.В.Веревкин и в петербургском совещании 1914 года, на котором рассматривались меры антипольской политики. Проблема в том, что в сохранившихся документах приводится только обобщенное мнение большинства и меньшинства участников совещания без конкретных указаний, кто из чиновников поддерживал ту или иную позицию. Мнения участников совещания о политике в отношении литовцев разошлись. Меньшинство считало, что государство в принципе не должно поддерживать инакость нерусского населения, «а в случае литовцев этого не следует делать и потому, что такая помощь латышскому движению в Прибалтийских губерниях себя не оправдала, поскольку, окрепнув, движение стало не только антинемецким, но и антирусским»¹⁰⁸⁸. По мнению

1087 РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 44. Л. 633–634.

1088 Несмотря на то что, как и в литовском случае, имперские чиновники положительно относились к латышскому национальному движению (примерно до 1883 года), трудно назвать какие-либо конкретные меры властей империи, направленные на поддержку латышского национализма. Более подробно об

меньшинства, то же должно было произойти и с литовским движением, потому что подобные действия властей предоставят «литовской национальности независимое положение от русской государственности», и тогда литовцы, «вероятно, вместе с польской народностью будут вовлечены в борьбу против правительства»¹⁰⁸⁹. Опасность того, что литовцы будут действовать заодно с поляками, считало реальной достаточно большое число чиновников. Так, Н.Д.Грязев, сменивший П.В.Веревкина на посту ковенского губернатора, подозревал, что враждебное отношение литовцев к полякам наиграно с целью обмануть власти¹⁰⁹⁰. Однако большинство членов совещания придерживалось мнения, что литовцы не представляют такой опасности, поскольку они католики, а католическая церковь — «одна из самых ярых противниц социализма». Кроме того, латыши боролись с лояльными по отношению к империи немцами, а литовцы — с враждебно настроенными по отношению к империи поляками, которые не только доказали свою нелояльность в прошлом, восстав против российских властей, но остаются враждебно настроены и сейчас, готовясь в будущей войне поддерживать Австро-Венгрию¹⁰⁹¹. Важно и

этом см.: Staliūnas D. Affirmative Action in the Western Borderlands of the Late Russian Empire? / *Slavic Review*. 2018. Vol. 77/4. P. 995–996.

1089 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 180.

1090 Там же. Ф. 1284. Оп. 194. 1914 г. Д. 35. Л. 14.

1091 Интересно, что накануне военного конфликта не только с Австро-Венгрией, но и с Германией высокопоставленные имперские чиновники не ставили под сомнение лояльность немцев.

то, что у литовцев, окруженных поляками и русскими, нет никаких возможностей добиться политической независимости и они «не могут не сознавать, что русская государственность является для них надежнейшей охраной от полонизации». Подводя итоги, большинство утверждало, что «русификация литовцев представила бы значительнейшие трудности и несомненно внесла бы раздражение в массы этого населения», поэтому правительство «не должно ставить препятствий к развитию литовского национального движения и не имеет оснований для отрицательного отношения к его руководителям только за участие их в названном движении»¹⁰⁹².

На основании мнения большинства участников совещания в плане мер, разработанных в апреле 1914 года участвовавшими в работе совещания высокопоставленными чиновниками, появилось несколько пунктов, которые можно интерпретировать как намерение поддержать литовцев: государственные учреждения должны были способствовать тому, чтобы и самогитским (тельшевским), и виленским католическими епископами стали литовцы, чтобы в капитулах увеличилось число лиц непольской национальности, чтобы для католических духовных семинарий были установлены процентные нормы в соответствии с национальностями и чтобы литовцам была предоставлена возможность занимать второстепенные должности на государственной службе¹⁰⁹³. Идея

1092 Там же. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 181–182.

1093 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 70. Участники совещания даже предлагали при выборе кандидата-литовца на должность виленского епископа принять во внимание мнение Союза возвращения литовского языка в Римско-католической церкви в

поддержки кандидатуры литовца на пост виленского епископа не была новой. Она обсуждалась в бюрократических кругах в 1907 году, когда от должности был отстранен Э.Ропп, но премьер-министр и министр внутренних дел П.А.Столыпин, принимая во внимание небольшой процент литовцев в Виленской епархии и пожелания Святого престола, искал подходящую кандидатуру среди польских священников, священника-литовца предполагалось назначить на пост епископа-суффрагана¹⁰⁹⁴. Местные и центральные власти с конца XIX века внимательно следили за польско-литовскими конфликтами в католической церкви из-за языка дополнительного богослужения, они постоянно получали жалобы прихожан-литовцев, связанные с назначением священников в приходы (в славянские приходы назначали священников-литовцев, а в литовские — священников-поляков). В большинстве своем чиновники стремились гарантировать спокойствие, а наиболее легким способом добиться спокойствия представлялось ведение дополнительного католического богослужения на родном для большинства прихожан языке, в приходах со смешанным населением — на языках не только большинства, но и меньшинства. Достаточно часто в рапортах чиновников можно отметить симпатию по отношению к литовцам. В 1912 году ковенский губернатор П.В.Веревкин не раз сообщал центральным властям о том, что в Ковенской губернии наблюдается

Литве, несмотря на то что чиновники абсолютно не доверяли этому Союзу. См.: Там же. Л. 99. Союз, в состав которого входили литовские общественные деятели, придерживавшиеся правых взглядов, проводил радикальную антипольскую политику.

1094 LVIA. F. 378. BS. 1908 m. B. 334. L. 3–4.

отрицательная тенденция — увеличивается количество дополнительного богослужения на польском языке, что можно объяснить «стремлением поляков к ополячению литовского крестьянства»¹⁰⁹⁵. Постоянное обращение чиновников различных рангов к иерархам католической церкви с вопросами о языке дополнительного богослужения, конечно, представляло собой определенное давление, однако, как уже отмечалось, в первую очередь власти были озабочены тем, чтобы не допустить полонизации литовцев и белорусов, а не созданием каких-либо исключительных условий для литовцев.

В контексте рассмотренного выше отношения властей к сложившейся ситуации в католической церкви пункты разработанного совещанием 1914 года плана поддержки литовцев, конечно, выглядят как исключительное событие, но при этом данными о каких-либо дальнейших шагах реализации разработанных мер я не располагаю. Часть намеченных мер могла быть осуществлена только с согласия Святого престола, и у российских властей вряд ли были иллюзии по поводу быстрого достижения успеха. Кроме того, часть высокопоставленных чиновников опасалась роста популярности социалистических идей и стремления литовцев к автономии Литвы¹⁰⁹⁶, что тоже предполагало осторожность в решении литовских проблем.

***

Подводя итоги, можно сказать, что российские власти в последние десятилетия существования империи стремились к

1095 РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 699. Л. 58.

1096 Там же. Оп. 150. Д. 172. Л. 79.

достижению различных целей национальной политики в отношении поляков, литовцев и белорусов-католиков Северо-Западного края, причем эти цели претерпели изменения.

В течение очень непродолжительного периода (1905–1906) часть правящей элиты империи в надежде на рост лояльности польского населения пыталась применить на практике национальную политику по «польскому вопросу», предполагавшую минимизацию дискриминации поляков, однако после революции вновь доминируют элементы националистической национальной политики и важнейшей целью имперских властей вновь становится защита литовцев и «русских» от польского влияния, сопровождающаяся пониманием невозможности интеграции поляков.

Большинство царских чиновников было уверено, что лояльность белорусов может быть обеспечена только посредством строгих мер культурной гомогенизации, несмотря на то что режим, бывший наполовину конституционным, серьезно осложнял действия чиновников. Кроме того, усилившаяся централизация и сокращение роли местных властей (прежде всего — генерал-губернатора) не способствовали оперативности и действенности национальной политики. Поэтому, несмотря на стремление имперских властей к ассимиляции или аккультурации белорусов (в зависимости от того, какой маркер национальности был наиболее значимым: если конфессия, то в отношении белорусов-католиков можно говорить только об аккультурации, если язык — то проводимую политику можно определить как ассимиляторскую, пусть и непоследовательную, поскольку на белорусском языке публиковались периодические и другие издания), было сложно проводить такую политику последовательно.

После 1905 года ни один чиновник больше не рассматривал возможности «обрусения» литовцев (в смысле ассимиляции или аккультурации), однако единого мнения о политике в отношении этой группы населения среди высокопоставленных чиновников также не было. Часть чиновников, например П.В.Веревкин, предлагали поддерживать культурную деятельность литовцев и в рамках своей компетенции отчасти проводили такую политику, однако достаточно большое число чиновников, в том числе и сменивший П.В.Веревкина на посту ковенского губернатора Н.Д.Грязев, придерживалось противоположных взглядов, считая всех нерусских, в том числе и литовцев, «натуральными врагами русской государственности» и предлагая, например, максимально подавлять деятельность национальных общественных организаций.

Более прозорливые чиновники считали, что все предлагавшиеся направления национальной политики были несвободны от недостатков. Руководство Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел в середине 1913 года констатировало: «<...> действительно, в случае, если бы министерство предоставило литовцев в их борьбе с поляками их собственным силам и, кроме того, стало бы применять к ним те же меры, какие принимаются по отношению к полякам, какого взгляда придерживается ковенский губернатор, то литовцы, увидев себя в одинаковом положении с поляками, естественно соединились бы с последними дабы общими силами добиваться улучшения своего положения», однако и другая тактика национальной политики неидеальна: «<...> Департамент, оказывая литовцам известную поддержку,

в то же время вполне сознает, что ожидать с их стороны полной солидарности с Правительством не приходится»¹⁰⁹⁷.

Итак, сторонники националистической национальной политики в Северо-Западном крае даже не пытались обеспечить лояльность нерусского населения в отношении Российской империи, отдавая предпочтение защите интересов русского населения. При этом количество элементов имперской национальной политики после подавления революции 1905 года становилось все меньше, кроме того, адепты этого направления политики признавали, что и этот подход не способен гарантировать лояльность нерусского населения.

1097 РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 44. Л. 654–655.

Вместо выводов: «роковой круг», или почему России не везло в Литве?

В этой книге говорится о том, как на протяжении «долгого XIX столетия» в российских дискурсах, официальном и публичном, менялось восприятие исторических земель Великого княжества Литовского и проживавших на этой территории этнических групп, а также как менялись цели имперской национальной политики в этом регионе. Вопрос о последствиях, к которым привела эта политика, гораздо более сложен. Сложен в первую очередь потому, что редкое общественное явление имеет лишь одну причину. И все же, даже осознавая сложность общественных явлений, можно попробовать ответить на вопрос, сформулированный в названии этой части книги.

Если мы хотим ответить на вопрос, действительно ли властям Российской империи не удалось достичь своих целей на территории Великого княжества Литовского, прежде всего необходимо остановиться на критериях успеха/неудачи. Эти критерии не могут быть абсолютными — они должны опираться на четко идентифицированные ожидания властей. И надо сразу отметить, что одной из целей имперские власти достигли: Литва до 1918 года оставалась частью Российской империи (с начала немецкой оккупации (с осени 1915 года) часть бывших земель Великого княжества Литовского — лишь номинально). Образовавшееся после Первой мировой войны национальное литовское государство было прежде всего продуктом удачно сложившихся обстоятельств, но в то же время очевидно, что без стремившейся к созданию государства общественной силы — литовского национального движения — этот проект состояться не мог. Предпринимавшиеся ранее частью

общества попытки вырваться из Российской империи — восстания 1830–1831 и 1863–1864 годов и еще в большей степени — революция 1905 года, когда (воспользуемся метафорой) империя трещала по всем возможным швам, закончились неудачей. Но сохранение присоединенных территорий в составе империи было минимальной целью правящей имперской элиты. Другие цели менялись. От привычного, имевшего место и на других окраинах империи Романовых в конце XVIII — начале XIX века, сотрудничества с элитами периферии, призванного обеспечить стабильность и лояльность подданных, после восстания 1830–1831 годов власти перешли к националистической политике, которая получила четкие очертания после подавления «мятежа» 1863–1864 годов. Цели имперских властей эпохи «обрусения», следовавшей за восстанием, и составляли предмет этого исследования.

Несмотря на декларативные требования различных местных чиновников (прежде всего генерал-губернатора К.П.Кауфмана) в отношении поляков, которые должны были стать русскими, практика национальной политики очень хорошо показывает, что имперские чиновники, как и влиятельные публицисты, не только не верили в ассимиляцию и аккультурацию поляков, но и с подозрением относились к «лицам польского происхождения», декларировавшим свою верность императору или перешедшим в православие. Порог «отверженной ассимиляции» в случае поляков на западных окраинах империи был одним из самых высоких. Поскольку большинство представителей имперских властей не только не верило в ассимиляцию поляков, но и не видело способов, которые могли бы помочь превратить поляков в лояльных подданных, можно наблюдать очевидные признаки сегрегационной политики. Запрет «лицам польского происхождения» работать

чиновниками и учителями, введение *numerus clausus*¹⁰⁹⁸ в учебных заведениях, элиминация польского языка из общественной жизни должны были привести к политике «деполонизации», то есть «защитить» народ Северо-Западного края от «чуждого» влияния. Иначе говоря, «польский вопрос» в Северо-Западном крае — это в первую очередь не коррекция политических или культурных идентификаций поляков, но минимизация и элиминирование польского влияния.

Самым серьезным вызовом, с которым пришлось столкнуться властям в «еврейском вопросе», было желание одновременно решить две проблемы. Прежде всего, власти стремились «защитить» другие группы общества от негативного (как предполагалось, деморализующего и обедняющего) еврейского влияния. Как хорошо известно, жалоба московских купцов на якобы недобросовестную торговлю еврейских купцов привела к изданию в 1791 году указа, ограничивавшего право на расселение евреев в Белорусской, Екатеринославской, Таврической и Курляндской губерниях, что впоследствии привело к формированию черты постоянной еврейской оседлости. Позже основной задачей властей была защита крестьян (прежде всего «русских») от предполагаемого пагубного еврейского влияния. В среде чиновников Северо-Западного края уже в 1860-х годах сформировались и более радикальные идеи сегрегационной политики по «еврейскому вопросу», но реализация элементов такой политики в черте оседлости, частью которой был и

1098 Numerus clausus (лат.) — количественное ограничение в той или иной сфере, существующее для какой-либо категории лиц, в данном случае — при приеме поляков в учебные заведения. (Примеч. ред.)

Северо-Западный край, началась только в 1880-х годах. Новые меры дискриминации евреев были введены после подавления революции 1905 года¹⁰⁹⁹. Кроме того, проводилась политика «исправления» евреев, целью которой была более слабая или более сильная аккультурация этой группы. Усиливавшаяся с 1863 года аккультурационная политика по причине высокого порога «отверженной ассимиляции» не переросла в ассимиляционную.

Наряду с этими двумя группами, в отношении которых мы видим и явные элементы националистической национальной политики, направленной на сегрегацию, остальные две, наиболее многочисленные этнические группы региона — «русские» и «литовцы и жмудины», — были именно теми, кого следовало защищать от полонизации и негативного влияния евреев.

С точки зрения концепции триединой русской нации белорусы считались русскими, поэтому их власти стремились защищать от поляков и евреев прежде всего. Если руководствоваться уже распространявшейся (но еще не доминировавшей в российском дискурсе того времени лингвистической парадигмой), можно утверждать, что и белорусы-католики, и белорусы-православные в период, предшествовавший революции 1905 года, стали объектом ассимиляционной политики. При этом в рамках однозначно доминировавшей в то время

1099 Левин В. Российское еврейство накануне Первой мировой войны // История еврейского народа в России / Ред. Исраэль Барталь. Т. 3: От революций 1917 года до распада Советского Союза / Ред. Михаэль Бейзер. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2017. С. 13.

конфессиональной парадигмы белорусы-православные если еще не были стопроцентно русскими, то имели все шансы в ближайшем будущем таковыми стать. В отношении белорусов-католиков национальная политика не отличалась последовательностью. Массовое обращение белорусов-католиков в православие имело место только в 1863–1868 годах. И это значит, что, несмотря на официальный канон о «большой русской нации», в реальности имперские власти после 1868 года мирились с принадлежностью к «чуждой» конфессии части «русских» — белорусов-католиков, что противоречило понятию принадлежности к русской нации в рамках конфессиональной парадигмы.

В случае литовцев «обрусение» — это, в понимании части местных чиновников, в первую очередь работавших в Виленском учебном округе, аккультурация (прежде всего через кириллизацию литовских печатных изданий), которая в дальнейшем должна была привести к ассимиляции. При этом литовцы, проживавшие в Царстве Польском, испытали меньшее давление культурной гомогенизации — политику, проводившуюся по отношению к литовцам в Царстве Польском, можно определить как аккультурацию, которая не осознавалась как подготовительный этап ассимиляции. И это отличало национальную политику в Царстве Польском от той национальной политики, которая проводилась на территории, находившейся в подчинении виленского генерал-губернатора.

Сомнения в эффективности политики, осуществлявшейся после 1863 года, которые в конце XIX века все чаще высказывались в бюрократической переписке, привели к тому, что во время революции 1906 года имперские власти предприняли попытку отказаться от политики «обрусения»: и в предложениях высокопоставленных чиновников, и в практике нацио-

нальной политики появилось достаточно большое количество элементов имперской национальной политики, но уже через несколько лет вновь взяла верх тенденция, для которой было характерно большее количество элементов националистической национальной политики. Как и раньше, перед началом Первой мировой войны в отношении поляков и евреев имперские власти отдавали предпочтение мерам сегрегационной политики. Достаточно часто обе эти группы *in corpore* считались неисправимо нелояльными по отношению к властям Российской империи. Этноним «поляк» вообще стал использоваться как обозначение нелояльного подданного. Чарльз Стайнведел (Charles Steinwedel) приводит случай, когда и губернатор Уфы был назван «поляком», потому что должным образом не отреагировал на волнения, последовавшие за Октябрьским манифестом 1905 года¹¹⁰⁰.

Поскольку концепция триединой русской нации, уже сама по себе предполагавшая проведение ассимиляционной или (по крайней мере, как первый этап) аккультурационной политики в отношении белорусов, оставалась обязательным для всех каноном вплоть до конца существования империи, чиновники и перед Первой мировой войной с большим или меньшим энтузиазмом пытались продолжать проводить националисти-

1100 Steinwedel Ch. To Make a Difference: The Category of Ethnicity in Late Imperial Russian Politics, 1861–1917 // *Russian Modernity* / Ed. D.L.Hoffmann and Y.Kotsonis. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 76. Похожую ситуацию упоминает и М.Д.Долбилов: Долбилов М. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. II / Науч. ред. А.И.Миллер, Д.Сдвижков, И.Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 292.

ческую национальную политику, но столкнулись с новыми проблемами, более серьезными в сравнении с последовавшим после подавления восстания периодом. Адепты приобретающей все большее влияние лингвистической парадигмы национальной принадлежности без особого труда могли не допустить использования белорусского языка в школах или в католических церквях, но не могли запретить печать на белорусском языке, при этом, что не менее важно, не только кириллическим, но и латинским, или, как говорили бюрократы, польским шрифтом. Эта неспособность последовательно проводить национализирующую политику, начиная с 1905 года, в отношении другой ветви «триединой русской нации» — украинцев — позволила Антону Котенко дать Российской империи определение «непоследовательно национализирующей» (*inconsistently nationalizing empire*)¹¹⁰¹.

В начале XX века трудно проследить и последовательную политику в отношении литовцев. После революции 1905 года никто из имперских чиновников больше не планировал аккультурационной политики, выглядящей как подготовительная стадия ассимиляции. Но не было концепции, способной заменить «обрусение». В 1905–1915 годах мы наблюдаем постоянное соперничество между адептами имперской и националистической национальной политики. Первые предлагали толерантно относиться к проявлениям литовской культуры, вторые

1101 Kotenko A. *An Inconsistently Nationalizing State: The Romanov Empire and the Ukrainian National Movement* // *The Tsar, The Empire, and The Nation. Dilemmas of Nationalization In Russia's Western Borderlands, 1905–1915* / Ed. D.Staliūnas, Y.Aoshima. Budapest; New York: CEU Press, 2021. P. 17–31.

считали, что лояльными подданными Российской империи могут быть только русские, и предлагали вести себя с литовцами как с «потенциальными поляками», то есть стремиться к уменьшению публичных проявлений литовской культуры. Отдельные элементы «политики позитивного воздействия» не стали и не могли стать системной политикой не только по причине недоверия к литовцам, но и потому, что методы политики «разделяй и властвуй» были чужды царскому режиму¹¹⁰².

Трезво мыслявшие местные представители власти — например, ковенский, а позже виленский губернатор П.В.Веревкин — открыто признали, что у имперских властей нет никакого эффективного плана решения национальных проблем. Сложившуюся ситуацию он называл «роковым кругом»: «Недоверие власти к населению побуждает обратное недоверие населения к власти, и таким образом в их взаимоотношениях складывается как бы роковой круг, выход из которого до крайности затруднителен». И пояснял свою мысль: «...трудность эта заключается не в том, чтобы поддерживать порядок, для чего имеется достаточно власти, но именно в том, чтобы во всех случаях, одновременно с неуклонным и твердым противодействием сепаратизму, поддерживать благожелательное и доверчивое отношение населения к власти, и чтобы таким образом всегда находить верные способы

1102 Более подробно см.: Staliūnas D. Affirmative Action in the Western Borderlands of the Late Russian Empire? // *Slavic Review*. 2018. Vol. 77/4. P. 978–997.

для содействия к духовному сближению этой окраинной губернии с коренною Россией»¹¹⁰³.

Саморефлексия имперских чиновников, фиксирующая состояние тупика, была характерна и для других западных окраин империи. Определение, которое немецкий историк М.Рольф дал отношению властей к решению национальных проблем в Царстве Польском, можно без труда применить и к Северо-Западному краю или, по крайней мере, к так называемым литовским губерниям: «В конечном счете у имперских административных элит в эти последние довоенные годы уже не имелось никакой концепции относительно того, что делать дальше с Привислинским краем. У имперских чиновников явно опустили руки, и безвыходность ситуации они вполне осознавали. Успокаивающе действовала, пожалуй, только уверенность в собственном военном превосходстве, позволяющем подавить любые попытки вооруженного восстания»¹¹⁰⁴. Подобное, только менее драматичное определение описывает и ситуацию в Прибалтийских губерниях.

Поиски имперских властей какой бы то ни было стройной политической концепции национальной политики в Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерниях накануне Первой мировой войны также зашли в тупик. Появившиеся в середине XIX века после массового обращения эстонских и латышских крестьян в православие надежды на появление в этом регионе более широкой социальной опоры начали меркнуть уже в

1103 LNB RS. F. 19-81. L. 12.

1104 Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 487, см. также с. 500.

1880-х годах, а проявившийся во время революции 1905 года социальный радикализм эстонцев и латышей свел эти надежды на нет. Став православными, эстонские и латышские крестьяне не стали русскими. Возрожденная в годы революции тенденция сотрудничества имперской власти с местной социальной элитой — прибалтийскими немцами — не могла быть действенной, поскольку влияние последних уменьшалось в силу быстро идущих процессов модернизации и усиления общественного положения эстонцев и латышей, кроме того, с ростом напряжения между империями Романовых и Гогенцоллернов вновь, но только еще острее, чем после объединения Германии в 1870–1871 годах, встал вопрос о возможной нелояльности прибалтийских немцев российскому императору¹¹⁰⁵. Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война превратила немцев Российской империи в главного врага в воображаемой имперской иерархии врагов¹¹⁰⁶. Предложения русских националистов сменить состав административного аппарата в Прибалтийских губерниях и начать русскую колонизацию совершенно не соответствовали реальным возможностям империи, кроме того, они не были поддержаны административным

1105 Brüggenmann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018.

1106 Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

аппаратом как слишком радикальные и способные спровоцировать недовольство местного населения¹¹⁰⁷.

Таким образом, в отличие от периода, последовавшего за восстанием 1863–1864 годов, когда имперские власти, в первую очередь местные, имели достаточно ясную цель национальной политики и как минимум часть чиновников верила в успех политики «обрусения», в начале XX века однозначно не хватало четко сформулированных целей национальной политики. Поэтому легче рассматривать удачи и неудачи политики «обрусения» второй половины XIX века.

Одной из целей политики «обрусения», приобретшей четкие очертания уже после подавления восстания 1830–1831 годов, было символическое завоевание пространства. Историческая концепция, сформулированная в 1830-х годах министром народного просвещения С.С.Уваровым и историком Н.Г.Устряловым и утверждавшая, что Великое княжество Литовское — русское государство, во второй половине XIX — начале XX века стала каноном, и этот исторический нарратив вкуче с аргументами этнической статистики и этнографических описаний «превращал» эти земли (иногда и во всем их

1107 Brüggemann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018; Idem. Defending the Empire in the Baltic Provinces: Russian Nationalist Visions in the Aftermath of the First Russian Revolution // The Tsar, The Empire, and The Nation. Dilemmas of Nationalization In Russia's Western Borderlands, 1905–1915 / Ed. D. Staliūnas, Y. Aoshima. Budapest; New York: CEU Press, 2021. P. 327–356.

объеме, то есть с регионами, где большинство населения составляли литовцы) в часть не только империи, но и русской «национальной территории». «Губернии от Польши присоединенные» стали Западной Русью (Россией), или Западным краем. Концепция, провозглашавшая этот край «исконно русскими землями», стала частью официального и публичного дискурса, и, казалось бы, вместе с К.Брюггеманном (работа о Прибалтийских губерниях¹¹⁰⁸) можно утверждать, что символическое «обрусение» края прошло успешно. Однако все дискурсивные практики, ставшие частью официальной риторики, с трудом принимались за истину даже адептами «русского дела», не говоря уже о недоминирующих национальных группах. Имперские власти столкнулись с трудно-разрешимой проблемой. Вместе с местной русской интеллигенцией власти боролись с польским историческим нарративом, провозглашавшим этот край составной частью Польши, но не решились при этом уделить большего внимания истории Северо-Западного края, поскольку боялись возможного роста регионального самосознания¹¹⁰⁹. Новое исследование литовского историка Йолиты Мулявичюте (Jolita Mulevičiūtė) показало, что Северо-Западный край, несмотря на провозглашение его официальной идеологией «исконно русскими землями», не стал объектом

1108 Brüggemann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. S. 442.

1109 Сталюнас Д. Северо-западный край в ментальных картах имперских властей и недоминирующих этнических групп // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение / Ред. Е.Болтунова и В.Сандерленд. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 246–268.

экскурсий, не попал в туристические путеводители и учебники. Неуверенность в принадлежности этого края к ареалу русской культуры превратила его в место транзита, в своеобразную серую зону¹¹¹⁰.

Определенный, пусть и не полный успех мы видим в случае политики России в отношении белорусов. «Отставание» белорусского национализма, то есть более слабая социальная база этого движения в начале XX века, лишь несколько периодических изданий на белорусском языке, среди которых только одно — «Наша ніва» (1906–1915) — просуществовало дольше нескольких лет, достаточно позднее (конец Первой мировой войны) формулирование идеи национального государства и, наконец, неспособность воспользоваться послевоенной неразберихой и создать национальное государство были определены несколькими факторами¹¹¹¹. Обычно историки указывают на следующие причины: отсутствие «своей» социальной элиты, культурная и языковая близость великороссам, низкий уровень письменной культуры, экономическая отсталость края, отсутствие высшей школы, отсутствие своего «Пьемонта», как у украинцев в Галиции (Австро-Венгрии),

1110 Mulevičiūtė J. To Sense an Empire: Russian Education Policy and the Origins of Mass Tourism in the Northwest Region // *The Tsar, The Empire, and The Nation. Dilemmas of Nationalization In Russia's Western Borderlands, 1905–1915* / Ed. Y. Aoshima. Budapest; New York: CEU Press, 2021. P. 251, 254–257.

1111 О белорусском нациестроительстве см.: Гімжаўскас Э. Беларускі фактар пры фармаванні літоўскай дзяржавы ў 1915–1923 гг. Беласток; Вільня, 2012; Rudling P.A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2014.

поскольку все белорусы оказались под властью Российской империи. Несмотря на существование исторических интерпретаций, утверждающих, что русско-польское противостояние создавало своеобразную нишу, позволившую кристаллизоваться украинской, белорусской и литовской нациям¹¹¹², большее количество аргументов указывает на то, что антипольская политика и политика «обрусения» стали одними из важнейших причин указанного «отставания». Проводившаяся Россией аккультурационная и ассимиляционная политика, не допускавшая белорусский язык в школы, церкви и общественные учреждения, упразднившая униатскую церковь, которая потенциально могла стать «национальной» церковью белорусов, то есть той, которая могла выделять их среди других соседних народов и служить важным маркером белорусской инакости как в отношениях с русскими (православными), так и с поляками (католиками), была одной из наиболее серьезных, а возможно, и самой серьезной помехой формирования белорусской нации¹¹¹³. Поэтому можно говорить о том, что в восточной части Северо-Западного края, где наиболее многочисленной была этноконфессиональная группа белорусов-православных, национальная политика Российской империи была отчасти успешной. Последствия этой политики для

1112 Горизонтов Л.Е. Русско-польское противостояние XIX — начала XX веков в геополитическом измерении // *Japanese Slavic and East European Studies*. 2003. Vol. 24. С. 125.

1113 Радзік Р. Прычыны слабасці нацыятворчага працэсу беларусаў у XIX–XX // *Беларускі гістарычны агляд*. Т. 2. Сш. 2. Сьнежан, 1995. С. 195–227; Radzik R. Białorusini między Wschodem a Zachodem. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. S. 51–52.

других недоминирующих групп власти Российской империи порадовать не могли.

Как уже было сказано, ассимиляция поляков не была приоритетом властей Российской империи. Поэтому активная деятельность польского общества в начале XX века и преобладавшее в польской среде представление о Польше «в границах 1772 года», предполагавшее включение исторических земель Великого княжества Литовского в состав будущего независимого польского государства, не может трактоваться как политическая неудача Российской империи. Большинство трезво мыслящих российских деятелей хорошо понимали, что поляков перевоспитать не удастся. Степень успешности решения «польского вопроса» в Северо-Западном крае может измеряться в соответствии с тем, насколько властям удалось минимизировать польское влияние в регионе, «защитить» крестьянство от «полонизации». Определенные достижения имели место прежде всего в сфере землевладения. По подсчетам В. Родкевича, количество земельных угодий, находившихся под управлением польских дворян, с 94% в 1860-х годах к 1897 году упало до 51%¹¹¹⁴. Исследование Тамары Байрашаускайте (Tamara Vairašauskaitė) показало, что с 1864 по 1901 год в трех «литовских» губерниях количество землевладельцев «непольского происхождения» увеличилось с 499 до 4033, а количество землевладельцев «польского происхождения», как

1114 Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin: Scientic Society of Lublin, 1998. P. 127.

и количество находящихся в их управлении земель, уменьшилось почти на треть¹¹¹⁵.

При этом некоторые меры «деполонизации», напротив, увеличивали аккультурацию и ассимиляцию недоминирующих этнических групп в польское общество. Запрет литовской печати в традиционной графике в 1865–1904 годах и насильственное введение кириллицы привело к тому, что в Виленской губернии говорившие на литовском языке католики были вынуждены пользоваться польскими молитвенниками. Религиозной литературы на литовском языке, напечатанной в кириллической графике, было немного, кроме того, католики воспринимали кириллицу как графику православия, то есть с подозрением. При этом запрета на распространение польской религиозной литературы не было, поэтому условия полязиковой ситуации, характерные для окрестностей Вильны, способствовали распространению литературы на польском языке, прежде всего религиозной, что вело к вытеснению литовского и распространению польского разговорного языка¹¹¹⁶. В конце XIX века некоторые высокопоставленные местные чиновники были уверены, что запрет литовской печати в латинской графике ведет к росту солидарности поляков и литовцев и снижает возможности властей оказывать

1115 Bairašauskaitė T. Bajorų dvaras keičia savininką. Vilniaus, Kauno ir Gardino gubernijų dvarų likimai 1863–1914 metais. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2018. P. 155.

1116 Merkys V. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m.

влияние на политическую ориентацию литовского населения¹¹¹⁷.

Еще одна область, в которой применявшиеся властями меры «деполонизации» не принесли желаемых результатов, — преподавание Закона Божьего белорусам после революции 1905 года. Власти Северо-Западного края стремились к преподаванию этого предмета в государственных школах «русским» на русском языке, но, поскольку изначально решение вопроса о «родном языке» учеников было отдано родителям, преподавание велось на польском языке. После того как в 1912 году порядок был изменен и решение вопроса о родном языке было передано сотрудникам ведомства просвещения, власти, казалось бы, восстановили свое влияние, но священники перестали приходить на занятия, и преподавание Закона Божьего часто перемещалось за рамки школьного образования, оставаясь в руках священников и их доверенных лиц — с точки зрения властей в руках поляков. То есть католические священники обладали гораздо большим влиянием на католиков-белорусов, чем представители имперских властей. Эти примеры показывают, что имперским властям не удалось остановить «полонизацию» ни во второй половине XIX века, ни после революции 1905 года. И действия самих имперских властей также говорят о понимании того, что «деполонизация» этого края не удалась.

Красноречивым свидетелем поражения в борьбе за национальную самоидентификацию белорусов может считаться и решение центральных властей не включать белорусов-католиков в «русскую» курию на выборах в Государственную

1117 Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla / Sud. A. Tyla. Vilnius: LII leidykla, 2004. P. 225, 229, 237–238.

думу. Закон о выборах в Думу от 3 июня 1907 года предусматривал выбор русскими жителями Ковенской и Виленской губерний своих представителей в отдельной «русской» курии, право голосования в которой получили лица «русского происхождения» и православного, лютеранского или староверческого вероисповедания. Просьбы местных чиновников включить в список избирателей и белорусов-католиков оказались тщетными. Несмотря на то что премьер-министр и министр внутренних дел П.А.Столыпин согласился с аргументом о принадлежности к русской нации белорусов-католиков, «не имеющих ничего общего с лицами польской национальной группы» и способствовавших усмирению «польского мятежа» 1863–1864 годов, он категорически не согласился с предоставлением белорусам-католикам возможности голосования в «русской» курии. Наряду с формальными причинами П.А.Столыпин усматривал опасность в том, что благодаря многочисленности белорусов-католиков именно представитель этой группы может быть выбран как представитель русского населения, то есть русских будет представлять католик и тогда русские останутся без «правильного» представителя. То есть у католика, несмотря на его этническое происхождение, используемый в быту язык и самоидентификацию, не было никаких шансов попасть в «русскую» курию¹¹¹⁸. Кроме того, П.А.Столыпин фактически признал, что доверять белорусам-католикам так, как русским, нельзя.

1118 Staliūnas D. The Identification of Subjects According to Nationality in the Western Region of the Russian Empire in 1905–1915 // *Ab Imperio*. 2020. № 3. P. 56–57.

Существуют и другие косвенные доказательства неудач политики «деполонизации». Во введении к книге я отмечал, что с середины XIX века вплоть до конца существования империи во всем Северо-Западном крае не было ни одной высшей школы, а в трех «литовских» губерниях не были введены земства, и все лишь потому, что имперские власти сомневались в возможности оградить эти институты от польского влияния. В Северо-Западном крае власти не открывали университет еще и потому, что опасались возможного влияния в университете и революционно настроенных евреев. «Обрусение» этой этноконфессиональной группы также оказалось связанным с труднопреодолимыми препятствиями.

Потенциально евреи были «имперской нацией»: они не ставили перед собой никаких сепаратистских целей, не проектировали ни пяди империи как своей «национальной территории», получившая светское образование часть этой этноконфессиональной группы стремилась к аккультурации в российское общество¹¹¹⁹. Однако правящей элите империи рациональные решения «еврейского вопроса» давались с трудом, особенно после того как в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой России пришлось столкнуться с огромным числом евреев — в конце XIX века в Российской империи проживало более половины всех евреев мира. Препятствия при выборе места жительства, обучении в высшей школе, занятии определенной профессиональной деятельностью, доступе к государственной и военной службе и другие дискриминационные меры вели к росту среди евреев недовольства существую-

1119 Klier J.D. Why were Russian Jews not Keisertreu? // *Ab Imperio*. 2003. № 4. С. 43.

щим режимом. Несмотря на то что, как показывают исследования последних десятилетий, власти не принимали участия в подготовке и не санкционировали еврейские погромы, начавшиеся в первые годы 1880-х и постоянно повторявшиеся в дальнейшем массовые всплески направленного против евреев насилия воспринимались ими как последовательная антиеврейская политика правительства. Существование черты оседлости привело к большой концентрации еврейского населения, особенно в городах и местечках, что в урбанизированных пространствах означало тяжелое материальное положение большей части евреев. Все эти обстоятельства предопределили непропорционально большое участие евреев и лиц еврейского происхождения (многие из которых разорвали все связи с еврейской общиной и не идентифицировали себя с евреями) в русском революционном и оппозиционном движении. Министр внутренних дел В.К.Плеве, утверждая, что в масштабах империи 40%, а на западных окраинах 90% революционеров были евреями, сильно сгустил краски, но не ошибался с точки зрения тенденции¹¹²⁰. Черта оседлости не только увеличивала уровень бедности и уменьшала возможности мобильности для еврейской общины, но в то же время способствовала сохранению замкнутости этой этноконфессиональной группы, то есть сохранению этнокультурной обособленности¹¹²¹. Особенно сильными и массовыми были различные политические еврей-

1120 Klier J.D. Why were Russian Jews not Keisertreu? С. 42.

1121 Каменский А. «Царство разума» и «еврейский вопрос»: Как Екатерина II вводила черту оседлости в Российской империи // <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/history/kamenskij-carstvo-razuma-i-evrejskij-vopros.htm> (просмотрено 2 апреля 2021).

ские течения в Литве, поскольку здесь, как отмечал Давид Фишман (David Fishman), у общественно активных евреев было не слишком много возможностей присоединиться к русским политическим силам, поскольку численность русских была незначительной, а усилившееся с середины XIX века влияние на еврейское сообщество русской культуры и русского языка не позволяло интегрироваться в польское общество, поэтому евреи на бывших землях Великого княжества Литовского массово объединялись в еврейские политические организации¹¹²². И еврейские национальные организации (сионисты, Бунд и другие), и различные общеимперские оппозиционные, в особенности левые, движения, в которых активное участие принимали и евреи, были важным дестабилизирующим империю фактором. Поэтому можно утверждать, что поставленная властями цель защитить христианское общество от предполагаемого негативного влияния евреев, с точки зрения самой власти, не была достигнута.

Что касается второй цели — «исправления» евреев, в последний период существования империи правящая элита на этот счет питала все меньше иллюзий. Порог «отверженной ассимиляции» только рос. После революции 1905 года появился ряд новых ограничивающих права евреев указов, в которых основным маркером принадлежности к еврейству была уже не религия, но этническое происхождение, поэтому в некоторых областях дискриминировались и сменившие вероисповедание,

1122 Fishman D. From Shtadlanut to Mass Parties: Jewish Political Movements in Lithuania // The History of Jews in Lithuania. From the Middle Ages to the 1990s / Ed. V.Sirutavičius, D.Staliūnas, J.Verbickienė. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2020. P. 216–233.

иногда даже в тех случаях, когда конвертитами были их предки¹¹²³. С началом Первой мировой войны положение евреев стало еще более тяжелым, особенно после того как евреи *in cogrope* были обвинены в нелояльности и выселены из прифронтовой зоны¹¹²⁴.

Литовцы в масштабах империи не представляли такой серьезной проблемы, как евреи, но и в этом случае политику «обрусения» в большей степени можно считать неудачной. Начавшаяся в конце XIX века бюрократическая переписка о целесообразности продолжения запрета литовской печати в традиционной графике показала, что часть высокопоставленных российских чиновников предлагала отозвать эту дискриминационную меру, поскольку выяснилось, что «обрусение» литовцев не удалось. Ученый комитет Министерства народного просвещения констатировал, что в результате запрета «оказалось, что этим способом были достигнуты результаты прямо противоположные и население, обыкновенно мирное и покорное, доведено почти до мятежа»¹¹²⁵. Еще отчетливее справедливость такой интерпретации стала видна во время революции 1905 года, когда те территории, где значительную часть насе-

1123 Левин В. Российское еврейство накануне Первой мировой войны // История еврейского народа в России / Ред. И.Барталь. Т. 3: От революций 1917 года до распада Советского Союза / Ред. М.Бейзер. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2017. С. 15.

1124 Гольдин С. «Принять исключительные меры...» Русская армия и евреи. 1914–1917. М.: Мосты культуры, 2018.

1125 *Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla* / Sud. A.Tyla. Вильнюс: Институт истории Литовской академии наук, 1973. Р. 91.

ления составляли литовцы (Ковенская губерния, часть Виленской губернии и Сувалкская губерния Царства Польского), охватила не только социальная, но и национальная революция. Не горстка интеллигентов, но широкие массы крестьян массово изгоняли из литовских деревень русских учителей и чиновников¹¹²⁶, и состоявшийся в конце 1905 года в Вильне Литовский съезд, позже названный Великим Вильнюсским сеймом, на который собрались 2 тысячи представителей, потребовал территориальной автономии Литвы в этнографических границах¹¹²⁷. Важно и то, что требование территориальной автономии было подкреплено историческими аргументами: литовский народ имеет право на политическую автономию, поскольку до конца XVIII века он имел свое государство — Великое княжество Литовское, то есть такую аргументацию можно было без особого труда использовать и для обоснования права на независимое литовское государство, но такое требование на съезде 1905 года не прозвучало и не могло прозвучать, поскольку этот съезд был легально проходившим мероприятием в «столице» Северо-Западного края, поэтому трезво мыслявшие литовские общественные деятели прекрасно понимали, чем могло закончиться публичное объявление требования создания независимого национального государства. Тем более что многим из организаторов съезда в дальнейшем и так пришлось скрываться. При этом необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX века литовская интеллигенция создание независимого государства считала делом будущего, предполагая, что для достижения этой цели требуется благоприят-

1126 Tyla A. 1905 m. revoliucija Lietuvos kaime. Vilnius: Mintis, 1968.

1127 Motieka E. Didysis Vilniaus seimas. Vilnius: Saulabrolis, 1996.

ное международное стечение обстоятельств, например война¹¹²⁸.

Формулирование уже в конце XIX века как цели национального движения создания независимого государства и массового участия литовских крестьян в национальной революции 1905 года диссонирует с встречаемыми в исторической литературе утверждениями о том, что, за исключением поляков, не было ни одной национальной группы, стремившейся выйти из состава Российской империи¹¹²⁹. Действительно, утверждения о массовости литовского национального движения и о формулировании его цели, предполагавшей создание национального государства, может казаться маловероятным предположением, особенно принимая во внимание то, что в масштабах империи литовскоговорящее общество того времени — в большинстве своем крестьяне и немногочисленная интеллигенция, у которой часто не было возможностей работать в Литве. Притом что в соседнем Прибалтийском крае также получившие массовый характер эстонское и латышское национальные движения сформулировали идею создания независимых национальных государств только во время Первой мировой войны, в более ранние годы такие идеи появля-

1128 Staliūnas D. Nacionalizm litewski przed pierwszą wojną światową — aspiracje polityczne i granice wyobrażonej Litwy // Imperia, narody i społeczeństwa Europy Wschodniej i Środkowej na progu Pierwszej wojny światowej / Red. A.Nowak. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2016. S. 263–278.

1129 Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Ред. И.Герасимов. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 460, 499–500.

лись редко и большой роли не играли¹¹³⁰. И все же литовский случай можно объяснить определенными конкретными обстоятельствами.

Немецкий историк Рудольф Яворский (Rudolf Jaworski) заметил, что различные практики национальной политики в трех империях, разделивших между собой Польшо-Литовское государство, — в России, Австрии (Австро-Венгрии), Пруссии (Германии) — вызвали и различные формы польского национального сопротивления. Безоглядные репрессии и дискриминация в Российской империи вызвали сильные революционные и бескомпромиссные движения, ориентированные на вооруженную борьбу. Систематически проводившаяся в империи Гогенцоллернов политика нивелирования национальностей вызвала такую же систематическую и целенаправленную практику укрепления национальных польских институтов. При этом проводимая в империи Габсбургов вплоть до начала Первой мировой войны практика сотрудничества с польской элитой создала ситуацию, при которой в польском обществе Галиции сильные позиции принадлежали консервативному течению¹¹³¹. Проводимая Российской империей политика «обрусения» литовцев на западных окраинах империи была одной из наиболее дискриминирующих практик по отноше-

1130 Об одной из ранних идей независимости Латвии см.: Ijabs I. Break Out of Russia: Miķelis Valters and the National Issue in Early Latvian Socialism // *Journal of Baltic Studies*. 2012. 43:4. P. 437–458.

1131 Jaworski R. Das geteilte Polen (1795–1918) // Rudolf Jaworski, Christian Lübke, Michael G.Müller: Eine kleine Geschichte Polens. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 270–271.

нию к недоминирующим этническим группам, если не принимать в расчет входивших в состав триединой русской нации белорусов и украинцев. У формирующейся литовской интеллигенции, которая не могла публиковать никакие издания на литовском языке в традиционной графике, не могла работать ни в каком государственном учреждении в родном крае и которая как исповедавшая католическую веру дискриминировалась вместе с «лицами польского происхождения», практически не было других возможностей, кроме формирования радикальных политических программ. Контрабандным путем в Российскую империю переправлялись напечатанные в Пруссии (после 1870–1871 годов — Германской империи) книги, газеты, журналы, прокламации, избегавшие имперской цензуры, что также благоприятствовало развитию радикальных политических устремлений. Эту враждебность усилила и царская политика в области просвещения, когда литовский язык был вытеснен из процесса обучения в Северо-Западном крае. Враждебность литовцев по отношению к Российской империи увеличивали и жесткие меры властей, направленные против католической церкви. Такие меры убеждали католическую общественность в стремлении властей превратить всех в православных¹¹³². Брутальность политики «обрусения», ко-

1132 Одна из причин достаточно далеко продвинувшейся в Пруссии (Германии) аккультурации литовцев в немецкую культуру и лояльности большинства прусских литовцев кайзеру была связана с тем, что в Пруссии литовцы и немцы принадлежали к одной и той же конфессии. См.: Pocytė S. Mažlietuviai Vokietijos imperijoje 1871–1914. Vilnius: Vaga, 2002. Параллельно, конечно, действовали и другие факторы, способствовавшие формированию лояльности к кайзеру: прусские литовцы никогда не были

нечно, была лишь одним из факторов, способствовавших достаточно раннему появлению идеи независимого национального государства в программе литовского национализма. Важными были и претензии польского национального движения на Литву как составную часть польского «национального тела», и в этой ситуации литовские общественные деятели были вынуждены четко артикулировать и литовское национальное устремление к созданию независимого государства. Сторонники «русского дела» в 1860-х годах не могли себе представить, что это «племя» в начале XX века станет общественной силой и сформулирует четкие политические цели.

Таким образом, обобщая, можно утверждать, что в Литве большинство мер национальной политики, направленных на «обрусение», «исправление», «слияние» или «сближение» нерусского населения, оказались безрезультатными либо привели к совсем не тем результатам, на которые надеялись российские власти. Часто причины этих неудач были связаны с наличием «дискурсивных капканов», то есть с неспособностью различать идеологически сконструированный образ региона и его жителей от реальности. В других случаях мы наблюдаем игнорирование определенных важных обстоятельств, что случилось, например, с запретом на литовскую печать в традиционной графике, когда оказались «забыты» прусские ли-

подданными какого-либо другого государства, то есть не было традиций какой-либо иной государственности. Важным аспектом было и гораздо лучшее экономическое положение Восточной Пруссии по сравнению с Северо-Западным краем в Российской империи, что также уменьшало степень привлекательности политических идей, приходящих из соседнего государства.

товцы и не просчитана возможность печатать в Пруссии и нелегально переправлять в Россию литовские книги, отпечатанные в привычной латинской графике. Иногда имперским чиновникам недоставало последовательности. Так, например, случилось при осуществлении политики «деполонизации»: в то время, когда печать на литовском языке в традиционной латинской графике была запрещена, было разрешено печатать и распространять книги на польском языке. Список таких ошибок, недосмотров, непоследовательности и плохого планирования можно продолжать достаточно долго, но были и более важные — более общие проблемы.

В конце XVIII — начале XIX века Россия вместе с союзниками уничтожила большое европейское государство, но нигде не исчезла образованная часть общества Речи Посполитой, хранившая память о своем государстве и вынашивавшая идеи его воссоздания, которые наиболее ярко проявились во время «польских» восстаний. Эти, как их называли официальные российские чины, «мятежи» вызвали политику «деполонизации» или «обрусения» и гравитацию России в направлении «нацио-нализирующей империи». При этом национализм на службе империи, может быть, и мог консолидировать доминировавшее этническое сообщество в ядре империи, но действовал как антиимперское оружие в отношении нерусских народов¹¹³³. Не только наказания участников восстаний и других

1133 Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Ред. И.Герасимов. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 229, 285; The Tsar, The Empire, and The Nation. Dilemmas of Nationalization In Russia's Western Border-

акций неповиновения, но и систематическая дискриминация нерусских подданных императора при осуществлении националистической национальной политики вела к росту недовольства Российским государством среди поляков, литовцев, евреев и подталкивала их к участию в оппозиционных движениях. Создавался «роковой круг» (вспомним слова П.В.Веревкина)¹¹³⁴.

Был ли выход из этого тупика или, иначе говоря, могла ли какая-либо другая стратегия национальной политики принести успех властям Российской империи? Повторюсь, речь идет не об основанной на силе возможности Санкт-Петербурга сохранить западные окраины в составе Российской империи, но о способности реализовывать другие цели, прежде всего способствующие росту лояльности подданных. Дж.Д.Клир считал, например, что евреи Российской империи могли стать *Kaisertreu* (верноподданными), какими были их братья по вере в Австро-Венгрии, если бы российские власти проводили другую, менее дискриминационную политику¹¹³⁵. Схожим образом проблему формулировал и Доминик Ливен (*Dominic Lieven*), сравнивая политику России на Украине и политику

lands, 1905–1915 / Ed. Y.Aoshima, D.Staliūnas. Budapest; New York: CEU Press, 2021.

1134 Структурные проблемы империи Романовых (слабо развитая система образования, медленные темпы урбанизации и т. п.) также были важными преградами для политики ассимиляции, аккультурации и даже интеграции, но эти аспекты в книге не обсуждались, поэтому и здесь они подробно не рассматриваются.

1135 Klier J. D. Why were Russian Jews not *Keisertreu*? С. 41–58.

Великобритании в Шотландии. Сначала британский историк развивает мысль о том, что менее репрессивная политика Лондона представляет собой пример успешной интеграционной политики, поскольку шотландцы были довольны тем, что они входят в состав империи, в то время как украинское национальное движение приобрело антирусский характер, но позже Д.Ливен отмечает, что другую национальную политику в отношении украинцев в условиях существовавшего режима представить себе достаточно трудно, кроме того, эта политика не была слишком неуспешной. Именно репрессивная политика России была одной из важнейших причин, не позволивших украинцам создать свое национальное государство после Первой мировой войны¹¹³⁶.

При рассмотрении ситуации, сложившейся в Северо-Западном крае после 1863 года, то есть в период, который рассматривается в этой книге, мы видим, что правящая и интеллектуальная элита России не раз обсуждала различные иные, не националистические рецепты национальной политики, а в течение нескольких лет после начала революции 1905 года многие действия властей, по сути, соответствовали модели имперской национальной политики, то есть такой, при которой лояльность нерусского населения Российской империи предполагалось обеспечить не подавлением, но толерантным отношением к культурам недоминирующих этнических групп. Однако, как я пытался показать в третьем разделе этой книги, переход к такой модели национальной политики был кратковременным. С предложениями отказаться от репрессий и от националистической национальной политики к имперским

1136 Lieven D. The Russian Empire and Its Rivals. P. 281.

властям постоянно обращались и представители недоминирующих этнических групп.

Еще в 1863 году один из предводителей восстания в Литве католический священник Антанас Мацкявичюс (Antanas Mackevičius) объяснял, как должна вести себя Россия, если она стремится к спокойствию в этом крае: «Почему Литва склоняется к Польше? Потому что к ней она присоединилась не по принуждению, но по своей воле. А разве с Россией этого не могло бы быть? Дайте Литве права, дайте наместника — пусть какой-нибудь князь поселится в Вильне, и тогда спросите: с Польшей или с Россией хочет быть (Литва)? Насилием вы ничего не добьетесь. Постоянно будут волнения, восстания»¹¹³⁷. В более поздние периоды мы можем наблюдать систематические попытки придерживавшихся правых взглядов литовских общественных деятелей убедить различных представителей властей в необходимости прекратить дискриминацию литовцев и позволить им свободно развивать свою культуру и таким образом ослабить польское влияние в крае. Лидеры еврейского ортодоксального лагеря пытались стать союзниками имперского режима и убедить власти упразднить или хотя бы уменьшить дискриминацию евреев¹¹³⁸. Часть этих

1137 Mackevičius A. *Laiškai ir parodymai / Sud. O. Maksimaitienė, R. Strazdūnaitė*. Vilnius: Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas, 1988. P. 78 (письмо написано на польском языке).

1138 Левин В., Лурье И. Формирование еврейской ортодоксальной политики // История еврейского народа в России / Ред. И. Бартадь. Т. 2: От разделов Польши по падению Российской империи, 1772–1917 / Ред. И. Лурье. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2012. С. 395–396.

предложений предполагала незначительные коррекции национальной политики, которые существенно не меняли отношения империи и недоминирующих этнических групп. При этом другие предусматривали радикальные перемены, которые могли привести Россию к определенному сходству с империей Габсбургов. Такой сценарий был менее вероятен, поскольку противоречил политической традиции российской государственности, кроме того, среди правящей и интеллектуальной элиты доминировало критическое отношение к Австро-Венгрии, которую считали слабым государством¹¹³⁹.

В середине XIX века некоторые влиятельные русские публицисты предлагали отказаться от Царства Польского и оставить только «исконно русские земли», решив таким образом вызывавший у Санкт-Петербурга наибольшее количество проблем «польский вопрос»¹¹⁴⁰. Один из последних министров иностранных дел Российской империи Сергей Дмитриевич Сазонов считал Царство Польское абсолютно инородным телом: «Непримиримо враждебная России Польша внедрялась в ее состав и значительно ослабляла ее политически, сыграв роль нароста или грыжи в нормальном до этого времени организме Русского Государства»¹¹⁴¹. Однако, насколько известно, никто из членов правящей элиты империи серьезно такого сценария не рассматривал и в условиях господства

1139 Lieven D. *The Russian Empire and Its Rivals*. P. 277–278.

1140 Głębocki H. *Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*.

1141 Сазонов С.Д. *Воспоминания*. М.: Международные отношения, 1991. С. 372; Горизонтов Л.Е. *Русско-польское противостояние XIX — начала XX века в гео-политическом измерении*. С. 108.

менталитета «великой державы» рассматривать не мог. Кроме того, можно абсолютно не сомневаться в том, что независимое польское государство за границами Российской империи или эта территория в составе менее репрессивных Германской или Австро-Венгерской империи представляли бы для Санкт-Петербурга не меньшую проблему — доминировавшая в польском обществе идея польской «национальной территории», включавшей и исторические земли Великого княжества Литовского, моментально исчезнуть не могла.

Таким образом, присоединив в конце XVIII — начале XIX века имевшее многовековые традиции Польско-Литовское государство вместе с многочисленной еврейской общиной, неизвестной ранее правящей и интеллектуальной элите России, Санкт-Петербург создал целую серию дестабилизировавших империю на протяжении «долгого XIX столетия» национальных проблем, решение которых не было найдено вплоть до конца существования империи, но, может быть, это решение и невозможно было найти.